

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 11

Киров
2017

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор,
президент Вятского государственного университета, ORCID 0000-0002-2706-3904

Заместитель главного редактора

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор,
Вятский государственный университет, ORCID - 0000-0001-7421-0615

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент,
Вятский государственный университет, ORCID 0000-0003-2271-3995

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, Вятский государственный университет, ORCID 0000-0002-4859-8553

Состав редакционной коллегии:

А. А. Печенкин, доктор исторических наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. И. Бакулин, доктор исторических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
Т. А. Закаурцева, доктор исторических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);
Д. А. Редин, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);
Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);
Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);
А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0001-8135-4043, ResearcherID Q-3185-2017;
В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0002-2880-8162;
Е. О. Галицких, доктор педагогических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
О. И. Колесникова, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0002-6159-6261;
Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);
D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);
E. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия), ORCID 0000-0002-8271-4909;
Н. Л. Шубина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);
Е. Н. Лагузова, доктор филологических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);
М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);
А. М. Дорожкин, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);
Е. С. Черепанова, доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);
Е. А. Счастливецова, доктор философских наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. А. Кутырев, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);
Л. Т. Ретюнских, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в «Роскомнадзоре»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Редактор **О. И. Коробкова**
Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**
Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Горюнова Т. А.</i> Язык как особая форма миропонимания в античной натурфилософии	6
<i>Каримов А. Р.</i> Вызов ситуационизма для эпистемологии добродетелей	10
<i>Павлов А. П.</i> Акторы социального автопойезиса (онтосоциальный подход)	16
<i>Тиховодова А. В.</i> Философский анализ особенностей российской модели электронной демократии	22
<i>Михельсон О. К., Поляков Н. С.</i> «Вперед, Бодхисаттва!» Восточные религиозные образы и концепты в русской рок-музыке	28
<i>Герасимова Л. А.</i> Факторы формирования и особенности развития социального капитала в современном российском обществе	33

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Курбенков В. А.</i> Порт как фактор освоения и развития экономической жизни Владивостока и областей России в период с 1862 по 1920 г.	37
<i>Казанков А. И.</i> Пересуды на завалинке: свои и чужие в повседневной культуре уральской провинции первой трети XX в.	43
<i>Масютин А. С.</i> Подпольная издательская деятельность социалистов-революционеров Вятской губернии (1904–1914 гг.)	53
<i>Бакулин В. И.</i> Человек и эпоха: Александр Бубликов о революции 1917 г. в России	60
<i>Печенкин А. А.</i> Потери генералов Красной Армии в 1941 г.	67
<i>Гончаров Г. А.</i> Социальная политика в 1941–1945 гг. и участие в ней молодежи (на материалах Кировской области)	72
<i>Титова Е. И., Трушкова И. Ю.</i> Старообрядческие иконы в быту населения Уржумского района Кировской области во второй половине XX в.	80
<i>Стожко Д. К., Стожко К. П.</i> Историческое образование в России	84
<i>Файзуллин С. А.</i> Проект укрупнения волостной сети Агрызского кантона Татарской АССР	92

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Калинин А. А.</i> Советско-греческие отношения в 1951–1954 гг.: от конфронтации к нормализации	96
<i>Рычкова О. В.</i> «Кремлевские баталии» в оценках американских аналитических изданий, март – июнь 1953 г.	105
<i>Смольняк И. В.</i> Турция в либеральных конструкциях США в начале XXI в.	116
<i>Росина М. А.</i> Восточная Европа в американо-российских отношениях после 1991 г.	130

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ильченко Н. М., Киселева Е. В.</i> Роль эпиграфа к роману Н. И. Греча «Черная женщина»	140
<i>Поздеев В. А.</i> Отражение реалий и номинаций в традиционных формулах песен и баллад (по материалам сборника А. Васнецова «Песни северо-восточной России»)	145
<i>Крашенинникова Ю. А.</i> Реалии и их номинации в свадебных приговорах дружки	151
<i>Петрова Е. А.</i> Особенности индивидуально-авторского стиля Кингсли Эмиса (на материале романа «Счастливчик Джим»)	159

<i>Сегал Н. А., Сикстова И. А.</i> Зоонимичная лексика как источник метафоризации в медиатекстах (на примере ключевой единицы <i>лиса</i>)	165
<i>Дьячкова Е. С.</i> Производная основа как источник полусуффиксов в современном английском языке	169
<i>Александрова Т. А.</i> Эвфемизмы как культурно-поведенческая категория (на материале английского языка афроамериканского социально-этнического диалекта)	173
<i>Нурутдинова А. Р., Дмитриева Е. В.</i> Проблема изучения второго языка при разработке курса «Академический английский для магистров и аспирантов» (на примере обучения по естественным и техническим направлениям подготовки)	178
<i>Абдуллина Л. Р., Артамонова Е. В.</i> Особенности троллинга в интернет-комментариях к новостной статье (на материале французского языка)	185
<i>Трушков М. А.</i> Изучение семантики типичности: источники, методы, основные результаты	189
<i>Дубкова Ю. С.</i> Корреляция иноязычных основ (на материале композитов с заимствованными основами <i>авиа-</i> и <i>аэро-</i>)	195

CONTENTS

- Goryunova T. A.* Language as a special form of understanding the world in ancient natural philosophy
- Karimov A. R.* The challenge of situationism for epistemology of virtues
- Pavlov A. P.* Actors of social autopoiesis (antisocially approach)
- Tikhovodova A. V.* Philosophical analysis of the peculiarities of the Russian model of e-democracy
- Michelson O. K.* "Go, Bodhisattva!" Eastern religious images and concepts in Russian rock music
- Gerasimova L. A.* Forming factors and features of development social capital in contemporary Russian society
- Kurbenkov V. A.* Port as a factor of mastering and development of economic life of Vladivostok and regions of Russia in the period from 1862 to 1920
- Kazankov A. I.* Gossips on the bench: ours and others' in everyday culture of Ural province the first third of the XX century
- Masyutin A. S.* Underground publishing activities of socialist revolutionaries of Vyatka province (1904–1914)
- Bakulin V. I.* The man and the era: Alexander Bublikov about the 1917 revolution in Russia
- Pechenkin A. A.* The loss of the generals of the Red Army in 1941
- Goncharov G. A.* Social policy in 1941–1945 and the participation of young people in it (on materials of the Kirov region)
- Titova E. I., Trushkova I. Yu.* Old believers' icons in the everyday life of the population of the Urzhum district of Kirov region in the second half of the XX century
- Stojko D. K., Stojko K. P.* Historical education in Russia
- Faizullin S. A.* The project of consolidation of the rural municipality network of Agryz canton of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic
- Kalinin A. A.* Greek Soviet relations in 1951–1954.: from confrontation to normalization
- Rychkova O. V.* "The Kremlin battles" estimated by the American analytical publications, March – June 1953
- Smol'nyak I. V.* Turkey in the liberal structures of the USA in the early XXI century
- Rosina M. A.* Eastern Europe in American-Russian relations after 1991
- Ilchenko N. M., Kiseleva E. V.* The role of the role of the epigraph to the novel by N. I. Grech "Black Woman"
- Pozdeev V. A.* A reflection of the reality and nominations in the traditional formulas of songs and ballads (on materials of the collection of A. Vasnetsov "Songs of the North-Eastern Russia")
- Krashennikova Yu. A.* Realities and their nominations in the wedding groomsman sentences
- Petrova E. A.* The features of individual author's style of Kingsley Amis (based on the novel "Lucky Jim")
- Segal N. A., Sixtova I. A.* Zoonimic vocabulary as a source of metaphorization in media texts (for example, a key unit of fox)
- Dyachkova E. S.* The derived base as a source of semisuffixes in modern English
- Aleksandrova T. A.* Euphemisms as a cultural and behavioral category (on the material of English language of African-American socio-ethnic dialect)
- Nurutdinova A. R., Dmitrieva E. V.* The problem of studying a second language in the development of the course "Academic English for graduate students" (for example, studying on natural and technical directions of training)
- Abdullina L. R., Artamonova E. V.* Peculiarities of trolling in Internet comments to the news article (on the material of French language)
- Trushkov M. A.* The study of the semantics of the typicality: sources, methods, results
- Dubkova Yu. S.* Correlation of foreign language foundations (on the material of the composites with borrowed basics Avia and Aero)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 81:11«652»

Язык как особая форма миропонимания в античной натурфилософии

Горюнова Т. А.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Вятский государственный университет.
610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: tagorunova@inbox.ru

Аннотация: В статье прослеживаются истоки онтологического рассмотрения языка. Они связываются с античными теориями и спорами об имени, где проявляются процессы онтологизации языка. Здесь идет речь об имени, о его смысловой сущности, а также о связи между языком и восприятием мира как совокупности определенных дискретных вещей. Античные философы апеллируют к языку, чтобы показать, каким является мир в их представлениях. Они стремятся понять связь между существующим предметным миром и его языковым и речевым проявлением. В онтологическом смысле для языка необходимо бытие и присутствие человека, который именуется реальность вокруг. Мир, человек и язык существуют в данном случае в единстве и целостности.

Ключевые слова: язык, философия имени, античные теории, мир, космос, вещь, слово, человек, онтология.

Language as a special form of understanding the world in ancient natural philosophy

Goryunova T. A.

candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy,
Vyatka State University. 36 Moskovskaya St, 610000, Kirov.
E-mail: tagorunova@inbox.ru

Abstract: The article describes the origins of the ontological language understanding. These origins deal with ancient theories and disputes about the name identifying the processes of language ontologization. That entails the notion of the word, its concept and the relationship between the language and the world perception as the set of certain discrete things. Ancient Greek philosophers appeal to the language to show what the world is in their speculations. They try to understand the connection between the existing presentive world and its linguistic and language occurrences. Ontologically, the language requires existence, the presence of a human being naming the surrounding real world. In this context the world, human being and language exist in unity and integrity.

Keywords: language, name philosophy, ancient Greek theories, world, space, thing, word, human being, ontology.

В современных гуманитарных парадигмах не потерял своей актуальности глубинный, незамкнутый на проблемах структурной лингвистики онтологический подход к феномену языка, позволяющий осознать внутреннюю языковую сущность в единении с человеком и миром.

Язык трансформируется из семиотической системы и инструмента отражения реальности и констатации фактов, из способа выражения чувств и эмоций в духовную энергию и специфическую форму мировидения, созидающую и конструирующую действительность вокруг. Язык становится неотделимым от процессуальности человеческого бытия, ищущего смыслы и понимающего их, он опосредует отношение человека к миру вокруг.

Лингвистическое научное поле дополняется проблемами интерпретации и коммуникации, интерессубъективности. Здесь поднимаются и звучат вопросы о языковой реальности: мир как текст и язык как символический универсум, мироистолкование через язык, языковые способы конструирования действительности, язык как перформанс.

Надо обратить внимание на тот факт, что целостное рассмотрение человека, языка и мира возникает еще в античной натурфилософии, где язык выступает главным образом объектом фи-

лософского, а не лингвистического анализа. Древнегреческие мыслители исследуют связи между действительностью, вещью, мыслью и словом. Это объясняется их интересом к онтологической проблематике. Обращение к языковому материалу помогает натурфилософам проникать в суть бытия и постигать особенности познания действительности. В то же время взгляды философов на бытие определяют их подходы и к самому языку.

Поэтому цель данной статьи – показать в учениях греческих натурфилософов связь между их онтологическими и языковыми представлениями, где именование структурирует мир и способствует осмыслению бытия.

Изучением античной философии имени, а также анализом размышлений греческих мыслителей о вещи, о процессах именовании и о возможностях языка отражать мир занимались многие современные исследователи, например А. Ф. Лосев, В. М. Алпатов, О. А. Донских, Л. Г. Зубкова, В. В. Каракулаков, И. М. Троцкий. Онтологические концепции досократиков и их учения о бытии были рассмотрены В. П. Визгиным, П. П. Гайденко, А. Л. Доброхотовым, И. Д. Рожанским. Их исследования послужили отправной точкой для написания данной статьи.

Авторами отмечается, что слово и обозначаемый им предмет находятся в обоюдной связи. Действительность в Античности имеет чувственные предметные черты. Все существующее вокруг осмысливается как множество единичных вещей. Единство вещи осуществляется в ней самой, так как целое уже есть в ее частях. Вещь абсолютно самостоятельна, и, как пишет А. Ф. Лосев, она «в античности настолько всемогуща, что даже и боги оказываются не в состоянии создавать эти самодовлеющие вещи, когда эти вещи достигли своего предельного обобщения в виде чувственно-материального космоса» [1].

В результате такого понимания реальности и язык выступает как некое множество слов для обозначения и называния явлений и вещей окружающего мира. Под «вещью» здесь подразумевается «все, что может быть названо» [2]. Сама этимология лексемы «вещь» косвенно указывает на эту связь языка с предметным миром. Корень данной лексемы в древнеиндийском и греческом языках восходит к слову «говорить», а в латинском языке – к «голосу», «слову» [3].

В процессе языковой эволюции вначале слова передавали пространственно-временные характеристики вещей. Потом они стали показывать их свойства и признаки. И уже далее начали складываться языковые структуры, отражающие взаимоотношения между разными вещами. Такой механизм языкового развития связан с принципом транссубстанции слова и вещи, который встречается в древнем мифологическом мышлении. Суть этого принципа сводится к отождествлению слова и вещи, наделению их автономной сущностью и особыми силами [4]. Язык фиксирует субстанцию вещи, вокруг которой располагаются все ее свойства и признаки. Существование вещи осознается как факт. А уже потом человек выстраивает свои представления о сущем. Начинается этап символического выражения и освобождения языковых форм от чувственного восприятия.

Мир является как преданный через субъективное впечатление о нем с помощью мысли и языка. Чувственный опыт человека таким образом структурируется через язык еще до появления конкретных наук. И подобные классификация явлений, придающие миру единство, выражаются, как пишет Э. Кассирер, именно в мифических и лингвистических понятиях: «Язык – первая попытка человека артикулировать мир своих чувственных впечатлений» [5].

Один из конкретных способов систематизации впечатлений, благодаря которому чувственному и предметному содержанию придается языковое выражение, – это именование. Имя в ранней греческой философии является одним из ее смысловых центров, поэтому именно с его анализа натурфилософы начинают теоретическое осмысление феномена языка.

Проблема именовании у досократиков привела к возникновению разных точек зрения на процесс именовании и истинную природу имен, а в дальнейшем – к появлению в философии языка онтологического и конвенционального подходов к имени и сущности названного им предмета.

Онтологическое рассмотрение сути отношений между именем и вещью основывается на нахождении их внутреннего соответствия, то есть слова связаны с вещами изначально, по природе. Имя и предмет, им обозначаемый, соединяются естественной, природной связью. Это точка зрения Пифагора и Гераклита.

Конвенциональная трактовка сводит именование конкретных вещей и мира в целом к договоренности, заключенной людьми, или даже к человеческому произволу. Данный подход выявляется в текстах Парменида и Демокрита.

Проанализируем далее взаимосвязь взглядов на мир и теоретических воззрений на язык у представителей указанных позиций, обратившись к фрагментам из их текстов.

Прежде всего онтологически трактует внутреннюю природу имени пифагорейская школа. Данное учение наполнено сакральным и образным содержанием, но в нем можно выделить важ-

ную для нас идею. Пифагорейцы видят явления и вещи, человека и его душу через главенство числа, которому все в мире равно [6]. Они обретают в понятии числа совершенство бытия и высшую форму знания и мысли. Число становится своего рода ключом для открытия мироустройства. Этот ключ применяется и к словесному миру. Имя отвечает внутренней сущности обозначенного им предмета, это его «изображение» [7]. Числа руководят мирозданием, и, следовательно, имена также несут в себе отпечаток свойств чисел и передают их смысл.

Однако действительность и вещи в процессе именования могут получать неполное или искаженное освещение. Представители пифагорейского братства говорят о противоположностях, которые можно гармонизировать и достичь единства бытия с помощью выявления и именования противоположностей. Идеи о противоположностях и о достижении понимания истинной сущности вещей будут развиты Гераклитом Эфесским.

Гераклит говорит о естественной связи между именем и вещью. Слова созданы природой, они как в зеркале дают ее отражение [8]. Кроме того, он разрабатывает понятие Логоса, которое определяет все вещи: «Огненный Логос – то золото, которое заранее знает цену вещам» [9].

Существование материального мира для мыслителя предстает как вечное движение. Для того чтобы преодолеть изменчивость и несовершенство реальности, чтобы уйти от ошибочности чувств, надо погрузиться в глубину бытия. Таким глубинным измерением бытия у Гераклита становится Логос (Слово). В нем нивелируются все противоположности и противоречия материального мира.

Постигая внутреннюю сущность Логоса, греческий философ обращает свой умственный взор к языку. Логос через язык соединяет в себе как космическое начало, так и человеческие, антропологические свойства: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы узнать все как одно» [10]. Мы видим в Логосе соединение универсума, мысли и слова, а именно – онтологического и человеческого (антропологического) начал. Благодаря Логосу можно подняться от чувств и ощущений окружающего мира к символическому миру, к смыслам и представлениям. Через тысячелетия об этой особой антропокосмической сущности языка станет размышлять С. Н. Булгаков, обратившись к анализу Логоса-смысла в своей «Философии имени».

Вторую – конвенциональную – трактовку проблемы именования рассмотрим вначале на примере взглядов Парменида.

Он, отталкиваясь от фактов непостоянства вещей чувственного мира, считает, что люди сами произвольно дали вещам то или иное имя: «Люди же каждой из них (вещи. – Т. Г.) нарекли приметное имя» [11]. А раз их установили люди, опираясь на свое субъективное мнение, то они неистинны: «Смертные так порешили: назвать именами две формы, коих одну не должно – и в этом их заблужденье» [12].

В результате человек встает на ошибочный, стихийный путь мнения, противостоящий абсолютному совершенному бытию. Этот путь, согласно элеатам, ведет в нереальный, иллюзорный мир. В процессе именования слово и обозначенный им предмет становятся частью последнего. Язык и имя относятся, таким образом, к миру изменчивых преходящих вещей и смертных людей, где нет ничего истинного и постоянного.

Еще один представитель конвенциональной точки зрения – Демокрит. Он упорядочивает аргументы, опровергающие теорию природной связи имени и вещи. Мыслитель обосновывает появление языка вообще и имен в частности развитием человеческого общества. Разные именования вещей и явлений у людей появились случайно, а не в силу природных закономерностей. Объединения людей происходили независимо друг от друга в разных местах, и у них образовывались разные слова. Многообразие племен обусловило и многообразие языков. А коммуникативная потребность, по Демокриту, привела к появлению членораздельных слов и установлению имен для называния вещей.

Демокриту языковая система видится как схема, которая подобна его представлениям о мироустройстве, где чувства относятся к области договора: «Сладкое только считается таким, горькое только считается таким... в действительности же – атомы и пустота» [13].

Структура языка похожа на атомистическое устройство мира. Она представлена у Демокрита следующим образом: буква – слог – имя, имя – речение – предложение. Имя состоит из букв, как, например, вещь состоит из различных по форме атомов. Далее философом-атомистом помещается «речение» – словосочетание, а потом уже идет предложение – это целостное «сплетение имен» [14]. Если поменять местоположение атомов, то возникнет другой предмет. Аналогично и замена букв в словах видоизменяет их внешний вид и содержание. Получается, что в такой системе нет ничего постоянного, все произвольно и условно.

В заключение отметим, что в учениях натурфилософов, наполненных мифопоэтической традицией, язык уже предстает как феномен, тесно связанный с человеческой действительностью

стью и миром вокруг. Он через именование определяет и структурирует их смысловым способом. Язык помогает мыслителям Античности показывать, каков для них мир. В онтологическом смысле для языка здесь необходимы бытие и сам человек, именуемый окружающее пространство. Мир, человек и слово существуют неразрывно и целостно.

Примечания и список литературы

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. Кн. 1. М., 1992. С. 366.
2. Шнем Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на тему Гумбольта. М., 2009. С. 94.
3. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Вып. 3. М., 1968. С. 83–84.
4. Радченко О. А. Язык как мирозидание. М., 2006. С. 90.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 687.
6. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 149.
7. Язык и стиль античных писателей. Л., 1966. С. 97.
8. Там же. С. 98.
9. Биbihин В. В. Язык философии. М., 2002. С. 141.
10. Фрагменты ранних греческих философов. С. 199.
11. Там же. С. 298.
12. Там же. С. 297.
13. Лурье С. Я. Демокрит. Л., 1970. С. 220.
14. Троцкий И. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1939. С. 19.

Notes and References

1. Losev A. F. *Istoriya antichnoj ehstetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya : v 2 kn. Kn. 1* [History of antique aesthetics. The results of the millennial development: in 2 books. Book 1]. M. 1992. P. 366.
2. SHpet G. *Vnutrennyaya forma slova: EHtyudy i variacii na temu Gumbol'ta* [Internal form of words: Etudes and variations on Humboldt theme]. M. 2009. P. 94.
3. *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka* – Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 1. Issue 3. M. 1968. Pp. 83–84.
4. Radchenko O. A. *Yazyk kak mirosozidanie* [Language as world creation]. M. 2006. P. 90.
5. Cassirer E. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Favorites. The experience of the person]. M. 1998. P. 687.
6. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. CH. 1. Ot ehpichestkih teokosmogonij do vznikenoveniya atomistiki* – Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. From epic teocosmology to the emergence of atomic theory. M. 1989. P. 149.
7. *Yazyk i stil' antichnyh pisatelej* – The language and style of ancient writers. L. 1966. P. 97.
8. Ibid. P. 98.
9. *Bibihin V. V. Yazyk filosofii* [Language of philosophy]. M. 2002. P. 141.
10. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov* – Fragments of the early Greek philosophers. P. 199.
11. Ibid. P. 298.
12. Ibid. P. 297.
13. *Lurie S. J. Demokrit* [Democritus]. L. 1970. P. 220.
14. *Trockij I. Problemy yazyka v antichnoj nauke* [Problems of language in the ancient science] // *Antichnye teorii yazyka i stilya* – Ancient theories of language and style. M.; L. 1939. P. 19.

УДК 165

Вызов ситуационизма для эпистемологии добродетелей

Каримов А. Р.

доцент кафедры социальной философии, Казанский федеральный университет.
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 35. E-mail: anthropology.ksu@mail.ru

Аннотация: Выводы философских теорий все чаще ставятся под сомнение исследованиями конкретных наук. В данной статье исследуются аргументы против теории добродетелей, опирающиеся на эмпирические исследования. Цель статьи – показать, что эмпирические аргументы против эпистемологии добродетелей не являются решающим опровержением данной теории. В ходе рассуждения решаются следующие задачи: рассмотрение эмпирических аргументов против теории добродетелей в эпистемологии, анализ обоснованности этих аргументов; рефлексия над возможными ответами на данные возражения со стороны философии. В статье показано, что проблема ситуационной обусловленности моральных добродетелей распространяется также и на область интеллектуальных добродетелей. Если добродетели определяются как стабильные черты характера, то такое понимание опровергается современными эмпирическими исследованиями в психологии. Для этого используется методология социально-психологического эксперимента. В ряде экспериментов было продемонстрировано, что моральные поступки и интеллектуальные реакции в значительной степени зависят от случайных обстоятельств и конкретной ситуации. В ходе анализа этих экспериментальных данных используются методы интерпретации и концептуального анализа, сравнительный метод, метод аналогии. Исследуются основные стратегии ответа на вызов ситуационизма со стороны теории добродетелей. Локальный подход к интеллектуальным добродетелям предлагает предельно конкретизировать и индивидуализировать добродетели (К. Лепок). Однако добродетели должны быть глобальными. Обосновывается альтернативный вариант решения этой проблемы – понимание интеллектуальных добродетелей как недостижимого идеала, к которому, тем не менее, необходимо стремиться.

Ключевые слова: добродетели, интеллектуальные добродетели, эпистемология добродетелей, эпистемология, ситуационизм.

The challenge of situationism for epistemology of virtues

Karimov A. R.

associate professor of social philosophy, Kazan Federal University.
35 Kremlevskaya str., 420008, Kazan. E-mail: anthropology.ksu@mail.ru

Abstract: The conclusions of philosophical ideas are being questioned by the research of concrete sciences more and more often. The arguments against virtue theory based on empirical research are investigated in this article. The goal of the article is to show that empirical arguments are not decisive against virtue epistemology theory. To achieve this goal the following tasks are performed: the consideration of empirical arguments against the theory of virtues in epistemology, the analysis of justification of these arguments reflection on the possible responses to these arguments from philosophy. The article shows that the problem of situational determination of moral virtues also applies to the field of epistemic virtues. If virtues are defined as stable character traits, then such understanding is undermined by recent empirical research in psychology. To show this the methodology of social psychological experiment is used. The series of experiments showed that moral actions and intellectual reactions in large degree depend on accidental factors and particular situation. In analysis of these experimental data the methods of interpretation, conceptual analysis, comparative methods and analogy are used. Main strategies of response to the situationist challenge from virtue theory are analyzed. The localist approach suggests that virtues should be maximally detailed and concretized (K. Lepoch). But virtues should be global. The alternative version of solution to this problem is argued for, namely, that the intellectual virtues should be understood as unreachable ideal, to which we should nevertheless aspire.

Keywords: virtues, intellectual virtues, virtue epistemology, epistemology, situationism.

Одной из тенденций современной философии является натуралистический поворот – обращение к эмпирической науке. В социальной философии – к эмпирической социологии (например, гендерные исследования), в философии сознания – к когнитивной психологии и нейробиологии, в этике и эпистемологии – к социальной психологии и социологии знания. Иногда это движение инициируется самими философами, например программа «натурализованной эписте-

мологии» У. Куайна. Иногда это обращение со стороны частных наук или взаимное устремление представителей частных наук и философии, как в случае с философией сознания. В любом случае философский дискурс обогащается за счет привлечения конкретно-научных исследований. При этом иногда возникают конфликты между установленными философскими теориями и результатами, полученными в области частных наук. В качестве примера можно привести эксперименты Б. Либета, опровергающие идею свободы воли. На наш взгляд, философы в таком случае вынуждены реагировать на результаты данных экспериментов и встраивать их в свои теории. Подобная ситуация складывается в современных теориях добродетели, как в этике, так и в эпистемологии. В настоящей статье мы приведем данные ряда научных экспериментов из области социальной психологии, которые можно объединить под общим заголовком «ситуационистский вызов теории добродетелей». Эти аргументы изначально были направлены против этики добродетелей и позже были распространены на область эпистемологии, когда в последней также стали развиваться идеи теории добродетелей. Целью данной статьи является презентация данных аргументов и анализ основных реакций на эти аргументы со стороны философов. Как мы намереваемся показать, эти эмпирические аргументы недостаточно сильны для опровержения самой идеи интеллектуальных добродетелей.

В данной области исследования проводились, в основном, зарубежными исследователями. В области эмпирических исследований, посвященных влиянию ситуативных факторов на познание и поведение, необходимо отметить работы Б. Латейна, Дж. Дарли, И. Бонета, Б. Фрейя, Р. Бэрона, К. Дункера и др. В области этики изучением влияния эмпирических данных на теорию добродетелей занимались Дж. Дорис, К. Миллер и др. В области эпистемологии о проблеме ситуативности интеллектуальных добродетелей писали, в частности, М. Альфано и К. Лепок.

В статье мы опираемся на данные, полученные в ходе различного рода психологических экспериментов. Для их анализа используются методы интерпретации и концептуального анализа, сравнительный метод, метод аналогии.

Ситуационисты в области этики утверждают, что большинство людей не обладают чертами, которые можно назвать добродетелями в их традиционном понимании. В своем поведении и мышлении люди чувствительны к совершенно тривиальным и нормативно нерелевантным факторам конкретной ситуации, таких как, например, настроение, окружающий шум, запахи и даже погода. Если добродетельных людей очень мало, то проект объяснения поведения и мышления в терминах добродетелей кажется безнадежным предприятием. Данное возражение направлено против понимания добродетелей и как познавательных способностей, и как черт интеллектуального характера. Согласно эпистемологии добродетелей, *S* знает, что *p*, если он пришел к истинному убеждению, что *p*, благодаря проявлению интеллектуальной добродетели [1]. Поэтому если интеллектуальные добродетели так редки, как считает ситуационизм, тогда большинство людей знают очень мало.

Начнём с области этики. Моральные добродетели предполагают стабильную диспозицию поступать определённым образом: щедрые склонны помогать другим, справедливые – поступать справедливо и т. д. Однако психологи установили, что люди ведут себя по-разному в разных ситуациях: в присутствии посторонних или вне [2]; в зависимости от социальной дистанции между собой и другими людьми [3]; даже в зависимости от окружающих запахов и шумов [4]. В частности, было установлено, что субъекты, которые только что нашли монету в 10 центов, были в 22 раза больше расположены помочь женщине, уронившей документы (88% и 4%); что субъекты были в шесть раз больше расположены помочь человеку, явно нуждающемуся в помощи, если они не спешили куда-то (63% и 10%); что субъекты были в пять раз более расположены помочь пострадавшему человеку, если уровень шума был нормальный, чем когда поблизости работала мощная газонокосилка (80% и 15%) [5].

Один способ ответить на ситуационистский вызов – это предельная конкретизация и индивидуация добродетелей. Дж. Дорис, например, выделяет различные разновидности храбрости, например храбрость на поле боя, высотная храбрость, храбрость с дикими животными [6]. Он даже готов различать храбрость на поле боя в случае стрельбы из винтовки и храбрость на поле боя в случае артиллерийской стрельбы. Он утверждает, что этот принцип индивидуации есть «начало эмпирически адекватной теории». Возможно, что этот позитивистский подход более адекватен эмпирически, но его теоретическая адекватность вызывает сомнения.

Ситуационистский вызов к эпистемологии добродетелей Альфано формулирует как следующий набор из несовместимых посылок [7].

1. (Нон-скептицизм) Большинство людей знают достаточно много. (Отрицание радикального скептицизма).

2. (Эпистемология добродетелей) Знание есть истинное убеждение, приобретенное и сохраненное благодаря интеллектуальным добродетелям.

3. (Эпистемический ситуационизм) Большинство интеллектуальных черт человека не являются добродетелями, потому что они очень чувствительны к тривиальным и эпистемически нерелевантным ситуационным влияниям.

Поскольку, чтобы не впасть в радикальный скептицизм, необходимо утверждать 1, то остается выбор между 2 или 3.

П. 3 утверждает, что большинство людей не являются любознательными *simpliciter*, они любознательны в хорошем настроении, креативны в хорошем настроении т. д. Это значит, что у них отсутствует постоянная мотивация, которая требуется для интеллектуальных добродетелей.

Возражение ситуационизма можно распространить далее на область теории познания. Здесь следует выделить возражения против добродетелей низкого уровня и против добродетелей высокого уровня.

Что касается базовых познавательных способностей, то один из известных примеров когнитивного предрассудка приводится в исследованиях Тверски и Канемана, которые цитирует Альфано [8]. В ходе эксперимента испытуемым была дана некоторая информация о качествах женщины по имени Линда, из которых затем требовалось сделать вывод. В частности, были перечислены следующие качества Линды: ей 31 год, она не замужем, открыто выражает свое мнение, очень умна, закончила философский факультет, глубоко переживает за социальную справедливость и является участником движения против ядерной энергетики. После этого им предлагали ряд характеристик, которые необходимо было расположить в порядке наибольшего соответствия, по их мнению, Линде. В частности, предлагалось ранжировать отдельные характеристики, например «феминистка», «банковский работник» и конъюнкцию характеристик «банковский работник и феминистка». Вопреки тому рациональному соображению, что конъюнкция сама по себе менее вероятна, чем истинность отдельных членов конъюнкции, респонденты приписывали более высокую вероятность конъюнкции свойств, если одним из членов конъюнкции было свойство, которое является стереотипным для обладателя данных черт (в данном случае характеристика «феминистка» для выпускницы философского факультета, которая не замужем). Иными словами, стереотипы влияют на способность к базовому логическому выводу. А это ставит под сомнение надежность наших базовых познавательных способностей, таких как способность делать логические выводы.

Сходные возражения были выдвинуты относительно добродетелей высшего уровня. Исследователи предлагали респондентам решить различные задачи на когнитивную гибкость. В частности, испытуемым было предложено задание со свечой, которое известно в психологии как тест Дункера [9]. Предположим, что вам дают три предмета: книжечку картонных спичек, коробку с кнопками и восковую свечу. Задача заключается в том, чтобы закрепить свечу так, чтобы не пролился воск. Некоторые пытаются напрямую крепить свечку к доске с помощью кнопок или зажечь свечу и воткнуть ее в расплавленный воск. Ничего не выходит. Правильным решением является опустошить коробку из-под кнопок, закрепить ее кнопками на вертикальную доску и далее с помощью расплавленного воска закрепить свечу на такой подставке. Для решения этой когнитивной задачи необходимо догадаться, что на самом деле вам дали не три, а четыре предмета – коробка от кнопок и набор кнопок это два разных предмета. Было установлено, что те респонденты, которым давали шоколадку перед опросом, или те, кто посмотрел короткий комедийный ролик, показывали гораздо лучшие результаты в задачах на когнитивную гибкость [10]. Иными словами, они не были просто интеллектуально гибкими или креативными, они были интеллектуально гибкими в хорошем настроении.

Также исследователи провели следующий эксперимент [11]. Они пригласили ряд интернов для того, чтобы те правильно определили диагноз гипотетического пациента по описанию его состояния. Первой контрольной группе перед экспериментом дали небольшую шоколадку, второй дали прочитать документ о медицинской этике, третьей ничего не давали. Рассуждения интернов оценивали на скорость, точность и гибкость. Результаты исследования показали, что те, кому давали шоколадку, в целом решали задачу более быстро и с большей гибкостью, чем те, кому ничего не давали или давали прочесть документ по медицинской этике.

Должны ли мы разделять просто открытость ума и открытость ума по отношению к друзьям, и дополнительно открытость ума по отношению к друзьям в хорошем настроении? Добродетели – это качества, не просто способствующие познанию истины, но и заслуживающие похвалы. Вряд ли особо похвальным будет интеллектуальная любознательность только в хорошем настроении. Также как вряд ли будет похвальна моральная добродетель щедрости, если та проявляется только в хорошем настроении или после сытного обеда.

То же самое можно сказать про интеллектуальное мужество. Исследователи провели эксперимент, в котором показали, что люди в меньшей степени готовы отстаивать свою позицию, когда им возражает большинство [12]. Можно ли тогда выделить интеллектуальное мужество и отдельно интеллектуальное мужество при оппозиции со стороны трех человек, 10 человек, 100 человек и т. д.? Мнению скольких людей человек должен противостоять, чтобы считаться интеллектуально мужественным?

Локальный подход к интеллектуальным добродетелям допускает, по-видимому, Кристофер Лепок. Он, в частности, пишет:

«Предположим, что Квинси проявляет интеллектуальное смирение только в спокойных ситуациях, когда чувствует себя уверенно. Но когда он испытывает стресс, или на него оказывается давление, или после того, как критикуют его как личность, он возмещает это высокомерием. Квинси недостает добродетели смирения как она традиционно понимается, поскольку его смирение не является глобальной (robust) чертой характера. У него локализованная добродетель смирения – способность контроля, которая функционирует как смирение, но применяется в более узком наборе обстоятельств. Поскольку она распространяется на меньшее количество ситуаций, черта Квинси является менее ценной, чем глобальное смирение, но тем не менее важно ее идентифицировать и определить ее ценность. Например, Квинси может быть ценным для решения групповых проблем до тех пор, пока на него не оказывается давление или его не оскорбляют» [13].

На наш взгляд, локальный подход является неприемлемым. Автор данной статьи, например, считает себя, в целом, интеллектуально упорным человеком. Но только не тогда, когда сосед за стеной работает дрелью. В этом случае я сдаюсь. Следует ли отсюда вывод, что я обладаю локальной добродетелью «быть интеллектуально упорным, когда сосед за стеной не работает дрелью»? Добродетели должны быть глобальными. Если я обладаю какой-то добродетелью, то я не могу обладать ей только в какой-то конкретной ситуации. Нам ближе позиция Альфано, который в итоге признает, что людям недостает идеала интеллектуальной добродетели, но можно обладать похвальной аппроксимацией к идеалу [14]. В конце концов добродетель не может быть чем-то тривиальным, легко достижимым. Добродетель все-таки есть совершенство. А как любое совершенство, его демонстрируют не все. Признаем, что большинство людей не обладают открытостью ума, интеллектуальной автономией, интеллектуальным смирением, интеллектуальным мужеством и т. д. А те, кто обладают этими качествами, демонстрируют их не всегда. И знаменитый оперный певец однажды может «дать петуха»... Тот, кто реже склоняется к мнению большинства, заслуживает большей похвалы, чем тот, кто всегда склоняется перед мнением большинства. В целом, интеллектуально добродетельный человек будет склоняться в пользу интеллектуально добродетельных поступков в большем количестве случаев, чем тот, кто не обладает интеллектуальными добродетелями.

Сходный подход отстаивает Коуд, которая пишет, что при описании добродетелей – моральных или интеллектуальных – важно признавать, что это описание идеала, возможно никогда полностью нереализуемого [15]. И далее она добавляет, что необходимо «держаться требования в пределах возможностей обычного человека, чтобы можно было говорить о множестве добродетельных людей. Хотя, возможно, никто из них не является *совершенно* добродетельным» [16].

Загзебски также возражает против локализации добродетелей. Она отмечает, что интеллектуальные добродетели разделяются в зависимости от мотивации на очень общие категории. Например, интеллектуальное мужество – это способность отставить свое мнение в случае социального давления, любознательность – это желание познавать, открытость ума – это способность быть готовым принять точку зрения оппонента. Поскольку базовая мотивация сохраняется *при любой глубине индивидуации*, то нет необходимости индивидуализировать сами добродетели. Открытость ума просто и открытость ума с друзьями имеет *одну и ту же базовую мотивацию* – готовность встать на другую точку зрения.

К сказанному, на наш взгляд, необходимо добавить несколько моментов. Во-первых, можно поставить под сомнение результаты самих эмпирических исследований. Для какой-то достоверной картины требуется проведение лонгитюдных исследований, т. е. долгосрочных исследований одного и того же человека. До проведения лонгитюдных исследований рано было бы делать вывод, что люди не обладают глобальными добродетелями.

Во-вторых, ситуационные особенности не являются необходимыми для эпистемического успеха. Они могут способствовать эпистемическому успеху, но не обязательно являются существенным фактором его. Шоколадка может ускорить процесс решения задачи, но задача может быть решена и без нее. Если хорошее настроение помогает быть более креативным, то это еще не означает, что всегда, когда у нас хорошее настроение, мы являемся креативными.

В-третьих, как отмечает Притчард, интеллектуальные добродетели субъекта не должны рассматриваться как единственный фактор, который обуславливает познание [17]. Когда выше мы определяли знание как истинное убеждение, полученное благодаря интеллектуальным добродетелям, это не обязательно означает, что знание является *исключительно* результатом манифестации интеллектуальных добродетелей. Оно вполне может быть, например, результатом манифестации интеллектуальных добродетелей субъекта плюс шоколадка. Это общее соображение верно и в случае коммуникативного знания, где личный вклад субъекта и его познавательных добродетелей минимален, а следовательно, не является манифестацией его личных добродетелей.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что эмпирическая критика со стороны ситуационизма, в целом, не подрывает эпистемологию добродетелей. Знание, в конце концов, всегда является результатом манифестации интеллектуальных совершенств познающего. В то же время ситуационные исследования обогащают философскую теорию интеллектуальных добродетелей, так как показывают, что реализация как интеллектуальных, так и моральных добродетелей является контекстно-зависимой. Соответственно степень и глубина влияния добродетелей на поведение и познавательную деятельность зависят в определенной степени от ситуативных, случайных факторов. Тем не менее, как мы показали, локализация интеллектуальных добродетелей до бесконечно малых, инфинитесимальных вариаций также не является приемлемой. На наш взгляд, можно говорить лишь о разных проявлениях одной и той же интеллектуальной добродетели в разных ситуациях. Совершенно интеллектуально добродетельный субъект является недостижимым идеалом, но идеалом, к которому надо стремиться.

Примечания и список литературы

1. Zagzebski L. *Virtues of the Mind*. Cambridge, 1996; Шевченко А. А. Эпистемология и добродетели // Сибирский философский журнал. 2016. № 4. С. 82–92.
2. Latane B., Darley J. Group Inhibition of Bystander Intervention in Emergencies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968. № 10. P. 215–221.
3. Bohnet I. and Frey B. Social Distance and Other-regarding Behavior in Dictator Games // *The American Economic Review*. 1999. № 89. P. 335–339.
4. Baron R. The Sweet Smell of ... Helping: Effects of Pleasant Ambient Fragrance on Prosocial Behavior in Shopping Malls // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. № 23. P. 498–503.
5. Miller C. Empirical Approaches to Moral Character // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2016/entries/moral-character-empirical/>
6. Doris J. *Lack of Character: Personality and Moral Behavior*. Cambridge UP, 2002.
7. Alfano M. Expanding The Situationist Challenge To Responsibilist Virtue Epistemology // *The Philosophical Quarterly*. 2012. № 62. P. 223–249.
8. Tversky A., Kahneman D. Extensional versus intuitive reasoning: the conjunction fallacy in probability judgment / T. Gilovich, D. Griffin and D. Kahneman (eds.) *Heuristics and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. Cambridge University Press, 2002. P. 19–48.
9. Duncker K. On Problem Solving // *Psychological Monographs*. 1945. Vol. 58. № 5. P. 114.
10. Isen A., Daubman K., Nowicki G. Positive Affect Facilitates Creative Problem Solving // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. № 52. P. 1122–1131.
11. Estrada C., Isen A., Young M. Positive Affect Influences Creative Problem Solving and Reported Source of Practice Satisfaction in Physicians // *Motivation and Emotion*. 1994. № 18. P. 285–299.
12. Asch S. *Effects of Group Pressures upon the Modification and Distortion of Judgment* / H. Guetzkow (ed.), *Groups, Leadership and Men*. Pittsburgh : Carnegie Press, 1951.
13. Lepock C. Unifying the Intellectual Virtues // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2011. Vol. 83. № 1. P. 106–128.
14. Tversky A., Kahneman D. Extensional versus intuitive reasoning: the conjunction fallacy in probability judgment / T. Gilovich, D. Griffin and D. Kahneman (eds.) *Heuristics and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. Cambridge University Press, 2002. P. 19–48.
15. Code L. Toward a “Responsibilist” Epistemology // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1984. № 45. P. 45.
16. *Ibid.*
17. Pritchard D. Re-evaluating the situationist challenge to virtue epistemology // *Naturalizing Epistemic Virtue* Cambridge University Press. Kindle Edition. *Naturalizing Epistemic Virtue*. Cambridge University Press : Kindle Edition, 2014. P. 143.

Notes and References

1. Zagzebski L. *Virtues of the Mind*. Cambridge, 1996; 1. Шевченко А. А. *Эпистемология и добродетели* [Epistemology and virtue] // *Сибирский философский журнал* – Siberian philosophical journal. 2016, No. 4, pp. 82–92.
2. Latane B., Darley J. Group Inhibition of Bystander Intervention in Emergencies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968, № 10, pp. 215–221.

3. *Bohnet I. and Frey B.* Social Distance and Other-regarding Behavior in Dictator Games // The American Economic Review. 1999, № 89, pp. 335–339.
4. *Baron R.* The Sweet Smell of ... Helping: Effects of Pleasant Ambient Fragrance on Prosocial Behavior in Shopping Malls // Personality and Social Psychology Bulletin. 1997, № 23, pp. 498–503.
5. *Miller C.* Empirical Approaches to Moral Character // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2016/entries/moral-character-empirical/>
6. *Doris J.* Lack of Character: Personality and Moral Behavior. Cambridge UP. 2002.
7. *Alfano M.* Expanding The Situationist Challenge To Responsibilist Virtue Epistemology // The Philosophical Quarterly. 2012, № 62, pp. 223–249.
8. *Tversky A., Kahneman D.* Extensional versus intuitive reasoning: the conjunction fallacy in probability judgment / T. Gilovich, D. Griffin and D. Kahneman (eds.) Heuristics and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment. Cambridge University Press, 2002. P. 19–48.
9. *Duncker K.* On Problem Solving // Psychological Monographs, № 58, American Psychological Association, 1945.
10. *Isen A., Daubman K., Nowicki G.* Positive Affect Facilitates Creative Problem Solving // Journal of Personality and Social Psychology. 1987, № 52, pp. 1122–1131.
11. *Estrada C., Isen A., Young M.* Positive Affect Influences Creative Problem Solving and Reported Source of Practice Satisfaction in Physicians // Motivation and Emotion. 1994, № 18, pp. 285–299.
12. *Asch S.* Effects of Group Pressures upon the Modification and Distortion of Judgment / H. Guetzkow (ed.), Groups, Leadership and Men. Pittsburgh. Carnegie Press. 1951.
13. *Lepock C.* Unifying the Intellectual Virtues // Philosophy and Phenomenological Research. 2011, vol. 83, № 1, pp. 106–128.
14. *Tversky A., Kahneman D.* Extensional versus intuitive reasoning: the conjunction fallacy in probability judgment / T. Gilovich, D. Griffin and D. Kahneman (eds.) Heuristics and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment. Cambridge University Press. 2002. Pp. 19–48.
15. *Code L.* Toward a “Responsibilist” Epistemology // Philosophy and Phenomenological. Research. 1984, № 45, p. 45.
16. *Ibid.*
17. *Pritchard D.* Re-evaluating the situationist challenge to virtue epistemology // Naturalizing Epistemic Virtue Cambridge University Press. Kindle Edition. Naturalizing Epistemic Virtue. Cambridge University Press: Kindle Edition. P. 143.

УДК 316.33

Актеры социального автопойезиса (онтосоциальный подход)

Павлов А. П.

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет.
660041, г. Красноярск, просп. Свободный, 79. E-mail: pavloff56@list.ru.

Аннотация: В современном обществознании термин «актор» стали использовать относительно недавно, очевидно, как аналог терминов «социальный субъект», «индивид», «агент», «личность». Тем не менее категориальный статус данного термина не определен.

В статье данный термин рассматривается как конструкт, позволяющий уточнить природу социальных порядков, механизмы их воспроизводства (автопойезиса).

В статье автопойезис трактуется как способность общества создавать собственные компоненты (базовые элементы), которые генерируют и воспроизводят само общество. В качестве таких элементов выступают социальные акторы.

В работе проводится мысль о том, что автопойезис есть процесс самопроизводства общества, охватывающий не только социальную систему, но и несистемные компоненты экзистенциального мира. Условием автопойезиса является трансцендентальная связь экзистенциального и социетального миров. Их связующим звеном выступают акторы, которые, производя себя (в качестве акторов), воспроизводят социальный порядок как синтез экзистенциальных и социетальных оснований человеческого бытия.

В своём исследовании автор опирается на работы М. Хайдеггера, С. Франка, М. Бахтина, Н. Лумана, Б. Латура, а также труды других учёных, изучающих проблематику социального бытия и порядка в различных философских дискурсах.

Ключевые слова: акторы, автопойезис, событие, социальный порядок, социальный мир, жизненный мир, эйдетический мир

Actors of social autopoiesis (antisocially approach)

Pavlov A. P.

candidate of philosophical Sciences, associate professor, Department of sociology,
Siberian Federal University. 79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk. E-mail: pavloff56@list.ru.

Abstract: In modern social science the term "actor" began to be applied quite recently, probably as an analog of such terms as "social subject", "individual", "agent", "personality". Nevertheless, categorical status of this term is not defined.

This article considers this term as a construct permitting specification of the essence of social orders, mechanisms of their reproduction (autopoiesis).

This article interprets autopoiesis as ability of society to create own components (basic elements) which generate and reproduce society itself. Such elements are presented by social actors.

This article sends the message that autopoiesis is the process of self-reproduction of society covering not only social system but also non-systematic components of existential world. A condition of autopoiesis is transcendental relation between existential and societal worlds. Their link is presented by actors which, reproducing themselves (as actors), reproduce social order as synthesis of existential and societal foundations of human existence.

This article is based on the works of Heidegger, Frank, Bakhtin, Luhmann, Latour, as well as other researchers involved in study of concepts of social existence and order in various philosophic discourses.

Keywords: actors; autopoiesis; event; social order; social world; lifeworld; eidetic world.

Слово «актор» в отечественном обществознании стали применять относительно недавно, очевидно, не без влияния переводов франкоязычных и англоязычных авторов (П. Бурдьё, Э. Гидденс, А. Турен и др.).

Кто такие акторы? Очевидно, те, кто являются участниками воспроизводства общества, кто создают и поддерживают социальные порядки, или же те, кто (осознанно или неосознанно) эти порядки свергают, устанавливая на её руинах новые.

Иными словами, акторы – это действующие агенты социального порядка или просто «деятели». При этом не важно, являются эти агенты персональными (отдельными личностями) или коллективными (социальные группы).

При этом мало кто из обществоведов был озабочен проведением четких концептуальных границ между схожими понятиями: «социальный агент», «социальный актер», «субъект», пола-

гая, что их применение – дело вкуса, индивидуальных предпочтений исследователя, а также и эпистемологических, дискурсивных традиций.

«Термин используется главным образом, без какого бы то ни было предположения, будто социальные акторы всегда сознательно "осуществляют руководство" своими деяниями» [1].

Это замечание справедливо, поскольку позволяет отличить понятие «актор» от понятия «субъект», который, как раз, сознательно контролирует свои поступки, обладает выраженной вменяемостью при их реализации.

Актор не обязательно субъект, хотя, разумеется, следует отметить определённое сходство этих понятий.

Но в таком случае можно ли назвать акторами всех членов общества, жителей страны, граждан государства? Оправданно ли такое расширительное понимание феномена «акторства»?

Устраивая социальный мир, актор устраивает его для себя. Т. е. актор – это деятель, который создаёт собственный мир, мир комфортный для жизни, разумеется, при тех обстоятельствах, которые ему предоставляет социальная и природная среда.

Актор выступает в двух качествах: как частное лицо и как «представитель» социума. Быть актором означает совмещение этих качеств, несмотря на то, что в практической жизни они не всегда находятся в согласии друг с другом.

Как пишет известный историк А. Я. Гуревич, «личность есть вместилище социально-культурной системы своего времени» [2].

Но личность не просто вместилище, она – актор, который выстраивает определённый диалог с миром. Именно способность коммуницировать с «обществом в целом», включённость в процессы его воспроизводства делают индивида актором.

Существуют два взаимоисключающих подхода к осмыслению как самих социальных акторов, так и природы самого «акторства».

Первый подход фактически приравнивает актора к субъекту.

Феномен «акторства» относится к сфере субъективного. Социальные акторы – это действующие агенты социального порядка или просто «деятели» (отдельные индивиды или коллективы, социальные группы). Такая оговорка важна в связи с тем, что в последнее время, в частности благодаря работам Б. Латура, К. Кнорр-Цетиной и других, становится популярной идея о том, что акторами совсем не обязательно могут быть люди (субъекты).

Согласно акторно-сетевой теории французского исследователя Б. Латура акторами следует считать всё то, что вовлечено в действия внутри общества как гетерогенной социальной сети. Акторами («актантами») могут быть и различные объекты (микробы, землетрясения, артефакты, организации и т. д.).

Т. е. объекты не в меньшей степени, чем субъекты (люди, коллективы), могут считаться «актантами» [3].

Видимо, определенное влияние на адептов идеи «объектуализации» оказали модные во второй половине двадцатого века концепты «смерти субъекта», «смерти автора» великих французских постструктуралистов (М. Фуко, Р. Барта, Ж. Деррида, Л. Альтюссера, Ю. Кристевой). Тем не менее «смерть субъекта», аннигиляция актора не более чем миф, некая интеллектуальная провокация. Субъект всегда неизменно возвращался в орбиту дискурсов философов, даже тех, для которых само слово «субъект» вызывает идиосинкразию.

Подобная трактовка акторов «мирно уживается» с идеями социального конструктивизма, «активизма», методологического индивидуализма, наиболее радикальные представители которых вообще отрицают существования общества как реальности (А. Турен, А. Эрциони, М. Арчер и др.).

Так, по мнению А. Эрциони, в качестве социальных акторов выступают так называемые «активные общества», коллективы, способные мобилизовать собственные силы, направлять собственную деятельность, преобразовывать и менять собственные структуры и правила благодаря таким свойствам, как «самозапускаемая преобразовательность» и «творческая респонсивность» [4].

Краткий и предварительный вывод на первый взгляд очевиден: следует различать «обстоятельства» и акторов, объекты и тех, кто эти объекты создаёт, использует. Но в действительности связь обстоятельств и «акторства», субъектности не столь однозначная. Это признавал К. Маркс, чьё имя обычно связывают с классическим социальным детерминизмом.

«Общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет» [5].

Для понимания природы социального акторства важно учитывать стратегию двойной включённости. Её суть в том, что человек включается в процессы социального воспроизводства как член экзистенциального сообщества и в качестве агента социальной системы.

Экзистенциальный мир самодостаточен. В нём нет пустот. В нём нет иерархии и социальных страт. Экзистенция всегда «внутри» человека и того непосредственного жизненного мира, органической частью которого он является.

Экзистенциальный мир – это первичный, ближайший человеку мир (ближе быть не может). В экзистенциальном мире происходит первооткрытие человеком самого себя. Именно в нем человек «впервые» узнаёт себя в качестве социального автора.

Экзистенциальный мир еще не делает человека актором, но в нём создаются онтологические предпосылки для этого. Вне этого мира человек не может становиться как актер. Но внутренний мир человека, его экзистенциальный «домен» не замыкается на себе. Он должен быть разомкнут, раскрыт, определен. Позиция «внутри-миронаходимости» нуждается в дополнении: позиции «внеаходимости», в определенной дистанции от мира.

Речь идёт о трансцендентной позиции универсального человека, «обобщённого другого». Особенность любого актора – быть другим, «таким же, как все». «Обобщенный другой» (термин Д. Г. Мида) не может появиться в замкнутой на себе архитектонике мира. Его появление связано с выходом (реальным и феноменальным) за его пределы.

Таким образом, социальный актер выступает в двух качествах: как «экзистенциальный человек» и, одновременно, как член социетального сообщества.

«Без основополагающих социальных связей экзистенциальный человек все еще остается абстракцией, а это может привести лишь к пленению экзистенциальной мысли абстрактным мышлением» [6].

Актер – это тот, кто пребывает на границе между экзистенциальным миром и миром социетальным. Именно на границе между экзистенциальным и социетальным мирами осуществляется автопойезис: самопроизводство общества как среды («социальной сети»), в которой воспроизводятся акторы, которые его (общество) воспроизводят.

О какой границе идёт речь? И что значит быть на границе? Данная проблематика достаточно хорошо изучена в различных дискурсивных традициях от М. Бахтина до М. Фуко.

Онтологическую границу не следует понимать как что-то эфемерное, мимолётное, поверхностное. Граница в данном случае есть онтологическое пространство, в котором переплетаются в едином «объемлющем» (К. Ясперс) приватное и социальное, действительное и возможное, индивидуальное и коллективное начала в жизнедеятельности человека.

Обратимся к Георгу Зиммелю, который утверждал, что «общественное единство реализуется только своими собственными элементами, ибо они сознательны, синтетически активны, и оно не нуждается ни в каком наблюдателе» [7].

Таким образом, Г. Зиммель предвосхитил идею автопойезиса общества, обычно ассоциируемую с Никласом Луманом: социальный порядок возможен только благодаря его собственным элементам. Мы добавим: таким элементом выступает человек-актер.

Ошибка Н. Лумана, очевидно, заключается в том, что он экстраполирует аутопойезийные свойства биологических систем, исследуемые чилийскими биологами У. Матураной и Ф. Варелой, на общество людей, которое понимается немецким социологом как социальная система.

Но, во-первых, человеческое общество (социальные «сети») не является системой (или только системой). Социальный мир «богаче», разнообразней системно организованного («социетального») общества. Существуют «анклавы» внесистемного экзистенциального бытия, которые образуют собственную (онтическую) архитектонику, которые включаются в аутопойезийные процессы.

Во-вторых, Н. Луман не рассматривал человека в качестве актора воспроизводства общества (автопойезиса). Но именно производство акторами самих себя является сердцевинной социетального автопойезиса.

Осмысление природы социального автопойезиса требует дополнительного дискурсивного подкрепления. В качестве такого подкрепления выступает концепт границы – связующего звена между неопредмеченным экзистенциальным миром и миром социетальным.

Граница – межличностное пространство совместного с другими бытия. Это место встречи двух жизненных стратегий: «быть» и «иметь», двух жизненных позиций: «внутринаходимости» (быть всегда изнутри собственного мира) и «внеаходимости» (позиционировать по отношению к себе в качестве «обобщенного другого»).

Экзистенциальный мир – мир живого присутствия человека в его собственном бытии (Dasein).

Социетальный мир – опредмеченный мир, мир сущего, в котором человек позиционирует как «обобщенный другой», универсальный индивид.

В экзистенциальном мире человек вслушивается в бытие (алетейя), является «пастухом бытия», в социетальном мире ставит себя в центр бытия в качестве его господина (постав).

Экзистенциальный (жизненный) мир замкнут на себе самом. Это рекурсивный, непрерывно возвращающийся к самому себе мир, сопротивляющийся любым внешним воздействиям со стороны «чужаков».

Социетальный мир – мир возможного, мир-проект.

Итак, человек принадлежит двум «мирам»: экзистенциальному и социетальному. Экзистенциальный мир и мир социетальный не могут пересекаться и влиять друг на друга. Экзистенциальный мир создает собственную архитектонику – архитектонику бытия (beingness). Социетальный мир – архитектонику существования (livelihood). Между ними нет причинной связи. Но связь всё же существует. Более того, она необходима. Эта связь «пограничья». И именно на границе индивиды создают себя и друг друга в качестве акторов.

Что же происходит на «границе»?

Экзистенция «оседает», «остывает» в пограничных социально-экзистенциальных зонах («интерьерах»).

Именно в этих интерьерах пограничья осуществляется диалог между индивидами. Диалог не просто что-то сообщает, диалог свидетельствует об аутентичности или, наоборот, не аутентичности мира, тематизирует его как собственный мир [8].

Именно на границе индивиды обретают собственное имя, персональный код («лицо»). Собственная персональная история («биография») «встраивается» в общую родовую историю.

На границе образуется собственный социальный мир, приобретающий контуры личностного имманентного бытия, бытия для себя.

В собственном мире индивиды-акторы обретают смысл бытия. Смысл бытия – в «верности» его истокам (сакральным событиям), онтическим нарративам. Эта верность оформляется в этосы: этические практики и первичные институты, регулирующие поведение равных друг другу «в миру» акторов (инициации, «дары», жертвы и т. д.).

Наконец, в собственном мире индивид-актор обретает онтологическую безопасность, чувство уверенности и укорененности в своём бытии.

Собственный социальный мир, возникающий на границе, приобретает профиль личностного пространства совместного бытия. Трансцендентальные смыслы встроены в социальную перспективу. Трансцендирование возможно только изнутри социального мира, который обретает собственное имя, собственную историю, собственные границы.

Одновременно обретают собственную персональную историю (биографию) социальные акторы. Я предоставляю другим своё «лицо» – код доступа для других, которые узнают меня, «фиксируют» меня, моё место в пространстве разделяемого с другими социального мира. Другие поступают точно так же в отношении себя и меня.

Моё трансцендентальное эго становится «анонимным», поскольку моё лицо, открытое другим, утрачивает эксклюзивность, «прячется» (но не теряется) в конstellляции других лиц.

Анонимность есть способ трансцендирования. Анонимность проявляется в анонимной ответственности, в анонимном доверии. Я не просто безотчётно доверяю другим, растворяюсь в других. Другие – онтологическое продолжение и воплощение моего собственного бытия.

Вместо заключения еще раз вернёмся к ключевой топике данного исследования: человек (актор) на границе.

1. Граница есть феноменальное пространство, в котором осуществляется трансцендирование: переход и перевод экзистенциального настроения в культурные (эйдетические) формы.

Значение эйдосов (эйдетической картины мира) состоит в том, чтобы, ухватить трансцендирующее бытие с помощью смысловых конструкций, базовых онтологических ориентиров, позволяет обрести бытию собственную жизнь, недоступную изнутри.

Эйдосы создают перспективу, в которой высвечивается реальность. «Люди трансцендируют себя в направлении смыслов, и эти смыслы суть нечто иное, нежели сами люди» [9].

2. Мир обретает себя как сущее в модусах эйдоса – идеального конструкта, субстанционального начала, истока бытия. При этом трансцендентальные смыслы либо растворяются в текучке человеческого существования, проявляясь в пограничных ситуациях, либо архивируются, «оседают» в культурных формах и транслируются с помощью каналов культуры.

3. Граница как культурное пространство не только «собирает» мир, делает его определённым, «собственным», должным миром, она «собирает» самого человека как носителя акторских качеств. Речь идёт о таких качествах, как авторство (наличие именного кода), «участность» (участие в «общем деле»), «находимость» (обнаружение себя в мире).

На границе не просто осмысливается действительность. Она соотносится с должным, образцовым.

Культурное пограничье делает человека чувствительным к социальной реальности, которая воспринимается как проекция, живое продолжение его самого. Связь с миром на границе можно рассматривать как особый пролонгированный диалог, суть которого не столько в том, чтобы извлекать из него полезную информацию, сколько в том, чтобы непрерывно получать свидетельство о том, что мир жив, он не опрокинут в Ничто, он способен откликаться на наш зов.

4. У мира культуры нет алиби. Риск «миропокинутости», онтологической безмолвности всегда есть. Несущей конструкцией мира, условием удержания им бытия как озабоченного мироприсутствия являются учредительные события, «как подлинные, так и мифические, с которых начинается отчёт хронологии исторических событий. Наконец, сюда относятся события сакральные, то есть обладающие статусом явления трансцендентного в посюстороннем» [10].

5. Учредительное событие устанавливает новый взгляд на мир, новые фокусы, новые точки отчета. Оно (событие) приходит тогда, когда эйдосы перестают быть «несущей конструкцией», удерживающей трансцендентальные смыслы, выхолащиваются, превращаются в пустую символическую оболочку. Событие – это онтологический прорыв границы, в пределах которых трансцендентальные смыслы существуют, рутинизируются, «оседают» в формах этосов, институциональных практик.

6. Смысл автопоиезиса «на границе» в том, что акторы выступают не просто в качестве свидетелей и наблюдателей происходящего в мире. Они и есть авторы происходящего. Акторы – индивиды, сообщества, которые создают новые миры, воспроизводят их не в силу того, что на них оказывает «давление» среда и окружение («обстоятельства») или кто-либо принуждает их к определенным действиям. Мир «собирается» внутри самого актора, образуя «предельное внутреннее ядро человека, окончательный безусловный центр» [11].

7. Разумеется, различные акторы в трансцендентальном пространстве новых онтических границ занимают неравнозначные позиции. Есть «герои», вожди, революционеры, реформаторы, правители, а есть просто «обыватели», «простые люди».

Но даже самый «маленький человек», если он находится в событии мира, может считаться актором, возможно, не осознавая этого.

Как очень точно сказал великий русский писатель Андрей Платонов в рассказе «Старый механик», «без меня народ не полный!».

В заключение хотелось бы привести слова известного социального антрополога Б. Маркова: «Только человек имеет мир, тогда как животное – лишь среду обитания» [12].

Примечания и список литературы

1. Джери Дж., Джери Д. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1 (А – О). М. : Вече : АСТ, 1999. С. 254–255.
2. Гуревич А. Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // *Одиссей. Человек в истории*. 1990. М. : Наука, 1990. С. 85.
3. Latour B. When things strike back: a possible contribution of 'science studies' to the social sciences // *British J. of Sociology*. L., 2000. Vol. 51. № 1. P. 107–123.
4. Etzioni A. *The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes*. N. Y. : The Free Press, 1968. P. 698.
5. Маркс К. Письмо П. В. Анненкову // *Собрание сочинений*. Т. 27. С. 402–403.
6. Терикьян Э. Социологизм и экзистенциализм // *Вопросы социальной теории*. Научный альманах. 2007. Вып. 1. С. 83.
7. Зиммель Г. Как возможно общество? // Г. Зиммель *Избранное*. Т. 2. М. : Изд-во «Юристъ», 1996. С. 510.
8. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. писатель, 1963. С. 338.
9. Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М. : Прогресс, 1990. С. 292.
10. Вахштайн В. *Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах*. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. С. 71.
11. Больнов О. Ф. *Философия экзистенциализма*. СПб. : «Лань», 1999. С. 35.
12. Марков Б. В. *Философская антропология: очерки истории и теории*. СПб. : «Лань», 1997. С. 125.

Notes and References

1. Jerry J., Jerry D. *Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar' (Collins)* [Big explanatory sociological dictionary (Collins)]. Vol. 1 (A – O). M. Veche, AST. 1999. Pp. 254–255.
2. Gurevich A. YA. *Eshche neskol'ko zamechanij k diskussii o lichnosti i individual'nosti v istorii kul'tury* [Just a few more comments to the discussion about personality and individuality in the history of culture] // *Odissej. CHelovek v istorii* – Odysseus. Man in history. 1990. M. Nauka. 1990. P. 85.
3. Latour B. When things strike back: a possible contribution of 'science studies' to the social sciences // *British J. of Sociology*. L., 2000. Vol. 51. № 1. Pp. 107–123.

4. Etzioni A. *The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes*. N. Y. The Free Press, 1968. P. 698
5. Marx K. *Pis'mo P. V. Annenkovu* [Letter to P. V. Annenkov] // *Sobranie sochinenij* – Collected works. Vol. 27. Pp. 402–403.
6. Terik'yan EH. *Sociologizm i ehkzistencializm* [Sociology and existentialism] // *Voprosy social'noj teorii. Nauchnyj al'manah* – Questions of social theory. The scientific almanac. 2007, issue 1, p. 83.
7. Zimmel' G. *Kak vozmozžno obshchestvo?* [How is society possible?] // *G. Zimmel' Izbrannoe* [Favorites. Vol. 2]. M. Publishing house "Urist". 1996. P. 510.
8. Bahtin M. M. *Problemy poehtiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. M. : Sov. writer, 1963. P. 338.
9. Frankl V. *CHelovek v poiskah smysla* [Man in search of meaning]. M. : Progress. 1990. P. 292.
10. Vahshtajn V. *Delo o povsednevnosti. Sociologiya v sudebnyh precedentah* [Business of everyday life. Sociology in legal cases]. M. ; SPb. Center of humanit. Initiatives. 2015. P. 71.
11. Bol'nov O. F. *Filosofiya ehkzistencializma* [Philosophy of existentialism]. SPb. "Lan". 1999. P. 35.
12. Markov B. V. *Filosofskaya antropologiya: ocherki istorii i teorii* [Philosophical anthropology: essays in history and theory]. SPb. "Lan". 1997. P. 125.

УДК 316.3

Философский анализ особенностей российской модели электронной демократии

Тиховодова А. В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-правовых наук,
Волжский государственный университет водного транспорта. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова,
5а. E-mail: tikhovodova@list.ru

Аннотация: В статье рассматриваются этапы становления электронной демократии в России, концептуальное и правовое обеспечение данного процесса. Обозначаются элементы российской электронной демократии. Подчеркивается дуализм развития отечественных механизмов электронной демократии, отмечается декларативность многих принципов, закрепленных в программных документах, выделяются факторы, определяющие специфику российской модели электронного правительства. Характеризуется история создания, структура, задачи и функции Открытого правительства как важнейшего элемента единой системы электронной демократии в России. Показано отличие государственного проекта электронной демократии от инициирования данного процесса гражданским обществом. Отмечается роль политических блогов в политической жизни страны, их политическая ориентация. Обозначаются трудности и условия формирования в России информационного общества, а также предлагаются меры для дальнейшего развития отечественной системы электронной демократии.

Ключевые слова: электронная демократия, Открытое правительство, единая система электронной демократии, гражданское общество, политические блоги.

Philosophical analysis of the peculiarities of the Russian model of e-democracy

Tikhovodova A. V.

candidate of philosophical Sciences, associate professor of the Department of philosophy and socio-legal sciences,
Volga State University of Water Transport. 5A Nesterov str., 603005, Nizhniy Novgorod.
E-mail: tikhovodova@list.ru

Abstract: The article considers the stages of development of electronic democracy in Russia, conceptual and legal support of the process. These are the elements of the Russian e-democracy. Dualism emphasizes the development of domestic mechanisms of electronic democracy, the declarative nature of many of the principles enshrined in the policy documents identify the factors that determine the specifics of the Russian model of e-government. Characterized the history of creation, structure, tasks and functions of Open government as an important element of the unified system of e-democracy in Russia. Illustrates the difference between the state project e-democracy from the initiation of the process by civil society. The role of political blogs in the country's political life, their political orientation. Marked difficulties and the conditions of formation in Russia of the information society, and proposes measures for further development of the national system of electronic democracy.

Keywords: e-democracy, open government, a unified system of electronic democracy, civil society, political blogs.

В современной России быстрыми темпами развивается положительный процесс роста производства за счет использования информационных продуктов и услуг. Процесс информатизации затрагивает не только экономику, но и другие сферы общества: политическую, социальную, духовную. Изменяется характер взаимодействия общества с органами государственной власти, повышается качество и доступность предоставляемых гражданам услуг. Формирование в России информационного общества является частью всемирного процесса глобализации, охватившего все развитые страны. Начало внедрения новых информационных технологий в практику общественной жизни России было положено в конце 1993 – начале 1994 г. вместе с возникновением и быстрым ростом рынка информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Основная роль в этом процессе принадлежит коммерческому производству современных информационных услуг. Развивается как техническая, так и функциональная составляющая информационного сектора экономики. В стране растет производство информационных продуктов и услуг.

ИКТ оказывает существенное влияние и на социально-политические процессы, открывая уникальные возможности радикальной смены социально-политического устройства. Сторонни-

ки концепций технологического детерминизма (Р. Даль, А. Этциони, Л. Гроссман, Э. Коррадо, Ч. Фрертон и др.) предполагают снижение роли политических элит и институциональных посредников в политическом участии граждан. Под воздействием новых ИКТ увеличивается транспарентность политической сферы общества, расширяется участие граждан в общественной-политической жизни, изменяются функции и увеличивается число субъектов политики, множатся интересы в политической жизни, эволюционируют способы рекрутирования претендентов в состав политической элиты, совершенствуются системы опросов общественного мнения, предвыборных кампаний и структуры партий. Однако Интернет предоставляет не только новые возможности, но и содержит новые опасности для человеческой цивилизации. На его почве могут развиваться международный терроризм и преступность. Государства осознали необходимость взять процессы внедрения ИКТ в систему государственного управления под свой контроль. Так, в России в июле 2016 г. по инициативе И. Яровой был принят законопроект, содержащий новые требования к операторам связи и интернет-проектам и имеющие антитеррористическую направленность. Интернет-компании и сервисы должны предоставлять спецслужбам всю необходимую информацию о пользователях информационных ресурсов, вводится запрет на несертифицированные способы шифрования текстов.

В большинстве развитых государств уже давно разработаны и претворяются в жизнь концепции развития информационного общества, электронного правительства, электронной демократии. Международные принципы формирования информационного общества определяют Окинавская хартия глобального информационного общества (2000 г.), Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (2003 г.), План действий Тунисского обязательства (2005 г.). Россия присоединилась к данным международным документам. Ею подписана Окинавская хартия, принят ФЗ от 19. 01. 2005 г. № 160 «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных».

В настоящее время существуют четыре основные модели создания электронного правительства (ЭП), которое рассматривается как важнейшая органическая часть электронной демократии: континентально-европейская (страны Западной, Центральной и Восточной Европы), англо-американская (США, Канада, Великобритания), азиатская (Южная Корея, Сингапур) и российская. В чем же специфика именно российской модели внедрения ИКТ в практику государственного управления?

Российская модель ЭП представлена в ЦФП «Электронная Россия 2002–2010 гг.», государственной программе «Информационное общество на 2011–2020 гг.», «Концепции формирования электронного правительства РФ до 2010 г.», «Концепции развития в РФ механизмов электронной демократии до 2020 г.», «Стратегии развития информационного общества в России» от 7 февраля 2008 г. 9 мая 2017 г. указом Президента РФ утверждена новая «Стратегия развития информационного общества в России на 2017–2030 гг.». В ней указывается, что «электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети Интернет, стали частью повседневной жизни россиян» [1]. Создание в России информационного общества отнесено к сфере ее национальных интересов, которые должны обеспечиваться реализацией следующих приоритетов: формированием информационного пространства с учетом потребностей граждан в получении качественных и достоверных сведений; развитием информационной и коммуникационной инфраструктуры РФ; созданием и применением российских ИКТ, обеспечением их конкурентоспособности на международном уровне; формированием новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы; обеспечением национальных интересов в области цифровой экономики [2].

Согласно Концепции ЭП в РФ, утвержденной 6 мая 2008 г., планировалось два этапа его создания: 2008 г. – разработка и утверждение необходимых документов; 2009–2010 гг. – практическое внедрение. Развитие механизмов ЭД в РФ, согласно Концепции их формирования до 2020 г., должно пройти три этапа: 1) 2011–2013 гг. – апробация технического и программного решения при создании опытного образца единой системы электронной демократии (ЕСЭД); внедрить ЕСЭД в субъектах РФ, интегрировать ее с региональными и муниципальными порталами органов власти; 2) 2014–2016 гг. – расширение масштаба деятельности ЕСЭД до федерального уровня, реализация принципа субординации, обеспечение интеграции ЕСЭД с федеральными порталами органов власти, а также с интернет-порталами информационных агентств и СМИ, с сервисами массовой сетевой коммуникации граждан (форумы, социальные сети и др.); 3) 2017–2020 гг. – разработка и внедрение дополнительных функциональных подсистем ЕСЭД, повышение уровня интерактивности за счет использования технологий онлайн-конференц-связи, а так-

же видеосвязи [3]. ЕСЭД должна обеспечить участие граждан и НКО в общественном управлении на всех уровнях власти, что повысит качество предоставления государственных услуг на территории РФ, эффективность управления страной и удовлетворенность граждан деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления. Комитет министров Совета Европы рекомендует государствам – участникам Совета Европы включить в структуру электронной демократии следующие элементы: Э-парламент, Э-законодательство, Э-правосудие, Э-посредничество, Э-инициатива, Э-выборы, Э-референдум, Э-голосование, Э-консультации, Э-агитации, Э-подсчет голосов, Э-опросы.

Основная работа по формированию ЭП в России была начата с распоряжения Правительства РФ от 20.10.2010 г. № 1815-р, в соответствии с которым был выполнен комплекс работ по формированию единой информационно-технической и телекоммуникационной инфраструктуры ЭП. Российская модель строилась с учетом особенностей структуры органов государственной власти и местного самоуправления. При создании модели ЭП в России анализировались концепции и практический опыт создания моделей стран-лидеров (США, Сингапур, Эстония, Исландия, Южная Корея). Российская модель ЭП ориентирована на получение гражданами и организациями преимущества от применения ИКТ за счет обеспечения доступа к информационным ресурсам; на развитие цифрового контента; на применение инновационных технологий в управлении с учетом обеспечения безопасности в информационном обществе; на развитие услуг для населения страны. Понятно, что создание и развитие электронной инфраструктуры тесно связано с уровнем экономического и социального развития каждой страны, состоянием фундаментальной и прикладной науки.

В целях распространения ИКТ, способствующих формированию ЕСЭД, в стране принято более 10 ФЗ, издан целый ряд указов и распоряжений Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ, постановлений Госдумы и Совета Федерации Федерального собрания РФ, директивных решений судебных органов, федеральных министерств и ведомств, а также органов государственной власти субъектов РФ. К ним относятся ФЗ № 20 от 10.01.2003 «О государственной автоматизированной системе РФ “Выборы”»; ФЗ № 59 от 02.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»; ФЗ № 1 от 10.01.2002 г. «Об электронной цифровой подписи» (с 01.07.2012 г. в соответствии с ФЗ № 63 «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г.); ФЗ № 152 от 27.07.2006 г. «О персональных данных»; ФЗ № 282 от 29.11.2007 «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в РФ»; ФЗ № 270 от 23.11.07 «О государственной корпорации “Ростехнологии”»; ФЗ № 8 от 9.02.2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Постановление Правительства РФ № 953 от 24.11.2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти»; ФЗ от 27.07.10 г. № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Однако лишь правового обеспечения функционирования ЕСЭД недостаточно, необходимы также организационные, технические, кадровые, финансовые, информационные условия и ресурсы. Важны также методики, позволяющие оптимизировать использование ИКТ в государственном управлении с широким применением различных информатизированных программ.

Особенности развития ЭП в России определяются спецификой сложившейся в стране политической системы, которую многие исследователи характеризуют как псевдodemократическую или даже декларативную демократию [4]. Согласно Конституции, Россия – сугубо демократическое государство, а повседневная политическая практика говорит об авторитарных тенденциях, высокой роли государственного регулирования общественной жизни. Именно эта двойственность представляет наибольшую сложность взаимодействия государства и гражданского общества внутри страны, негативно влияет на международный имидж России.

Дуализм характерен и для развития ЭД в России. Российские граждане имеют доступ к информации, возможность участвовать в процессе обсуждения и консультаций, но их влияние на принятие политических решений сведено к минимуму: последнее остается прерогативой узкой группы лиц. Однако политическая элита РФ стала рассматривать качественное государственное управление (прозрачность, ответственность, подотчетность, вовлечение, дискуссия, доступность, subsidiarность, доверие к демократии, социальное сплочение) как необходимый механизм достижения экономического роста, результаты которого должны справедливо распределяться между всеми членами общества.

В феврале 2012 г. В. В. Путин посвятил развитию интернет-демократии одну из своих предвыборных статей «Демократия и качество государства», где основное внимание уделено именно становлению институтов ЭД и ЭП в России. В феврале 2012 г. была создана рабочая группа по

разработке и внедрению системы «Открытое правительство» – системы механизмов и принципов, обеспечивающих эффективное взаимодействие власти и гражданского общества. В составе группы было сформировано 10 подгрупп по важнейшим направлениям социально-экономического развития страны. В заседаниях тематических подгрупп, прошедших в течение трех месяцев, участвовали более 400 экспертов. Итоги их деятельности были представлены в виде доклада президенту. 26.07.2012 г. для координации деятельности Открытого правительства была создана Правительственная комиссия. Задачи Открытого правительства: улучшение качества принимаемых решений и качества работы государственного аппарата в целом, повышение уровня жизни граждан, а также создание нового для России типа политической культуры, в основе которого лежит взаимодействие, поиск компромиссов и взаимоприемлемых решений. Существует несколько ключевых проектов Открытого правительства: Общественные советы, Открытый регион/муниципалитет, Открытые данные, Открытые госзакупки, Бюджет для граждан, Открытые госкомпании. Постановлением Правительства РФ от 26 июля 2012 г. был образован Экспертный совет при Правительстве. Основными продуктами ЭС являются экспертные заключения по отдельным вопросам, сформулированным в поручениях Правительства РФ. ЭС формулирует конструктивные предложения, направленные на повышение эффективности планируемых решений или процедур. Кроме того, ЭС готовит системные доклады, носящие стратегический характер: об основных направлениях политики в области финансов и налогов, о прогнозировании в области социального и экономического развития, методологии приоритизации государственных инвестиций, глобальных трендах и вызовах для России. За 2014 год ЭС подготовил 150 документов, включая 119 экспертных заключений, и провел 619 рабочих встреч. За первое полугодие 2015 г. – 73 заключения и предложения и 420 рабочих встреч.

Были созданы также такие инструменты интернет-взаимодействия граждан и государства: Единый портал электронной демократии РФ, портал «Российская общественная инициатива». 7 мая 2012 г. были изданы два указа, имеющие значение для формирования механизмов ЭД в России: Указ № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» и № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов». Постановлена обязанность размещать тексты законопроектов, вынесенных на обсуждение общественности, в сети Интернет. Для решения задач, поставленных в обозначенных выше указах, в конце июня 2012 г. в структуре администрации Президента было создано специализированное Управление по применению информационных технологий и развитию ЭД. Функционирует сайт Правительство РФ и сайты государственных ведомств: Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного суда, Верховного суда. Работают также официальные интернет-порталы: правовой информации, правовой статистики, закупок, открытых данных, государственные услуги и программы, электронный бюджет, ваш контроль, единый реестр проверок, оценка регулирующего воздействия. Существует также разветвленная сеть интернет-порталов региональной и муниципальной исполнительной власти и соответствующих государственных ведомств.

По числу интернет-пользователей Россия занимает 1-е место в Европе (80 млн человек). Российские социологи выделяют три основных «сетевых поколения»: поколение создателей (1970–1980), т. е. были сформированы основные группы разработчиков Интернета, стали создаваться и расширяться группы пользователей; поколение потребителей (1980–1990) – широкие группы населения, использующие Интернет как инструмент для информационного поиска, досуга, общения, обучения, покупок; поколение подключенных (2000-е гг.) – превращение Сети в канал особого восприятия реальности, взаимодействие пользователей между собой, органами государственной власти и бизнес-структурами [5].

Однако в настоящее время механизмы ЭП не реализованы в запланированном объеме и недостаточно эффективны. В географическом плане механизмы ЭП продвигаются неравномерно. Структура ЭП варьируется в зависимости от специфики региона. Основные усилия по созданию ЭП прикладываются в направлении максимальной доступности электронных государственных услуг, а механизмы общественного участия в процессе обсуждения законопроектов и влияния на политические решения недостаточно конкретизированы. Напрашивается вывод, что главная цель создания ЭП – оптимизация работы государственных ведомств, а не создание собственно механизмов ЭД. Ключевые решения принимаются без непосредственного участия гражданского общества. По мнению Т. Ровинской, механизмы ЭД работают как раз против самой демократии, поскольку, не достигая реального участия гражданского общества в процессе принятия политических решений, они служат для власти индикатором общественных настроений и помогают контролировать общественно-политический процесс [6]. Очевидно, что чрезмерная централиза-

ция государственного управления, «военный» облик многих федеральных структур, концентрация экономики в крупных городах, дифференциация в развитии территорий мешают стабильному развитию страны. Повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти и общества сводится к информатизации этого взаимодействия и в меньшей степени – к реальному контролю управленческих решений со стороны институтов гражданского общества.

Т. Ровинская выделяет две версии ЭД, существующие в настоящее время в России: официальная версия ЭД, исходящая от органов государственной власти, и ЭД «снизу» – процесс самоорганизации гражданского общества через социальные медиа на базе Интернета (форумы, блоги, социальные сети) [7]. Доверие к ним со стороны пользователей Интернета выше, чем к властям и традиционным СМИ. Непосредственное развитие Рунета и приход в российское пространство широкополостного Интернета расширяет и переформатирует коммуникативное пространство сети и помимо сайтов политических партий и персональных страниц политических лидеров появилось много ярких политических блогеров различного уровня, причем их значимость в социально-коммуникативном пространстве возрастает. Политический блог становится мощным имиджевым PR-инструментом, направленным на целевую аудиторию лидеров мнений. Выделяют блоги общеполитической, радикально-оппозиционной, патриотично-охранительной, умеренно-оппозиционной направленности (либеральные, левые, националистические взгляды). С целью уравнивания в правах участников блогосферы в 2015 г. в России был принят закон об обязательной регистрации блогеров, у которых в сутки регистрируется более 3 тысяч читателей. Создаются сайты, ориентированные на защиту прав и свобод граждан, включая борьбу с коррупцией. Можно назвать следующие сайты, которые сообщают политические новости неофициально и дают возможность публичного обсуждения общественно значимых вопросов гражданам, экспертным сообществам: «Полит. ру», Фонд «Демократия», проекты в области открытого государства Ивана Бегтина «Открытые данные в России», «Гослюди», «Официально», «Госсети», неправительственное партнерство «Информационная культура», проект «РосГосЗатраты», портал А. Навального «Роспил», блог Навального, сайт «РосЯма» и др. Хотя «альтернативная» ЭД в России уже стала значимым общественно-политическим фактором, ей предстоит еще долгий путь легализации прежде, чем она сможет стать органичным целым с государственными инициативами в этой области.

Можно выделить следующие условия и трудности при построении системы ЭД в России: высокий уровень доступности интернет-технологий в стране; обеспечение защиты информации, используемой в процессе реализации процедур ЭД; трудность в оценке эффективности результатов формирования системы ЭД на уровне государства; дискуссионный характер определения пределов правового регулирования функционирования сети Интернет как способа косвенного контроля государства за процессами ЭД; организация мероприятий по популяризации системы ЭД; повышение уровня компьютерной грамотности населения РФ. Для дальнейшего развития ЕСЭД в России целесообразно принятие ряда мер: дальнейшее развитие системы Интернет; совершенствование законодательства в этой сфере; популяризация положительного опыта использования ИКТ в политическом участии граждан; улучшение защиты данных в ИКТ и соответствующего правового контроля интернет-трафика; активизация деятельности «Открытого правительства»; усиление мотивации и массового обучения граждан РФ базовым навыкам использования ИКТ в сфере политического управления; введение критериев и индексов развития ЭД. Также необходимо снижать информационное расслоение общества по критерию доступа к электронной информации. Особенно это актуально для нашей страны, где присутствует значительный слой общества, не включенный в информационную среду по причине отсутствия материальных возможностей, сетей, компьютеров или навыков работы с ИКТ. Ю. В. Ирхин предлагает следующие меры по популяризации механизмов ЭД: проведение презентаций возможностей механизмов ЭД в учебных заведениях всех уровней; размещение социальной рекламы в СМИ и социальных медиа; написание и рассылка пресс-релизов о работе ЕСЭД; поощрение граждан, активно использующих каналы ЭД [8].

Итак, комплексная модернизация всех сфер жизни общества невозможна без масштабного внедрения ИКТ в практику политического управления. При создании российской модели ЭП необходимо учитывать как положительный опыт стран-пионеров в данной области, так и отечественную специфику социального, экономического и политического развития государства. Огромную роль в данном процессе играет человеческий фактор, так как только образованные и амбициозные люди могут глубоко осмыслить и эффективно применить позитивные достижения ИТ, отвечающие интересам общества и государства. Значение имеет и сформированная система морально-нравственных качеств пользователей электронных ресурсов, препятствующая появлению так называемой киберпреступности. Внедрение ИКТ во все сферы общественной жизни от-

носится к числу стратегических приоритетов государства. Необходимо заниматься дальнейшим развитием электронно-цифровой инфраструктуры. Нужно создавать действующие электронные механизмы взаимоотношений между органами государственной власти, органами местного самоуправления, НКО, предпринимательскими структурами и частными гражданами. Государство должно эффективно контролировать своевременное и адекватное исполнение принятых решений в данной области.

Примечания и список литературы

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/>
2. Там же.
3. Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. URL: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php
4. Ровинская Т. Л. Российская модель электронной демократии в международном контексте // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 8. С. 76–90.
5. Ирхин Ю. В. Сущность, принципы, ценности, формы, структуры и механизмы «электронной демократии» // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 4. С. 86–97.
6. Ровинская Т. Л. Электронная демократия в теории и на практике // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 84–96.
7. Ровинская Т. Л. Российская модель электронной демократии в международном контексте... С. 76–90.
8. Ирхин Ю. В. Указ. соч.

Notes and References

1. *Strategiya razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody* – Strategy of information society development in the Russian Federation for the years 2017–2030. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/>
2. Ibid.
3. *Koncepciya razvitiya v Rossijskoj Federacii mekhanizmov ehlektronnoj demokratii do 2020 goda* – The concept of development of mechanisms of electronic democracy in the Russian Federation till 2020. Available at: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php
4. *Rovinskaya T. L. Rossijskaya model' ehlektronnoj demokratii v mezhdunarodnom kontekste* [Russian model of e-democracy in an international context] // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World economy and international relations. 2014, No. 8, pp. 76–90.
5. *Irhin YU. V. Sushchnost', principy, cennosti, formy, struktury i mekhanizmy «ehlektronnoj demokratii»* [Essence, principles, values, shapes, structures and mechanisms of "e-democracy"] // *Social'no-gumanitarnye znaniya* – Social-humanitarian knowledge. 2016, No. 4, pp. 86–97.
6. *Rovinskaya T. L. EHlektronnaya demokratiya v teorii i na praktike* [E-democracy in theory and practice] // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World economy and international relations. 2013, No. 12, pp. 84–96.
7. *Rovinskaya T. L. Rossijskaya model' ehlektronnoj demokratii v mezhdunarodnom kontekste* [Russian model of e-democracy in an international context...] Pp. 76–90.
8. Irkhin Yu. V. Op. cit.

УДК 294,21

«Вперед, Бодхисаттва!» Восточные религиозные образы и концепты в русской рок-музыке*

Михельсон О. К.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения,
Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская л., 5.
E-mail: olia_mikhelson@mail.ru

Поляков Н. С.

кандидат философских наук, ассистент кафедры философии религии и религиоведения,
Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская л., 5.
E-mail: poliakovn@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию восточных религиозных образов, концептов и символизма в популярной музыке, в первую очередь, в русской рок-музыке. Прослеживается взаимосвязь религиозной ситуации и популярной культуры; в частности, то, как обращение популярных музыкантов к восточным духовным традициям способствовало популяризации этих традиций на Западе. Основной упор делается на анализ песенной лирики Б. Гребенщикова как наиболее значимой в данном контексте: прослеживаются буддийские и другие восточные религиозные аллюзии, присутствующие в его творчестве; обнаруживаются их параллели с религиозными учениями; интерпретируется присущее Гребенщикофу совмещение восточных концептов с отсылками к русскому фольклору. В статье также ставится вопрос о феноменах *глобально-го буддизма* и *поп-буддизма* и взаимосвязи этих явлений с популярной культурой.

Ключевые слова: русская рок-музыка, буддизм, индуизм, Б. Гребенщиков, религия и популярная культура.

"Go, Bodhisattva!" Eastern religious images and concepts in Russian rock music

Michelson O. K.

candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy of religion and religious studies, Saint Petersburg State University. 5 Mendeleyevskaya L., 199034, St. Petersburg.
E-mail: olia_mikhelson@mail.ru

Polyakov N. S.

candidate of philosophical sciences, assistant of the Department of philosophy of religion and religious studies, Saint Petersburg State University. 5 Mendeleyevskaya L., 199034, St. Petersburg.
E-mail: poliakovn@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the study of Oriental religious images, concepts and symbolism in popular music, primarily in the Russian rock music. The interrelation of the religious situation and popular culture is being traced; in particular, how popular musicians' interest in Eastern spiritual traditions helped to popularize these traditions in the West. The special emphasis is placed on the analysis of B. Grebenshchikov's lyrics as the most important in this context: Buddhist and other Oriental religious allusions, presented in his works, are traced; their parallels with religious teachings are found; typical for Grebenshchikov combining of Oriental religious concepts with references to Russian folklore is interpreted. The article also raises the issues of *global Buddhism* and *pop-Buddhism*, and the links of these phenomena to popular culture.

Keywords: russian rock music, Buddhism, Hinduism, B. Grebenshchikov, religion and popular culture.

В последнее время становится все более очевидным, что продукты популярной культуры оказывают значительное воздействие на практически все сферы жизни современного человека, по крайней мере, западного, и религиозная сфера вовсе не является исключением. Не удивительно, в связи с этим, что проблематика, связанная с религией и популярной культурой, в последнее время занимает все большее место в религиоведческих и культурологических исследованиях. При этом если кино посвящены десятки монографий и сотни статей, то вопросы, связанные с популярной музыкой, до сих пор изучены недостаточно. Между тем именно музыка, искусство, ко-

* Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ «Современная популярная музыка как форма имплицитной религиозности» (проект № 17-33-01128)

© Михельсон О. К., Поляков Н. С., 2017

торое, с одной стороны, имеет столь сильное эмоциональное воздействие на людей, а с другой – является значимым интегрирующим фактором, поскольку музыкальные предпочтения часто лежат в основе возникновения субкультур, как раз представляет значительный интерес для религиозного анализа. Среди прочего весьма значимым аспектом выступает то, как популярная музыка может воздействовать на религиозные предпочтения своих слушателей, в том числе, возможно, инициируя интерес к не вполне привычным для Запада религиозным культурам, таким как, в частности, буддизм или индуизм, а также к различным учениям New Age, имеющим связь с Востоком.

В том, что популярная культура может повлиять на увлечение Востоком, собственно, нет ничего нового. Еще на самой заре кинематографа экзотические для Запада сюжеты о прекрасной Индии оказались на экранах: в 1923 г. вышла картина «Лорд Будда» (к сожалению, ее копии не сохранилось), а 1925 г. – экранизация поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии», также повествующая о жизни и учении царевича Сиддхартхи [1]. Литература также способствовала популяризации восточной религиозности на Западе, например роман Джека Керуака «Бродяги Дхармы» (1958 г.) во многом открыл дзен буддизм для широкого круга читателей в западном мире.

Между тем сложно не согласиться с Анджели Рой, которая придает огромное значение творчеству «Битлз» в формировании западных представлений о восточной духовности. Исследовательница замечает: «Посещение “Битлз” индуистских святынь и ашрамов, чтобы встретиться с гуру, особенно с левитирующим гуру Махеш Йоги, и их увлечение индуизмом заставили переосмыслить их вдохновленные индуизмом песни с обращением евро-американской молодежи 1960-х гг. к восточному мистицизму и философии как к панацее от зла западного материализма. Переработка “Битлз” восточной музыки так, чтобы она могла удовлетворять западным вкусам, полностью изменила среди поколения мистически настроенной молодежи британский и колониальный стереотип о языческом индуистском политеизме и одновременно сконструировала взгляд на духовный Восток, который с тех пор доминирует в западных популярных музыкальных интерпретациях индуизма» [2].

В целом, русская рок-музыка отражала общие духовные и религиозные искания, начавшиеся в СССР в период перестройки, и пестрый духовный синкретизм 90-х, когда поднявшийся железный занавес, отмена планомерной антирелигиозной политики государства и духовные поиски общества породили значительный интерес к самым разным формам религиозности – от увлечения астрологией до занятий йогой [3]. Эти процессы, с некоторым опозданием, повторяли религиозную ситуацию, свойственную Западной Европе и Америке начиная с 60-х гг., когда западное общество активно обратилось к восточной духовности, а в Америку и Европу начали приезжать различные буддийские и индуистские проповедники. В популярной музыкальной культуре эти процессы ярко отражены в мюзикле режиссера Милоша Формана «Волосы» (1967 г.), написанном группой the Who. В нем, в частности, есть ария «Эра водолея» и другие многочисленные отсылки к восточным учениям, свойственные New Age.

Если широкая общественность столкнулась с «религиозным супермаркетом» только в разгар перестройки, русский рок, воспринявший восточную духовность в первую очередь из западной рок музыки, обращается к ней еще в начале 80-х гг. Борис Гребенщиков по этому поводу вспоминает: «Когда я только учился писать песни, мне, естественно, было интересно, откуда они берутся. И то, что Харрисон со всей своей группой отправился в Индию, как бы было знаком, где нужно искать. Мы с друзьями начали раскапывать все, что было доступно: начиная с книг по индуизму, тогда еще на детском уровне, а затем до более серьезных вещей, большинство из которых было на английском языке» [4]. Интересно, что если для ценителей рок-н-ролла в это время часто именно популярная музыка была проводником восточных религиозных концептов, то значительная часть интеллигенции не шла столь витиеватым путем, черпая свои знания о восточных религиях из академического востоковедения [5].

Увлеченность рок-музыкантов и большей части их слушателей восточными концептами находила свое отражение, причем часто сатирическое, в их творчестве еще в начале 80-х гг. Так, в ироничном ключе обращается в своем творчестве к восточным духовным образам Майк Науменко, лидер группы «Зоопарк». В песне «Вперед, Бодхисаттва!» (альбом «Белая полоса», 1985 г.) он пародирует разговор нетрезвых друзей: «Мой друг сказал мне: “Мы с тобою Бодхисаттвы”, Я ответил: “Да, но нам пора в магазин”. Вперед! Вперед, Бодхисаттва, вперед!» Значительно более язвительен Науменко в тексте «Песни гуру» (альбом “LV”, 1982 г.), посвященной автором звукорежиссеру и музыканту Юрию Морозову, позднее прославившемуся своими христианскими текстами, а в тот период увлеченному восточными религиями. В этой композиции Науменко жестко высмеивает невысокую компетентность людей, смело рассуждающих о духовности и Боге,

дзен-буддизме, медитации и обещающих объяснить, в чем заключается «смысл жизни». В песне, написанной от лица самого гуру, лирический герой говорит: «Так вот, все это началось в те самые времена, когда Иисус Христос сказал впервые “Ом”. И Будда – этот тоже был из наших. Он выпустил приказ – всем всех любить, Носить цветы, усы, бороду и хаер подлиннее, а на войну ни в коем разе не ходить». Заканчивает гуру словами «Харе Кришна, харя Кришны, Кришны-Кришны харя-харя». Оценивая эту песню, Алексей Рыбин пишет: «На мой взгляд, изливание своих религиозных чувств в рок-н-ролле в такой прямой форме, как у Морозова, он [Науменко] считал просто пошлостью, а пошлости он не терпел совершенно» [6].

Однако в значительно большей степени в русской рок-музыке своеобразным проводником восточной духовности можно считать группу «Аквариум» и конкретно Бориса Гребенщикова. При этом стоит отметить, что, обращаясь в своем творчестве к восточным мотивам, прежде всего буддийским, но также к индуистским и даосским, музыкант часто прибегает и к христианским аллюзиям. Гребенщикова многие считают буддистом, что не вполне верно. Еще в конце 1980-х гг. музыкант принял православие, посещал многие православные святыни, что нашло отражение и в его песенной лирике. Например, Гребенщиков – автор пронзительной песни «Серебро Господа» (альбом «Равноденствие», 1987 г.). Она не только содержит отсылку к библейской книге «Псалтирь»: «Слова Господни – слова чистые, серебро» (Пс. 11:7), но и сама может рассматриваться в качестве глубокой христианской поэзии.

В 1993 г. Гребенщиков, интересовавшийся дзен-буддизмом с середины 70-х, прочел книгу датского ламы Оле Нидала «Открытие Алмазного Пути» и отправился в путешествие по Непалу. Под впечатлениями от знакомства с буддийскими святынями он написал альбом «Кострома топ атоуг» (1994 г.), который, пожалуй, наиболее богат буддийскими аллюзиями. Об этом периоде сам музыкант вспоминает: «Стены на Пушкинской были перекрашены в тибетский темно-красный цвет; я уехал в Непал и вернулся, обойдя всех лам и все ступы, с готовой обложкой и желанием переписать все уже записанные голоса» [7].

В известной песне «Не пей вина, Гертруда» есть, например, такие строки: «А если поймешь, что самсара – нирвана, то всяка печаль пройдет», что явно отсылает к махаянской концепции тождества сансары (самсары) и нирваны, особенно разработанной в учении мадхьямики. В ключевом тексте Нагарджуны «Мула мадхьямика карика» мы читаем: «Нет вообще разницы между нирваной и сансарой. Нет вообще разницы между сансарой и нирваной. То, что создает границу нирваны, является также границей сансары; между этими двумя мы не можем найти даже малейшей тени различия» («Мула мадхьямика парика», гл. 27) [8].

Есть в альбоме Аквариума «Кострома топ атоуг» и менее очевидные буддийские аллюзии, например Гребенщиков обращается к теме пустоты. В композиции «8200» он поет: «Восемь тысяч двести верст пустоты – а все равно нам с тобой негде ночевать», а пятый трек на альбоме носит название «Из сияющей пустоты». Между тем пустота – одно из важных понятий буддизма. В палийском каноне приведены слова Будды «Как на пустоту взирай ты на этот мир» (Сутта-нипата, строфа 1118) [9]. Концепция пустоты, или *шуньяты*, получает свою дальнейшую проработку, став одной из центральных идей Махаяны. В важнейшем доктринальном тексте Махаяны «Сутра сердца праджняпарамиты» мы читаем: «Пустота неотлична от формы, форма неотлична от пустоты; что форма – то пустота, что пустота – то форма» [10]. Нагарджуна, основателю мадхьямики, чье второе название не случайно шуньявада, т. е. «учение о пустоте», приписывают такие слова: «Сказать, что все есть, – одна крайность, сказать, что ничего нет, – другая крайность. Все пусто – вот истина срединного пути» [11].

Квинтэссенция буддийских аллюзий «Костромы топ атоуг» представлена Гребенщиковым в тексте песни «Русская Нирвана»: «На чем ты медитируешь, подруга светлых дней? Какую мантру дашь душе измученной моей? Горят кресты горячие на куполах церквей – и с ними мы в согласии, внедряя в жизнь У-вэй. Сай Рам, отец наш батюшка; Кармапа – свет души. Ой, ламы линии Кагью – до чего ж вы хороши! Я сяду в лотос поутру посереде Кремля и вздрогнет просветленная сырая мать-земля. На что мне жемчуг с золотом, на что мне art nouveau. Мне кроме просветления не нужно ничего. Мандала с махамудрою мне светит свысока. Ой, Волга, Волга-матушка, буддийская река».

Особый интерес, как кажется, в данном случае представляет совмещение сложных буддийских названий и терминологии с отсылками к православию, Пушкину «подруга светлых дней», «с измученной души моей», и формулировками, которые мы традиционно привыкли связывать с языком русского фольклора, например «отец наш батюшка», «сырая мать-земля» или «Волга-матушка». Это соединение экзотического восточного с исконно русским дополнительно подчеркивается распевной мелодикой композиции, также напоминающей русские народные песни. Собственно, и само название «Русская нирвана» призвано лишний раз это смешение продемонстрировать.

Подобный ход был свойственен Гребенщикову и раньше, а также распространен далеко не только в отношении буддийских концептов, но и применительно к другим восточным учениям. Еще в 1984 г. в альбоме «День Серебра» у него воспет Иван Бодхидхарма в песне с одноименным названием, в которой также упоминаются традиционные для китайской мифологии и астрологии белый тигр и синий дракон. В композиции «Инцидент в Настасьино» (альбом «Снежный лев», 1996 г.) Гребенщиков поет: «Он весь блещет, как жар-птица, из ноздрей клубится пар, то ли атман, то ли брахман, то ли полный аватар». Представляется, что это скрещение традиционных для русского фольклора Ивана и жар-птицы с восточными мотивами далеко не случайно, причем дело, как представляется, в данном случае вовсе не в религиозном синкретизме, а в своеобразном универсалистском подходе к религии, который, в частности, присущ феноменологическому направлению религиоведения. По этому поводу сам музыкант заметил: «Можно сказать, что все религии описывают один и тот же мир и дают одни и те же заповеди. Другими словами, каждая из них говорит одно и то же на языке определенной культуры» [12]. Стоит согласиться с Владимиром Ветюковым, что подобный «недогматический подход к вере» способствует «мягкости, ненавязчивости религиозного в поэзии Б. Г.» [13]. Более того, органично сплетая в своей лирике русский фольклор с восточными образами, Гребенщиков добивается того, что его слушателями эти образы начинают восприниматься как понятные и родные. Кроме того, аналогично с тем, как «Битлз», особенно Джордж Харрисон, популяризировали своим творчеством индуистские концепты на Западе, в данном случае можно говорить о популяризации восточных учений среди слушателей «Аквариума».

Если лирика Гребенщикова демонстрирует далеко не поверхностное знакомство музыканта с восточными учениями, в работах других русских рок-музыкантов экзотические восточные слова часто звучат без особенного смысла. Так, у группы «Агата Кристи» есть песня «ХалиГали Кришна» (альбом «Опиум», 1995 г.), в которой можно услышать: «ХалиГалиКришна, ХалиГалиРама. Трали-вали крыша, да где ты будешь завтра». Сами авторы этого текста Вадим и Глеб Самойловы признавали, что «ХалиГалиКришна» «это просто каламбур, к религии он не имеет совершенно никакого отношения» [14].

В заключение стоит отметить, что вторая половина XX – начало XXI в. стало временем расцвета не только феномена, окрещенного Мартином Бауманом *глобальным буддизмом* [15], но также можно говорить, например, и о *глобальном индуизме*. При этом в западном обществе восточная духовность в целом и буддизм в частности часто воспринимаются как «глобальный интеллектуально-духовный ресурс, открытый для всеобщего пользования» [16]. С другой стороны, в контексте конкретно популярной культуры можно говорить и о появлении *поп-буддизма*, хотя Рундрани Дасгупта, предложившая этот термин, скорее подразумевает под ним не образ буддизма, складывающийся в популярной культуре, а примерно то же явление, что Бауман описывает как глобальный буддизм. Она полагает, что на Западе скорее присутствует некий «миф» о буддизме. Поколение битников, а затем хиппи нашли для себя ответы в философии, «говорившей им, что реальность – не больше чем майя, иллюзия», «буддийская пустота» внезапно показалась им доступной через ЛСД и марихуану, и таким образом «буддизм стал эскапистским путем к свободе» [17]. Представляется, что по аналогии с поп-буддизмом также можно говорить и о поп-йоге, поп-медитации, поп-индуизме и т. д. Однако вполне допустимо существование параллельно и глобальных форм буддизма и других восточных религий, если речь идет о западных неофитах буддизма, и форм поп-буддизма – малокомпетентного представления о буддизме, складывающегося в массовом сознании, часто как раз на основе популярной культуры. При этом остается открытым вопрос об истинной значимости роли последней, в том числе популярной музыки, в распространении глобального буддизма, эта тема требует дальнейших исследований.

Примечания и список литературы

1. Bakker F. L. The Challenge of the Silver Screen: An Analysis of the Cinematic Portraits of Jesus, Rama, Buddha and Muhammad. Leiden : Brill, 2009. P. 136.
2. Roy A. Hinduism and Popular Music // The Bloomsbury Handbook of Religion and Popular Music Ed. by Christopher Partridge, Marcus Moberg. Bloomsbury Publishing, 2017. P. 12.
3. Филатов С. Б. Религия в постсоветской России // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. М. ; СПб. : Летний сад, 2002. С. 470–472; Митрохин Л. Н. Религиозная ситуация в современной России // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 79–81.
4. О мастере Бо. Интервью Марии Свешниковой с Борисом Гребенщиковым // Татьянин день. Молодёжный интернет-журнал МГУ. 5.02.2010. URL: <http://www.taday.ru/text/302692.html> (дата обращения: 09.09.2017).
5. Пореш В. Ю. Русский буддизм – как это возможно? // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. М. ; СПб. : Летний сад, 2002. С. 384–385.

6. Рыбин А. В. Майк. Время рок-н-ролла. СПб. : Амфора, 2010. С. 86.
7. Гребенщиков Б. Б. Краткий отчет о 16 годах звукозаписи. 1997 // Планета Аквариум. URL: http://www.planetaaquarium.com/library/kratkii_ot246.html (дата обращения: 13.09.2017).
8. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1998. С. 248.
9. Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. М. : Новый Акрополь, 2017. С. 118.
10. Терентьев А. А. «Сутра сердца праджняпарамиты» и ее место в истории буддийской философии // Буддизм: История и культура. М. : Наука, 1989. С. 7.
11. Торчинов Е. А. Указ. соч. С. 228.
12. Аквариум. Документы. URL: <http://www.aquarium.ru/documents/faq2.html> (дата обращения: 15.09.2017).
13. Ветюков В. Крестом и гитарой. Русский рок в поисках Бога // НГ-Религии, 5.11.2003. С. 8.
14. Агата Кристи: «Протестанты – это настоящие сатанисты». Интервью Глеба и Вадима Самойловых Денису Ступникову. 12.01.2005. URL: <http://pravaya.ru/expertopinion/116/2022/> (дата обращения: 18.09.2017).
15. Baumann M. Global Buddhism: Developmental Periods, Regional Histories, and a New Analytical Perspective // Journal of Global Buddhism. 2001. № 2. P. 1–43.
16. Агаджанян А. А. Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму // Религия и глобализация на просторах Евразии. М. : Неостром, 2005. С. 224.
17. Dasgupta R. Pop Buddhism: the New Myth in Popular Culture. URL: http://www.academia.edu/238560/POP_BUDDHISM_THE_NEW_MYTH_IN_POPULAR_CULTURE P.3. (дата обращения: 11.09.2017).

Notes and References

1. Bakker F. L. The Challenge of the Silver Screen: An Analysis of the Cinematic Portraits of Jesus, Rama, Buddha and Muhammad. Leiden : Brill, 2009. P. 136.
2. Roy A. Hinduism and Popular Music // The Bloomsbury Handbook of Religion and Popular Music Ed. by Christopher Partridge, Marcus Moberg. Bloomsbury Publishing, 2017. P. 12.
3. Filatov S. B. *Religija v postsovjetskoj Rossii* [Religion in Post-Soviet Russia] // *Religija i obshhestvo. Ocherki religioznoj zhizni sovremennoj Rossii* – Religion and Society. Essays on the Religious Life in modern Russia. M. SPb. Letnij sad. 2002. Pp. 470–472. Mitrohin L. N. *Religioznaja situacija v sovremennoj Rossii* [Religious Situation in Modern Russia] // *Sociologicheskie issledovanija* – Sociological research. 1995, № 11, pp. 79–81.
4. *O mastere Bo. Inter'v'ju Marii Sveshnikovoj s Borisom Grebenshnikovym* – About Master Bo. Maria Sveshnikova's Interview with B. Grebenshnikov // *Tat'janin den'. Molodjozhnyj internet-zhurnal MGU* – Tatiana's Day. Youth Internet Journal of Moscow State University. 5.02.2010. Available at: <http://www.taday.ru/text/302692.html> (accessed 09.10.2017).
5. Poresh V. Ju. *..russkij buddizm – kak jeto vozmozhno?* [Russian Buddhism – how is that Possible?] // *Religija i obshhestvo. Ocherki religioznoj zhizni sovremennoj Rossii* – Religion and Society. Essays on the Religious Life in modern Russia. M. SPb. Letnij sad. 2002. Pp. 383–385.
6. Rybin A. V. *Majk. Vremja rok-n-rolla* [Mike. Time of Rock-n-roll]. Spb. Amfora. 2010. P. 86.
7. Grebenshnikov B. B. *Kratkij otchjot o 16-ti godah zvukozapisi* [A Short Report on 16 Years of Recording] // *Planeta Akvarium* – Planet Aquarium. Available at: http://www.planetaaquarium.com/library/kratkii_ot246.html (accessed 13.10.2017).
8. *Torchinov E. A. Religii mira: Opyt zapredel'nogo*. [World Religions: the Experience of the Transcendent]. SPb. Peterburgskoe Vostokovedenie. 1998. P. 248.
9. *Sutta-Nipata. Sbornik besed i pouchenij*. [Sutta-Nipata. Collection of Conversations and Sermons]. M. Novyj Akropol'. 2017. P. 118.
10. Terent'ev A. A. «*Sutra serdca pradžnjaparamity*» i ee mesto v istorii buddijskoj filosofii [“The Heart Sutra Prajnaparamita” and its Place in the History of Buddhist Philosophy] // *Buddizm: Istorija i kul'tura* – Buddhism: History and Culture. M. Nauka. 1989. P. 7.
11. *Torchinov E. A.* Op. cit. P. 228.
12. *Akvarium. Dokumenty* – Aquarium. Documents. Available at: <http://www.aquarium.ru/documents/faq2.html> (accessed 15.10.2017).
13. *Vetjukov V. Krestom i gitaroj.russkij rok v poiskah Boga* [Cross and a Guitar.russian Rock in Search of God] // *NG-Religii* – NN-Religion, 5.11.2003. P. 8.
14. *Agata Kristi: «Protestanty – jeto nastojashhie satanisty».* Interv'ju Gleba i Vadima Samojlovyh Denisu Stupnikovu [Agatha Christie: “Protestants are True Satanists”: An Interview with Gleb and Vadim Samoilov to Denis Stupnikov]. 12.01.2005. Available at: <http://pravaya.ru/expertopinion/116/2022/> (accessed 18.10.2017).
15. Baumann M. Global Buddhism: Developmental Periods, Regional Histories, and a New Analytical Perspective // Journal of Global Buddhism. 2001. № 2. Pp. 1–43.
16. *Agadzhanjan A. A. Buddizm v sovremennom mire: mjagkaja al'ternativa globalizmu* [Buddhism in the modern world: a soft alternative to globalism] // *Religija i globalizacija na prostorah Evrazii* – Religion and Globalization in Eurasia. M. Neostrom, 2005. P. 224.
17. *Dasgupta R.* Pop Buddhism: the New Myth in Popular Culture. Available at: http://www.academia.edu/238560/POP_BUDDHISM_THE_NEW_MYTH_IN_POPULAR_CULTURE P.3. (accessed 11.10.2017).

УДК 316.3

Факторы формирования и особенности развития социального капитала в современном российском обществе

Герасимова Л. А.

младший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований
Уфимского научного центра РАН. 450054, г. Уфа, просп. Октября, 71. E-mail: ljudmila-shagieva@rambler.ru

Аннотация: Актуальность изучаемой темы обусловливается нарастанием темпов социальной дезинтеграции, трансформацией культурных и нравственных ценностей, снижением гражданской ответственности населения в современном российском обществе. Причины данных негативных тенденций сводятся во многом к недостаточному уровню реализации социального капитала, его ключевых сегментов, представляющих собой связи, отношения и взаимодействия, способствующие приращению общественного блага. В целях снижения степени влияния данных негативных факторов особую значимость приобретает изучение особенностей развития социального капитала в современном российском обществе, выявление первостепенных проблем, препятствующих его продуктивному формированию и проявлению на макро-, мезо- и микроуровнях. Основной целью представленной статьи является разностороннее изучение заявленной проблемы, особенностей её проявления в современных условиях, а также основных направлений её элиминирования.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные связи, социальные нормы, социальное взаимодействие, доверие, общественное благо.

Forming factors and features of development social capital in contemporary Russian society

Gerasimova L. A.

Junior researcher, Institute of Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS. 71 Oktyabr' Ave.,
450054, Ufa. E-mail: ljudmila-shagieva@rambler.ru

Abstract: The relevance of the topic being studied is determined by the increase in the rates of social disintegration, the transformation of cultural and moral values, and the reduction of civil responsibility of the population in contemporary Russian society. The reasons for these negative trends are largely due to the insufficient level of implementation of social capital, its key segments, which are relationships, relationships and interactions that contribute to the growth of the public good. In order to reduce the impact of these negative factors, the study of the peculiarities of the development of social capital in modern Russian society, the identification of the primary problems that prevent its productive formation and manifestation at the macro, meso-, and micro levels is of particular importance. The main goal of the presented article is a comprehensive study of the stated problem, the features of its manifestation in modern conditions, as well as the main directions of its elimination.

Keywords: social capital, social ties, social norms, social interaction, trust, public good.

Изучение проблемы реализации социального капитала в современном российском обществе приобретает особую значимость в условиях поиска новых траекторий социально-экономического развития, выявления прогрессивных направлений совершенствования социальной реальности. Исследование ключевых аспектов рассматриваемой проблемы включает в себя описание особенностей формирования социального капитала в современном российском обществе, определение факторов, влияющих на его развитие, разработку ключевых принципов функционирования и направлений, в рамках которых должен осуществляться поиск методов её решения. Следует отметить также, что не менее важным при реализации поставленных задач является выбор объективного подхода к интерпретации понятия «социальный капитал», так как в современной социологической науке нет единого мнения, способного отразить все грани содержания и сущности данного феномена.

Причины неоднозначности интерпретации понятия «социальный капитал» обуславливаются во многом абстрактностью рассматриваемого объекта, сложностью в определении его структуры, выборе основных содержательных срезов и ключевых характеристик.

В философии и социологии изучение проблемы формирования социального капитала находит отражение в подходах, выдвигаемых П. Бурдьё, Дж. Джекобсом, Дж. Коулманом, Г. Лури,

Р. Патнэмом, Ф. Фукуямой и др. Тем не менее анализ изученной литературы позволяет сделать вывод о том, что многообразие направлений изучения данного социального феномена можно свести к трём основным (классическим) теориям:

1. Подход, выдвигаемый Пьером Бурдьё, согласно которому социальный капитал представляет собой систему социальных связей, выступающих источником получения выгод.

2. Теория, основанная Джеймсом Коулманом, трактующая социальный капитал как общественное благо, производимое индивидами с целью последующего извлечения выгоды.

3. Трёхфакторная теория Роберта Патнема, основанная на представлении социального капитала как системы социальных связей, социальных норм и доверия.

На основе интеграции рассмотренных подходов можно представить модель структуры социального капитала, которая включает в себя следующие элементы: донор (человек, социальная группа, социальный институт, которые являются источником социального капитала); реципиент (социальный элемент, получающий социальный капитал в форме ресурса); ресурс (в качестве ресурса выступают социальные связи, нормы, доверие и т. д.).

Относительно распространения сферы влияния данного социального феномена выделяются макро-, мезо- и микроуровни, причём на каждом из них можно обозначить специфические факторы воздействия на его развитие.

К факторам, влияющим на развитие социального потенциала на макроуровне, относятся политические, правовые, социально-экономические и культурные факторы. Кроме того, специфика регионального подхода в изучении социального капитала должна учитывать этнический и этнокультурный факторы, а также особенности формирования межнациональных отношений. На мезоуровне проявляется воздействие факторов социальных взаимодействий, социальной среды, социальных институтов и групп (семья, профессиональный коллектив, объединения по интересам и т. д.). На микроуровне социальный капитал проявляется в форме социальных связей, в которые индивид вступает ежедневно с целью достижения определенных целей (общение с целью получения необходимой информации, обсуждения актуальных вопросов, деловые встречи).

При изучении факторов развития следует выделить как положительное, так и отрицательное влияние социального капитала. Основной принцип разграничения заключается в том, что действие социального капитала всегда должно быть направлено на благо и никогда – во вред социуму. Так, используя основные ресурсы социального капитала, человек получает образование, приобщается к трудовой деятельности, задействует основные силы в производстве материальных благ и услуг. Действие социального капитала при этом имеет положительную направленность как для отдельного человека, так и для общества в целом. Если же связи и отношения устанавливаются в группе лиц (между группами) для получения выгоды, не имеющей законного основания, либо приносящей вред другим лицам, то данная форма социального капитала имеет отрицательное значение. Учитывая данное обстоятельство, необходимо выделить принципы функционирования социального капитала, к которым относятся прежде всего принцип законности, социальной ответственности, солидарности, гуманизма, равенства. В случае соблюдения основных принципов можно признать положительное значение социального капитала.

Негативные факторы формирования социального капитала оказывают значительную степень влияния на нарастание проблем, связанных с его развитием в современном российском обществе.

По мнению многих исследователей, данные проблемы преимущественно обусловлены господствующим длительное время в российском обществе тоталитарным режимом, воздействие которого накладывает отпечаток на социальные отношения и в настоящее время.

Так, Ф. Фукуяма полагает, что Россия относится, как и «некоторые другие бывшие коммунистические страны», к числу подлинно индивидуалистических обществ, «члены которых не умеют объединяться друг с другом» [1]. Аналогичной точки зрения придерживается и другой известный теоретик концепции социального капитала Р. Патнем, по мнению которого, «не только Россия, а почти все бывшие коммунистические страны имели слабые традиции гражданского общества до прихода коммунизма, а тоталитарное правление свело на нет даже этот ограниченный запас социального капитала» [2]. Т. Николс в своем исследовании также делает вывод о том, что современная Россия представляет собой страну, «испытывающую практически полное отсутствие социального капитала, и что в этом дефиците заключается наиболее исчерпывающее объяснение ее проблем» [3].

Выводы, обоснованные данными авторами, содержат развернутое теоретическое обоснование проблем развития социального капитала, связанных со спецификой социально-экономического и политического развития советского общества, но, тем не менее, их нельзя назвать

вполне объективными в силу ряда неверных суждений. В первую очередь, необходимо отметить, что понятие «социальный капитал» в данном контексте трактуется довольно узко – как система социальных связей, направленных на получение экономических выгод, в то время как социальная, культурная и духовная составляющая теряют свою непреходящую ценность. Значение данных структурных элементов заметно занижено, в то время как их воздействие на формирование социального капитала прослеживается в многочисленных профессиональных, творческих, молодежных и подростковых объединениях советских граждан. Социальный капитал данного времени не сводится к приращению экономических благ, но содержит ряд существенных положительных результатов в форме коллективизма, идеологического единства, социальной целостности, нравственной культуры, которых в значительной степени недостаёт современному обществу.

А. А. Аузан в статье «Общественный договор и гражданское общество» говорит о том, что «в 1970–1980 гг. в СССР были созданы огромные запасы социального капитала, были многочисленные элементы гражданского общества – от КПСС до московских кухонь». Однако с начала 1990-х гг. началось его систематическое «разрушение», в результате которого, по мнению автора, «социальный капитал сгорел в годы шоковых реформ» [4].

Но учитывая многочисленные трудности развития социального капитала в современном российском обществе, необходимо помнить о том, что он будет существовать всегда вне зависимости от экономических кризисов и социальных потрясений. Различные формы его проявления могут меняться, степень влияния – усиливаться или уменьшаться, но сам факт его существования открывает перспективы для дальнейшего развития и преобразования в единую систему социальных связей, обеспечивающих продуктивное функционирование общества.

В настоящее время для активизации данного процесса необходимо решить следующие проблемы, оказывающие негативное воздействие на современное российское общество:

1. Проблемы развития социального капитала макроуровня:

- трансформация морально-нравственных ценностей,
- отсутствие единой общественной идеологии,
- несовершенство законодательства и правовых норм,
- атомизация и индивидуализация сознания граждан,
- неравные условия доступа к материальным, социальным и культурным благам.

Негативное влияние данных проблем в настоящее время выражено в серьезных нарушениях социальных норм, связанных с правовым нигилизмом, ростом недоверия к власти, пренебрежением ценностями морали и нравственности, социальной фрустрацией, ослаблением социальной и национальной солидарности.

2. Проблема мезо- и микроуровня развития социального капитала являются:

- отклонения от правил честной конкуренции,
- низкий уровень социальной ответственности,
- усиление межличностного и институционального недоверия,
- ослабление семейных ценностей,
- распространение потребительской культуры.

Раскрывая суть данных проблем, Х. А. Кобелева отмечает, что медленное накопление социального капитала в России обусловлено отсутствием социального единства. По мнению автора, для того чтобы «внести вклад» в социальный капитал, человеку необходимо адаптироваться к моральным нормам определенного сообщества и усвоить господствующую в нем систему ценностей, правил и норм. В противном случае человек в своей повседневной деятельности будет поступать эгоистически, пренебрегая нормами общественной морали, в результате чего будет происходить накопление лишь «негативного» социального капитала и усиление межличностного недоверия в обществе [5]. Аналогичная мысль прослеживается в рассуждениях В. В. Петухова: «Российский индивидуализм – это индивидуализм людей, столкнувшихся с тяжелыми проблемами выживания, поэтому он и не дает пока импульсов к различным формам гражданской и профессиональной консолидации и солидаризма». Опасность распространения данного типа индивидуализма в обществе кроется в том, что он способствует усилению как межличностного, так и институционального недоверия, результатом которого является утрата способности к коллективному сопротивлению [6].

На региональном уровне к группе данных проблем необходимо добавить также ослабление преемственности национальной культуры, угрозу утраты статуса национального языка как второго государственного, сужение образовательных программ в области изучения культурных и национальных традиций. В условиях ослабления социальной консолидации сплочение граждан на основе идеи национального единства является одним из наиболее важных направлений раз-

вития социального капитала [7]. Но в то же время продвижение данной идеи не должно провоцировать межнациональные конфликты, суть её должна заключаться в равенстве и уникальности различных культур, их универсальной ценности для российского общества в целом.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что социальный капитал во многом определяет траектории социального развития современного российского общества, так как включает в себя социальные связи, сети и взаимодействия, обеспечивающие целостность общества, единство составляющих его структурных элементов [8]. Проблемы, ослабляющие действие социального капитала, представляют собой опасность не только для благополучия населения, но и для социально-экономического развития основных общественных систем, грозя им социальным распадом и прекращением функционирования ключевых сегментов. Основные направления решения поставленной проблемы во многом сводятся к элиминированию негативных факторов, препятствующих развитию социального капитала на макро-, мезо- и микроуровнях. От эффективности реализации данных направлений будут зависеть во многом перспективы формирования социального единства, устойчивого развития основных общественных систем.

Примечания и список литературы

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004. 730 с.
2. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. 288 с.
3. Nicols T. Russian democracy and social capital // Social science information. 1996. Vol. 35. № 4.
4. Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество. URL: <http://www.gks.ru.http://www/polit.ru/lectures/2005/01/11/auzan.html>
5. Кобелева Х. А. Проблема формирования социального капитала в современной России // Вестник ВГУ. Сер. «История. Политология. Социология». 2015. № 3. С. 75–77.
6. Петухов В. В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // Общественные науки и современность. 2002. № 6.
7. Гаврикова А. В. Социальная устойчивость региона: диагностика и проблемы развития / А. В. Гаврикова, Д. Ф. Ишмуратова, Ю. В. Мигунова, Р. М. Садыков, Ф. С. Файзуллин. Уфа : ИСЭИ УНЦ РАН, 2017. 188 с.
8. Садыков Р. М. Основные направления и факторы социального развития региона в условиях экономической нестабильности / Р. М. Садыков, Ю. В. Мигунова, А. В. Гаврикова, Д. Ф. Ишмуратова // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 6–1 (49). С. 119–124.

Notes and References

1. Fukuyama F. *Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]. M. Publishing house AST. 2004. 730 p.
2. Patnehm R. *CHtoby demokratiya srobotala. Grazhdanskie tradicii v sovremennoj Italii* [For democracy to work. Civil traditions in modern Italy]. 1996. 288 p.
3. Nicols T. Russian democracy and social capital // Social science information. 1996. Vol. 35. № 4.
4. Auzan A. A. *Obshchestvennyj dogovor i grazhdanskoe obshchestvo* [Social contract and civil society]. Available at: <http://www.gks.ru.http://www/polit.ru/lectures/2005/01/11/auzan.html>
5. Kobeleva H. A. *Problema formirovaniya social'nogo kapitala v sovremennoj Rossii* [The problem of the formation of social capital in modern Russia] // *Vestnik VGU. Ser. «Istoriya. Politologiya. Sociologiya»* – Herald of the VSU. Series: History. Political science. Sociology. 2015, No. 3, pp. 75–77
6. Petuhov V. V. *Politicheskaya aktivnost' i grazhdanskaya samoorganizaciya rossiyan* [Political activity and civil self-organization of the Russians] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social sciences and modernity. 2002, № 6.
7. Gavrikova A. V. *Social'naya ustojchivost' regiona: diagnostika i problemy razvitiya* [Social stability of the region: diagnostics and development problems] / Gavrikova A.V., Ishmuratova D.F., Migunova Yu. V., Sadykov R.M., Faizullin F.S.. Ufa. ISEI URC RAS. 2017. 188 p.
8. Sadykov R. M. *Osnovnye napravleniya i faktory social'nogo razvitiya regiona v usloviyah ehkonomicheskoy nestabil'nosti* [The main directions and factors of social development of the region in the conditions of economic instability] / Sadykov R.M., Migunova Yu. V., Gavrikova A.V., Ishmuratova D.F. // *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ehkonomika, nauka, tekhnologii* – Competitiveness in the global world: economy, science, technology. 2017, No. 6–1 (49), pp. 119–124.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 656.071.41(93/94)

Порт как фактор освоения и развития экономической жизни Владивостока и областей России в период с 1862 по 1920 г.

Курбенков В. А.

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой морского права,
Морской государственной университет имени адмирала Г. И. Невельского. 690069, г. Владивосток,
ул. Верхнепортовая, 50-а. E-mail: kurbenkov@msun.ru

Аннотация: В рассматриваемой статье основное внимание автор уделяет Владивостокскому порту и его роли в освоении и развитии экономической жизни Владивостока и областей России через призму исторического очерка начальника Владивостокского порта, представленного в 1921 г. как отчетный документ, показывающий его деятельность в период с 1862 по 1921 г. В работе указаны этапы, с помощью которых показывается и исследуется деятельность Владивостокского порта с истории его развития до 1921 г., особое внимание уделено положению порта до начала Русско-японской войны и проанализирован общий грузооборот Торгового порта с 1908 по 1920 г., проведен анализ торгово-судоходной деятельности Владивостокского порта в исследуемый период. Обращено внимание на управление портом, многочисленные межведомственные противоречия между морским, военным и гражданскими ведомствами, а также и между самими гражданскими ведомствами.

Ключевые слова: Владивостокский порт, проекты развития порта, портовое строительство, морское судоходство, экономическая жизнь, Владивосток, области России, нормативная база.

Port as a factor of mastering and development of economic life of Vladivostok and regions of Russia in the period from 1862 to 1920

Kurbenkov V. A.

candidate of political sciences, associate professor, head of the Department of law of the sea,
Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskiy. 50 Verkhneportovaya str., 690069, Vladivostok.
E-mail: kurbenkov@msun.ru

Abstract: In the present article the main attention is paid to the port of Vladivostok and its role in the exploration and development of economic life in Vladivostok and Russia through the prism of a historical sketch of the head of the Vladivostok port, presented in 1921, as a reporting document showing his activities during the period from 1862 to 1921. The paper shows the stages through which shows and explores the activity of the Vladivostok port with the history of its development up to 1921, special attention is paid to the state of port before the start of the Russo-Japanese war and analyzed the total turnover of commercial port from 1908 to 1920, analyses trade-and-shipping activities of the Vladivostok port during the study period. Attention is drawn to the management port, numerous interagency conflicts between the Maritime, the military one and the civilian agencies, but also among civilian agencies.

Keywords: Vladivostok port, projects of port development, port construction, maritime navigation, economic life, Vladivostok, region Russia, regulatory framework.

К тематике торгового мореплавания на Дальнем Востоке обращались многие авторы, назовем некоторых из них. В частности, В. П. Бянкин [1] поставил задачу наиболее полного и точного исследования торгового мореплавания как исторического феномена, который оказал значительное влияние на экономическое развитие Дальневосточного региона. Известный интерес для нашего исследования представляют труды А. А. Гвоздарёва [2] и Г. П. Орленко [3], в них раскрыты

условия развития морского судоходства и портового строительства на Дальнем Востоке. На этом этапе были изданы и монографии выдающегося учёного-океанолога В. Ю. Визе [4]. В его работах проведен анализ основных направлений изучения Арктического бассейна в целях судоходства по Северному морскому пути, первые итоги начавшегося освоения территории.

Исторически последовательно проследил этапы развития отечественного мореплавания на Дальнем Востоке А. И. Крушанов, показав, какие задачи решал морской транспорт в хозяйственном развитии и освоении российской окраины [5], а также многие другие авторы.

В редставленной работе будут рассмотрены основные этапы в деятельности Владивостокского порта и проанализирована его роль в освоении и развитии экономической жизни Владивостока и областей России через призму исторического очерка начальника Владивостокского порта [6].

Начнем с истории развития Владивостокского порта.

Как указано в историческом очерке, «пункты побережья Тихого океана, где из последних значится Владивосток, были заняты отрядами русских войск из сорока нижних чинов при офицерах 20 июня 1860 года. В ноябре 1862 г. по Пекинскому трактату весь Уссурийский край присоединился к России, а 25 декабря (по старому стилю) 1862 года “пост Владивосток” впервые стал именоваться портом Владивосток» [7].

С каждым годом росло и количество судов, заходивших в порт Владивосток. Если в первые годы (1861–1865) в порт заходило по одному-два судна в год, то в последующие годы число судов резко выросло: в 1871 г. – 24 судна, 1880 г. – 71 судно, 1889 г. – 92 судна. Это были в основном иностранные суда.

Развивающийся город начал вести оживленную торговлю. В то же время был издан закон, разрешающий в порту беспошлинную торговлю. Порт Владивосток объявляется «порто-франко» с 25 декабря 1862 г., когда коммерческое значение порта пока было невелико (в эти же годы этот статус обрели и другие порты Дальнего Востока), и просуществовало до 1 марта 1909 г. (10 июня 1900 г. вступил в силу закон, отменивший беспошлинный ввоз товаров в порты побережья). Как верно отметили в своей работе А. И. Фисенко и Е. А. Хамаза, «система “порто-франко” во Владивостоке должна обеспечить заграничными товарами промышленного и сельскохозяйственного производства жителей края, так как местное производство, а также путей сообщения, которые позволяли бы поставлять товары из европейской России (это был, прежде всего, морской транспорт, так как железной дороги – Транссиба – пока ещё не существовало). В то время система “порто-франко” уже действовала в Одессе и приносила городу положительные результаты» [8].

По дальнейшим событиям, указанным в историческом очерке, можно проследить этапы дальнейшего становления и развития Владивостокского порта. Так, в феврале 1871 г. российское правительство приняло решение перенести главный порт Сибирской флотилии из Николаевска-на-Амуре во Владивосток, так как этот порт не имел глубоководных подходов. Сказывались также длительность зимнего ледостава в Амурском лимане и значительное удаление порта от южных районов русского Дальнего Востока. Владивосток становится основным пунктом базирования флотилии, в составе которой уже насчитывалось около 20 кораблей.

Далее, как видно из документа, в период с 1874 по 1886 г., шло формирование административных органов: «в 1874 г. создается комитет по устройству города», «в 1875 г. образовалась и начала функционировать городская дума», а в «1880 г. Владивосток переводится в разряд городов» [9].

В этот же период подконтрольное правительству морское судоходное общество Добровольный флот начинает совершать свои первые рейсы: «...в 1879 г. пароход Добровольского флота “Нижний Новгород” совершил первый рейс между Одессой и Владивостоком», а «в 1886 г. уже налаживаются регулярные рейсы между Владивостоком, Камчаткой и Сахалином» [10], что позволило Владивостокскому порту с каждым годом увеличивать грузооборот, так как количество судов, заходивших в порт Владивосток, увеличилось.

Начинающаяся деятельность казенных предприятий в развитии Владивостокского порта предоставила возможность и частным предприятиям, как видно из очерка, принять в этом активное участие. «В 1890 г. пароходство купца Шевелева устанавливает правильные рейсы между Владивостоком и Николаевском а также ближайшими к Владивостоку местностями Сучаном, Монгугаем, Славянкой. В том же году открыто Японским обществом “Пиппонь-Юзень-Кайша” регулярное сообщение с Кобе. Нагасаки, Шанхай» [11]. «В 1895 г. лейтенантом граф. Кейзерлинг основано товарищество для китобойного промысла» [12].

Открытие Уссурийской железной дороги в 1891 г. явилось резким толчком к развитию порта Владивосток, была произведена закладка сухого дока Морского ведомства, порт в 1892 г. посетило 129 судов, в том числе 31 японское и 39 греческих.

В 1895 г. специальная петербургская комиссия изучает вопрос возможности строительства во Владивостоке большого коммерческого порта и принимает решение: «Во Владивостоке наиболее удобна для устройства коммерческого порта бухта “Золотой Рог”... На случай надобности в дальнейшем развитии порта может быть произведено развитие территорий и устройству соединения новой дороги самому широкому росту грузопровозной способности и вообще грузообороту порта» [13].

После принятия данного решения, как пишет начальник порта, на благоустройство торгового порта стали отпускатся денежные средства, что позволило в период с 1896 по 1899 г. улучшить его инфраструктуру. Так, «в 1896 г. на устройство бухты “Золотой Рог” было выделено Министерством путей сообщения 600 000 руб. и начались работы по постройке набережной и по изысканию в прилегающих к Владивостоку бухтах для большого коммерческого порта» [14]. «В 1897 г. – 300 000 руб., в 1898 г. – 442 000 руб., а в 1898 г. – 296 000 руб., за которые построен пакгауз площадью пола 1 362 кв. саж. Всего на постройку набережной отпущено – 1 327 000 руб.» [15]. Строительство набережной было окончено осенью 1899 г., и она стала протяженностью 220 саж.

Параллельно казенному строительству во время производственных работ по постройке порта в его благоустройстве участвовали и частные компании. Так, в очерке указано, что «...Китайской Восточной железной дорогой для грузовых операций, преимущественно по экспулатации зерновых культур, построено два участка каменной массивной набережной по 50 саженой каждой, жилые дома, складочные помещения из одинакового железа, проведены железно-дорожные пути и помещения дороги – всего потрачено 1 062 883 руб.» [16]. Этими постройками заканчиваются капитальные работы по благоустройству Владивостокского порта.

В 1903, 1907, 1910, 1913 гг. создавались проекты расширения порта, ни один из которых осуществлен не был.

Обобщая итог первой части исследования, можно сказать, что растущее значение порта Владивосток требовало его развития и расширения, но такие работы не планировались, так как плана по благоустройству торгового порта не было. В подтверждение этому можно привести слова начальника порта, который в своем историческом очерке писал: «С 1900 по 1913 гг. работы по благоустройству порта носили случайный характер и проводились отдельными заинтересованными учреждениями и предприятиями для удовлетворения самых насущных потребностей по перевозке и хранению. Из наиболее значимых затрат можно указать на работы Общества Китайской Восточной железной дороги на сумму 560 000 руб. и Добровольного флота на 200 000 руб.» [17].

Рассмотрим положение Владивостокского порта до начала Русско-японской войны и покажем его развитие в дальнейшие годы.

В 1898 г. Россия арендовала у Китая часть Ляодунского полуострова, что вызвало срочное строительство военной базы Порт-Артур и порта Дальний (Дайрен, Далянь). Эти объекты вскоре оттянули на себя внимание и властей, и бизнеса, а также поглотили миллионы русских денег, и развитие Владивостока было приостановлено.

Морской торговый флот Дальнего Востока был малочисленным – 20 паровых и семь парусных судов общим тоннажем около 12 тыс. тонн. Накануне войны 10–15 пароходов Добровольного флота, работавших по расписанию, перевозили огромное количество грузов для строившихся Уссурийской железной дороги и КВЖД с ее южным ответвлением, а также для строившихся морских портов в городах Владивосток и Дальний. Кроме того, ежегодно до 3 млн пудов перевозили на зафрахтованных французских, английских и германских судах.

В значительной степени суда Добровольного флота обеспечивали деятельность 1-й Тихоокеанской эскадры, когда Россия заняла Порт-Артур. Позднее все русские суда перевозили между Владивостоком, Порт-Артуром и китайскими портами стрелковые, казачьи и артиллерийские части с лошадьми, обозами, вооружением, снабжали углем корабли русской эскадры. Перевозки войск и воинских грузов производились и из Одессы. В обратном направлении отправляли на родину военнослужащих, отслуживших свой срок. В дальнейшем было налажено регулярное снабжение войск и эскадры в Порт-Артуре, на обратном пути доставляли из китайских портов чай с назначением на порты Европы.

Война в корне изменила модель использования русского торгового флота. Часть пароходов Добровольного флота была мобилизована в состав военно-морских сил. Пароход «Москва», который в 1880 г. открыл линию большого каботажа Одесса – Владивосток, был прикомандирован к 1-й Тихоокеанской эскадре в качестве вспомогательного крейсера, пароход «Херсон» в таком же качестве – к Владивостокскому отряду крейсеров. Судам общества КВЖД, блокированным в Порт-Артуре, пришлось принять непосредственное участие в обороне этой базы флота.

Поражения России в Русско-японской войне и потеря арендных прав на Ляодун вынудили российское правительство больше внимания уделять Владивостоку. Обстановка стала меняться уже в 1906 г., порт уже посетило 701 судно, а грузооборот уже составил 435 тыс. тонн.

В 1910 г. по предложению отдела торговых портов был составлен эскизный проект расширения и оборудования порта, который в главных чертах был и осуществлен. При составлении проекта предполагалось, что порт будет экспортировать сырье и импортировать чай, предметы промышленности для Приморья, Сибири, Северной Маньчжурии. К моменту составления проекта в 1910 г. общая протяженность набережных порта составляла 616 погонных саж. Проектом предусматривалось строительство еще 712 погонных саж.

Министерство торговли и промышленности, основываясь на имевшихся данных о порте до 1912 г., заявляло, что насущной потребностью для России является создание на русском Тихоокеанском побережье благоустроенного торгового порта, сообщенного сетью внутренних путей с центрами производства и удобными морскими сообщениями с иностранными портами. Таким пунктом у нас уже служит Владивосток.

Окончательную форму, после обсуждения на различных технических комиссиях, проект приобрел лишь в 1913–1914 гг. Если в 1911 г. порт имел 14 причалов общей длиной 840 погонных саж. и два строящихся причала, то проектом предусматривалось довести число причалов до 21. Исходный грузооборот 1911 г. составил 1 138 тыс. тонн, проектный – 2 300 тонн в 1920 г.

В 1915 г. проект по благоустройству торгового порта был передан подрядчику для его осуществления. К началу работ пакгаузами во Владивостокском порту владели: Общество Китайской Восточной железной дороги для склада зерна и чая – 10 239 кв. саж. – 5 357 500 пудов; Добровольский флот для разных товаров – 1 710,20 кв. саж. – 342 040 пудов; назначение для разных товаров – 1 929 кв. саж. – 385 800 пудов; и городские для разных товаров – 2 535,55 кв. саж. – 607 110 пудов. Всего 16 413,75 кв. саж. – 7 592,450 пудов.

Открытых площадей во Владивостокском порту было: Китайской железной дороги – 2 015 кв. саж. (зерно); других владельцев – 2 405 кв. саж. Всего 4 422 кв. саж. – 1 790 750 пудов.

Итого во Владивостокском порту было приспособлено для складки груза 20 833,75 кв. саж. – 9 383,200 пудов груза.

Теперь проведем анализ торгово-судоходной деятельности Владивостокского порта в период с 1880 по 1911 г.

По мере развития экономической жизни районы Пограничной области, Восточной Маньчжурии и Восточной Сибири увеличили поток грузооборота через порт Владивосток как экспортных товаров, преимущественно маньчжурских, так и импорта, главным образом предназначенного для русских областей.

к порту Владивостока районы Пограничной области, Восточной Маньчжурии и Восточной Сибири, увеличили поток грузооборота как экспортных товаров, преимущественно маньчжурских, так и импорта, главным образом предназначенного для русских областей.

Грузооборот Владивостокского торгового порта с 1880 по 1911 г. на судах заграничного плавания и большого каботажа имел следующие показатели: грузооборот, по данным до 1912 г., постоянно увеличивался, так, с 2 400 пудов в 1880 г. до 9 млн пудов в 1905 г., а в 1907 г. уже стал 21 млн пудов и достиг 57 млн пудов в 1911 г.

Грузооборот в основном складывался из экспорта хлеба, бобовых (северной Маньчжурии и северо-восточной Монголии), леса (Уссурийского края и северной Маньчжурии), отчасти продуктов горного производства и импорта русской мануфактуры для Приамурья, сельскохозяйственных орудий, орудий горного и рыбного производства, пищевых продуктов, транзита в Европу чая, отчасти транзита в Маньчжурию русской и иностранной мануфактуры.

Грузы, идущие через порт Владивосток, распределялись в описываемые периоды времени по отдельным районам следующим образом:

1. Области Восточной Сибири при условии дешевого тарифа и соответственной оборудованности порта могут завоевать своими сельскохозяйственными продуктами японские и китайские рынки. Это относится также и к Приамурскому рынку.
2. Забайкальская область представляет неисчерпаемый источник горных богатств.
3. Северная Маньчжурия и прилегающая к ней Монголия могут доставлять большое количество бобовых и злаковых продуктов.
4. Наиболее близко лежащие к порту районы Амурская и Приморская области. При обширном земельном пространстве и малой густонаселенности области эти в сельскохозяйственном отношении малоразвиты, потому вывоза из них в ближайшем будущем ожидать нельзя. Добывшую промышленность в крае составляют горная, лесная и рыбная [18].

Импорт Владивостока на этот период до 1912 г. можно было разделить на местный и транзитный.

К первому (местным грузам) принадлежат соль, мука, рис, уголь, строительный материал, галантерея и мануфактурные товары, сахар съестные напитки, а также скоропортящиеся товары: фрукты, овощи, нефть и керосин.

Ко второму (транзитным грузам) принадлежит исключительно чай, который привезен морем и вывезен по железной дороге: 1908 г. – 279 300 пудов; 1909 г. – 274 200 пудов; 1910 г. – 390 400 пудов; 1911 г. – 267 900 пудов.

Все вышеуказанное характеризует, как возрастает общий грузооборот торгового Владивостокского порта в период с 1908 по 1911 г., а именно: 1908 г. – 24 773 375 пудов; 1909 г. – 41 750 817 пудов; 1910 г. – 53 621 856 пудов; 1911 г. – 70 892 089 пудов, – что означает ежегодный прирост грузооборота на 46% и всего за четыре года 185%.

Видя, как развивается Владивостокский порт, Министерство торговли и промышленности приняло решение о необходимости строительства новых причалов на 23 парохода, т. к. к 1922 г. порт должен будет иметь уже грузооборот до 160 млн пудов.

Рассмотрим деятельность порта во время войны с Германией.

Владивостокский порт в предвоенное время имел преимущественно экспортную направленность (ввоз товаров уступал вывозу). Так, в 1913 г. его общий грузооборот составил 1 469 000 тонн, из которых 513 тыс. приходилось на импорт и 956 тыс. – на экспорт. Поскольку основными отечественными товарами являлись соя, лес, пиломатериалы, рыба, икра, цинковая и серебряно-свинцовая руды, номенклатура которых не требовала для разгрузки и погрузки специальных причалов и оборудования, особых складских помещений, необходимых для размещения в них крупногабаритных и тяжёлых грузов, то и деятельность порта вменялась в давно существовавшие рамки.

Война с Германией, вызвавшая блокирование всех русских портов в Европе, а также закрытие на время зимы Архангельска, сделали Владивосток единственным открытым для внешней мировой торговли портом России, что дало толчок планомерному его строительству.

Недостаточность портовых сооружений и путей сообщения, связывающих порт Владивосток с центром России, также вынудила царское правительство к переустройству Уссурийской железной дороги и расширению порта Владивосток. Основной проект порта мирного времени был приспособлен к задачам военного времени, так как через порт Владивосток шла помощь союзников России. Естественно, для такой роли Владивостокский порт подготовлен не был, для приема грузов, направленных из различных портов как Старого, так и Нового света, ему было необходимо принять экстренные меры по увеличению причалов и складских площадей.

Работы велись с начала 1915 г. по конец 1917 г. Основными решающими задачами, удовлетворяющими потребности специального военного грузооборота, были следующие: значительная абсолютная величина грузооборота доходила до 160 438 339 пудов; наличие большого количества громоздких и тяжелых грузов, паровозных и вагонных частей и различных станков и машин; необходимость продолжительного хранения грузов в порту вследствие недостаточной провозной способности железнодорожных данных, увозивших грузы из порта и односторонние направления грузов.

В это период грузооборот Владивостокского порта растет: 1914 г. – 825 тыс. тонн; 1916 г. – 2 050 тыс. тонн.

Годы революции, Гражданской войны и интервенции явились причиной резкого сокращения грузооборота порта. Но первая империалистическая война дала толчок к некоторому развитию порта.

Подводя некоторые итоги, можно сделать следующий вывод.

Во Владивостокском порту в 1921 г. владельцами набережной для морских судов в пределах Торгового порта были: Казна в лице Управления Торгового порта; Общество Китайской Восточной железной дороги и Общество Добровольного флота.

Владивостокский порт в этот период времени располагал главной коммерческой гаванью в бухте «Золотой Рог» длиной 1 660 погонных саженей из массивной кладки для стоянки до 29 судов; каботажной гаванью в Амурском заливе; гаванью Первой речки в Амурском заливе; Уссурийской каботажной гаванью в Амурском заливе близ мыса Купера на полуострове Шкота и Динамитной пристанью в бухте Улисс для перевозки вредных веществ. Общая площадь крытых складов составляла свыше 36 тысяч квадратных саженей.

В заключение следует процитировать А. А. Илларионова, который верно отмечает, что «...работы по расширению пропускной способности Владивостокского порта и улучшению условий судоходства в лимане Амура были включены в число приоритетных задач экономической политики государства. Оно готово было осуществить многомиллионные затраты на эти цели. Реконструкция портов на юге Дальнего Востока являлась необходимым условием успешного развития региона» [19].

Примечания и список литературы

1. Бянкин В. П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке. Владивосток, 1979.
2. Гвоздарев А. А. Морской транспорт Дальнего Востока // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 10. С. 1-14.

3. Орленко Г. Грузооборот Владивостокского торгового порта в прошлом и его перспективы в будущем // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 6–7. С. 3–22.
4. Визе В. Ю. История исследования Советской Арктики. Архангельск, 1934; *Он же*. Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. М.; Л., 1948.
5. Крушанов А. И. О развитии торгового мореплавания на русском Дальнем Востоке в последней четверти XIX – начале XX в. // Материалы по истории Владивостока. Кн. 1. 1860–1917 / АН СССР. Сиб. отд-ние. Дальневост. Филиал; редкол.: В. Г. Щебенков (отв. ред.) и др. Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1960. С. 46–57.
6. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 487. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–7.
8. Там же.
7. Порто-франко Владивосток: исторический опыт и современные задачи / Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте. URL: <https://fundamental-research.ru/> по состоянию на 13 ноября 2017 года. С. 637–642.
9. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 487. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–7.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Илларионов А. А. История морского транспорта. Трибуна диссертанта. Проблема развития Дальневосточных портов в начале XX веков в планах и решениях правительства // Вестник Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского. Общественные науки. Владивосток: МГУ им. адм. Г. И. Невельского, 2005. 302 с.

Notes and References

1. Byankin V. P. *Russkoe torgovoe moreplavanie na Dal'nem Vostoke* [Russian merchant shipping in the Far East]. Vladivostok, 1979.
2. Gvozdev A. A. *Morskoj transport Dal'nego Vostoka* [Maritime transport Far East of Russia] // *EHkonomicheskaya zhizn' Primor'ya* – Economic life of Primorye. 1924, No. 10, pp. 1–14.
3. Orlenko G. *Gruzooborot Vladivostokskogo torgovogo porta v proshlom i ego perspektivy v budushchem* [Cargo turnover of Vladivostok commercial port in the past and its future prospects] // *EHkonomicheskaya zhizn' Primor'ya* – Economic life of Primorye. 1924, No. 6–7, pp. 3–22.
4. Vize V. YU. *Istoriya issledovaniya Sovetskoj Arktiki* [History of the study of the Soviet Arctic]. Arkhangelsk. 1934. *Also him. Morya Sovetskoj Arktiki: Ocherki po istorii issledovaniya* [Seas of the Soviet Arctic: essays on the history of the study]. M.; L. 1948.
5. Krushanov A. I. *O razvitii torgovogo moreplavaniya na russkom Dal'nem Vostoke v poslednej chetverti XIX – nachale XX v.* [On the development of commercial navigation in the Russian Far East in the last quarter of XIX – early XX century] // *Materialy po istorii Vladivostoka* – Materials on the history of Vladivostok. Book 1. 1860–1917 / AS USSR. Siberian department. Far East branch; ed. board: V. G. Sheben'kov (resp. ed.) and others. Vladivostok. Primorye book publication. 1960. Pp. 46–57.
6. The Russian state historical archive of Far East (RGIA DV). F. 487. Inv. 1. File 9. Sh. 1–7.
8. Ibid.
7. *Porto-franko Vladivostok: istoricheskij opyt i sovremennye zadachi* – Porto Franco Vladivostok: historical experience and modern problems / Text of the document is given in accordance with the publication on the website. Available at: <https://fundamental-research.ru/> as of November 13, 2017. Pp. 637–642.
9. The Russian state historical archive of Far East (RGIA DV). F. 487. Inv. 1. File 9. Sh. 1–7.
10. Ibid
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. Ibid.
19. Illarionov A. A. *Istoriya morskogo transporta. Tribuna dissertanta. Problema razvitiya Dal'nevostochnyh portov v nachale XX vekov v planah i resheniyah pravitel'stva* [History of marine transport. Tribune of the author of dissertation. The problem of development of the Far Eastern ports at the beginning of the XX centuries in the plans and decisions of the government] // *Vestnik Morskogo gosudarstvennogo universiteta imeni admirala G. I. Nevel'skogo. Obshchestvennyye nauki* – Herald of the Maritime State University named after Admiral G. I. Nevel'skiy. Social Sciences. Vladivostok. MSU n.a. Adm. G. I. Nevel'skiy, 2005. 302 p.

УДК 94(47).084.6(=112.2)

Пересуды на завалинке: свои и чужие в повседневной культуре уральской провинции первой трети XX в.

Казанков А. И.

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18. E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Аннотация: На основании архивных материалов в статье произведена реконструкция базовых структур повседневной жизни сел и деревень Западного Урала. Выделены следующие структурообразующие компоненты: представления о другом в локальных нарративах, которые обозначены как *fake-lore*; обнаружен феномен отсутствия чужих в деревенской повседневности; описана модальность восприятия превращения своих в «оборотней». Автор фиксирует особенности повседневной ментальности, способной упрощать, овеществлять и мифологизировать сложные процессы социокультурных изменений, происходившие в советской деревне в 30-х гг. XX в. В статье обосновывается вывод о том, что уральская деревня в этот период сохраняла основные черты традиционной ментальности, не способной давать адекватные ответы на вызовы новой социокультурной ситуации. Люди той эпохи ощущали угрозы, исходившие извне, но давали им сугубо мифологические интерпретации.

Ключевые слова: советская деревня, 1930-е гг., повседневность, традиционная ментальность, мифологическая картина мира.

Gossips on the bench: ours and others' in everyday culture of Ural province the first third of the XX century

Kazankov A. I.

candidate of philosophical sciences, associate professor of Department of Culturology and philosophy, Perm State Institute of culture. 18 Newspaper "the Star" str., 614000, Perm. E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Annotation: Based on archival materials, the article reconstructs the basic structures of everyday life in villages and villages of the Western Urals. The following structure-forming components are distinguished: representations of the other in local narratives, which are designated as fake-lore; The phenomenon of the absence of strangers in rural everyday life was discovered; describes the modality of perception of the transformation of their "werewolves". The author fixes the features of everyday mentality that can simplify, reify and mythologize the complex processes of sociocultural changes that took place in the Soviet village in the 1930s. The article substantiates the conclusion that the Ural village during this period preserved the main features of the traditional mentality, which is not able to provide adequate answers to the challenges of the new socio-cultural situation. People of that era felt threatening from outside, but gave them purely mythological interpretations.

Keywords: Soviet village, 1930s, everyday life, traditional mentality, mythological picture of the world.

В истории культуры особенный интерес представляют эпохи радикальных преобразований – революций (в иной перспективе оцениваемых как катастрофы). Для истории России таким временем стала первая треть XX в. На протяжении жизни одного поколения произошел один из самых драматических культурных разрывов, связанный с крахом традиционного деревенского образа жизни, сворачиванием традиционного пространства и коллапсом традиционного времени. На несколько десятилетий повседневность стала объектом культурной интервенции невиданного ранее масштаба. Но в предлагаемом ниже исследовании будет представлен иной аспект произошедших перемен – его субъективная, ментальная проекция, нашедшая свое выражение в обыденных и массовых коммуникативных практиках.

Следы этих практик можно обнаружить в архивно-следственных делах людей «прицерковного круга», которых советская власть с удивительным постоянством и регулярностью подвергала разного рода репрессиям. В настоящее время их дела хранятся в Пермском государственном архиве социально-политической истории. А первым предметом нашего интереса будет совершенно заурядная деревенская сплетня.

В августе 1937 г. Токмановский сельсовет Березовского района Свердловской области выдал справку-характеристику на Морозова Михаила Ларионовича, в которой среди прочего гово-

рилось: «Морозов сумел изъять церковных денег в сумме около 14 тысяч рублей. На почве этих денег будто бы напоил пьяного и заморозил бывшего попа Овчинникова, который об этих деньгах знал» [1].

Восьмью годами ранее сочувствующий советской власти крестьянин-бедняк Иван Игнатьевич Неустроев, заведовавший избой-читальней в деревне Бурсун Чусовского района, в своих показаниях сообщил: «Состоящие при Городище монахини молодые девушки д. Саламатовой Долмонта Анна Степановна – 16 лет и Блинова Татьяна Васильевна 21 года, которые являются моими соседками, ходят к Нифонту по ночам. Помню нами была поймана Блинова Татьяна в июне месяце с/года, которая бежала к Нифонту в Городище, а когда чусовская раймилиция по городищенской церковной общине [завела] дело и послала монашек на медицинский осмотр, то обе они оказались уже не девственницами, общение же их с местными жителями было не замечено» [2].

Подобные сюжеты невольно будоражат воображение исследователя. Живо представляется, как церковный староста Михаил Морозов в полумраке храма, освещаемого только светом лампад, дрожащими руками сует за пазуху мятые ассигнации «в сумме около 14 тысяч рублей». А затем, подобно коварному Сальери, допьяна поит доверчивого священника Ивана Тихоновича Овчинникова (Моцарта), которому стала известна тайна. И оставляет его замерзать в сугробе лютыми декабрьскими морозами. Или – белая июньская ночь. По еще не остывшему от дневного зноя тракту из деревни Саломатовой в Городище мчится юная монашка Татьяна Блинова – исповедоваться. Догорающая зарница, серебряная от росы трава на обочине, звон комаров. Жар разгоряченного бегом тела. Внезапно из-за кустов появляются бдительные односельчане, не верящие в чистоту пастырских намерений. Последующая медиализация по распоряжению милиции (что поделаешь, *modernity*, врачи и полицейские – на службе морали) показала, что цветок невинности все-таки был сорван. Озадаченные парни «по соседству», познакомившись с медицинским заключением (удостоверенным авторитетом науки), говорили – нет, это не наши, я не видал, чтобы...

Все это факты, но факты определенного рода: факты высказывания о чем-то (нечто *было сказано*). Они создавали репутации, содержали оценки, влияли на судьбы. В пределах феноменологической установки мы не в праве их игнорировать. Однако, оценивая модальность, в которой дано некоторое содержание (убийство приходского священника или, как тогда говорили, «использование в половом отношении» девушек-монашек), приходится признать, что они даны в модусе *фантазии*, а если переходить на «объектный» язык – представляют собой обычные для повседневности *слухи*.

Священник Овчинников, на самом деле, не только не пал жертвой Морозова, но и проходил с ним по одному делу как обвиняемый. Руководство Токмановского сельсовета недрогнувшей рукой внесло в официальный документ деревенскую сплетню, сопроводив ее, правда, оборотом «будто бы».

Никаких следов медиализации монашек из деревни Саломатовой в деле Нифонта Агафоновна не содержится. В нем собрано все, что могли собрать оперуполномоченные ОГПУ, включая хорошо документированную историю *умышленной отравы скотом экспериментального земельного участка*. Но никакие развратные действия обитателям крошечного нелегального Городищенского монастыря не инкриминировались. Следовательно, перед нами снова слух, бытовавший в деревенской среде и попавший в официальный дискурс (свидетельские показания) *контрабандой*.

Для исследования повседневной ментальности, т. е. самых обыденных «привычек мышления» или «подручного знания», истинностный статус его содержания, как ни странно, не особенно важен. Погружение вглубь живого опыта просто разворачивало смыслы, которым обитатели социального круга «церковных людей» наделяли свой жизненный мир. Приведенные выше весьма красочные и фигуративные сообщения интересны как раз не их содержанием, которое мы до поры вынесем за скобки. Истолкованию будет подвергнута сама форма их бытования, которую, следуя за А. А. Панченко, можно обозначить как *fake-lore* [3], т. е. слух, сплетня, байка.

Слух, сплетня в провинциальной повседневности есть наиболее типичная и распространенная форма опыта *представления другого*. И то, что другой предъясняется в опыте в виде сплетни или слуха, демонстрирует две особенности повседневной жизни сел, деревень и маленьких рабочих поселков, обозначавшихся как «завод» (Кын-завод, Александровский завод и т. п.).

Во-первых, провинциальная повседневность *квазипрозрачна* и *тесно-сжата*: жизнь всех происходит на виду у всех, все обо всех судят и «знают», причем «знают» даже тогда, когда не знают. Вот, например, очень характерное свидетельство молодой девушки Тамары Механошиной, работавшей воспитательницей детского сада в Александровском заводе. В январе 1937 г. к ним в дом (под предлогом посещения спевков церковного хора) зачастил неженатый дьякон местной церкви.

По-видимому, каждая «хористка» сообщила об этом своим домашним и товаркам, и сплетня, что называется, «пошла гулять». По дороге она обросла пикантными подробностями и вскоре стала основанием для принятия административных решений: «Когда мне приходилось бывать даже и в магазине, то все начали называть меня дьяконицей. Осинникова даже написала заявление зав. детсадом Загайновой в котором подтвердила мою связь с дьяконом, в результате я с работы была за это уволена» [4]. История женитьбы Михаила Кукшинова на Тамаре Механошиной заслуживает отдельного исследования, пока лишь отметим, что гражданка Евдокия Осинникова, написавшая донос на Тамару, сама «состояла в связи» с дьяконом – и об этом тоже *говорил весь завод*.

Во-вторых, слухи, сплетни, повседневные пересуды являются *универсальной формой присвоения другого*. Топика и (или) архетипика образов в подобном нарративе сама по себе артикулирует поведение другого, предписывает понятные и ожидаемые поступки, а вместе с ними – часто – и их мотивацию (вор убивает свидетеля, «который об этих деньгах знал», отношения в архетипической парочке «блудливый монах – распутная монашка» и т. п.).

В условиях массивной интервенции, которой подвергалась провинциальная повседневность на рубеже 30-х гг. XX в., эта особенность деревенской сплетни приобретала удивительную актуальность. Акции власти порождали неожиданные и асимметричные реакции повседневной ментальности, вызывали конструирование фактов и их «объяснений». Вот, например, сообщение агентурного источника «Черемухин» о беседе со священником В. Мичковым, которая была посвящена газетным публикациям о московском процессе в январе 1937 г. [5]: «Разговор зашел о судебном процессе, который проходил в Москве над группой, которая имела своей целью свержение Советской власти. Обвиняемых суд присудил к высшей мере наказания, расстрелу, как изменников Родины. Как пишут, приговор приведен в исполнение. В исполнении приговора, как говорит Мичков, “я сомневаюсь, потому, что это написано только лишь для того, чтобы дать знать массам, что де вот как мы поступаем с изменниками Родины, но на самом деле они живые. Наше правительство расстрелять их боится, так как виновные были связаны с Германией и итальянскими фашистами. А раз это так, то после этого получиться может неприятный конфликт для Советской власти, которого наш СССР не желает. Вот почему я лично не верю, что приговор был приведен в исполнение”. Интересно, как говорит Мичков, почему эти заговоры происходят не в низах и не среди массы, но в верхах, т. е. занимаются этим люди, стоящие на ответственных постах. После чего сам же и отвечает, что вот почему: там сидят люди с высшим образованием, поэтому хотя и делают то, что велит правительство, но зная, что такие методы работы неправильные. Делают в то же время свое, дабы этим самым избавиться от Советской власти. А вместо нее водворить в России власть капитала» [6].

Перед нами весьма причудливая амальгама, в которой сплавлена воедино вера (если в газетах пишут, что обвиняемые связаны с фашизмом, значит – так и есть) и неверие (не верю, что приговор привели в исполнение). Возникает вполне архетипический фантазм – «вредители» на самом деле живы («государя Петра Федоровича не убили»), и они – «за народ», и желают избавиться «массы» от крепостного колхозного рабства: «На бумаге пишут, что всюду и везде колхозы стали зажиточные, но это на бумаге так и остается. Но людей не обманешь, как все почти сидят голодом и наполовину нагие и босые. Все это видя что так жить нельзя, вот и находятся люди, которые своими заговорами и хотят облегчить участь массы» [7].

Ко всему этому естественным образом примешивается простонародное уважение к «людям с высшим образованием» (которых, заметим, среди фигурантов январского процесса была примерно треть). Кроме того, все злое исходит от потусторонних, inferнальных сил, продолжает объяснять В. Мичков в присутствии агентурного источника «Зеленый»: «Все золото переходит через жидовские руки за границу, и за границей стараются как только разорить нашу Россию, уничтожить в ней богатство. Хитро подошли жида к России, во Франции не могли сделать (вполне вероятно, что имеется в виду «афера Ставиского», финансовый скандал 1933–1934 годов, спровоцировавший правительственный кризис во Франции и широко освещавшийся в советской прессе. То обстоятельство, что Ставиский был евреем, вызвало всплеск антисемитских настроений и активизацию ультраправых. – А. К.), но зато в России сделали» [8].

Вот так, легко и просто, повседневная ментальность обнаруживает «своих» в кремлевских схватках, выносит зло в трансцендентную сферу, локализует интервенцию и уже практически торжествует над ней победу, при условии, правда, что «*фашисты помогут*»: «Германия и Италия сделали бы так же, как с Абиссинией и в Испании, применили бы газы, от которых, как писали газеты, от абиссинской армии из 30 тысяч осталось только 10. Этим самым и здесь бы пришли скорей к концу, а отсюда бы и пощупали наш Сов. Союз» [9].

Если мы примем во внимание эту удивительную способность приземлять, реифицировать, дробить и перемалывать, свойственную подобному типу опыта, то станет понятно, что в преде-

лах хронотопа повседневности все *другие* – в большей или меньшей степени *свои*. Уж если деревенские пересуды плавно перетекали с завалинок в кабинеты районных отделов ОГПУ (НКВД) и оседали в казенных бумагах, публиковались в районных многотиражках [10], если с оперуполномоченным можно было *посудачить* о делах на селе, дома или в колхозе – то даже он *свой*. Ему можно без утайки, внятно и подробно объяснить свою жизненную позицию, как это сделал, например, чтец Успенского собора г. Кунгура Федор Афанасьевич Наумов: «На выселение кулачества я смотрю так. Существующий в данное время строй – советская власть, строит новую жизнь, уничтожает все старые пережитки, уничтожает частный сектор, строит колхозы, ведет пропаганду против религии, лишили средств существования тружеников крестьян, – все это противоречит нашему церковному учению, и я, как истинно верующий православный христианин, считаю это в корне неправильным, и эту мысль я высказываю среди верующих православной церкви, как чтец церкви проповедей в церкви я читать не могу, то мне приходится внушать учение господ бога верующим в частных беседах, в которых я лично высказываю верующим, что в колхозы входить не нужно, т. к. там могут быть только безбожники, а это противоречит нашему церковному учению. Дабы вовлечь в православную церковь молодое поколение – учащихся в советских школах, мы используем для этой цели родителей, внушаем им, чтобы они учили своих детей молиться богу, читать молитвы, заповеди, т. к. в советской школе преподается учение безбожное, сатанинское, в этом духе читаются проповеди пастырями в церкви во время богослужения перед верующими, такие проповеди читает протоиерей Котельников Ив. Ив., который служил в Беляевской церкви Ординского района, а данное время служит протоиереем в с. Морозково Кишертского района. Котельников является моим духовным отцом, учение которого воспринимаю и проповедую его среди верующих православной церкви, также проповедуются среди верующих о кончине мира, верующим внушается, чтобы они больше молились, готовились к этому» [11].

Вот так, по-крестьянски обстоятельно, обвиняемый излагает фактически состав своего преступления. Он едва ли знаком с содержанием статьи 58 Особой части УК РСФСР, хотя степень наивности тогдашних «церковных людей» не следует недооценивать. Входивший в круг общения его духовного отца (И. И. Котельникова) священник из села Беркутово того же Кунгурского района Петр Григорьевич Солин был, например, к тому моменту уже дважды судим – последний раз именно за антисоветскую агитацию (статья 58, пункт 10 УК РСФСР) [12]. Мог и рассказать при случае. Трогательная доверительность повествования наглядно свидетельствует об отсутствии какой-либо практики сопротивления, или, по крайней мере – избегания опасности. Наумов, между прочим, не только «оговорил» себя, но и донес на своего духовника. Канцелярский стол, разделявший допрашивающего и допрашиваемого, не воспринимался как «ничейная земля», а составляющий протокол допроса человек в форме не находился «по ту сторону фронта», не представляется противником, врагом.

Крестьянин, «предавшийся антихристу», т. е. вступивший в колхоз, тоже не становился вследствие этого *чужим*. Его можно пожалеть, по поводу судьбы этого несчастного возможны следующие lamentации: «Зачем ты вошел в колхоз, я жалею тебя – (выругавшись нецензурно) продолжал: Советской власти скоро не будет, т. к. с севера Советскому Союзу объявила войну Англия, с востока объявила войну Япония, с запада объявила войну Германия и Польша – конечно, Советскому Союзу против фашизма не устоять, вследствие чего будет победа фашизма и роспуск колхозов. Колхозников и руководителей Советской власти начиная с центра, кончая низов будут уничтожать...» [13].

Молодой крестьянин-единоличник И. М. Гордеев получил паспорт с «антихристовой печатю» и... продолжал работать церковным сторожем в селе Усть-Кишерть. Над ним, правда, стали ехидно подтрунивать: «В марте месяце 1934 г. я мыл в сторожке пол, в это время зашел Григорий Иванович Соколов, который стал интересоваться, получил ли я паспорт, я ему ответил, что да, получил. Через какое-то время Соколов стал мне говорить: “Чем в калюжине [14] валяться, лучше в озере купаться, иди уже работать к коммунистам”» [15].

Подводя итоги первой части исследования опыта восприятия другого в провинциальной повседневности Западного Урала в первой трети XX в., еще раз обозначим основные выводы. Если избрать отправной точкой истолкования *fake-lore* (сплетню, слух, пересуды, байки и былички), он являлся самой распространенной формой представления и присвоения другого, средством реификации и переработки властных интервенций, инструментом «набрасывания» на образы и поступки других привычных тропов дискурса и социальных архетипов.

Парадоксальным следствием этого являлось то, что для человека, погруженного в повседневную жизнь, все другие, разделяющие с ним общие «действия и претерпевания», представлялись своими. Ни в дискурсе, ни в практиках, например, признания (следователю), оценивания или комму-

никации не обнаруживаются ни отчетливые маркеры чуждости, ни какие-либо особенные стратегии взаимодействия с чужаками. Настоящие чужаки находились вне повседневности, это *евреи, комсомольцы, коммунисты, правительство*, а иногда и еще и так – *правительство, в котором остались одни евреи*: «В настоящее время остались в правительстве одни евреи, все прежние руководители вышли из состава правительства, видя гибель всего сельского народа» [16].

Вот, к примеру, как о *чужаках* высказывается неграмотный монах Паисий, обитавший при Городищенской церкви Саломатовского сельсовета Чусовского района: «При советской власти развелись какие-то комсомольцы. Царя свергнули прокляты коммунисты, ну теперь и разрушили всю прежнюю Россию» [17]. Обратим внимание на то, что *комсомольцы* у него «*какие-то*», т. е. абстрактно-бесплотные, не имеющие ни имени, ни образа, ни профессии, ни места жительства и т. п. Закрадывается сомнение в том, что Паисий вообще видел хотя бы одного живого комсомольца. *Коммунисты*, которым приписываются свершения вселенского масштаба, – это определенно не те люди, которые проживают в его родном Чердынском районе.

Столь же общо и деперсонализированно выглядят коммунисты в анонимных письмах, направленных уполномоченному ОГПУ по Ординскому району, начальнику милиции и секретарю райкома ВКП(б) в декабре 1932 г.: «Товарищи коммунисты, вы знайте, если вы закроете церковь, то мы все выйдем из колхоза, и вы имейте в виду, что мы возьмемся за ваши фермы и заводы, за ваши склады и конные дворы. Поджигать только вдоль по ветру и чтоб затрещало, как весной лонись, а ныне еще пуще. Если закроете церковь, то, как только рожь поспеет, то мы под ветер зажжем, вот имейте ввиду, не впустую говорим и пишем, нас масса, все крестьянство с нами» [18].

Обращаясь от имени массы своих к чужим, представленным тоже *an mass*, неизвестный нам автор писем не указывает на тех вполне конкретных людей, партийных и советских функционеров, которым формально их адресует. Да они ему и не интересны. Строй его ментальности явно апокалипсический – в ответ на закрытие местной церкви он обещает объявить «товарищам коммунистам» тотальную войну. Резонно предположить, что закрытие церкви – только повод, небольшой эпизод в последней схватке добра со злом. Следовательно, маячившие на горизонте его жизненного мира, далеко за пределами повседневности, «слуги антихристовы» не могли иметь человеческого облика, хотя *объективно* находились по соседству, в районном центре.

Справедливости ради следует отметить, что обнаружился единственный, и при этом крайне сомнительный, случай *отчуждения конкретного человека*. Дело было так. 14 марта 1937 г. в старообрядческой деревне Агеево (где все жители, конечно, – Агеевы) Бородулинского сельсовета, что в Верещагинском районе, состоялось общее собрание в колхозе «Новая жизнь». «На повестке дня стоял вопрос о назначении нового заведующего фермой, вследствие того, что старый заведующий фермой Агеева вышла в замуж...» [19] Заведующим был назначен Агеев Демид Абрамович. Новое общее собрание колхозников состоялось через неделю, 21 марта. «Колхозники на должность заведующего фермой выдвигали Агееву Елизавету, кандидата в члены ВКП(б), но правление колхоза против кандидатуры Агеевой, и Агеев Д. А. заявил, что у нас лучше найдутся люди б/партийные, Агеев боится допустить в состав руководства члена партии...» [20]

Казалось бы, источник недвусмысленно указывает на факт сегрегации, а маркером чуждости выступает партийность («кандидат в члены ВКП(б)»). Попытаемся разобраться в этой истории, где вместо Агеевой назначили Агеева, которого попытались заменить Агеевой, но оставили Агеева. Приведем аргументы в пользу того, что имеются достаточные основания для ее фальсификации, а следовательно, и для признания выполненной ранее дескрипции «опыта другого» адекватной.

Прежде всего, стоит отметить то существенное обстоятельство, что о произошедшем сообщает осведомитель НКВД, обозначенный в документах как «агентурный источник «Карандаш»». Далее, сообщает он не по «зову сердца», а в рамках агентурной разработки под тривиальным названием «Кулаки» [21]. Проще говоря, «Карандашу» куратором из НКВД было поручено собрать весь, какой сумеет, компрометирующий материал на Д. А. Агеева и его окружение. При этом ни ложь, ни подтасовка фактов, ни провокации не исключались, а, скорее, напротив – предполагались. Утверждая, что Елизавету Агееву «забаллотировали» потому, что Демид Абрамович «боится допустить в состав руководства члена партии», осведомитель мог просто «отрабатывать заказ» – рутинная деревенская интрига сразу приобретала политическую окраску.

Есть и дополнительные основания считать, что дело обстояло именно так. У Демида Агеева были иные преимущества, никак не связанные с беспартийностью его и партийностью Елизаветы. Он уже был заместителем председателя колхоза, сам председатель колхоза приходился ему родным племянником, и, наконец, как крепкий хозяин, церковный староста и близкий друг старообрядческого попа Автонома Фомича Носкова он пользовался высоким авторитетом у односельчан [22]. И, что

немаловажно, он был *мужчиной*. В данном случае имела место старая добрая игра родства, свойства, традиционных потестарных и гендерных отношений. Именно подобные игры – строго запрещаемые, абсолютно незаконные и жестоко наказуемые – и превращали институциональные отношения в пределах отдельной конечной области значений (в данном случае – производственного сельскохозяйственного кооператива) в какое-то подобие повседневной жизни.

Хотелось бы подчеркнуть, что этот повседневный «мир своих», – в котором сложенные из толстых сосновых бревен стены не были преградой для взгляда – ни при свете дня, ни во тьме ночной; в котором нерасстрелянный Георгий Пятаков по-прежнему отдавал вредительские распоряжения нерасстрелянному Борису Норкину (во благо простого народа); в котором совершались несовершенные преступления и закручивались несуществующие романы; где коварные евреи гребли лопатой российское золото, а добрые фашисты спешили на помощь уральским крестьянам, – был *мифическим миром* в самом точном смысле этого слова.

Однако описание этого «мира своих» осталось бы незавершенным без попытки истолкования ряда событий, смысл которых в пределах избранного нами языка с большим трудом поддается схватыванию. Формулировка «Попытаемся увидеть, как в мифический мир вторгалась реальность» явно не годится – ввиду полной ее тавтологичности. Миф сам по себе и есть реальность. Следуя аутентичному языку повседневной ментальности, смысл подобных событий можно зафиксировать так – среди своих *случаются оборотни*. Суть оборотня в том, что вот сейчас он – свой, а в следующий миг «перекувырнулся, головой о пень ударился» – и стал кем-то другим. То, что две его природы *проявляются* диахронически, не отменяет того факта, что обе пребывают в нем синхронно. Поэтому оборотень (в отличие от трансцендентного «жидомасона») и есть, как не трудно догадаться, *граница мира своих, обнаруженная «изнутри»*, в пределах повседневного опыта. Опыта, добавим, часто приобретающего в момент обнаружения оборотня катастрофический характер.

Оборотня выдает изменившийся рисунок поведения, он ведет себя «как-то не так» – даже если у него не прорезаются клыки и он не обрастает шерстью. Причем речь идет не об отдельных поступках, а именно об изменении всей структуры мотивации и действия, которая внезапно становится абсолютно ненормальной – но при этом «в другой системе отсчета» остается естественной, т. е. согласованной с его «двойственным» естеством. Отдавая должное анализу семантики образа монстра, выполненному М. Фуко [23] (монстр есть смещение различных природ), представляется возможным определить поведение оборотня как *монструозное поведение*.

Поскольку повседневная поведенческая норма никак не зафиксирована и не отрефлексирована, трудно точно определить, какое именно поведение воспринималось как монструозное. Но можно обнаружить сам факт его восприятия: «...В мае м-це 1933 года я поступила в качестве уборщицы в церковь Новой деревни Неволинского с/совета Кунгурского района, в которой священником служил Осетров Иоанн, который неоднократно меня упрекал, говоря: “Акулина, ты живешь не по-церковному”, т. к. в свободное время я еще ходила пособить гражданам Новой деревни, чтобы подзаработать хлеба, которого мне не хватало – что я получала от церкви» [24].

Интересно то, что священник И. Осетров, характеризуя поведение Акулины Блиновой, прибегнул к термину «живешь не по-церковному». Речь шла не о том или ином поступке, а именно об *образе или стиле жизни*. Возможно, что сама Акулина не вполне правильно поняла, к чему именно относилось замечание. Из перспективы сегодняшнего дня трудно представить, действительно ли желание «подзаработать хлеба», «пособляя» односельчанам, не вписывалось в представление о «церковной жизни». Возможно, И. Осетров имел в виду что-то иное. Можно предположить, что он и сам едва ли бы смог внятно объяснить предмет своей нотации. Но он непосредственно переживал «нецерковность жизни» церковного человека.

Возможно, «ситуацию оборотня» поможет прояснить обращение к казусу священника П. О. Киселева из д. Тымбай Усинского района. С его слов, все происходило так: «31 декабря 1936 г. пред. с/сов. Батуев вызвал меня в с/сов по вопросу штрафовки, после чего Батуев предложил мне выписать районную газету “Сталинский путь” и журнал “Безбожник”. Я последнему ответил, что газету “Сталинский путь” выписывать не желаю, так как она описывает один район, а мне хочется знать о распоряжениях ЦИК и в газете “Сталинский путь” это не печатается, Батуев мне ответил, что я говорю неправду, ибо в этой газете печатаются все решения ВКП(б) и Сов. власти. Я ему ответил, что в газете “Сталинский путь” напечатаны наши Тымбаевские мужицкие сплетни, от журнала “Безбожник” вовсе отказался. Батуев ответил мне, что я не прав. Я попросил у него извинения, что я это сказал по ошибке. Батуев мне не извинил. На другой день я пошел на квартиру к пред. с/сов. Батуеву и предложил последнему взятку, чтобы он о высказанных мной контрреволюционных клеветнических фактах по вопросу советской печати не сообщил следственным органам» [25].

Здесь все в пределах повседневных рутин. Обыденный повод прихода в «присутственное место» – «штрафовка», за неуплату, по-видимому, одного из многочисленных налогов. Спор между своими (кстати, именно здесь будет произнесена фраза о том, что «...в газете “Сталинский путь” напечатаны наши Тымбаевские *мужицкие сплетни*»), взятка, принесенная «на квартиру» – как говорится, дела житейские. «Ты – мне, я – тебе» – этот принцип является краеугольным камнем повседневности.

Но существует иная, официальная, версия событий, изложенная начальником Усинского РО НКВД сержантом Г. Б. Упоровым. Вот она: «...Когда вопрос (о возможности выписать газеты) разрешился в его пользу и была предоставлена возможность выбора газет, парторг села Батуев рекомендовал, что можно выписать центральный журнал, в т. ч. “Безбожник”, то Киселев сказал, что “Журнал “Безбожник” пишет ересь. Далее парторг Батуев рекомендовал выписать районную газету “Сталинский путь”, то Киселев выразился так, что: “Она сплетница и разводит сплетни”, в чем доказывал свою правоту в своих словах» [26].

При всей стилистической близости к повседневным нарративам своей эпохи, этот текст выдержан в одном ключе, и он совершенно по-другому расставляет акценты. Отличия очевидны и очень примечательны. Прежде всего, не указано действительное место действия (прозаически-будничным сельсовет). Все происходит словно бы в некоем универсуме классовой борьбы, где враг осуществляет идеологическую диверсию. Далее, Батуев, которого священник в своем рассказе *дважды* называет «председатель сельсовета», здесь в этом качестве не упомянут ни разу. В контексте сообщения сержанта Упорова он не маленький «мужицкий начальник», напротив, он *дважды* назван «парторгом села» (к этой симметричной двоичности мы еще вернемся). О таких повседневных реалиях, как «штрафовка», и, тем более, – предложенная взятка, речи не идет. Бражеская вылазка пресечена парторгом «в зародыше».

Обнаруженная нами инверсия смыслов отлично укладывается в «ситуацию оборотня». Пожилой уважаемый односельчанин священник отправился по делу в хорошо знакомое место (сельсовет), где рассчитывал встретить председателя Батуева, но попал на поле классовых баталий, где его поджидал другой человек. Вероятно, Киселев не сразу почуял неладное в тот момент, когда поведение Батуева приобрело черты монструозности. В самом деле, кто в здравом уме будет предлагать служителю церкви выписать «центральный журнал» – «Безбожник»? А дело заключалось в том, что перед Потапом Осиевичем находился не «председатель с/совета Батуев», а «парторг села Батуев», устроивший ему «роскошную провокацию». Не заметив того, что Батуев «перекувырнулся, о пень ударился», священник вспылит и стал «дискредитировать» советскую прессу.

Невозможно установить, в какой фазе диалога (и как именно) священник понял, что его видение происходящего отличается от тех смыслов, которые вкладывает в мизансцену его визави. Вероятно, в неадекватности реакций парторга «зеркалила» неадекватность поведения Киселева. И он это уловил, испугался, а затем выдал еще одну совершенно рутинную, повседневную реакцию – извинился. Дескать, «ты пошутил – я посмеялся», забудем. Но не тут-то было, парторг извинений не принял. Это только усугубило ситуацию. А окончательно ее погубило то, что Потап Осиевич попытался прийти «на квартиру», т. е. в приватное пространство человека, который, как тогда писали в протоколах, «был лично ему знакомый», и сунуть (по-свойски) денег. А встретил его – во второй раз – парторг. Повседневность оказалась разорванной, произошел локальный коллапс ее смысловой непрерывности, поскольку свой «оборотился» чужим, причем дважды.

В 30-х гг. XX в. советский писатель И. Ильф оставил в своих записных книжках то ли горько-ироническое, то ли отчаянно-трагическое замечание: «Край непуганых идиотов. Самое время пугнуть» [27]. Если вернуть понятию *ιδιώτης* его первоначальный смысл – человек, живущий приватной жизнью, не имеющий отношения к *βίος πολιτικός* (жизни политической), то определение И. Ильфа вполне подходит для современной ему повседневности уральской провинции. Как еще назвать человека, который в 1937 г. на первом же допросе в качестве обвиняемого начинает показания так: «Я убежденный монархист, но я заявляю, что никакую контрреволюционную работу среди населения посещаемых мною деревень я не вел» [28]?

Они еще только начинали учиться пугаться и подозревать, привыкали к тому, что любой мог оказаться оборотнем. Вот много повидавший в жизни профессиональный странник Григорий Иванович Соколов передает мнение старосты Усть-Кишертской церкви Петра Дмитриевича о своем коллеге – тоже страннике Гаврииле: «Петр Дмитриевич говорил мне, что когда Усть-Кишертский ГПУ в 1932 г. арестовал Гавриила, то последний указал на дом Петра Дмитриевича, где он, Гавриил, якобы часто бывал, после чего был арестован и Петр Дмитриевич, но, просидев двое суток, был выпущен. У Петра Дмитриевича, по его словам, сложилось мнение, что “Гавриил ходил по району с определенной целью – выдать всех нас”, т. к. у Петра Дмитриевича хранилось много церковных книг» [29].

Ненормальность ситуации по-прежнему заключается в том, что Соколов сообщает об основании подозревать Гавриила в связях с карательными органами... самим сотрудникам карательных органов.

Завершая описание «ситуации оборотня», хотелось бы отметить, что еще в 1929 г. эти «перевертыши повседневности» сохраняли ясное сознание того, что они тайно проникают в пределы чужого мира и делают это, притворяясь своими. Перед нами признание одного из этих своеобразных «нелегалов» – председателя Саломатовского сельсовета Чусовского района С. В. Третьякова, беспартийного, малограмотного крестьянина-середняка: «Помню мне как местному общественному работнику и интересующемуся их жизнью пришлось вместе с другими проникнуть незаметно в великий пост – в апреле месяце сего года на службу Городищенской церкви и недавно 5 ноября в празднование “Казанской божьей матери”, где было народа до 200 человек» [30]. Одной фразой он ловко расставил все по местам: притворился «своим», чтобы незаметно пробраться на враждебную территорию, сохранял полное сознание дистанцированности от «их жизни», которой интересовался из сугубо гносеологических соображений.

Возможно, Третьяков допускал, что кто-то из этих «др. », вместе с которыми он проник в Городищенскую церковь, мог на него донести, и постарался загодя «отмежеваться». Занимая позицию «чужого среди своих», он, как и другие оборотни (осведомители, доносчики) пытался объективировать повседневность, дать ее описание на языке власти – в той мере, в какой он этим языком овладел. У кого-то получалось лучше, у кого – хуже, а иногда даже так: «Вся эта братия, на ряду со строящейся новой жизнью, напоминает нам кошмарное прошлое, сидит как язва на нашем теле и мешают спокойно заняться за новое творчество» [31]. Конвульсии языка и нагромождение штампов («эта братия», «новая жизнь», «кошмарное прошлое», «язва на теле», «новое творчество»), очевидные в данном случае, превращают это высказывание в простую манифестацию лояльности, с точки зрения информативности – совершенно пустую. Использование «лексикона власти» имеет самоудовлетворяющее значение для говорящего, свидетельствуя о том, что он «другой».

Произведенное нами истолкование формы и содержания повседневной коммуникации позволяет утверждать, что еще в первой половине 30-х гг. XX в. жизненный мир обитателей уральской провинции – сел, деревень, заводских поселков – сохранял традиционную гомогенность, оставаясь миром «своих». Но в него уже исподволь проникали «оборотни»-нелегалы, что в ближайшем будущем грозило обернуться катастрофой для традиционной культуры.

Примечания и список литературы

1. Характеристика на Морозова М. Л., дана 18 августа 1937 года Токмановским сельсоветом Березовского района Свердловской области // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16925. Т. 1. Л. 10.
2. Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 10.
3. См. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004.
4. Протокол допроса свидетельницы Механошиной Т. И. от 19 апреля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 84–89.
5. Речь, скорее всего, шла о процессе так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Дело слушалось Военной коллегией Верховного Суда СССР с 23 по 30 января 1937 г. Основными обвиняемыми во вредительстве и шпионаже были Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Г. Я. Сокольников.
6. Донесение агента «Черемухин» от 17 февраля 1937 года. Спецконверт // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702.
7. Там же.
8. Донесение агента «Зеленый» от 6 октября 1934 года. Спецконверт // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702.
9. Донесение агента «Черемухин» от 5 марта 1937 года. Спецконверт // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702.
10. История отношений Т. Механошиной и дьякона М. Кукшинова попала на страницы газеты «Уральская кочегарка». См.: «Черное воинство». Александровские церковники за работой / Уральская кочегарка. 11 марта 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 139.
11. Протокол допроса обвиняемого Наумова Ф. А. от 31 декабря 1932 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 18–19 об.
12. Анкета арестованного Солина П. Г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 46.
13. Протокол допроса свидетеля Лопарева П. И. от 12 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10469. Л. 20.
14. КАЛЮЖА, калюжка жен., южн., тул. калужина, мочежина, лужа, грязь. см. калуга, Калюх (кал?) муж., новг. Поганая посуда для помоев, для корма собак и пр. // Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля.

15. Протокол допроса свидетеля Гордеева И. М. от 24 апреля 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 79–80 об.
16. Показания свидетеля Дубровского-Андреева М. А. // ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29510. Л. 21.
17. Протокол допроса обвиняемого Андреева П. А. от 21 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 66.
18. Выписка из обвинительного заключения по делу № 11141 по обвинению Котельникова И. И., Овчинникова И. А., Алексева Н. Я., Наумова Ф. А. и др. в кол. 27-ми человек // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 60–71.
19. Сообщение агентурного источника «Карандаш» от 22 марта 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 5.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. См. Фуко М. Ненормальные : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб. : Наука, 2004.
24. Показания свидетеля Блиновой А. Т. от 22 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 123–124 об.
25. Показания обвиняемого Киселева П. О. от 6 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29374. Л. 9–9 об.
26. Меморандум на Киселева П. О., составленный 29 июля 1937 года // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29374. Л. 26.
27. См.: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. Вадим Серов. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/10/156.htm> (дата обращения: 27.07. 15).
28. Показания обвиняемого Плотникова В. Н. от 8 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 1. Л. 9.
29. Показания Соколова Г. И. от 20 сентября 1934 года // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 48 об. –50.
30. Протокол допроса свидетеля Третьякова С. В. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 14.
31. Протокол допроса свидетеля Блинова П. И. от 20 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 52–52об.

Notes and References

1. *Harakteristika na Morozova M. L., dana 18 avgusta 1937 goda Tokmanovskim sel'sovetom Berezovskogo rajona Sverdlovskoj oblasti* – Reference for Morozov M. L., made on the 18 August 1937 by Tokmakovsky village council of the Berezovsky district of the Sverdlovsk region // *PermGANI* – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 16925. Vol. 1. Sh. 10.
2. *Protokol doprosa svidetelya Neustroeve I. I. ot 19 noyabrya 1929 g.* – Protocol of interrogation of witness I. I. Neustroev from November 19, 1929 // *PermGANI* – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. D. 8891. L. 10.
3. See: *Panchenko A. A. Hristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i tradicionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Christianity and skopchestvo: Folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. M. OSI. 2004.
4. *Protokol doprosa svidetel'nicy Mekhanoshinoj T. I. ot 19 aprelya 1937 g.* – Protocol of interrogation of the witness Mehanoshina T. I. from 19 April 1937 // *PermGANI* – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 16996. Sh. 84–89.
5. Speech most likely was about the so-called "Parallel anti-Soviet Trotskiy center." The case was tried by the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR from 23 to 30 January 1937. Main accused of sabotage and espionage were G. L. Pyatakov, K. B. Radek, L. P. Serebryakov, G. Y. Sokolnikov.
6. *Donesenie agenta «CHeremuhin» ot 17 fevralya 1937 goda. Speckonvert* – The report of agent "Cheryomukhin" dated February 17, 1937. Special envelope // *PermGANI* – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702.
7. Ibid.
8. *Donesenie agenta «Zelenyj» ot 6 oktyabrya 1934 goda. Speckonvert* – The report of the agent "Zeleniy" ("The Green") of 6 October 1934. Special envelope // *PermGANI* – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702.
9. *Donesenie agenta «CHeremuhin» ot 5 marta 1937 goda. Speckonvert* – The report of agent "Cheryomukhin" on March 5, 1937. Special envelope // *PermGANI* – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702.
10. *Istoriya otnoshenij T. Mekhanoshinoj i d'yakona M. Kukshinova popala na stranicy gazety «Ural'skaya kochegarka». Sm.: «CHernoje voinstvo». Aleksandrovskie cerkovniki za rabotoj* – The history of relations between T. Mehanoshina and deacon M. Kukshinov appeared on the pages of the newspaper "Ural Kochegarka". See: "The black army". Alexander churchmen at work / *Ural'skaya kochegarka* – Ural stokehold. 11 Mar 1937 // *PermGANI* – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 16996. Sh. 139.
11. *Protokol doprosa obvinyaemogo Naumova F. A. ot 31 dekabrya 1932 g.* – Protocol of interrogation of the accused Naumov F. A. on 31 Dec 1932 // *PermGANI* – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 8768. Vol. 1. Sh. 18–19.
12. *Anketa arestovannogo Solina P. G.* – Questionnaire of the arrested Solin P. G. // *PermGANI* – PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 1. Sh. 46.
13. *Protokol doprosa svidetelya Lopareva P. I. ot 12 avgusta 1937 g.* – Protocol of interrogation of witness P. I. Loparev dated 12 Aug 1937 // *PermGANI* – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 10469. Sh. 20.

14. KALYUZHA, kalyuzhka – f., South., Tul. Kaluzhina, mochezhina, puddle, dirt. See Kaluga, Kalyuh (excrement?) m., Novg. Filthy bucket for slops to feed dogs etc. // The Explanatory dictionary of the living Great Russian language by V. I. Dal'.
15. *Protokol doprosa svidetelya Gordeeva I. M. ot 24 aprelya 1934 g.* - Protocol of interrogation of witness I. M. Gordeeva from April 24, 1934 // *PermGANI – PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 79-80.*
16. *Pokazaniya svidetelya Dubrovskogo-Andreeva M. A.* – Testimonies by the witness Dubrovsky-Andreev M. A. // *PermGANI – PermSASI F. 643/2. Inv. 1. File 29510. Sh. 21.*
17. *Protokol doprosa obvinyaemogo Andreeva P. A. ot 21 noyabrya 1929 g.* – Protocol of interrogation of the accused Andreev P. A. dated 21 Nov 1929 // *PermGANI – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 8891. Sh. 66.*
18. *Vypiska iz obvinitel'nogo zaklyucheniya po delu № 11141 po obvineniyu Kotel'nikova I. I., Ovchinnikova I. A., Alekseeva N. YA., Naumova F. A. i dr. v kol. 27-mi chelovek* – Extract from the indictment in case No. 11141 on charges of Kotelnikov I. I., Ovchinnikov A. I., Alexeev N. Ya., Naumov A. F., and others in quantity of 27 men // *PermGANI – PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 1. Sh. 60-71.*
19. *Soobshchenie agenturnogo istochnika «Karandash» ot 22 marta 1937 g.* – Message of agent source "Karandash" from March 22, 1937 // *PermGANI – PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 27754. Sh. 5.*
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. See: *Foucault M. Nenormal'nye : kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1974–1975 uchebnom godu*[Abnormal: lectures delivered at the Collège de France 1974-1975 school year]. SPb. Nauka. 2004.
24. *Pokazaniya svidetelya Blinovoj A. T. ot 22 maya 1934 g.* – Testimony by the witness Blinova A. T. From May 22, 1934 // *PermGANI – PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 123-124.*
25. *Pokazaniya obvinyaemogo Kiseleva P. O. ot 6 avgusta 1937 g.* – The testimony of the accused Kiselev P. O. from 6 Aug 1937 // *PermGANI – PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. D. 29374. L. 9-9.*
26. *Memorandum na Kiseleva P. O., sostavlennyj 29 iyulya 1937 goda* – Memorandum to P. O. Kiselyov, compiled on 29 Jul 1937 // *PermGANI – PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 29374. Sh. 26.*
27. See: *EHnciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij* – Encyclopedic dictionary of winged words and expressions / author and comp. Vadim Serov. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/10/156.htm> (accessed 27.07. 15).
28. *Pokazaniya obvinyaemogo Plotnikova V. N. ot 8 avgusta 1937 g.* – Testimony of the accused Plotnikov V. N. 8 Aug 1937 // *PermGANI – PermSASI. F. 641/1. File 13385. Vol. 1. Sh. 9.*
29. *Pokazaniya Sokolova G. I. ot 20 sentyabrya 1934 goda* – Testimony of Sokolov I. G. dated 20 Sep 1934 // *PermGANI – PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 48. –50.*
30. *Protokol doprosa svidetelya Tret'yakova S. V. ot 19 noyabrya 1929 g.* – Protocol o interrogation of witness S. V. Tretyakov from November 19, 1929 // *PermGANI – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 8891. Sh. 14.*
31. *Protokol doprosa svidetelya Blinova P. I. ot 20 noyabrya 1929 g.* – Protocol of interrogation of witness P. I. Blinov from 20 Nov 1929 // *PermGANI – PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 8891. Sh. 52-52turn.*

УДК 94 (470.342)

Подпольная издательская деятельность социалистов-революционеров Вятской губернии (1904–1914 гг.)

Масютин А. С.

учитель истории и обществознания, Лингвистическая гимназия. 610016, г. Киров, ул. Уральская, 9.
E-mail: maskvabad2020@mail.ru

Аннотация: В данной работе исследователь пытается рассмотреть вопрос о количестве изданий и объемах выпуска нелегальной агитационно-пропагандистской литературы вятской губернской организации партии социалистов-революционеров. Организация социалистов-революционеров Вятской губернии на протяжении своей истории претерпела все изменения, свойственные и иным, и местным организациям, и центральной организации этой партии. Закономерным образом изменения общественно-политической обстановки России начала XX в. отражались и на печатной деятельности революционных организаций: от скромных попыток раздачи в кругах прогрессивной интеллигенции машинописных воззваний в 1902 г. до многотысячных тиражей листовок и газет на типографском оборудовании в зените Первой русской революции – и вновь единичных листовок кустарного изготовления в годы реакции после поражения Русская революция 1905 г. Прежде данный вопрос, касающийся всех частных изданий вятских социалистов-революционеров, ни в местной, ни в центральной литературе не поднимался.

Ключевые слова: Партия социалистов-революционеров, эсеры, Русская революция 1905 г., Вятская губерния, нелегальная литература, листовка, газета.

Underground publishing activities of socialist revolutionaries of Vyatka province (1904–1914)

Masyutin A. S.

teacher of history and social science, Linguistic gymnasium. 9 Uralskaya str., 610016, Kirov.
E-mail: maskvabad2020@mail.ru

Abstract: In this work the researcher tries to consider the number of editions and volumes of manufacture of illegal agitation and propaganda literature of the Vyatka provincial organization of the party of socialists-revolutionaries. Organization of the socialist-revolutionaries in Vyatka province throughout its history has undergone all the changes, inherent and otherwise, and of local and Central organizations of the party. Quite naturally, changes in the socio-political situation of Russia in the early XX century reflected on the printing activities of the revolutionary organizations from modest attempts to hand in circles of progressive intellectuals typewritten appeals in 1902 to thousands of copies of leaflets and newspapers on the printing equipment at the zenith of the First Russian revolution, and again, single leaflets handicraft production in the years of reaction after defeat of Revolution of 1905. Before the matter relating to all particulars of the editions of the Vyatka socialist revolutionaries, neither in local nor in Central literature was not raised.

Keywords: The party of socialists-revolutionaries, social revolutionaries, the 1905 Revolution, Vyatka province, illegal literature, leaflet, newspaper

В литературе по политической истории Кировской области и Удмуртии, описывающей бурный период революций начала XX в., обычно не поднимается вопрос о количестве и объемах изданий различных партий. Среди изрядного количества и советских, и современных исследований политической жизни первых десятилетий XX в. как в целом по Волго-Уральскому региону, так и по отдельным его губерниям, трудно выделить работы, где затрагиваются специальные вопросы партийной печати. Ниже в статье будет сделана попытка описать и оценить в целом издательскую деятельность организаций социалистов-революционеров (эсеров) Вятской губернии от кануна Первой русской революции до начала Первой мировой войны. Эта деятельность вполне будет отражать общий ход развития всей партии социалистов-революционеров (ПСР) от ее зарождения в 1901 г. до почти полного ее временного рассеяния, особенно в глубинке, к 1914 г.

Пожалуй, наиболее ранней известной исследователю нелегальной листовкой, напечатанной в Вятской губернии, является гектографированное воззвание «Красное яичко», распространявшееся среди образованного «общества» Вятки весной 1902 г. Листовка эта не имела сносок на

партийность издателя, но указывала на неизбежность наказания сатрапов за произвол над личностью указанием на убийство министра народного просвещения Н. П. Благолепова. А Благолепов убил социалист-революционер П. В. Карпович. Сама же листовка была посвящена беспощадной ликвидации беспорядков на Воткинском заводе вятским губернатором П. Ф. Хомутовым 22–25 марта 1902 г. [1] Описанию причин рабочего выступления и административно-полицейских действий по его подавлению посвящалась статья в Центральном органе (ЦО) ПСР «Революционной России» [2]. Зачинщиком же рабочего «бунта» и полиция, и заграничные революционные издания, в том числе и социал-демократические «Искра» и «Жизнь», указывали рабочего Зисмана, по партийности эсера [3]. Таким образом, с определенной натяжкой прокламацию «Красное яичко» вполне можно считать первым хотя бы частично эсеровским изданием, вышедшим на Вятке.

Но наверняка собственно вятские эсеровские издания появились несколько ранее, хотя они являлись лишь перепечаткой центральных эсеровских листовок и не имели указание на место печати. В сентябре 1901 г. «бабушка русской революции», а позже член Центрального Комитета ПСР Е. К. Брешко-Брешковская с целью организации эсеровской ячейки тайно посетила Вятку [4]. Предварительно в Перми такой же «старый» народник вятич П. А. Голубев снабдил Брешковскую рекомендациями к землякам, и та в сопровождении 16-летней гимназистки Веры Аверкиевой, дочери сподвижницы «бабушки» – Е. И. Аверкиевой, перебралась в Вятку. В Вятке «бабушка» вела разъяснительную работу, а Вера Аверкиева обучала вятскую молодежь искусству гектографирования [5].

К относительно крупному выпуску листовок вятские эсеры перешли в 1904 г., когда в городской организации Вятки, расширившейся за счет ссыльных и местной учащейся молодежи, было поставлено несколько гектографов и мимеограф [6]. В январе 1904 г. в Вятской губернии полицейские сводки отметили первые подпольные издания Вятской группы социалистов-революционеров. В селе Шестаково Слободского уезда местный крестьянин В. Ф. Шипицын распространял гектографированные брошюры «Ко всему русскому крестьянству от Крестьянского Союза ПСР» и «Беседы о земле». На этих брошюрах стояла пометка «Издано Вятским Комитетом ПСР» [7].

С марта 1904 г. начинается широкое распространение литературы ПСР в Вятской губернии, как местной выработки – машинописной, гектографированной и мимеографированной, так и привозной типографской печати. Закономерно, что существенная часть нелегальных изданий была посвящена идущей Русско-японской войне. Основным форматом эсеровских «прелестных писем» были воззвания объемом в один лист, примерно поровну одно- и двусторонние.

Распространялись эсеровские издания местного производства и в Вятке, и в уездах. В марте 1904 г. в Орловском уезде волостные старшины предоставили Орловскому исправнику 18 экземпляров воззваний «№ 6. О войне» [8] и «№ 8. Ко всем крестьянам» [9]; а Котельничскому исправнику – 97 штук тех же листовок. В Уржуме дважды, 16 октября и 1 ноября 1904 г., разбрасывались эсеровские издания. В частности, одно из подобранных полицией изданий – гектографированная 32-страничная брошюра «Хитрая механика» – имела на обложке пометку «Вятка, 1904 г.» [10].

События Кровавого воскресенья января 1905 г. дали мощнейший толчок и издательскому делу нелегальных партий как важнейшему направлению в целях пробуждения революционной активности угнетенного самодержавием народа. И на протяжении нескольких лет Русская революция 1905 г. жандармско-полицейские отчеты о взятии гектографов, а иногда и типографий у подпольщиков становятся нередким явлением.

Вот, самый ранний такой отчет. 24 января 1905 г. в Вятке на улице Копанской был произведен обыск у ученика Вятского среднего сельскохозяйственного училища Николая Хлебникова. У Хлебникова были обнаружены собранный гектограф с различными принадлежностями и 54 листа изготовленного им воззвания «Что мог бы я сказать в объяснение моего преступления для моего защитника. Егор Сазонов». При этом Хлебников, в целях конспирации, проставлял на прокламациях «изд. СПб Ком-та Партии Соц.-Рев.» [11].

В мае 1905 г. «Вятская группа Уральского областного союза ПСР» произвела выемку шрифтов из губернской типографии, что позволило эсерам Вятки вскоре поставить собственную типографию [12].

По воспоминаниям непосредственной работницы подпольной типографии эсеров в Вятке П. П. Суворовой-Вараксиной, типография была поставлена в августе 1905 г. Вплоть по декабрь 1906 г. основными работниками-печатниками были П. П. Суворова-Вараксина, Н. В. Волонихина, И. Прокопьев и И. Михеев. Обе девушки жили на легальном положении, служа в Земской мастерской учебных пособий [13]. В декабре 1906 г. подпольная типография остановилась. Суворова-Вараксина выехала в Петербург, Волонихина временно перешла к деятельности деревенского агитатора, а Прокопьев впал в тяжелое душевное расстройство [14].

Эта первая из трех поставленных в Вятке типографий эсеров издала (из обнаруженных) пять выпусков газеты «Крестьянский листок» тиражом каждый в 4 000 единиц, 12 брошюр,

58 листовок различных наименований, причем в «дни свобод» (октябрь-декабрь 1905 г.) Вятским комитетом ПСР выпущено 39 из этих 58 печатных прокламаций, да ко всему еще семь гектографированных воззваний и два машинописных. Особо любопытна двусторонняя черно-белая открытка «Свобода на баррикадах. Земля и воля». Издана в 1906 г. типографским способом. Место издания – Вятка. Издатель – Вятский комитет ПСР [15].

Вторая типография эсеров в Вятке действовала с января по апрель 1907 г. Закрылась эта типография из-за совершенного опустошения кассы губернской организации ПСР, за январь-август 1907 г. средний месячный приход организации составлял 136 руб., а ведь помимо типографии деньги нужны были эсерам Вятки и на иные цели [16]. В типографии было продолжено издание «Крестьянского листка», вышли № 6, № 7, № 8, также вышло четыре номера газеты «Вятский рабочий». Тиражи этих газет не проставлены, но, судя по редкости их упоминания в отчетах обысков и отсутствия обнаружения изданных во второй типографии вятских эсеров воззваний или денежных отчетов, они явно были невелики. Однако именно № 4 «Вятского рабочего» (апрель 1907 г.) и № 8 «Крестьянского листка» (март 1907 г.) были доставлены в редакцию ЦО ПСР «Знамя труда» в Женеве и упомянуты среди материалов местных русских организаций эсеров [17]. Иные издания организаций эсеров Вятской губернии ни прежде, ни после не указывались на страницах центральных газет и журналов ПСР до 1917 г.

В половине ноября 1908 г. жандармы Вятки получили от секретного сотрудника подробнейшие данные о возобновлении деятельности эсеровской типографии, хранившейся многие месяцы в разобранном виде. В руки жандармов попало и изданное для затравки воззвание «К рекрутам и новобранцам» с пометкой «Челябинск. Издание Уральского областного комитета ПСР 1 сентября 1908 г.» для отвода бдительного ока полиции. Стало известно о намерении выпустить вятскими эсерами первый номер газеты «Труд и борьба» с той же «челябинской» пометкой. Руководствуясь указаниями агентов и коллег из Перми и Уфы вятские жандармы поспешили захватить типографию, в которой в ночь с 18 на 19 ноября 1908 г. должна была печататься газета. По какому-то наитию эсеры отпечатали газету сутками ранее намеченного срока. 18 ноября двое членов вятской организации эсеров по частям перевезли типографию в другое место [18]. При налете же на квартиру с предполагаемой типографией жандармы сумели захватить почти весь тираж «Труда и борьбы» – 800 экземпляров. Вряд ли газета была издана в более существенном объеме, ибо в архивах есть лишь единичные упоминания о позднейшем нахождении этой газеты. По меньшей мере один экземпляр газеты попал в руки членов Уральского областного комитета ПСР [19].

Дальнейшие издания эсеров Вятки выходили исключительно на гектографе.

В апреле 1913 г. посредством данных осведомителей жандармы вышли на след спрятанной типографии эсеров Вятки. Отдельные части типографии более четырех лет хранились у двух лиц, казалось бы, совершенно неприкосновенных к кругам революционеров. В ночь на 11 апреля 1913 г. – эти адресаты были обысканы – и жандармы заполучили добычу, за которой давно охотились [20].

Тиражи изданий первой типографии эсеров Вятки были относительно велики. Например, вышедшие 19–21 октября 1905 г. листовки: «Граждане! (по поводу манифеста 17 октября)» (2 500 единиц), «Граждане! (разъяснение гражданских свобод)» (3 000 единиц) и «Ко всему русскому народу» (5 000 единиц) [21]. В ноябре 1905 г. вятские эсеры выпустили под фирмой Всероссийского Крестьянского Союза ряд воззваний: «Братья-крестьяне!..» (пять различных по содержанию прокламаций, начинающиеся одинаково), «Положение русского крестьянства», «Господину Вятскому Губернатору» и прочие. Из пяти листовок «Братья-крестьяне!» две были изданы в количестве по 10 000 экземпляров, а три – по 5 000 [22].

Эсерами Вятской губернии были поставлены также типографии в Сарапуле и Ижевске.

В Сарапуле крупным приобретением социалистов-революционеров стало присоединение к ним молодых рабочих типографий М. Е. Постниковой и купца Мыльникова. Еще осенью 1905 г. рабочие, оставаясь сверхурочно, печатали на хозяйском оборудовании прокламации и по собственному почину, и по просьбам партийных организаций, как эсеров, так и социал-демократов. Однако на этих воззваниях осторожные печатники нигде не проставляли данных о месте издания и партийной принадлежности листовки. Именно из этих типографий и была вынесена часть шрифта для постановки собственно эсеровской типографии в Сарапуле [23]. С сентября 1906 г. уволенные от хозяев по жандармскому предписанию печатники П. Д. Суворов и М. А. Ляпунов переходят на нелегальное положение и становятся профессиональными революционерами [24].

10 января 1907 г. сарапульская полиция, руководствуясь агентурными данными о тайной типографии эсеров, устроила налет на дом мещанина Юшкова. Типографию взять целиком не удалось – в руки полиции попали лишь часть типографского шрифта, краски, запасы чистой бумаги, отдельные принадлежности печатного станка и гектограф. Эсеровских печатников задержать тогда не получилось [25].

30 января 1907 г. были вычислены и арестованы Суворов, Ляпунов и гласный Сарапульского уездного земства В. И. Ленков, поставлявший литературный материал для воззваний, однако печатная деятельность эсеров не прервалась.

В марте 1907 г. силами охранителей был ликвидированы оставшиеся на свободе члены Комитета ПСР в Сарапуле, и издания эсеровских воззваний временно прекратились. Однако к июню 1907 г. Комитет эсеров собрался вновь, напомнив о себе изданной 14 июня прокламацией, разбросанной по сарапульским улицам [26].

18 августа 1907 г., по сведениям секретных сотрудников о подпольной эсеровской типографии, был предпринят обыск в доме Роготневой в Сарапуле. 13 полицейских чинов задержали недавно высланных из пределов Вятской губернии за революционную пропаганду Ф. Т. Мотошкова и И. Ф. Машковцева. Мотошков и Машковцев были застигнуты прямо за печатным станком при издании № 13 местной эсеровской газеты «Девятый вал», 723 экземпляра коей уже находились в комнате в готовом виде. Тайная печатня была отменно снабжена всеми принадлежностями – одного шрифта полиция изъяла более трех пудов. Обнаружены были и другие издания, прежде изданные сарапульскими эсерами [27].

На этом событии прекращается издательская деятельность сарапульского комитета ПСР. Всего же сарапульские эсеры, помимо 13 выпусков газеты «Девятый вал», с марта 1906 по август 1907 г. издали в своей типографии по крайности одну брошюру «Устав крестьянского братства» и не менее 23 отдельных воззваний различных наименований. У большинства изданий тираж неизвестен, однако некоторые листовки выпускались в весьма внушительном объеме: «Разъяснение по поводу объявления губернатора» (ноябрь 1906 г., 20 000 единиц) и «Письмо русских крестьян царю Николаю II» (декабрь 1906 г., 10 000 единиц).

После разгрома типографии в Сарапуле 18 августа 1907 г. печатно-агитационная деятельность местных эсеров совершенно прекратилась, не обнаружены даже упоминания о машинописных или гектографированных листовках сарапульских эсеров более позднего времени.

В Ижевске первая типография эсеров была поставлена решением рабочего Ф. И. Шипицына. Шипицын с августа 1906 г. был членом местного комитета эсеров, а в январе 1907 г. наладил деловые отношения с однопартийцами из Вятки. В Вятке эсеры снабдили Шипицына шрифтом и отдельными частями типографского станка, отправился в Ижевск и техник-печатник. В марте 1907 г. подпольная ижевская типография выпустила свои первые издания [28].

Количество и объемы изданий первой ижевской типографии сравнительно невелики для такого крупного пролетарского узла. За 10 месяцев было издано четыре выпуска газеты «Ижевский рабочий» (у № 2 проставлен тираж 1 200 единиц); далее из того, что обнаружено: две брошюры, в т. ч. «Программа ПСР» (17 страниц, 2 000 единиц), семь воззваний, извещений, кассовых отчетов объемами до 2 000 экземпляров на наименование. 26 января 1908 г. полиция арестовала в Ижевске первую тайную типографию эсеров [29].

В 1909 г. была ликвидирована вторая по счету типография социалистов-революционеров в Ижевском заводе. С ноября 1908 г. вновь стали расходиться в Ижевске, Воткинске, Сарапуле и уезде печатные воззвания эсеров. Пусть они и выходили небольшими тиражами в 2 000–3 000 экземпляров и не столь часто (выявлено всего шесть наименований листовок), однако служили знаменем «непотопляемости» местных эсеров и жандармского бессилия. В феврале 1909 г. к вящей досаде жандармов вышел № 5 газеты Ижевского Комитета ПСР «Ижевский рабочий» [30]. Как и в Вятке, сведения о месторасположении нелегальной типографии в Ижевске были получены от осведомителя, состоявшего в организации эсеров. Поздним вечером 2 марта 1909 г. ижевский пристав с дружиной нижних полицейских чинов нагрянул в дом С. Ф. Дедюхина, где самого хозяина не застал и взял лишь несущественную часть типографских принадлежностей. На следующий день благодаря расторопности филеров, ведущих наружное наблюдение, Дедюхин был обнаружен. В пристройке дома, где он скрывался, была найдена хорошо оборудованная типография с 10 пудами одних только шрифтов. В доме и во дворе отыскалась и нелегальная эсеровская литература ижевской, уфимской и заграничной фабрикации. Вместе с Дедюхиным были задержаны хозяин дома Я. А. Антонов и двое лиц, определенных как сотрудники типографии, – местный паренек из рабочих А. Ф. Аникин и беглый ссыльнопоселенец Х. М. Ящин [31].

Стоит упомянуть и о третьей типографии ижевских эсеров. В архивах обнаружена печатная прокламация «К рекрутам», помеченная 8 ноября 1911 г. и издателем «Ижевская группа с-р.» [32]. Но издание это единично, а иные листовки эсеров Ижевска 1911–1912 гг. выпущены на гектографе. Вероятно, страх провокации, отсутствие денежных средств, таяние рядов организации эсеров и аполитичность рабочих масс не позволили ижевским эсерам поддержать типографское дело.

Гектографы были распространены гораздо шире, нежели типографии. Гектографы были несложны в производстве и просты в обращении, имелись они в каждой уездной организации

вятских эсеров. Гектографы ставились и в губернском городе, и в самом дремучем запечье, изготовлялись и отдельными сознательными крестьянами и старшекласниками.

Например, с подачи эсера Н. Н. Макушина учительницей земской школы А. С. Раевской в селе Шестакове Слободского уезда был поставлен гектограф, на котором перепечатывались воззвания Всероссийского Крестьянского Союза и распространялись по северной части Слободского уезда зимой 1905–1906 гг. [33] Крестьянское братство ПСР Екатерининской волости Нолинского уезда выпустило в 1907 г. два (обнаруженных) гектографированных воззвания, обращенных к местным крестьянам [34].

В начале декабря 1906 г. усилиями вятского гимназиста Павла Сучкова и его товарищей вышла гектографированная газета «Первый луч» от имени Общеученической организации эсеров. Целью газеты провозглашалось объединение учащихся, освещение вопросов школьной жизни и оценка общественных событий с точки зрения научного социализма [35].

К настоящему времени обнаружены издания следующих уездных организаций эсеров Вятской губернии за 1906–1910 гг.: Котельничская группа П. С-Р. (одна листовка), Малмыжская группа с.-р. (одна листовка), Нолинская группа ПСР (три листовки), Орловский Уездный Комитет ПСР (две листовки), Слободская группа ПСР (одна брошюра, одна листовка), Яранская группа с.-р. (одна листовка). Несколько особняком стоят листовки, выпущенные в 1910–1914 гг. Воткинской группой ПСР (три листовки), где сугубо рабочие вопросы заводской жизни связываются с программой и деятельностью партии эсеров. Разумеется, все эти издания гектографированные.

Елабужский Комитет ПСР также располагал лишь гектографами, но количество и разнообразие изданий решительно отличали его от иных уездных организаций. Первая прокламация от Елабужского Комитета эсеров «Долой опричнину!» отмечена декабрем 1905 г. [36] Литературный материал для листовок и для издававшегося в 1906–1907 гг. гектографированного журнала елабужских эсеров «Горн» (вышло четыре книжки) поставлял довольно известный писатель и драматург народнического толка И. Г. Шадрин (1868–1936 гг.), живший тогда в Елабуге [37]. В 1908 г. на гектографе было отпечатано несколько сотен брошюр «Христос и попы», сочинения местного эсера В. Л. Беляева [38]. В 1909 г. в Елабуге сложился эсеровский кружок из учащихся городского реального училища. Учащиеся выпускали партийный журнал *Vivos voco!* (Живых зовем!) (вышло четыре книжки), а Елабужский Комитет ПСР – журнал «Волна» (вышло две книжки) [39]. В декабре того же 1909 г. елабужские эсеры наладили было выпуск газеты «Крестьянские думы», однако полицейская слежка и частые домашние обыски членов организации заставили прекратить издание на первом же номере [40].

В архивах отложилось воззвание «О войне» (Листок для солдат и трудящихся), помеченное «Социалисты-революционеры. Вятка». Это гектографированное воззвание было подобрано крестьянами 31 июля 1914 г. в селе Бобино в 20 верстах от губернского города. Речь в прокламации шла о необходимости «трудовому люду поневоле расхлебывать кровавую кашу, заваренную российским правительством» [41]. Это воззвание «О войне» является последним по времени дофевральским изданием вятских эсеров.

Итак, каков же итог нелегальной печатной деятельности эсеров Вятской губернии с 1904 по 1914 г.? Пока что в четырех архивах и двух библиотеках Вятки и Москвы выявлено:

- восемь газет (пять – Вятка, одна – Сарапул, одна – Ижевск, одна – Елабуга);
- три журнала (все – Елабуга);
- 34 брошюры (24 – Вятка, четыре – Ижевск, четыре – Сарапул, одна – Елабуга, одна – Слободской);
- 152 листовки (95 – типограф, 47 – гектограф, пять – машинопись, пять – мимеограф; 91 листовка отпечатана в Вятке);
- одна открытка.

Тираж изданий подсчету не поддается. Можно называть лишь рамки объема выпуска типографированных воззваний: от 300 единиц («Ко всем». 1905 г., 14 августа. Вятский Комитет ПСР) [42] до 10 000 («О Государственной Думе». 1906 г., 17 марта. Вятский Комитет ПСР) [43]. Особо выделяется 20 000-ный тираж упомянутой листовки сарапульских эсеров «Разъяснение по поводу объявления губернатора», судя по всему, наибольший для одного нелегального издания эсеров Уральского региона. Самой многотиражной брошюрой является 16-страничная «Кто истинный христианин», изданная в 1906 г. Вятским Комитетом ПСР, ее объем 6 000 единиц [44]. Известен, благодаря общению жандармского агента с печатниками, и объем выпуска одного гектографированного воззвания – 460 единиц (Товарищи-новобранцы. 1910 г., ноябрь. Воткинская группа ПСР) [45].

Разумеется, пласт эсеровской литературы, охваченной исследованием, далеко не полон. Несомненно, в архивах и библиотеках Ижевска можно обнаружить новые материалы о деятельности эсеров Ижевска, Воткинска, Сарапула, Глазова. Отдельные уточняющие данные по эсерам

Елабуги могут находиться в архивах Татарстана. Что ж, это оставляет определенный задел на будущее для историков этих республик, а равно и для вятских исследователей политической жизни нашего края.

Примечания и список литературы

1. ГАРФ. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 32638. Лл. 1–2.
2. В хронику рабочего движения // Революционная Россия. 1902. Июнь (№ 7). С. 18–19.
3. Еще о беспорядках на Воткинском зав. Вятской губ. // Искра. 1902. Июль (№ 22). С. 23; Г. А. К. Хроника рабочих волнений и стачек // Жизнь. 1902. № 5 (август). С. 260–261.
4. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 1530. Л. 7.
5. РГАСПИ. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Лл. 5, 7, 7 об.
6. ГАСПИКО. Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 39. Л. 229 об.
7. ГАКО. Государственный архив Кировской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 670. Лл. 175–176.
8. Перепечатка из «Летучего листка «Революционной России» № 6. Машинопись. Место печати Вятка. Клич ПСР «В борьбе обретишь ты право свое!».
9. Перепечатка из «Летучего листка «Революционной России» № 8. Машинопись. Место печати Вятка. Клич ПСР «В борьбе...». Эта же листовка наличествует и в mimeографированном виде.
10. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 232. Д. 5. Ч. 42. Лл. 9, 15, 52, 54, 55.
11. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 939. Лл. 7, 8, 10.
12. ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 39. Л. 230 об.
13. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1956. Лл. 11–11 об.
14. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 385. Л. 42.
15. ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 54. Лл. 75–75 об.
16. Уральский Областной Съезд // Знамя труда. 1907. 27 окт. (№ 7). С. 16.
17. Знамя труда. 1907. 1 авг. (№ 3). С. 16.
18. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1908. Оп. 238. Д. 9. Ч. 12. Лит. А. Лл. 43–43 об.
19. Из партии. Урал (из доклада на V Совете ПСР) // Знамя труда. 1909. Август (№ 20). С. 18.
20. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1408. Лл. 47–49.
21. ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 49. Л. 1 об.
22. ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 61. Лл. 52–52 об., 73–73 об., 91; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 945. Лл. 167–167 об., ГАКО. Ф. 582. Оп. 167. Д. 38. Лл. 71–71 об.
23. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1177. Лл. 12, 19.
24. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1954. Лл. 5 об. -6.
25. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Оп. 237. Д. 9. Ч. 12. Л. 3.
26. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 130. Лл. 207–207 об.
27. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 623. Лл. 7–8, 20 об.
28. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 6744. Л. 37.
29. *Иванова Л. И.* (сост.). Хроника общественной жизни г. Вятки и Вятской губернии // *Спасский Н.* (ред.). Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1909 г. Отд. II. Вятка, 1908. С. 191.
30. Ижевский рабочий [Издание Ижевского Комитета Партии Социалистов-Революционеров]. 1909. Февраль (№ 5). 6 стр. Тираж 3 000 экземпляров.
31. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1909. Оп. 239. Д. 9. Ч. 12. Лл. 7–8 об.
32. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Оп. 242. Д. 9. Ч. 17. Л. 5.
33. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 168. Лл. 20, 28.
34. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 800. Лл. 10 об. –11 об., 150 об. –150 об.
35. ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 267. Л. 135.
36. ГАКО. Ф. 582. Оп. 167. Д. 10. Л. 13.
37. *Старый воробей Эс-Эр [Беляев В. Л.]*. Из жизни революционера // Народная воля. 1917. 3 авг. (№ 16). С. 2.
38. Народная Воля [Елабуга]. 1917. 19 сент. (№ 36). С. 2–4; Народная Воля [Елабуга]. 1917. 21 сент. (№ 37). С. 2–4.
39. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1909. Оп. 239. Д. 9. Ч. 12. Лит. А. Лл. 18, 29.
40. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 9. Ч. 17. Лит. Б. Л. 3.
41. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1491. Лл. 3, 10–10 об.
42. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 180. Л. 79.
43. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 12064. Л. 1.
44. ГАКО. Ф. 582. Оп. 167. Д. 10. Лл. 444–444е об.
45. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 9. Ч. 17. Лит. Б. Л. 41.

Notes and References

1. SARF. State archive of the Russian Federation. F. 1741. Inv. 1. File 32638. Sh. 1-2.
2. *V hroniku rabocheho dvizheniya* – To the chronicle of the labor movement // *Revolucionnaya Rossiya* – Revolutionary Russia. 1902. June (No. 7), pp. 18–19.

3. *Eshche o besporyadkah na Votkinskom zav. Vyatskoj gub.* – More about the riots at the Votkinsk plant of Vyatka province // *Iskra* – Spark. 1902, July (No. 22), p. 23; *G. A. K. Hronika rabochih volnenij i stachek* [Chronicle of the workers' unrests and strikes] // *Life*. 1902, No. 5 (August), pp. 260–261.
4. SARF. F. 533. Inv. 3. File 1530. Sh. 7.
5. RGASPI. Russian state archive of social and political history. F. 274. Inv. 4. File 46. Sh. 5, 7, 7 turn.
6. GASPIKO. State archive of socio political history of the Kirov region. F. П-45. Inv. 1. File 39. Sh. 229.
7. GAKO. State archive of Kirov region. F. 33. Inv. 1. File 670. Sh. 175-176.
8. A reprint from "Flying leaf of "Revolutionary Russia" № 6. Typescript. Place of printing: Vyatka. The cry of the AKP "In the struggle you will attain your right!".
9. A reprint from "Flying leaf of "Revolutionary Russia" № 8. Typescript. Place of printing: Vyatka. The cry of the AKP "In the struggle..."". This leaflet exists in mimeographed form.
10. SARF. F. 102. ДП ОО. 1904. Inv. 232. File 5. Pt. 42. Sh. 9, 15, 52, 54, 55.
11. GAKO. F. 33. Inv. 2. File 939. Sh. 7, 8, 10.
12. GASPIKO. F. П-45. Inv. 1. File 39. Sh. 230.
13. SARF. F. 533. Inv. 2. File 1956. Sh. 11–11.
14. SARF. F. 533. Inv. 2. File 385. Sh. 42.
15. GASPIKO. F. P 45. Inv. 1. File 54. Sh. 75-75 turn.
16. *Ural'skij Oblastnoj S'ezd* – Ural Regional Congress // *Znamya truda* – Banner of labor. 1907, 27 Oct. (No. 7), p. 16.
17. *Znamya truda* – Banner of labor. 1907, 1 Aug. (No. 3), p. 16.
18. SARF. F. 102. ДП ОО. 1908. Inv. 238. File 9. Pt. 12. Lit. A. Sh. 43–43.
19. *Iz partii. Ural (iz doklada na V Sovete PSR)* – From the party. Ural (from the report at V Council, AKP) // *Znamya truda* – Banner of labor. 1909, August (No. 20), p. 18.
20. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 1408. Sh. 47–49.
21. GASPIKO. F. П-45. Inv. 1. File 49. Sh. 1 turn.
22. GASPIKO. F. П-45. Inv. 1. File 61. Sh. 52 52., 73-73., 91; GAKO. F. 33. Inv. 2. File 945. Sh. 167–167., GAKO. F. 582. Inv. 167. File 38. Sh. 71-71 turn.
23. SARF. F. 533. Inv. 2. File 1177. Sh. 12, 19.
24. SARF. F. 533. Inv. 2. File 1954. Sh. 5. 6.
25. SARF. F. 102. ДП ОО. 1907. Inv. 237. File 9. Pt. 12. Sh. 3.
26. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 130. Sh. 207–207 turn.
27. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 623. Sh. 7–8, 20.
28. SARF. F. A539. Inv. 3. File 6744. Sh. 37.
29. *Ivanova L. I. (comp.). Hronika obshchestvennoj zhizni g. Vyatki i Vyatskoj gubernii* [Chronicle of the public life of the city of Vyatka and Vyatka province] // *Spasskij N. (ed.). Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1909 g.* [The memorable book of Vyatka province and calendar for 1909] Dep. II. Vyatka. 1908. P. 191.
30. *Izhevskij rabochij [Izдание Izhevskogo Komiteta Partii Socialistov-Revolyucionerov]*- Izhevsk worker [Edition of Izhevsk Committee of the Party of Socialist Revolutionaries]. 1909, February (No. 5), 6 p. Circulation of 3 000 copies.
31. SARF. F. 102. ДП ОО. 1909. Inv. 239. File 9. Pt. 12. Sh. 7–8.
32. SARF. F. 102. ДП ОО. 1912. Inv. 242. File 9. Pt. 17. Sh. 5.
33. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 168. Sh. 20, 28.
34. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 800. Sh. 10 turn -11 turn, 150 turn – 150 turn.
35. GASPIKO. F. П-45. Inv. 1. File 267. Sh. 135.
36. GAKO. F. 582. Inv. 167. File 10. Sh. 13.
37. *Staryj vorobej EHS-EHr [Belyaev V. L.]. Iz zhizni revolyucionera* – Old Sparrow ES-ER [Belyaev V. L.]. From the life of a revolutionary // *Narodnaya volya* – People's will. 1917. Aug 3. (No. 16). P. 2.
38. *Narodnaya volya* – People's will [Yelabuga]. 1917, 19 Sept. (No. 36), pp. 2–4; *Narodnaya volya* – People's will [Yelabuga]. 1917, 21 Sept. (No. 37), pp. 2–4.
39. SARF. F. 102. ДП ОО. 1909. Inv. 239. File 9. Pt. 12. Lit. A. Sh. 18, 29.
40. SARF. F. 102. ДП ОО. 1910. Inv. 240. File 9. Pt. 17. Lit. B. Sh. 3.
41. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 1491. Sh. 3, turn 10-10.
42. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 180. Sh. 79.
43. SARF. F. 1741. Inv. 1. File 12064. Sh. 1.
44. GAKO. F. 582. Inv. 167. File 10. Sh. 444–444 turn.
45. SARF. F. 102. ДП ОО. 1910. Inv. 240. File 9. Pt. 17. Lit. B. Sh. 41.

УДК 947.084.2(092)

Человек и эпоха: Александр Бубликов о революции 1917 г. в России

Бакулин В. И.

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории,
Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: vla84780804@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается деятельность политических партий, поведение ряда ключевых фигур грандиозной российской исторической драмы в восприятии современника и участника революционных событий 1917 г. в России. Написанная им книга «Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника» содержит в себе описание важных и интересных сюжетов революционного переворота в столице и целый ряд политических портретов, в том числе свергнутого царя, лидера партии кадетов П. Н. Милюкова, некоторых министров Временного правительства. Личность самого Александра Бубликова интересна его социальным положением связующего звена между миром большой политики и российского предпринимательства, способностью анализировать присходившие на его глазах события большой исторической значимости, а также стремлением автора монографии достаточно грамотно осмысливать социальную и политическую конкретику с точки зрения научных обществоведческих теорий.

Ключевые слова: революция, падение монархии, политические портреты, ментальность.

The man and the era: Alexander Bublikov about the 1917 revolution in Russia

Bakulin V. I.

doctor of historical sciences, professor of the Department of Russian history, Vyatka State University,
36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: vla84780804@yandex.ru

Abstract: the article examines the activities of political parties, the behaviour of a number of key figures in the Russian Grand historical drama in the perception of a contemporary and participant of the revolutionary events of 1917 in Russia. He wrote a book "The Russian revolution. Impressions and thoughts of a witness and participant" which contains a description of important and interesting stories of the revolution in the capital and a series of political portraits, including that of the deposed king, the leader of the cadets P. N. Miliukov, some Ministers in the Interim government. The personality of Alexander Bublikov is an interesting social situation as a connecting link between the world of big politics and the Russian business, ability to analyze what has happened in his eyes, events of great historical significance, but also the desire of the author is quite competent to comprehend social and political reality from the perspective of social scientific theories.

Keywords: the essence of the event, the fall of the monarchy, political portraits, mentality.

Александр Александрович Бубликов – бывший комиссар Временного правительства по железнодорожному транспорту, в сентябре 1917 г. перебравшийся в США, по роду своей дореволюционной деятельности и социальному статусу управляющего железнодорожной компанией был довольно тесно связан с крупным отечественным, в первую очередь московским, капиталом – братьями Рябушинскими, А. И. Коноваловым. В плане партийной принадлежности он относительно недолгое время являлся членом фракции прогрессистов в 4-й Государственной думе, а затем и одноименной партии. Однако если исходить из его утверждения, политическая деятельность играла в жизни Бубликова роль второстепенную. Во всяком случае, он, отметившись в роли комиссара Временного комитета Государственной думы (затем Временного правительства) в Министерстве путей сообщения, уже в первой декаде марта 1917 г. покинул этот пост. Судя по содержанию написанной им по горячим следам событий и изданной в Нью-Йорке книге «Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника» (предисловие к первому изданию датировано 20-м февраля 1918 г.), Бубликов позиционировал себя скорее как хозяйственника-прагматика, представителя промышленного капитала России [1]. В предисловии к книге он особо подчеркнул: «Я уже давно уклонился от активного участия в политике» [2]. Правда, это утверждение самим содержанием довольно эмоционально написанной книги, как и последующей биографией, слабо подтверждается.

При преобладании мемуарной литературы, описывающей революционный катаклизм 1917 г. с тех или иных партийных позиций, предлагаемый А. Бубликовым угол зрения мог бы представлять собою особый интерес. Однако центр тяжести изложения и в исследуемом тексте смещен скорее к политическому дискурсу; наряду с проблемами экономического характера, зна-

чительное место отведено автором книги характеристикам свергнутого монарха, деятелей политических партий, главным образом либерального толка, а также политическому компоненту предпосылок Февральской (в меньшей степени – Октябрьской) революций. Очевидно, дело не только в том, что возвести непроходимую стену между экономикой и политикой невозможно, тем более когда речь идет о событии преимущественно политического характера, но и в мировоззренческой матрице самого А. Бубликова.

Хотя автор книги избегает четкой самоидентификации себя с каким-либо определенным политическим течением, партией и даже осуждает чрезмерные увлечения современников идеологиями, межпартийной «грызней» и склоками [3], однако его рассуждения о прошлом, настоящем и будущем России базируются на определенном рода идеологии, которая – с некоторыми оговорками – может быть названа умеренно либеральной. На что указывает, например, его сожаление по поводу того, что народ русский явно «не дорос еще до буржуазной идеологии, целиком основанной именно на уважении к чужой собственности, что он где-то еще бесконечно далек даже от современных европейцев и американцев» [4]. Но в любом случае свидетельство о событиях революции «из первых рук» человека, тесно связанного и с политической элитой, и с предпринимательскими кругами России, представляет собою немалый интерес.

Выясняя предпосылки революционного взрыва, А. А. Бубликов утверждал, что благодаря успешному экономическому росту в период после 1907 г. «все» в России потеряли интерес к революционной тематике, кроме «ничему не научившихся» революционеров [5]. И если революция все же оказалась поставленной в повестку дня ходом событий, то вина за это возлагалась им в первую очередь и главным образом на царское правительство. Оно само возбудило ненависть по отношению к себе политическими преследованиями и бюрократическим гнетом. В период после первой русской революции, категорически заявил Бубликов, правительство повело себя глупо. Озвученная в ходе ее «верхами» формула «сначала успокоение, а потом реформы» во второй ее части довольно быстро была переведена в разряд неактуальных. Из всех реформ реализовалась, впрочем, не слишком энергично, только одна – столыпинская аграрная. Более всего Бубликова огорчал тот факт, что об «утверждении торжественно обещанных политических свобод не было больше и речи» [6]. Именно в дефиците свобод и демократии автор книги усматривал главный исток Февральской революции.

По его наблюдениям, «не было в России класса или группы людей, с которыми русскому правительству было бы по пути. Оно воевало со всеми, всех и всего боялось, всех угнетало, все молодое, свежее душило...». Утратившему творческое начало царизму, «выродившемуся и духовно, и физически», оказалось не по силам «точно сформулировать действительно исторические задачи своего народа и настойчиво их осуществлять» [7]. Что подобная оценка была не исключительной в определенных кругах российской элиты той поры, свидетельствуют и воспоминания А. И. Деникина: «Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты» [8].

Если главной причиной 2-й революции в России, по Бубликову, являлось нежелание Николая II решительно вступить на путь демократизации жизни страны, то и непосредственным виновником, давшим толчок к началу антимонархической революции, он тоже называет... монарха. По его очень своеобразной и весьма сомнительной версии (якобы непротиворечиво объясняющей суть событий), Николай II подумывал о подписании сепаратного мира с Германией, а чтобы получить согласие союзников на его заключение, их следовало припугнуть призраком русской революции. На улицах столицы стал разыгрываться спектакль народных выступлений. Однако он, вопреки замыслам сценаристов, вдруг перерос в революцию. Правда, не так уж спонтанно, уточняет Бубликов, поскольку против собравшегося на улицах народа без всяких на то оснований (толпа не делала ничего криминального, а кое-кто и просто прогуливался) было применено оружие, а стреляли в граждан переодетые солдатами полицейские. По коварному замыслу власть предержащих, чтобы устроить «маленькую революцию», надо было «произвести удачную стрельбу». Что и было сделано. Но начавшийся переход солдат на сторону жертв самодержавного произвола обусловил начало действительной революции [9].

Поскольку А. А. Бубликов возглавлял группу лиц, уполномоченных доставить арестованного Николая II из Ставки в Петроград, в его сознании сложился относительно «объемный» образ последнего российского императора. Бывший царь произвел на него впечатление человека с атрофированными чувствами, «каменным сердцем», с натурой мелкой и склонной к зависти. Он нашел, что царю вместо известного определения «Николай Крававый» гораздо более подошел бы эпитет «Николай Ничтожный», и одобрил решение А. Ф. Керенского отправить бывшего царя в Тобольск, во избежание самосуда и расправы с ним толпы [10]. «Николай II, писал он, – это политический труп, который ни-

когда не восстанет», ибо такой правитель не нужен народу «даже в дни самого великого отчаяния» [11]. При этом, судя по контексту, сам Бубликов не испытывал по отношению к низложенному самодержцу личной злобы и ненависти, высказав заслуженный упрек в адрес свиты Николая Романова, в большинстве своем торопливо покинувшей бывшего властителя [12].

Деятели оппозиционного самодержавию лагеря в большинстве своем удостоились под пером А. А. Бубликова не более лестных характеристик. Он весьма скептически оценил социально-креативные возможности различных политических течений, партий накануне Февраля. По его мнению, «в народе к моменту революции не было ни одной интегрирующей, творческой силы... Этот (самодержавный. – В. Б.) строй не донес до момента революции ни одного действительно авторитетного политического деятеля, ни в среде правительства, ни в среде оппозиции». Даже Государственная дума к этому времени «решительно никакой поддержкой в стране не пользовалась» [13]. Правда, как это будет показано ниже, он сделал некоторое исключение для большевиков, однако никого из их лидеров, включая В. И. Ленина, А. Бубликов «не заметил». В среде социалистов он упомянул – с некоторой долей уважения – лишь меньшевика Ираклия Церетели, да и то лишь в связке с собственной персоной [14].

Таким образом, вину за идейно-политическую импотенцию оппозиции, за отсутствие в ней выдающихся деятелей А. А. Бубликов полностью возложил на царизм, который, как и прежде, в политическом контексте оставался для него олицетворением вселенского зла: «Десятилетия систематической деморализации народа давали себя знать: в стране не оказалось никаких подлинно государственных элементов» [15]. В контексте такого рода обличений самодержавия скромная роль интеллигенции, по Бубликову, сводилась к тому, что она «доказывала – и действительно доказала и в своей стране и всему миру, что русская самодержавная власть immoralная, ибо держится она только насилием» [16].

Автор книги «Русская революция» подверг сокрушительной критике членов Временного правительства [17], сделав исключение лишь для министра А. И. Коновалова (прогрессиста, как и сам Бубликов), который, по его словам, самоотверженно трудился, «едва урывая 4–5 часов на сон». Но и этот преданный Родине чиновник – все же «неврастически безвольный» человек [18]. Уничжительных оценок удостоились и П. Н. Милуков, в числе прочего обвиненный в превращении в политический труп Государственной думы [19], и министр финансов – вскоре сменивший лидера кадетов на посту министра иностранных дел – М. И. Терещенко («юноша без всяких знаний и без опоры в стране») [20]. Н. В. Некрасов, в определении Бубликова, – популист, Г. Е. Львов, А. А. Мануйлов, А. М. Никитин, С. Н. Прокопович – полные ничтожества [21]. Не остался без сочного эпитета и А. Ф. Керенский, «истерически влюбленный в свободу» [22]. Проведя параллели между Николаем II и последним главой Временного правительства, он нашел, что у Александра Федоровича, как и у последнего царя, «те же капризы, совершенно необъяснимые фантазии, склонность, род недуга, к окружению себя ничтожествами, упрямство, и рядом крайняя нерешительность...» Как и Николай II накануне Февраля, Керенский к моменту Октябрьской революции оказался в полной изоляции [23].

Грандиозность и сложность вставших перед министрами задач застали их врасплох, вызвали замешательство и неуверенность, что наиболее ярко проявилось у возглавлявшего два первых кабинета Временного правительства князя Г. Е. Львова. Он, «вечно растерянный, вечно что-то забывающий, ничего не предусматривающий, старающийся всем угодить... был как бы ходячим символом бессилия Временного правительства» [24]. Правительство губило морализаторство, – формулировал небесспорное утверждение Бубликов; оно было просто неспособно применять принуждение, «силой заставлять непокорных исполнять веления власти» по той причине, что русская интеллигенция «уже давно поддалась искушению перенести политический спор в область морали» [25]. К сожалению, автором книги не были приняты в расчет реальные возможности Временного правительства, серьезно ограниченные противостоявшими ему Советами, как и неудачные попытки ту опереться на насилие летом – осенью 1917 г. [26]

Надо сказать, не лучшее впечатление члены Временного правительства, лидеры кадетов и умеренных социалистов произвели не только на А. А. Бубликова. Нечто подобное отмечал и член французской военной миссии в Петрограде, капитан Жак Садуль. В письме своему однопартийцу-социалисту, министру вооружений Франции Альберу Тома он писал осенью 1917 г.: «Когда беседуешь со всеми этими людьми нынешнего центра и еще больше – с правыми, приходишь в отчаяние от их шатаний, от бесконечного “дрейфа” их перепуганного сознания. Без ясного идеала, без компаса, без звезд плывут они наугад по бушующему и страшному океану революции. Они не хотят приставать к гавани большевиков. И поскольку своей гавани они до сих пор не нашли, их носит по волнам» [27].

Главным недостатком кабинета в целом, по мнению Бубликова, являлась неопытность его членов в делах государственного управления: «Это был в существе не кабинет министров, умевший управлять великой страной в ответственный момент ее истории, а некий семинарий государственного управления». По своему предыдущему жизненному опыту эти люди «знали... в

сущности, только одно дело – говорить речи и критиковать чужую работу» [28]. Еще более губительную, чем безволие, роль для правительства сыграла его «идейная бесцветность», неспособность увлечь за собой большинство народа. Сущность программы кабинета, как и задававшей в нем тон партии кадетов, сводилась к неприемлемой для большинства граждан формуле: «Довести страну до Учредительного собрания, продолжая войну!» [29]

Во властной связке Временное правительство и правящая Конституционно-демократическая партия (по политической окраске кабинет был определенно кабинетом «кадетского засилья») он отдавал предпочтение последней и находил, что именно тесная связь с правительством может сыграть для нее пагубную роль: с таким председателем, как князь Львов, правительство должно будет «свалиться через каких-нибудь два месяца, увлекши в своем падении и кадетскую партию – единственную, на которую Россия еще могла надеяться» [30]. Однако надежда на КДП странном образом соседствовала у Бубликова с вышеприведенной разгромной критикой министров-кадетов, включая лидера партии Милюкова, и признанием крайне низкого политического потенциала бывшей оппозиционной (теперь уже павшему царизму) интеллигенции в целом.

Участие России в мировой войне как в прошлые годы, так и в период после падения царизма, – «священная корова» для Бубликова. Оно приоритетно для него и по отношению к революции. Проявляя солидарность с теми политиками, которые находили нерациональным сочетание войны с революцией, нежелательность последней в условиях продолжавшихся военных действий («Финансирование войны и финансирование в то же время социальной справедливости не может быть по плечу экономически слабой стране, и так уже безудержно шедшей к банкротству» [31]), он, по сути, находил возможным жертвовать во имя войны социальной справедливостью.

По приведенной выше обтекаемой формуле затруднительно судить, о какой именно революции идет у А. Бубликова речь – о буржуазной или о социалистической, ибо задачи первой из них им внятно не прописаны. А вот необходимость продолжения Россией войны автором не только признавалась, но и аргументировалась. Впрочем, довольно неуклюже и малоубедительно. Он писал: «Выход из войны, перестройка всех внешних отношений в момент величайшего мирового кризиса представляет собой такой прыжок в неизвестность, который никак не мог предвещать для России ничего хорошего» [32].

Война сама по себе уже осуществила радикальнейшую перестройку «всех внешних отношений». К тому же, если речь шла о «прыжке в **неизвестность**», то откуда черпалась уверенность именно в плачевных последствиях этого прыжка? Не говоря уж о том, что не менее чем Бубликов, компетентные люди (военный министр Временного правительства А. И. Верховский, член ЦК меньшевистской партии, видный политический деятель и экономист Н. Н. Суханов/ Гиммер [33] и др.) находили губительным для страны именно дальнейшее ее участие в мировой войне, а не выход из нее. Да и сам Бубликов, косвенно подтверждая их правоту и с цифрами в руках показывая переживаемую Россией финансовую катастрофу [34], тем не менее, не смог отказаться от догматической зашоренности в вопросе о войне и мире. Впрочем, дело заключалось, очевидно, не только и даже не столько в догматике, сколько в текущей большой политике.

В книге признается закономерным и заданным ходом событий приход к власти большевистской партии. В том числе и потому, что Г. Е. Львов своей деятельностью, фактическим разгромом госаппарата, в результате чего «на Руси, в сущности, не стало никакой власти» [35], подготовил «будущее торжество большевиков» [36]. Обратной стороной медали было то обстоятельство, что «не только государственно мыслящие в России, но и весь народ в совокупности каким-то здоровым инстинктом всегда рвался к... сильной власти», а в большевиках «учуяли людей, склонных создать именно сильную власть». Попутно Бубликов отмел обвинения большевиков в развале армии (не они писали Приказ № 1), в поощрении анархии и преступности («большевики грабителей, насильников и мародеров, насколько слышно, расстреливают даже без суда») [37].

Сам он, в согласии с концепцией Монтескье, находил, что России, как крупному государству, «по ее размерам нужна сильная, деспотическая власть», причем не только в чрезвычайных исторических обстоятельствах [38]. При этом им было сформулировано тонкое психологическое соображение: у русских людей нелюбовь к власти сочетается с осознанием ее необходимости, что предполагает диалектическое сочетание «энергического творчества» властей «в духе народных желаний», с «не менее энергическим подавлением всяких попыток к непослушанию воле страны». Правительство князя Львова действовало противоположным образом, не сумев к тому же увлечь народ перспективами дальнейшего развития страны [39]. Обреченность февральского режима, по утверждению А. Бубликова, стала ему понятна уже в мартовские дни: «Неизбежность прохождения Россией периода увлечения крайними политическими и социальными учениями вырисовывалась для меня уже тогда вполне ясно. Потому, сдав через несколько дней министерство Некрасову, я закончил свое участие в правительственной деятельности» [40].

Большевики, в отличие от членов Временного правительства, нашли нужные слова, знамя, обозначили грандиозные перспективы общественного прогресса («Мы научим весь мир, как устраивать счастье народных масс!»), за которыми пошел народ. К тому же они поняли, что «править без принуждения и без аппарата принуждения, то есть государственной полиции нельзя», сделав из этого соответствующие практические выводы. Кроме того, они реализовали многое из того, что следовало осуществить еще Временному правительству [41]. Однако сказанное выше совсем не означало принципиальной солидарности автора книги с идеологией и политикой большевизма. Одобрив отдельные мероприятия новой власти, хотя и далеко не все, Бубликов, вместе с тем, рассматривал их как компоненты в целом губительного для России послеоктябрьского курса внутренней и внешней политики [42].

Губительность этого курса Бубликов обосновывал в строгом соответствии с ортодоксальным марксизмом, точнее – с его принятой Г. В. Плехановым и российскими меньшевиками версией. Он писал: «Что мир идет к социализму – это ясно. Спорить с этим было бы неумно. Слишком много грехов накопилось за капиталистическим строем, слишком много было страданий масс, слишком оскорбляет он чувство справедливости, чтобы человечество не чаяло в крушении капитализма путей к своему счастью». Однако условия недостаточно развитой страны, каковой является Россия, не дают шансов для успеха социалистического эксперимента на отечественной почве. Поэтому провал большевиков неизбежен по причине «безжизненности самой сущности их идеи» [43].

Еще одним слабым местом социалистической мысли он находил излишнее увлечение вопросами распределения национального богатства, материальных благ, при недостаточном внимании к организации производства [44]. Обвинение это явно нуждалось в конкретизации, поскольку в самом общем виде его следовало отнести к разработанной В. М. Черновым идеологии партии эсеров; что же касается теоретических установок большевизма, то здесь требовалась более серьезная аргументация. Интересны размышления автора книги об особенностях российского социалистического сознания, о психологических нюансах отечественного социализма. «Русский социализм, – утверждал он, – не есть нечто вытекающее из классового самосознания. Это своего рода религия, в которой интеллигенция – священнослужители» [45].

Отринув современные ему теории и практику российских политических течений монархизма, либерализма, социализма, Бубликов попытался набросать альтернативный проект вывода России из глубочайшего системного кризиса, в каковом она находилась к началу 1918 г. В самом сжатом виде он сводился к требованию налаживания производства, поскольку главные беды страны он вполне справедливо связывал с недопроизводством, усугубленным революционным хаосом и недалекой политикой Временного правительства. Однако успешное развитие виделось ему только на базе частной собственности, способной, в числе прочего, решить проблему инвестиций.

Говоря о близкой ему железнодорожной отрасли, он оценил как приносящую зло политике национализации части железных дорог, проводимых царским правительством с 1880-х гг. Что же касается «своеобразного огосударствления, которое проведено Некрасовым (*министр путей сообщения во Временном правительстве. – В. Б.*) и большевиками», – уверял Бубликов, – то оно, «окончательно зарежет Россию» [46]. В более широком контексте, при введении социалистических порядков в России, писал Бубликов, «нет решительно никаких шансов ожидать, что это созидание новых благ, то есть промышленное творчество, усиление производства, интенсификация труда, пойдут сколько-нибудь энергично». Столь мрачный прогноз базировался в первую очередь на убеждении А. А. Бубликова в неспособности социалистического строя обеспечить необходимую мотивацию труда и личной инициативы связанных с производством людей [47].

По Бубликову, для человеческой деятельности существуют три стимула: любознательность, стремление к славе, стремление к комфорту. Последний дополняется у него еще и накопительской страстью. Первые два стимула присущи немногим, третий – большинству, которое «работает ради личного обогащения, подстегиваемое великим возбудителем человеческой деятельности – голодом» [48]. Социализм, понимаемый им как полностью уравнительная система, ослабляет третий стимул, «исключая возможность личного обогащения, делая всех равными участниками благ земных, независимо от степени продуктивности труда, и устраняя возможность и нужность накопления» [49].

В дореволюционной России большинство «простолюдинов» (рабочих, ремесленников, крестьян, мелких служащих...) были лишены возможности делать накопления, но зато для них вполне актуальным оставалась «стимулирующая» их трудовую деятельность угроза голода. Поэтому социализм, даже в упрощенном его изображении Бубликовым, вряд ли представлялся большинству из них явлением сугубо враждебным. Более глубоким видится предупреждение автора книги о том, что потребуются немало времени и работы над человеческой душой, чтобы заставить человека во имя общего блага работать так же, как он работает в условиях капиталистического строя, преследуя свои индивидуальные цели [50].

Только с капиталистическим строем связывал А. А. Бубликов и возможность индустриализации страны, с глубоким сожалением отмечая: «Идеологи индустриализма, защитники буржуазных

идей насчитываются в России единицами» [51]. Его идеал – американский путь, на который он пытался звать российское общество, – «путь титанического развития промышленного творчества, феерического развития капитализма в стиле североамериканском» [52]. Именно с этим идеалом был, очевидно, связан срочный вояж А. Бубликова в Соединенные Штаты Америки и издание там «в жарном порядке» написанной им по самым горячим следам событий книги. Таковая обозначила отношение российского капитала (по крайней мере, определенных кланов) к участию России в мировой войне, к Октябрьской революции, подавая соответствующий сигнал американским правящим кругам и внося свою лепту в формирование общественных настроений в США.

Книгу А. А. Бубликова, несмотря на излишне смелые обобщения («весь народ», «воля страны» и т. п.) отличает довольно высокая культура мысли и слова, а также стремление многоаспектно – под углом зрения экономики, политики, социальной психологии – охарактеризовать события 1917 г. в России, что делает ее ценным источником по истории Великой русской революции.

Примечания и список литературы

1. Бубликов А. А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. М., 2016. С. 113.
2. Там же. С. 39.
3. Там же. С. 79, 95 и др.
4. Там же. С. 43.
5. Там же. С. 42.
6. Там же. С. 44.
7. Там же. С. 45.
8. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 114.
9. Бубликов А. А. Указ. соч. С. 50–53.
10. Там же. С. 91–94.
11. Там же. С. 94.
12. Там же. С. 87, 90.
13. Там же. С. 47, 48.
14. Там же. С. 113.
15. Там же. С. 47–48.
16. Там же. С. 69.
17. Там же. С. 65–74, 111–113.
18. Там же. С. 81, 111.
19. Там же. С. 78–79.
20. Там же. С. 67.
21. Там же. С. 106, 111.
22. Там же. С. 111.
23. Там же. С. 112.
24. Там же. С. 68–69.
25. Там же. С. 69.
26. См., например: Герасименко Г. А. Народ и власть: 1917 год. М., 1995.
27. Садуль Ж. записки о большевистской революции. 1917–1919. М., 1990. С. 57.
28. Бубликов А. А. Указ. соч. С. 65.
29. Там же. С. 114.
30. Там же. С. 65, 74.
31. Там же. С. 49.
32. Там же. С. 50.
33. Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Кн. 2, параграф 7. С. 36. URL: http://fictionbook.ru/author/nikolay_i_nikolaevich_suhanov/zapiski_o_revolyucii/read_online.html?page=36; А. И. Верховский. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.) 28 октября, Финляндия // http://redstory.ru/war/first_world_war/256.html
34. Бубликов А. А. Указ. соч. С. 49.
35. Там же. С. 71.
36. Там же. С. 72.
37. Там же. С. 73, 77.
38. Там же. С. 72.
39. Там же. С. 73–74.
40. Там же. С. 75.
41. Там же. С. 116, 118, 119.
42. Там же. С. 118.
43. Там же. С. 119–120.
44. Там же. С. 120.
45. Там же. С. 129.
46. Там же. С. 121–125.
47. Там же. С. 125–127.

48. Там же. С. 126.
49. Там же.
50. Там же.
51. Там же.
52. Там же. С. 128.

Notes and References

1. *Bublikov A. A. Russkaya revolyuciya. Vпечатleniya i mysli ochevidca i uchastnika* [Russian revolution. Impressions and thoughts of a witness and participant]. M. 2016. P. 113.
2. Ibid. P. 39.
3. Ibid. Pp. 79, 95, etc.
4. Ibid. P. 43.
5. Ibid. P. 42.
6. Ibid. P. 44.
7. Ibid. P. 45.
8. *Denikin A. I. Oчерки Russkoj Smuty. Krushenie vlasti i armii, fevral' – sentyabr' 1917* [Essays On Russian Troubles. The collapse of the government and the army, February – September 1917]. M. 1991. P. 114.
9. *Bublikov A. A.* Op. cit. Pp. 50–53.
10. Ibid. Pp. 91–94.
11. Ibid. P. 94.
12. Ibid. Pp. 87, 90.
13. Ibid. Pp. 47, 48.
14. Ibid. P. 113.
15. Ibid. Pp. 47–48.
16. Ibid. P. 69.
17. Ibid. Pp. 65–74, 111–113.
18. Ibid. P. 81, 111.
19. Ibid. Pp. 78–79.
20. Ibid. P. 67.
21. Ibid. P. 106, 111.
22. Ibid. P. 111.
23. Ibid. P. 112.
24. Ibid. Pp. 68–69.
25. Ibid. P. 69.
26. See, for example: *Gerasimenko G. A. Narod i vlast': 1917 god* [The people and the government: 1917]. M. 1995.
27. *Sadul' ZH. Zapiski o bol'shevistskoj revolyucii. 1917–1919* [Notes on the Bolshevik revolution. 1917–1919]. M. 1990. P. 57.
28. *Bublikov A. A.* Op. cit. P. 65.
29. Ibid. P. 114.
30. Ibid. Pp. 65, 74.
31. Ibid. P. 49.
32. Ibid. P. 50.
33. *Suhanov N. N. Zapiski o revolyucii* [Notes on the revolution]. M. 1991. Book 2, paragraph 7. P. 36. Available at: http://fictionbook.ru/author/nikolayi_nikolaevich_suhanov/zapiski_o_revoljucii/read_online.html?page=36; *A. I. Verhovskij. Rossiya na Golgofe (iz pohodnogo dnevnika 1914–1918 gg.) 28 oktyabrya, Finlyandiya* [Russia at Calvary (from a marching diary 1914–1918) October 28, Finland] // http://redstory.ru/war/first_world_war/256.html
34. *Bublikov A. A.* Op. cit. P. 49.
35. Ibid. P. 71.
36. Ibid. P. 72.
37. Ibid. Pp. 73, 77.
38. Ibid. P. 72.
39. Ibid. Pp. 73–74.
40. Ibid. P. 75.
41. Ibid. Pp. 116, 118, 119.
42. Ibid. P. 118.
43. Ibid. Pp. 119–120.
44. Ibid. P. 120.
45. Ibid. P. 129.
46. Ibid. P. 121–125.
47. Ibid. P. 125–127.
48. Ibid. P. 126.
49. Ibid.
50. Ibid.
51. Ibid.
52. Ibid. P. 128.

УДК 94(47).084.8

Потери генералов Красной Армии в 1941 г.

Печенкин А. А.

доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории,
Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: alexv.54@mail.ru

Аннотация: В годы Великой Отечественной войны Советский Союз понес огромные потери гражданского населения и военнослужащих. Точная цифра людских потерь до сих пор не установлена. Погибли миллионы солдат и офицеров, а также сотни генералов. Наибольшие потери были в 1941 г.

В статье рассматривается вопрос о безвозвратных потерях советского генералитета в период с 22 июня по 31 декабря 1941 г. К безвозвратным потерям относятся погибшие в боях, пропавшие на фронте без вести, умершие от ран и от болезней, погибшие в плену. По своему характеру потери распределены на боевые и небоевые. К небоевым отнесены потери, не связанные с непосредственным выполнением боевого задания.

В статьях и книгах называют разные цифры генеральских потерь. В официальных изданиях Министерства обороны РФ говорится, что в период Великой Отечественной войны погибло и умерло 416 генералов и адмиралов. Автор, проверив по документам Российского государственного военного архива (РГВА) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), составил более полный список потерь генералов и адмиралов (462 человека). В статье особо выделен период с 22 июня по 31 декабря 1941 г., когда погибло и умерло 107 генералов. Сделан вывод о том, что наибольшие ежемесячные боевые потери генералитета приходятся на этот период. Большинство погибших в 1941 г. генералов командовали дивизиями и корпусами.

В статье приводятся цифры и факты, характеризующие небоевые потери генералитета. Автор приходит к выводу, что подавляющее большинство небоевых потерь 1941 г. составили генералы, погибшие в результате необоснованных репрессий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная Армия, генералы, потери, репрессии.

The loss of the generals of the Red Army in 1941

Pechenkin A. A.

doctor of historical sciences, head of Department of Russian history, Vyatka state University.
36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: alexv.54@mail.ru

Abstract: During the Great Patriotic War, the Soviet Union suffered huge losses of civilians and servicemen. The exact figure of human losses has not yet been established. Millions of soldiers and officers were killed, as well as hundreds of generals. The greatest losses were in 1941.

The article deals with the irretrievable loss of Soviet generals in the period from June 22 to December 31, 1941. The irretrievable losses are lost in battle, missing on the front line, dead from wounds and diseases, killed in captivity. By their nature, losses are divided into combat and non-combat. The non-combat losses are not related to the immediate performance of the combat mission.

In articles and books, different numbers of general losses are called. Official publications of the Ministry of Defense of the Russian Federation state that during the Great Patriotic War, 416 generals and admirals died and died. The author, verified by the documents of the Russian State Military Archive (RGVA) and the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMO), compiled a more complete list of losses of generals and admirals (462 people). In the article, the period from June 22 to December 31, 1941, when 107 generals were killed and died, is especially highlighted. The conclusion is drawn that the greatest monthly combat losses of the generals fall on this period. Most of the soldiers who died in 1941 commanded divisions and corps.

The article contains figures and facts characterizing the non-combat casualties of the generals. The author comes to the conclusion that the overwhelming majority of the non-combat losses of 1941 were the generals who died as a result of unreasonable repressions.

Keywords: The Great Patriotic War, the Red Army, generals, losses, repressions.

Вопрос о масштабах потерь генералов Красной Армии до сих пор остается дискуссионным. В различных публикациях назывались разные цифры. «Военно-исторический журнал» опубликовал список из 416 фамилий погибших генералов и адмиралов [1]. Военный историк А. А. Шабаев увеличил цифру до 438 [2]. А. И. И. Кузнецов считал, что в период войны погибли и умерли 442 лица высшего офицерского состава [3].

На наш взгляд, эти цифры не могут считаться окончательными. Изучив научную и мемуарную литературу, документы Российского государственного военного архива (РГВА) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), считаю возможным включить в список в дополнение к 416 еще 46 фамилий генералов и адмиралов, погибших и умерших с 22 июня 1941 до 9 мая 1945 г. Так как в опубликованных материалах иногда приводятся ошибочные сведения о времени и обстоятельствах смерти того или иного генерала, каждая фамилия проверялась по документам РГВА и ЦАМО. После внесения необходимых уточнений автором составлен наиболее полный на сегодняшний день список безвозвратных потерь генералов и адмиралов (462 человека) с указанием фамилии, имени и отчества, даты и обстоятельств смерти, занимаемой должности и последнего звания.

В соответствии с приказом заместителя Наркома обороны СССР № 023 от 4.02.1944 г., «...к безвозвратным потерям отнесены погибшие в боях, пропавшие на фронте без вести, умершие от ран на поле боя и в лечебных учреждениях, умершие от болезней, полученных на фронте, или умершие на фронте от других причин, попавшие в плен» [4]. Установив общую цифру потерь, необходимо разделить их на боевые и небоевые. Боевые – это убитые на поле боя, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях, пропавшие без вести в условиях боя и попавшие в плен.

Боевые потери за шесть месяцев (22 июня – 31 декабря 1941 г.) составили 74 человека, то есть в среднем ежемесячно погибало 12 генералов. Закономерно, что наибольшие ежемесячные боевые потери генералитета имели место в 1941 г., когда Красная Армия отступала, десятки советских дивизий были разгромлены и сотни тысяч военных попали в окружение.

Уже на второй день войны, 23 июня 1941 г., при авиационном налете на командном пункте погиб помощник командующего Западным фронтом генерал-майор И. П. Михайлин. Кроме того, за первую неделю войны в боях погибли командиры дивизий генерал-майоры В. П. Пуганов и Д. П. Сафонов, командиры корпусов С. М. Кондрусев, М. Г. Хацкилевич, В. Б. Борисов.

В июне 1941 г. при обороне города Лиепая отличилась 67-я стрелковая дивизия, которой командовал опытный командир участник штурма Зимнего дворца и Гражданской войны генерал-майор Н. А. Дедаев. Он еще 21 июня вывел своих солдат из казарм, рассредоточив их за пределами города. Поэтому 22 июня немецкие бомбардировщики разбомбили пустые казармы. Командир дивизии умело руководил обороной города и лично участвовал в контратаках. На третий день боев, 24 июня, на командном пункте командира дивизии разорвалось несколько снарядов, генерал Н. А. Дедаев был смертельно ранен. В первые недели войны понесли потери не только командиры дивизий, но и военачальники более высокого ранга, в том числе командующие армиями.

8 июля немецкий самолет обстрелял автомашину командующего 13-й армией П. М. Филатова, который вскоре скончался в госпитале. Это стало первой потерей среди командующих армиями в Великой Отечественной войне. Генерал-лейтенант П. С. Пшенников в Советско-финской войне успешно командовал стрелковой дивизией, с 1940 г. командовал корпусом, а 1941 г. вступил в командование 3-й армией Брянского фронта. 28 декабря 1941 г. машина с генералом П. С. Пшенниковым подорвалась на mine.

Генерал-лейтенант А. К. Смирнов умело командовал войсками 18-й армии, нанося серьезные потери противнику в оборонительных боях на Украине. В ходе Донбасской оборонительной операции 8 октября при выходе из окружения близ с. Поповка Запорожской области генерал А. К. Смирнов погиб в бою.

В начале войны генерал-майор К. И. Ракутин был переведен из войск НКВД в Действующую армию. Под его командованием войска 24-й армии в ходе Ельнинской наступательной операции в период с 30 августа по 8 сентября 1941 г. отбили у врага город Ельню, а затем окончательно ликвидировали так называемый ельнинский выступ. Когда немцы рвались к Москве в октябре 1941 г., части 24-й армии были окружены, атакованы с фронта и флангов, но не сдались, а продолжали сковывать большие силы немцев, дав возможность советскому командованию создать новую линию обороны. В этих боях 7 октября героически погиб командарм К. И. Ракутин, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

В те же дни погиб командующий 50-й армией М. П. Петров, опытный военачальник, участник Октябрьской революции и Гражданской войны. В 1937 г. в Испании М. П. Петров командовал танковым батальоном в бригаде Д. Г. Павлова, был удостоен звания Героя Советского Союза («Золотая Звезда» № 31). В 1941 г. Петров командовал 17-м механизированным корпусом в оборонительных боях в Белоруссии. В середине августа генерал М. П. Петров повышен в должности и назначен командующим войсками 50-й армии. С тяжелыми боями 50-я армия отходила на восток, нанося противнику существенный урон. Способности военачальника были оценены, и 7 октября генерал М. П. Петров был назначен командующим войсками Брянского фронта, но при выходе из окружения получил смертельное ранение и 10 октября скончался.

Тяжелая обстановка отступления зачастую вынуждала генералов не только руководить боем с командного пункта, но и лично участвовать в бою. 4 августа командующий 28-й армией генерал-лейтенант В. Я. Качалов пошел на прорыв из окружения, но его танк был подбит, командарм погиб. К сожалению, в Москву сообщили, что он якобы перешел на сторону противника. В результате этой дезинформации 29 сентября он был заочно приговорен к расстрелу. 6 октября Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам утвердила этот приговор [5]. Лишь после войны, когда была обнаружена могила генерала, погибшего в бою, он был посмертно реабилитирован.

В июле 1941 г. 63-й стрелковый корпус не только отразил все попытки противника форсировать Днепр, но и сам перешел в наступление, освободив города Рогачев и Жлобин. Командир корпуса Л. Г. Петровский был удостоен звания генерал-лейтенанта и назначен командующим 21-й армией, но вступить в новую должность он не успел. 17 августа генерал лично повел своих бойцов на прорыв из окружения и получил смертельное ранение. В этих же боях погиб и начальник артиллерии корпуса генерал А. Ф. Казаков [6].

К числу наиболее трагических эпизодов первого периода войны относится гибель руководящего состава Юго-Западного фронта. После взятия немцами Киева значительная часть войск фронта оказалась в окружении. Колонна Военного совета фронта пробивалась на восток, но 20 сентября 1941 г. была остановлена превосходящими силами врага в урочище Шумейково. Под ураганным минометным огнем погибли командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос, начальник штаба фронта генерал-майор В. И. Тупиков и десятки других командиров [7].

За годы войны 72 советских генерала были пленены. В августе 1941 г., оказавшись в окружении и не желая сдаваться в плен, застрелился командир 173-й стрелковой дивизии генерал С. В. Верзин. Некоторые генералы, находясь в окружении, не смогли пробиться к фронту и примкнули к партизанам. В бою 10 декабря 1941 г., сражаясь в рядах партизан, погиб командир 48-й кавалерийской дивизии генерал-майор Д. И. Аверкин. Герой обороны Могилева командир 172-й стрелковой дивизии генерал-майор М. Т. Романов был ранен в бою, после выздоровления воевал в партизанах, попал в плен и погиб.

Постепенно росло боевое мастерство офицеров и генералов, улучшалась обстановка на фронте, что привело к резкому сокращению генеральских потерь. Если за девять дней июня погибло 13 генералов, то за 31 день в июле – 11, в августе – 16, в сентябре – 15, в октябре – 10. В конце 1941 г. боевые потери генералитета резко уменьшились: так, в ноябре погибли четыре генерала, а в декабре – пять. В 1942, 1943 и 1944 годах ежемесячные боевые потери сократились более чем вдвое (около пяти человек), одновременно выросли небоевые потери генералитета.

За годы Великой Отечественной войны советский генералитет потерял 462 человека, т. е. в среднем по 10 человек в месяц. За шесть месяцев 1941 г. безвозвратные потери генералов составили 107 человек, т. е. почти 18 человек ежемесячно. В 1942–1944 гг. безвозвратные потери были вдвое меньше (от восьми до девяти человек в месяц) [8]. Из 462 человек общих потерь за весь период войны боевые потери составили 296 человек (64%).

Динамика потерь среди генералов Вермахта была совсем иной: в 1941–1942 гг. погибли всего несколько немецких генералов, а на 1943–1945 г. пришлось подавляющее большинство безвозвратных потерь германского генералитета [9].

Распределение безвозвратных потерь по воинским званиям было следующим: генерал армии – 1 (менее 1%), генерал-полковники – 3 (2,8%), генерал-лейтенанты – 13 (12,1%), генерал-майоры – 90 (84,1%). Итого: 107 генералов.

Рассмотрим боевые потери Красной Армии в 1941 г. в высшем офицерском составе по основным должностям. В 1941 г. погибли и умерли от ран один командующий фронтом и один начальник штаба фронта, шесть командующих армиями и четыре начальника штаба армии, девять командиров стрелковых корпусов и пять командиров механизированных корпусов, один командир кавалерийского корпуса, 32 командира дивизий.

Командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник М. П. Кирпонос погиб под минометным огнем, как обычный офицер. Из числа командармов погибли В. Я. Качалов, П. С. Пшенников, А. К. Смирнов, П. М. Филатов, Герои Советского Союза М. П. Петров и К. И. Ракутин. Чем объяснить такие большие потери генералитета?

Когда Красная Армия отступала, попадали в окружение не только части и подразделения, но также целые армии. Полностью или частично были разгромлены десятки советских дивизий. В этой обстановке гибли не только солдаты, но, нередко, и генералы. Боевые потери генералов в 1941 г. составили 69,2%, а небоевые потери – 30,8% общих потерь, из них 87,9% (27 человек) – репрессированные. Наибольшие еженедельные потери пришлось на июнь 1941 г.

Рассмотрим боевые потери генералов в 1941 г. по родам войск. Наибольшие потери понесла пехота – 50 генералов, или 67,6%. Генералы танковых и механизированных войск составили

13,5%, а генералы артиллерии – 10,8% общего числа боевых потерь высших офицеров. В инженерных войсках, в руководстве укрепрайонов и органах тылового обеспечения погибли четыре генерала.

К боевым отнесены потери, не связанные с непосредственным выполнением боевого задания, в том числе в войсках, ведущих боевые действия: погибшие в авариях, катастрофах и в результате несчастных случаев, умершие от болезни, покончившие жизнь самоубийством, расстрелянные по приговору военных трибуналов.

Небоевые потери в 1941 г. характеризуются следующими цифрами: застрелились – два генерала, погиб в автомобильной катастрофе – один, умерли от болезней – три, репрессированы – 27. Всего 33 генерала. Таким образом, боевые потери составили 30,8% общих потерь генералитета в 1941 г. Поражает огромное число казненных в результате репрессий – 27 генералов из 33, то есть 81,8% от боевых потерь. В последующие годы войны процент расстрелянных генералов резко снизился.

В предвоенный период были репрессированы сотни высших командиров Красной Армии, но репрессии не прекратились и в годы Великой Отечественной войны. Так, в июне 1941 г. были арестованы по ложным обвинениям видные военачальники: помощник начальника Генерального штаба Я. В. Смушкевич, начальник Главного управления ПВО генерал-полковник Г. М. Штерн, командующий ВВС 7-й армии И. И. Проскуров, слушатель Академии Генштаба П. В. Рычагов, бывший заместитель наркома обороны СССР генерал-полковник А. Д. Локтионов, начальник штаба ВВС Красной Армии П. С. Володин, генерал-майор М. М. Каюков и другие. Это были заслуженные генералы, участвовавшие в нескольких войнах: гражданская война в Испании, конфликты на Хасане и Халхин-Голе, советско-финляндская война. Г. М. Штерн, И. И. Проскуров и П. В. Рычагов являлись Героями Советского Союза, а Я. В. Смушкевич был дважды удостоен высшей степени отличия. Все они были расстреляны без суда 28 октября 1941 г. [10]

В первые недели войны И. В. Сталин возложил ответственность за военные поражения на командование Западного фронта. В начале июля были арестованы командующий Западным фронтом Герой Советского Союза генерал армии Д. Г. Павлов, начальник штаба фронта генерал-майор В. Е. Климовских, начальник связи фронта генерал-майор А. Т. Григорьев, командующий 4-й армией А. А. Коробков и ряд других командиров. 22 июля им был вынесен приговор за сдачу противнику вооружения, за развал управления войсками. В тот же день генералы были расстреляны. Начальника артиллерии фронта генерал-лейтенанта артиллерии Н. А. Клич судили 17 сентября, а расстреляли 16 октября 1941 г., когда немцы подошли к Москве и возникла реальная возможность взятия столицы.

28 июля 1941 г. был вынесен приговор к расстрелу Герою Советского Союза генерал-майору авиации С. А. Черных. Он принадлежал к молодым офицерам, которые в 1936 г. были посланы в Испанию, где храбро сражались с фашистами. Он сбил несколько вражеских самолетов, в том числе новейший немецкий истребитель Мессершмитт-109. 31 декабря 1936 г. лейтенант С. А. Черных был удостоен звания Героя Советского Союза. Затем стремительный карьерный взлет: через три года он стал генерал-майором и командиром 9-й смешанной авиационной дивизии [11]. В июне 1941 г. дивизия потеряла почти все самолеты, а ее командир генерал-майор С. А. Черных был арестован и приговорен к высшей мере наказания. Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам утвердила этот приговор, который был приведен в исполнение 16 октября 1941 г.

В тот же день был расстрелян преподаватель Военной академии им. Фрунзе генерал-майор С. М. Мищенко, приговоренный 17 сентября к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР за то, что он «систематически вел антисоветскую агитацию, направленную против политики Партии и Советского Правительства и на дискредитацию руководителей Партии и Правительства. Будучи арестованным и находясь под стражей, в августе месяце 1941 г., среди заключенных продолжал вести антисоветские разговоры пораженческого характера». Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам решила: «Согласиться с применением расстрела к Мищенко С. М.» [12]. Подводя итоги боевых потерь, следует подчеркнуть, что среди репрессированных генералов Д. Г. Павлов, С. А. Черных, Г. М. Штерн, И. И. Проскуров и П. В. Рычагов являлись Героями Советского Союза, а Я. В. Смушкевич был дважды удостоен высшей степени отличия. Кроме того, в первый день войны застрелился Герой Советского Союза командующий ВВС Западного особого военного округа И. И. Копец. Можно лишь сожалеть, что эти храбрые генералы не получили возможности воевать с немцами.

Анализируя приведенные в статье данные, можно сделать вывод, что из числа погибших и пропавших без вести высших офицеров большая доля приходится на командующих войсками фронтов и армий, их заместителей и начальников штабов объединений и соединений, команди-

ров корпусов, дивизий, а больше всего – на командиров дивизий. Боевые генералы не отсиживались в штабах, а находились на передовой и личным примером вдохновляли бойцов на поле боя, в ряде случаев поднимали их в атаку и погибали.

Из 74 погибших в боях 1941 г. генералов многие умело руководили войсками, которые в тяжелейшей обстановке 1941 г. остановили агрессора, а затем перешли в наступление. Пятеро из погибших в боях генералов были удостоены звания Героя Советского Союза (М. П. Кирпонос, М. П. Петров, К. И. Ракутин, Л. М. Доватор и И. В. Панфилов). Доблестные генералы Красной Армии, отдавшие жизнь в 1941 г., навсегда останутся в памяти народной!

Примечания и список литературы

1. Военно-исторический журнал. 1991. № 9–12; 1992. № 6–12; 1993. № 1–12; 1994. № 1–6.
2. Шабаетов А. А. Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 1998. № 3. С. 180.
3. Кузнецов И. И. Судьбы генеральские. Высшие командные кадры Красной Армии в 1940–1953 гг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2000. С. 182.
4. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 8.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 670. Л. 40.
6. Кулешов Г. П. Независимо от звания. М., 1987. С. 105–107.
7. Андреев Г., Вакуров И. Генерал Кирпонос. Киев, 1976. С. 114.
8. Печенкин А. А. Генералы Великой Отечественной войны : учеб. пособие. Киров, 2017. С. 167.
9. Яковлев Б. Новые данные о людских потерях вооруженных сил Германии во Второй мировой войне // Военно-исторический журнал. 1962. № 12. С. 78.
10. Ваксберг А. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 58.
11. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Личное дело генерал-майора авиации С. А. Черных.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 669. Л. 54.

Notes and References

1. *Voenno-istoricheskij zhurnal* – Military history magazine. 1991. № 9–12; 1992. № 6–12; 1993. № 1–12; 1994. № 1–6.
2. *SHabaev A. A. Poteri oficerskogo sostava Krasnoj Armii v Velikoj Otechestvennoj vojne* [The loss of the officer corps of the Red Army in the Great Patriotic War // *Voenno-istoricheskij arhiv* – Military historical archive. 1998, No. 3, p. 180.
3. *Kuznecov I. I. Sud'by general'skie. Vysshie komandnye kadry Krasnoj Armii v 1940–1953 gg.* [The fate of generals. Higher command cadres of the Red Army in 1940–1953]. Irkutsk. Publishing house of Irkutsk University. 2000. P. 182.
4. *Rossiya i SSSR v voynah HXX veka. Poteri vooruzhennyh sil: Statisticheskoe issledovanie* – Russia and the USSR in wars of XX century. Loss of armed forces: statistical study. M. OLMA PRESS. 2001. P. 8.
5. Russian state archive of sociopolitical history (RGASPI). F. 17. Inv. 166. File 670. Sh. 40.
6. *Kuleshov G. P. Nezavisimo ot zvaniya* [Irrespective of a rank]. M. 1987. Pp. 105–107.
7. *Andreev G., Vakurov I. General Kirponos* [General Kirponos]. Kiev. 1976. P. 114.
8. *Pechenkin A. A. Generaly Velikoj Otechestvennoj vojny : ucheb. posobie* [The generals of World War II: tutorial]. Kirov. 2017. P. 167.
9. *Yakovlev B. Novye dannye o lyudskih poteryah vooruzhennyh sil Germanii vo Vtoroj mirovoj vojne* [New data on human losses armed forces of Germany in World War II] // *Voenno-istoricheskij zhurnal* – Military-historical journal. 1962, No. 12, p. 78.
10. *Vaksberg A. Neraskrytye tajny* [Unsolved mystery]. M. 1993. P. 58.
11. Central archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (CAMD). *Lichnoe delo general-majora aviatsii S. A. Chernyh* – Personnel file of general-major of aircraft S. A. Chernykh.
12. RGASPI. F. 17. Inv. 166. File 669. Sh. 54.

УДК 947.084.8:316.334.3-053.81(470.342)

Социальная политика в 1941–1945 гг. и участие в ней молодежи (на материалах Кировской области)

Гончаров Г. А.

заместитель председателя Законодательного собрания Кировской области,
Кировский одномандатный избирательный округ № 25. 610005, г. Киров, ул. Профсоюзная, 69.
E-mail: goncharov@zsko.ru

Аннотация: Данная публикация посвящена анализу трудового вклада молодежи как отдельной возрастной группы советского общества в проведение различных мер социальной политики в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Приводятся примеры из повседневной жизни Кировской области, представлявшей собой во время войны тыловую регион.

Молодые люди в силу социально-возрастных особенностей представляли собой наиболее активную группу советского общества, внесшую значительный вклад во все значимые мероприятия военного времени. Участвовала молодежь и во всех основных направлениях работы государства по помощи социально незащищенным категориям населения – детям, пожилым людям, инвалидам войны, семьям фронтовиков, раненым и больным солдатам и офицерам. Юноши и девушки оказывали не только материальную помощь нуждавшимся, но и меры моральной поддержки – проводили занятия с детьми, посещали детские дома, помогали семьям красноармейцев.

Участие молодых людей в большей степени было основано на энтузиазме, что смогло отчасти компенсировать нехватку ресурсов на снабжение населения в условиях приоритетного обеспечения фронта.

Ключевые слова: социальная политика, Великая Отечественная война, молодежь.

Social policy in 1941–1945 and the participation of young people in it (on materials of the Kirov region)

Goncharov G. A.

Deputy Chairman of the Legislative Assembly of the Kirov region,
Kirov single-mandate electoral district № 25. 69 Profsoyuznaya str., 610005, Kirov.
E-mail: goncharov@zsko.ru

Abstract: the given publication is devoted the analysis of the labour contribution of youth as separate age group of the Soviet society in carrying out of various measures of social policy in days of the Great Patriotic War 1941–1945. Are resulted examples from an everyday life of the Kirov region representing during war rear region.

Young men owing to socially-age features represented the most active group of the Soviet society which have brought the considerable contribution to all significant actions of a wartime. And the youth participated in all basic directions of work of the state on the help to socially not protected categories of the population – to children, older persons, disabled veterans, families of front-line soldiers, wounded men both sick soldiers and officers. Young men and girls rendered not only material aid requiring, but also encouragement measures – conducted lessons with children, visited children's homes, helped families of Red Army men.

Participation of young men has been in a greater degree based on enthusiasm that could compensate partly shortage of resources on supply of the population in the conditions of priority maintenance of front.

Keywords: Social policy, the Great Patriotic War, youth.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война обострила социальные проблемы советского общества, поставив под угрозу независимость и существование государства. Закономерным было приоритетное обеспечение различных потребностей фронта: в вооружении, продовольствии, обмундировании, социальных ресурсах. С первых же дней войны жизнь тыла была тесно взаимосвязана с достижением цели победы, но, несмотря на ограниченность ресурсов и тяжесть испытаний, государство находило возможности хотя бы минимальной заботы о нуждающихся и наименее защищенных категориях населения.

Молодежь как социально-возрастная группа общества считалась, с одной стороны, наиболее патриотически и идеологически проверенной, с другой стороны, в силу физиологических закономерностей возраста, молодые люди являлись наиболее активной частью общества.

Под социальной политикой нами понимается комплекс проводимых государством мер по поддержке минимально необходимого уровня жизни и развития определенных слоев населения: детей, женщин, пожилых людей. Реалии войны, потребовавшие большого отрыва ресурсов на фронт, внесли свои суровые коррективы в возможности государства по обеспечению и поддержке потребностей населения.

Среди основных направлений социальной политики военных лет можно выделить следующие: материальная и трудовая поддержка семей фронтовиков, помощь инвалидам войны, размещение эвакуированного населения, забота о детях и подростках, оставшихся без родителей, развитие сети детских образовательных и воспитательных учреждений, работа медицинских учреждений, трудоустройство и помощь людям, занятым на производстве.

Проблема социальной политики в 1941–1945 гг. и ее отдельных аспектов на региональном уровне за последние десятилетия остается в центре внимания историков. Обобщающим трудом в этом направлении можно считать исследование Г. Г. Загвоздкина, на материалах Волго-Вятского региона раскрывающего работу партийных и государственных органов по улучшению сферы услуг, преодолению товарного голода, развитию здравоохранения и иную помощь населению [1].

Отдельные направления социальной политики военных лет также не остались без внимания. В серии статей и диссертационном исследовании М. Н. Свинцовой изучается проблема военной медицины Кировской области [2]. Работы Ф. А. Киселева посвящены проблемам эвакуации в Кировскую область в военное время и основным мерам государства в этом направлении [3]. Вопросы социального обеспечения инвалидов войны исследуются О. А. Гришиной [4], социально-демографические проблемы периода Великой Отечественной войны (включая заботу государства об инвалидах, детстве и материнстве) в Кировской области являются предметом изучения Н. В. Чернышевой [5].

По нашему мнению, в свете необходимости обеспечить победу на фронте и производство в тылу, приоритетными направлениями деятельности молодежи стали именно ратные подвиги и трудовые свершения. На XII Пленуме ЦК ВЛКСМ 8 апреля 1944 г. было принято письмо Сталину, в котором сформулированы основные направления деятельности комсомола и молодежи в годы войны: увеличение производительности труда, работа в промышленности и в сельском хозяйстве, восстановление разрушенного немцами народного хозяйства, забота о детях фронтовиков [6].

Уровень жизни последних предвоенных лет в области был не самым высоким. Кировская область представляла собой регион с преимущественно сельским населением: по данным переписи населения 1939 г., из общего количества населения в 2 млн 334 тыс. человек в городах и рабочих поселках проживало 348 тыс. человек, в сельской местности – 1 млн 986 тыс. [7] (или около 85%).

Согласно данным, приводимым исследователями, к середине 1941 г. государство располагало относительно небольшими резервами продовольствия и фуража, объем которых был рассчитан на шесть месяцев [8]. Уровень потребления основных продуктов питания в среднем по региону был ниже физиологического минимума, особенно по таким видам продуктов, как мясо, рыба, фрукты, молоко. Произошло и уменьшение распределения зерна крестьянам на трудодни и производства хлеба – составлявшего основной продукт в годы войны [9]. В войну и первые послевоенные годы среди крестьян – основной массы населения региона и главных производителей продовольствия – уровень потребления был ниже, чем у рабочих [10].

С первых дней войны в область стали эвакуировать предприятия и население. Только за полгода после начала войны в регионе разместили около 30 тыс. эвакуированных детей [11]. Временно проживающих (эвакуированных) на 1 января 1944 г. всего было 77 052 человека, в том числе 24 713 мужчин и 52 339 женщин [12]. Эвакуированные продолжают жить на территории области и после окончания войны. Так, на 1 июля 1945 г. здесь оставалось 51 180 человек эвакуированного в годы войны населения [13]. Размещение детей было приоритетной задачей: на 10 декабря 1942 г. в регионе насчитывалось 69 детских домов, в том числе 51 школьный, 15 дошкольных, по сравнению с довоенным периодом их сеть увеличилась в три раза: перед началом войны в области было всего 23 таких учреждения. Только для эвакуированных из Ленинграда и Ленинградской области был организован 41 детский дом [14]. Однако возможностей обеспечить всем детям достойные условия возможности не было. Например, питание детей, находящихся в больнице Верховинского района и страдающих дистрофией, выглядело следующим образом: на 80 человек в день отпускалось по 5 кг мяса (по 62,5 г на человека), 10 литров молока (по 125 г), немного крупы, хлеба по 600 г на человека в день. Меню не отличалось большим разнообразием: завтрак – суп молочный, обед – суп мясной, ужин – чай без сахара и молока. Масло и сахар отсутствовали полностью.

Одной из важнейших забот государства стала помощь семьям военнослужащих. Уже 26 июня 1941 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому семьям военно-

служащих рядового и младшего начальствующего состава (большинство состава армии), призванных по мобилизации, назначалось от государства пособие, размер которого варьировался в зависимости от наличия в семье количества трудоспособных, детей до 16 лет, а также места жительства [15]. В случае призыва на фронт молодых людей в порядке комсомольских мобилизаций составлялись списки для обеспечения их семей денежным пособием. Согласно законодательству деньги семьям должны были выплачиваться через военкоматы в размере месячной заработной платы после поступления указания из штаба войсковой части [16]. На практике ждать такой помощи приходилось достаточной долго.

Только в одном областном центре в 1943 г. проживало 15 120 семей военнослужащих (включая 3 тысячи эвакуированных семей) с общим количеством членов семей 40 тысяч человек. Данные по всем ведомствам были приблизительные в связи с постоянным изменением числа отправленных на фронт и отсутствием строгого учета данной категории семей. Из данного числа получали государственное пособие 5 777 семей (или 37%), пенсии за счет отделов социального обеспечения получала 901 семья (или 6%), по денежным аттестатам – 3 921 семья (или 26%), авансом в счет денежных аттестатов – 356 семей (или 2,5%), непосредственно денежными переводами – 100 семей (или 0,5%).

Зачастую условия жизни некоторых семей фронтовиков (1943 г.) оставляли желать лучшего: нередкими были случаи голода, истощения, дистрофии. В колхозе «Память Ленина» у жены красноармейца Глушковой Т. А. трое детей, все истощены, лежат в постели, в колхозе им. Сталина Драновского сельсовета у колхозницы Маниной П. В. трое детей и старуха мать опухли от голода. Жены красноармейцев писали на фронт мужьям (перехвачено цензурой, стиль авторов сохранен): Дюпина А. А., деревня Шмаки Верхаланского сельсовета: «Нас красноармейцы снабжают так, что приходится ходить на все четыре стороны, хоть с голоду умирай. В колхозе хорошего ждать нечего, семян нет, лошадей нет, фуража нет, скоро все подохнем с голоду». Черемных А. А. из д. Орлово Рождественского сельсовета: «Мы живем очень плохо, голодаем, едим подошедший скот. Продала твои ботинки, возила пальто, но не продала. Три дня сидим голодные. Я бы тебе написала, но сердце твое не буду тревожить что мы едим» [17]. После подобных писем, перехваченных военной цензурой, по комсомольской линии направлялись молодые люди для оказания посильной помощи, государство не бросало семьи фронтовиков на произвол судьбы, как раз и направляя молодежь на оказание помощи родным и близким ушедших на фронт. Секретарь обкома комсомола писал секретарю Опаринского районного комитета ВЛКСМ в 1942 г.: «В обком ВЛКСМ поступило письмо от Никифоровой Нины Павловны, сестра которой Никифорова Зоя Павловна мобилизована Вами в части противовоздушной обороны. После ее отъезда у нее умерла мать. В семье осталась одна сестра с двумя маленькими ребятами, муж погиб на фронте, у нее самой порок сердца и склероз. Проявите к семье товарища Никифоровой теплую отеческую заботу, побывайте там, окажите необходимую помощь, чтобы ее сестра-комсомолка была спокойна за судьбу своей семьи» [18].

В Кировской области семьям призванных в Красную армию с 1 июля 1941 г. по 1 марта 1943 г. было выдано государственных пособий на сумму 216 933 000 рублей. Инвалидам войны с 1 июля 1941 г. по 1 февраля 1944 г. было выдано пенсий на сумму 86 174 000 рублей. Кроме того, выдано пособий на рождение и погребение 51 100 руб., единовременная помощь деньгами: за счет областного бюджета за 2,5 года войны 702 900 рублей, из них 245 000 рублей за 1941–1942 гг. вместе с семьями военнослужащих. За счет общественных и хозяйственных организаций в 1943 г. – 191 000 рублей, промтоварами и продуктами питания – 1 090 000 рублей, натурой – хлебом 6 038 цент., дровами – 12 589 кубометров, 39 голов скота, построено три дома [19]. И если выдача материальных благ была прерогативой государственных и общественных организаций, то помощь по заготовке дров, строительству, помощи в быту становится приоритетом молодежи. В годы войны в регионе сложилось и тимуровское движение, участвовавшие в нем дети и подростки заботились о семьях фронтовиков, детях, оставшихся без родителей, занимали детей, пока родители были на работе. Семьи мобилизованных были на учете в комсомольских организациях. В порядке помощи жен красноармейцев устраивали на работу, выписали и привезли дрова [20]. В другом районе отремонтировали квартиру, устроили детей в детские сады, помогали семьям в случае болезней, других неурядиц.

Символом военного времени стал рост числа детей, оставшихся без родителей, которых стремились разместить в детские дома, семьи, на предприятия. Далеко не всегда подростки попадали в сносные бытовые условия. Например, по распоряжению начальника областного управления милиции на завод № 38 направлялись задержанные по тем или иным причинам беспризорные подростки от 14 лет и старше. С одной стороны, это помогало увеличить количество рабочих рук на заводе и

позаботиться о судьбе молодых людей, убрать их с улицы. С другой стороны, данное предприятие не имело возможности более широко использовать на работе подростков. Не хватало жилплощади, материальных средств, вследствие чего вчерашние беспризорники, попавшие под опеку завода, расселялись в порядке уплотнения по городу, были плохо одеты и обуты [21].

Существовали примеры установления молодыми людьми опеки над детьми фронтовиков. Уроженец Кировской области, капитан Тихоокеанского флота Петр Безносиков взял на воспитание девочку-сироту, родители которой погибли от рук немцев. Случай стал широко известен, что послужило примером для других молодых людей Кировской области. Девушка Зинаида Игнатьева в 1942 г. взяла на воспитание маленького мальчика, сына умершего медработника Новожиловой, отец которого был в рядах Красной армии. В обком комсомола она написала письмо следующего содержания: «Что ты сделал для своих братьев и сестер? Такой вопрос вправе задать страна в суровые дни войны каждому комсомольцу и комсомолке, и каждый из нас обязан дать на него ответ. Мы сталинские питомцы и по-сталински должны относиться к нашим детям. Я беру на воспитание сына... Я приложу все усилия для того, чтобы вырастить его, обещаю воспитать в нем самые высокие качества, свойственные лучшим людям нашей страны. Война охватила нас, сделала нашу семью еще более дружной, и детям, осиротевшим в эти дни, мы не дадим погибнуть, мы выручим их, воспитаем, на то мы и люди социализма. Такой мой ответ стране, нашей партии и любимому Сталину» [22].

Направлением социальной политики стала работа по содержанию системы детских учреждений. Несмотря на то что через два месяца после начала войны к 1 сентября 1941 г. общее число учеников школ по стране составило только 76,2% от запланированного, помещений для школ не хватало. По г. Кирову девять школьных помещений были заняты различными учреждениями и общежитиями, а занятия в оставшихся школах проводились в четыре и пять смен. Не лучше была картина и в других регионах: по плану в 1941–1942 учебном году в Мордовской АССР должно было быть 106 школьных интернатов с числом детей 2 421 человек, а было только 20, из которых семь закрыты из-за отсутствия топлива. В Алтайском крае вместо 175 интернатов было только 74 [23]. По результатам обследования готовности школ к началу 1944–1945 учебного года региональные власти отметили следующие факты. Из подлежащих ремонту 2 137 зданий было отремонтировано только 1 252. Особенно плохо обстояло дело с ремонтом в части школьных зданий г. Кирова, Белохолуницкого, Верхошижемского, Кырчанского и Уржумского районов. Школьная мебель в большинстве школ ремонтировалась силами учителей, в ряде школ не хватало мебели. При годовой потребности школ области в 356 250 кубометрах дров на начало осени заготовлено было только 234 069, а подвезено непосредственно к школам только 48 321 кубометр. Выделялись как неблагополучные по заготовкам дров районы Белохолуницкий, Зюздинский, Кильмезский, Котельничский, Кайский, Верхошижемский, Татауровский, Малмыжский, Кильмезский, Пижанский. Неудовлетворительно обеспечены школы были тетрадами, учебно-наглядными пособиями, школьно-письменными принадлежностями [24]. В ответ на такое положение дел молодежь области брала на себя обязательства полностью осуществить в 1944 г. закон о всеобщем обязательном обучении, обеспечить школы оборудованием, наглядными пособиями. «Мы шефствуем над женской школой № 1 – писали комсомольцы завода “Физприбор” Сталину, – и выяснили, что в этой школе не хватает учебно-наглядных пособий по физике, химии и другим предметам. Обсудив этот вопрос на общезаводском комсомольско-молодежном собрании, мы решили: полностью обеспечить нашу подшефную школу учебно-наглядными пособиями. Для чего силами комсомольцев и молодежи в нерабочее время изготовить необходимые приборы. Кроме этого в течение января-марта дать сверх плана 15 тыс. 870 штук различных приборов на сумму 65 тыс. руб. для других школ Кировской области и освобожденных районов. Призываем всех комсомольцев и молодежь промышленных предприятий Кировской области в честь 25-летия ВЛКСМ обеспечить наши школы учебно-наглядными пособиями, создать все условия детям для нормальной учебы» [25].

Молодежь помогала детям и трудовым участием. Например, 8 марта 1942 г. по инициативе комсомольцев был организован воскресник, в котором участвовали более 70 тысяч человек, заработано 408 тыс. рублей, отданных детям. Существовала практика установления шефства над детскими учреждениями, в ходе которой молодые люди проводили различные работы: распиловку дров, перевозку вещей, строили для детей горки, организовывали прогулки с ними на улице, изготавливали своими силами игрушки, санки, другие детские вещи. Также проводились концерты, ремонт помещений, посещались детские интернаты. Комсомольцы Верхне-Скопинского сельсовета проявили инициативу и стали активными участниками в создании денежного и продовольственного фонда для детей, первыми внесли по 50 рублей. Комсомольцы Яранского педагогического института взяли шефство над 40 детьми, совместно с преподавателями ставили

концерты, вырученные в ходе которых деньги (750 рублей) направили на питание детей и покупку детских вещей. Молодые люди Вожгальского района распилили дров на сумму 684 рубля, в Кузиковском интернате организовали починку печей, в Сунском интернате – ремонт здания. Наиболее ответственные брали на воспитание детей домой, к концу 1942 г. по региону молодежью было усыновлено около 80 детей, еще 150 детей собирались взять на воспитание, находились под патронатом более 500 детей. Прося передать ребенка из интерната на воспитание, могли давать такое обещание: «В наших семьях дети найдут материнскую ласку и нежную заботу. Растите, наши дорогие дети! Вы – самое ценное, самое дорогое в нашей жизни» [26].

Находясь в условиях острой нехватки ресурсов и обеспечивая потребности фронта, государство стало прибегать к иным источникам социальной помощи населению. Одним из них стал энтузиазм молодежи, охваченной в своем большинстве патриотическим подъемом и искренне желавшей помочь своей стране. Молодые люди участвовали в социальной помощи вне основного рабочего времени, которая проводилась на общественных началах и не оплачивалась. Государство не считало нужным, а может быть, не обладало возможностями учета итогов участия и вклада молодежи в социальную политику, приводя только в качестве примеров (и используя их в идеологической работе и патриотическом воспитании) наиболее яркие проявления помощи от тех или иных детей, подростков и молодежи.

Еще одним направлением политики государства была работа медицинских учреждений, особенно военных госпиталей. В первые месяцы войны началась работа по обустройству медицинских учреждений. Уже к декабрю 1941 г. в тыловых госпиталях находились около 1 360 тысяч больных и раненых солдат и офицеров. Из общего количества раненых и больных выписано к этому времени 807 тысяч человек, находилось на излечении 554,9 тысячи. Основная масса выписанных направлялись снова в части: 55,9%; в отпуск – 5,7%, снято с учета – 2,4%, находилось на излечении – 35,3% [27]. По данным М. Н. Свинцовой, за четыре года войны в Кировской области действовало более 100 эвакуационных госпиталей, через которые прошло более 335 тыс. человек, несмотря на то что всю войну ощущалась нехватка врачей, а с 1942 г. – и остального медперсонала [28].

Молодые люди, не обладавшие в основной массе квалификацией врачей, не могли их заменить, но именно они помогли восполнить средний и особенно младший медперсонал. В области была организована сдача норм ГСО (готов к санитарной обороне) I и II ступеней. Успешно сдавшие нормы становились санитарными дружинниками. Уже в 1941 г. в области было подготовлено 603 медицинских сестры и 1 720 человек санитарных дружинниц. С 1 января 1942 г. подготовлено и обучалось на курсах медсестер 1 257 человек, на курсах сандружинниц – 2 656 человек, более 50% из них состояли в комсомоле, более 80% составляла молодежь.

Медсестры и сандружинницы проводили большую работу в госпиталях, в разгрузке и погрузке санитарных поездов, только в г. Кирове за шесть месяцев 1941 г. в работах по разгрузке поездов участвовало 6 795 человек. В обустройстве госпиталей приняли участие 11 284 человека. Оказано 12 843 первой доврачебной помощи раненым бойцам и эвакуированному населению, особенно детям. Значительную работу проводили молодые люди по борьбе с эпидемиями сыпного и брюшного тифа. В районах медсестры и сандружинницы делали постоянные выходы для проверки санитарного состояния помещений, мест общего пользования (домов колхозников, бани, столовых) и принимали меры по устранению недочетов [29].

Молодежь завода № 537 следующим образом помогала госпиталю № 1 356: люди работали на ремонте здания, выделялись материалы для ремонта, в 1944 г. рабочие и служащие закупили для госпиталя 196 метров полотна, продукты для праздника Октябрьской революции, включая 60 литров водки. С завода передали баян и две гармони, на заводе был объявлен конкурс на звание лучшей общественницы госпиталя, ей стала Катя Ожегова, которая часто дежурила в госпитале, разучивала с ранеными песни, участвовала в концертах [30].

Обладавшие медицинскими знаниями молодые люди оказывали помощь и вне стен медицинских учреждений. Так, в районах области ежедневно выходили на расчистку вокзалов, площадей и улиц от снега, мусора и грязи. Девушки-активистки Красного Креста систематически проводили на вокзалах санитарно-профилактические мероприятия, стремились предотвратить распространение инфекционных заболеваний в местах наибольшей скученности людей. Силами молодежи на вокзалах оборудовались комнаты матери и ребенка, изготавливались детские игрушки, ставились концерты для раненых [31]. Помогали медицинскому персоналу многие дети и подростки.

Помогала молодежь бойцам действующей армии и флота: кировские пионеры проводили сбор теплых вещей для фронтовиков. Учащиеся 7–10-х классов средней школы № 9 г. Кирова в октябре 1941 г. обратились к школьницам области с призывом своими силами вязать варежки и готовить другие теплые вещи воинам Красной армии. Получив от промартелки «Текстильщик»

шерсть, свыше ста девушек этой школы после уроков занимались вязанием. Почин был поддержан и в других школах. К 24-й годовщине Красной армии школьники области изготовили в подарок фронтовикам свыше 15 тыс. платков, кисетов, варежек. Всего за годы войны учащиеся школ области отправили на фронт более 50 тыс. посылок [32].

Таким образом, социальная политика военных лет внесла свой вклад в дело выживания страны и заботы о населении. Трудовым участием молодых людей было охвачено большинство направлений социальной политики государства. Безусловно, на фоне приоритета мобилизационной функции социальный вектор был далеко не на первом плане, но уже в первые дни войны государство установило выплату пособий семьям фронтовиков. Выделялись определенные ресурсы на поддержание определенного уровня жизни населения, а вследствие их острой нехватки определенный вклад был сделан со стороны молодежи, охваченной патриотическим порывом и желанием скорейшей победы в войне. Молодежь, в подавляющем большинстве не обладая значительными материальными ресурсами, не могла оказать внушительной финансовой помощи, поэтому основным вкладом молодых людей в социальную политику государства можно считать именно трудовое участие.

Примечания и список литературы

1. Загвоздкин Г. Г. Социальная политика ВКП (б) и Советского государства в годы Великой Отечественной войны : дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1991. С. 357.
2. Свинцова М. Н. Развитие военной медицины в Кировской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2015; Свинцова М. Н. Медицинское обеспечение больных и раненых в период боевых действий (по опыту Кировского местного эвакуационного пункта) // Военно-исторический журнал. 2014. № 2. С. 31–33; Она же. Деятельность госпиталей системы Наркомата здравоохранения для спецконтингента во время Великой Отечественной войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 1. С. 61–64.
3. Киселев Ф. А. Государственная политика по отношению к эвакуированному населению в годы Великой Отечественной войны (на материалах Кировской области и Удмуртской АССР) : дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2004. С. 236; Киселев Ф. А. Забота о ленинградских детях, эвакуированных в Кировскую область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Наука и образование в XXI веке : сб. науч. тр. по материалам Междунар. заоч. науч.-практ. конф. : в 5 ч. 2012. С. 51–53.
4. Гришина О. А. Организация социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. (на материалах Краснодарского края) : дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2015.
5. Чернышева Н. В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012. 203 с.; Социальное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области) // Отечественный журнал социальной работы. 2012. № 1. С. 40–48; Государственная защита материнства и детства в годы Великой Отечественной войны // Отечественный журнал социальной работы. 2013. № 1. С. 56–64.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 172. Д. 30. Лл. 71–72.
7. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИКО). Ф. 1290. Оп. 10. Д. 36. Л. 1.
8. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов ; науч. ред. Н. В. Елисеева. М., 2013. С. 243.
9. Конышев Д. Н. Хлеб как ключевое звено в аграрной политике государства в 1946–1953 гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века : сб. ст. / отв. ред. А. И. Шевельков. Коломна, 2013. С. 628.
10. Конышев Д. Н. Реформы аграрного сектора Кировской области в 1953–1964 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2006. С. 146.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 126. Д. 5. Л. 16.
12. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1229. Л. 17.
13. ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1683. Лл. 49, 81.
14. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 112. Л. 8.
15. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». URL: КонсультантПлюс (дата обращения: 27. 02. 2016 г.).
16. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2 Д. 97. Лл. 1–4.
17. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 92. Лл. 5, 32, 59, 68.
18. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 89. Л. 36.
19. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 273. Л. 9.
20. Колчанова Е. И. Комсомол города в годы испытаний // Город, ковавший победу: Киров в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 кн. Киров, 2012. Кн. 1. С. 194.
21. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 192. Л. 33.
22. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2 Д. 112. Л. 280.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 5. Л. 40.

24. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 163. Л. 13.
25. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Л. 105.
26. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 112. Лл. 77–78.
27. РГАСПИ. Ф. 603. Оп. 1 Д. 3. Л. 39.
28. *Свинцова М. Н.* Развитие военной медицины в Кировской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Ижевск, 2015. С. 17.
29. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 94. Л. 102.
30. *Колчанова Е. И.* Комсомол города в годы испытаний // Город, ковавший победу: Киров в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 кн. Киров, 2012. Кн. 1. С. 194.
31. *Сморкалов Л. А.* Комсомол Кировской области в годы Великой Отечественной войны // Сборник трудов Карачаево-Черкесского педагогического института. 1960. Вып. 3. С. 115.
32. *Торопкин А. И.* Патриотическая помощь учащимся и учителей кировских школ фронту и тылу (1941–1945 гг.) // Вятская земля в прошлом и настоящем : (к 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова) : тез. докл. и сообщений II науч. конф. Т. 1 / ред. Л. И. Зонова. Киров, 1992. С. 165–167.

Notes and References

1. *Zagvozdkin G. G.* *Social'naya politika VKP (b) i Sovetskogo gosudarstva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny : dis. ... d-ra ist. nauk* [Social policy of the CPSU (b) and the Soviet state during the Great Patriotic War : dis. ... dr hist. sciences]. L. 1991. P. 357.
2. *Svincova M. N.* *Razvitie voennoj mediciny v Kirovskoj oblasti v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [The development of military medicine in the Kirov region during the Great Patriotic War of 1941–1945 : abstract of dis. cand. hist. sciences]. Izhevsk. 2015; *Svincova M. N.* *Medicinskoe obespechenie bol'nyh i ranenyyh v period boevykh deystvij (po opytu Kirovskogo mestnogo ehvakopunkta)* [Medical care of the sick and wounded in war (experience of the Kirov local evacuation center)] // *Voенно-istoricheskij zhurnal – Military-historical magazine*. 2014, No. 2, pp. 31–33; *Also she.* *Deyatel'nost' gospi-talej sistemy Narkomata zdravoohraneniya dlya speckontingenta vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny* [Activities of the hospital system of the People's Commissariat of health care for inmates during the Great Patriotic War] // *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny – Problems of social hygiene, healthcare and history of medicine*. 2015, No. 1, pp. 61–64.
3. *Kiselev F. A.* *Gosudarstvennaya politika po otnosheniyu k ehvakuirovannomu naseleniyu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Kirovskoy oblasti i Udmurtskoj ASSR) : dis. ... kand. ist. nauk* [State policy towards the evacuees during the Great Patriotic War (on the materials of the Kirov region and the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic) : dis. cand. hist. sciences]. Kirov. 2004. P. 236; *Kiselev F. A.* *Zabota o leningradskikh detyah, ehvakuirovannykh v Kirovskuyu oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Care of children in Leningrad, who were evacuated to Kirov region during the Great Patriotic War (1941–1945)] // *Nauka i obrazovanie v XXI veke: sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf. : v 5 ch. – Science and education in XXI century: collection of scientific works according to the materials of intern. distant scientific-pract. conf.: in 5 pts.* 2012. Pp. 51–53.
4. *Grishina O. A.* *Organizaciya social'nogo obespecheniya invalidov Velikoj Otechestvennoj vojny v 1941–1945 gg. (na materialah Krasnodarskogo kraja) : dis. ... kand. ist. nauk* [Organization of social security of invalids of the Great Patriotic War in 1941–1945 (on materials of Krasnodar territory): dis. cand. hist. sciences]. Armavir. 2015.
5. *CHernysheva N. V.* *Social'no-demograficheskie processy v Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kirov, 2012. 203 s.; Social'noe obespechenie invalidov Velikoj Otechestvennoj vojny v 1941–1945 gg. (na materialah Kirovskoy oblasti)* [Socio-demographic processes in the Kirov region during the Great Patriotic War]. Kirov. 2012. 203 p.; *Social security of invalids of the Great Patriotic War in 1941–1945 (on the materials of the Kirov region)* // *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty – Domestic journal of social work*. 2012, No. 1, pp. 40–48; *Gosudarstvennaya zashchita materinstva i detstva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny – State protection of motherhood and childhood in the years of the Great Patriotic War* // *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty – Domestic journal of social work*. 2013, No. 1, pp. 56–64.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Inv. 172. File 30. Sh. 71–72.
7. State archive of socio-political history of the Kirov region (further – GASPIKO). F. 1290. Inv. 10. File 36. Sh. 1.
8. *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza – History of the Communist party of the Soviet Union* / resp. ed. A. B. Bezborodov; scientific ed. N. V. Eliseeva. M. 2013. P. 243.
9. *Konyshev D. N.* *Hleb kak klyuchevoe zveno v agrarnoj politike gosudarstva v 1946–1953 gg.* [Bread as a key link in agriculture policy in the years 1946–1953] // *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale XXI veka: sb. st. – State power and the peasantry in the XIX – beginning of XXI century: collection of articles* / resp. ed. A. I. Shevelkov. Kolomna. 2013. P. 628.
10. *Konyshev D. N.* *Reformy agrarnogo sektora Kirovskoy oblasti v 1953–1964 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Reform of the agricultural sector of the Kirov region in 1953–1964: dis. cand. hist. sciences]. Kirov. 2006. P. 146.
11. Russian state archive of socio-political history (hereinafter RGASPI). F. 17. Inv. 126. File 5. Sh. 16.
12. State archive of the Kirov region (hereafter GAKO). F. P-2344. Inv. 2. File 1229. Sh. 17.
13. GAKO. F. P-2344. Inv. 2. File 1683. Sh. 49, 81.
14. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 112. Sh. 8.
15. *Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyunya 1941 g. «O poryadke naznacheniya i vyplaty posobij sem'yam voennosluzhashchih ryadovogo i mladshogo nachal'stvuyushchego sostava v voennoe vremya» – The de-*

cree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on 26 June 1941 "On the procedure of assignment and payment of allowances to families of privates and junior officers in time of war." Available at: *Konsul'tantPlyus - ConsultantPlus* (accessed: 27.02.2016).

16. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2 File 97. Sh. 1-4.
17. GASPIKO. F. 1290. Inv. 9. File 92. Sh. 5, 32, 59, 68.
18. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 89. Sh. 36.
19. GASPIKO. F. 1290. Inv. 10. File 273. Sh. 9.
20. *Kolchanova E. I. Komsomol goroda v gody ispytaniy* [Komsomol of a city in the years of challenge] // *Gorod, kovavshij pobedu: Kirov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. : v 2 kn. - City which forge victory: Kirov in the years of the Great Patriotic War of 1941-1945: in 2 books. Kirov. 2012. Book 1. P. 194.*
21. GASPIKO. F. 1290. Inv. 9. File 192. Sh. 33.
22. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2 File 112. Sh. 280.
23. RGASPI. F. 17. Inv. 126. File 5. Sh. 40.
24. GASPIKO. F. 1290. Inv. 10. File 163. Sh. 13.
25. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. Sh. 105.
26. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 112. Sh. 77-78.
27. RGASPI. F. 603. Inv. 1. File 3. Sh. 39.
28. *Svincova M. N. Razvitie voennoj mediciny v Kirovskoj oblasti v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. : avtoref. ... dis. kand. ist. nauk* [The development of military medicine in the Kirov region during the Great Patriotic War of 1941-1945: abstract of dis. ... cand. hist. sciences]. Izhevsk. 2015. P. 17.
29. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 94. Sh. 102.
30. *Kolchanova E. I. Komsomol goroda v gody ispytaniy* [Komsomol of a city in the years of challenge] // *Gorod, kovavshij pobedu: Kirov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. : v 2 kn. - City which forge victory: Kirov in the years of the Great Patriotic War of 1941-1945: in 2 books. Kirov. 2012. Book 1. P. 194.*
31. *Smorkalov L. A. Komsomol Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Communist League of the Kirov region during the Great Patriotic War] // *Sbornik trudov Karachaevsko-Cherkesskogo pedagogicheskogo instituta - Collection of works of Karachay-Cherkessia pedagogical Institute. 1960. Vol. 3. P. 115.*
32. *Toropkin A. I. Patrioticheskaya pomoshch' uchashchihsya i uchitelej kirovskih shkol frontu i tylu (1941-1945 gg.)* [Patriotic assistance of students and teachers of the Kirov schools for front and the home front (1941-1945)] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem : (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya P. N. Luppova) : tez. dokl. i soobshchenij II nauch. konf. T. 1 - Vyatka land in the past and present: (to the 125th anniversary of the birth of P. N. Luppov): thesis of report and messages of II scientific conf. Vol. 1 / edited by L. I. Zonova. Kirov. 1992. Pp. 165-167.*

УДК 94(28-8Вят) 19

Старообрядческие иконы в быту населения Уржумского района Кировской области во второй половине XX в.

Титова Е. И.

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук,
Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: usr06709@vyatsu.ru

Трушкова И. Ю.

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и политических наук,
Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: arina_trushkova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросам бытования икон в старообрядческих общинах во второй половине XX в. Через восприятие и использование икон в среде вятских старообрядцев, на примере сел Шурма и Максинерь Уржумского района Кировской области, освещается региональная этнокультурная повседневность. Охарактеризованы некоторые образы, детали восприятия религиозных сюжетов образа Богоматери и Голгофы. Дано описание использования икон в повседневной жизни регионального старообрядческого сообщества. Приведены некоторые сравнения с другими регионами. Представлены факты воспроизводства идентичности и некоторые сюжеты этнической истории локальных старообрядческих сообществ в Уржумском районе Кировской области. В статье приводятся особенности духовного восприятия вятскими старообрядцами религиозных сюжетов икон в контексте традиционной культуры.

Ключевые слова: старообрядчество, иконы, воспроизводство религиозности и идентичности.

Old believers' icons in the everyday life of the population of the Urzhum district of Kirov region in the second half of the XX century.

Titova E. I.

candidate of historical sciences, associate professor of the Department of general history and political science,
Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: usr06709@vyatsu.ru

Trushkova I. Yu.

doctor of historical sciences, professor of the Department of general history and political science,
Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: arina_trushkova@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the questions of the existence of icons in the Old Believer communities in the second half of the 20th century. Through the perception and use of icons among the Vyatka Old Believers, exemplified by the villages of Shurma and Maksiner of the Urzhum district of the Kirov region, regional ethnocultural everyday life is covered. Some images, details of perception of religious subjects of the image of the Mother of God and Golgotha are characterized. A description of the use of icons in the daily life of the regional Old Believer community is given. Some comparisons with other regions are given. The facts of identity reproduction and some stories of the ethnic history of local Old Believer communities in the Urzhum district of the Kirov region are presented. The article describes the peculiarities of spiritual perception by Vyatka Old Believers of the religious themes of icons in the context of traditional culture.

Keywords: Old Believers, icons, reproduction of religiosity and identity.

Этнокультурная повседневность в российских регионах в XX столетии маркируется определенным набором действий и знаковых предметов. Для такой консервативной группы населения, как староверы, в этот комплекс, безусловно, входили иконы. Они выступали не просто символом веры во время советской эпохи, к ним притягивались определенные жизненные технологии, позволяющие сохранять этноконфессиональную идентичность, культурные традиции.

Как известно, особое место в истории старообрядчества имеет XX столетие. К концу века все малочисленнее становились старообрядческие общины. В Уржумском районе Кировской области стала сокращаться численность васинцев, ионовцев, черновцев, максинерцев в филипповском согласии. Сегодня здесь выделяются только ионовцы и максинерцы. Во второй половине XX столетия старообрядцы в Уржумском районе стали распространяться за реку Вятку. Напри-

мер, в такие деревни, как Пиляндыш, Донаурово, Травянистое. По словам информанта, за рекой Вяткой распространились исключительно старообрядцы филипповского согласия. Староверы там особенно ревностные, в советский период в Пиляндыше практически все из них отказались от «дьявольских номеров», то есть паспортов [1]. Сегодня число старообрядцев в районе относительно невелико – порядка 1 140 человек, что в процентном соотношении менее 3% общего числа населения района [2]. По словам информанта, в современный период все больше становится старообрядцев из числа тех, кто выходит на пенсию. Многие из города переезжают на свою родную землю, покупают дома, вступают в общину [3]. Община старообрядцев в селе Шурма Уржумского района действует и сегодня.

Экспедиционные материалы по Уржумскому району Кировской области демонстрируют особенности восприятия и использования в культовой практике старообрядцев-поморцев некоторых икон.

Среди них – икона образа Богородицы Воплощение (Знамение), – имеет в основе дерево, с обратной стороны обработанное. Размеры 31,5 см на 26 см. Толщина без оклада 1,5 см, с окладом – 2–2,5 см. Оклад медный с потертостями, с боков оклада остались следы от небольших гвоздиков, с помощью которых оклад прикреплялся к иконе. Скорее всего, у иконы была рамка. Икона была найдена в ходе этнографической экспедиции в Уржумском районе Кировской области в с. Шурма. Владельцу (информанту) икон они достались по завещанию от его «тетки» Ершовой Прасковьи Леонтьевны, жившей в с. Шурма в моленном доме на улице Первомайской. Иконы стояли в моленной, по словам информанта, «тетка» привезла их из деревни Максинерь, вообще в моленной было много икон и из других близлежащих деревень, например из Пиляндыша. После ее смерти все иконы отошли ее дочери, но по завещанию «максинерские» иконы были переданы владельцу [4]. Интересно, что в «красном углу» у шурминских филипповцев вообще нет икон, а есть лишь резные и литые кресты (филипповцы Шурмы, Максинери, Пиляндыша не совсем внятно объясняют это запретом молиться на «мазанные иконы», в то время как резных икон у них нет, есть резные и литые кресты в окладах, у уржумских филипповцев просто нет умельцев, способных сделать резные иконы, а иконы, авторы которых принадлежат к другим согласиям, не принимаются). В г. Уржуме живет филипповец Устин Варламович, которого недавно благословили изготавливать оловянные нательные кресты [5].

Интересен сюжет иконы. Самым древним на Руси образом Божией Матери «Знамение» является новгородская икона, написанная во второй четверти – середине XII в. Но название «Знамение» начинает связываться с ней только в конце XV столетия, особенно с XVI в., а окончательно закрепляется в XVII в. [6] По словам информантов, в момент созерцания иконы молящемуся как бы открывается святая святых, внутренняя Марии, в недрах которой Духом Святым зачинается Богочеловек [7]. Руки Богородицы воздеты к небу, они распахнуты навстречу Тому, Кто выше всей вселенной, и в то же время они благословляют молящихся. Молитвенно воздетые руки Богородицы означают также заступничество за людей пред Богом. «Почитание икон в церкви выражалось в молитве перед ними, поклонении, прикладывании, каждении, возжигании свечей, а также в украшении святых образов» [8]. У старообрядцев восприятие икон – особо святое. «Всякая икона по вере чудотворна...» [9]

Итак, в локальной староверческой общине сохранялось объяснение первого смысла иконы «Знамение» как откровение. Вместе с тем в ней крылось и другое значение: христиане со своей стороны узнают Рождение и приход в мир Спасителя, знают Его и свидетельствуют о Нем как об узанном. С иконой «Знамение» непосредственно связан особый чин в честь Матери Божией, получивший название «Чин возношения Панагии» [10].

Со второй половины XVII в. происходило распространение образов святых [11]. Одной из таких икон является и описываемое «Знамение». Об особом почитании иконы в старообрядческой среде Уржумского района говорит и тот факт, что икона бережно хранилась и имела оклад. Кроме того, по словам информанта, иконы старообрядцам ни в коем случае нельзя продавать, их или дарят, или «хоронят, как людей». Конечно, молодежь часто иконы получает в наследство, а «о правилах обращения с ними мало что знают» [12].

Еще две иконы деревянные в исследуемом комплексе – с изображением креста. Одна икона деревянная, вырезана рамка, ширина – 3 см, вырезан текст и сюжет голгофы. Толщина иконы – 4 см, длина – 50 см, ширина – 38 см. При визуальном осмотре выявляются трещины и небольшие сколы. Фон иконы красного оттенка, вырезанный текст и сюжет голгофы – золотистого. Последняя икона деревянная. Вырезана рамка – 1,5 см. Ширина – 42 см, длина – 80 см, толщина – 2 см. Изображены три сюжета голгофы. Два сюжета по краям одинаковые, ширина – 24,5 см, длина – 34,5 см, в центре сюжет шириной 34,5 см, длиной 34,5 см. При визуальном осмотре выявляются

трещины, сколы, потертости краски. В основе иконы – красный фон, рамка и центральный крест – золоченые, присутствуют детали белой и черной краски. С обратной стороны вставлены две рейки, привязана марлевая веревка, что говорит о том, что икону подвешивали.

На всех старообрядческих иконах в руках святых, на маковках церквей всегда изображаются только восьмиконечные кресты. Обилие надписей на полях – также характерная черта старообрядческих икон. Деревянные иконы старообрядцев обычно характеризуются темными ликами [13].

Известно, что практическое назначение голгоф многогранно. Самая известная их функция – это усложненные надгробия, но не только. Бытование голгоф сопровождается рядом обусловленных традицией положений. Так, на Выге голгофы устанавливались в помещениях и гостиницах, где ночевали мирские – извозчики и прочие. То есть туда не ставили живописного изображения, а ставили такие вот кресты. В общем, здесь налицо некая грань, функциональное различие между иконным образом как таковым и голгофой. Это различие, конечно, не ярко выражено, но оно, тем не менее, существует. Здесь так же, как и в случае с натальными крестами.

Анализ икон должен учитывать такие исторические основания. В России голгофы получили широкое распространение в XVI в. Голгофы XVIII–XIX вв., чисто старообрядческие по своему духовному содержанию, стремились к наиболее совершенному воплощению образа «осмиконечного» Креста Христова. Например, традиция изготовления голгоф сохранилась у вятских филипповцев, которые вели свое происхождение от выговских переселенцев. Там бытовали два типа выгорецких голгоф, имевших для местной общины очень большое значение. Дело в том, что иконописная традиция в тех местах давно утратилась – и иконы там либо литые, либо собственно в виде деревянных голгоф. При этом голгофы почитались у них в первую очередь: так, в центре моленной на специальной доске непременно стояла большая деревянная голгофа, а остальное – медное литье. Их продолжают резать и сегодня. Таким образом, там сохраняется непрерывная традиция изготовления и употребления резных деревянных голгоф [14]. По словам информанта, восьмиконечные кресты, деревянные или литые, часто ставились в красный угол в божнице. Позже стали такие божницы делать со стеклом [15]. Возможно, это делалось для лучшего сохранения крестов или для более значительного оформления «красного угла». Если учитывать, что Кировская область / Вятский регион в культурном плане тяготели к Русскому Северу и считались восточным Поморьем, то контакты внутри этой территории, в том числе «приверженцев древнего благочестия», поддерживались и на протяжении второй половины XX в., и до этого времени. Бытовали и определенные формы иконописания в среде староверов [16].

Отдельно следует отметить, что после фотофиксации и первичного анализа все иконы находятся в старообрядческой общине, в храме, а не изъяты по причине исследования из «родной» среды.

Приведенные выше характеристики икон, экспедиционная информация о повседневной жизни населения старообрядческих селений подтверждают тезисы о довольно длительной пролонгации духовной традиции в отдельных локусах, даже в период «развитого социализма». Этнокультурная микроистория отдельных местностей корректирует некоторые общие положения о практически полном стирании этнической и религиозной идентичности в рассматриваемом обществе и показывает детализированные пути и направления ее воспроизводства.

Примечания и список литературы

1. ВЭАА. Уржумский р-н. Д. 2. Л. 3.
2. Уржумская старина : краеведческий альманах / МАУК «Уржумский МВЦ». Киров : Изд-во «О-Краткое», 2012. Вып. 11. С. 48.
3. ВЭАА. Уржумский р-н. Д. 2. Л. 3.
4. Там же.
5. Филипповское родословие: исторические сочинения старообрядцев-филипповцев Поволжья и Южной Вятки / публик., предисл. и коммент. А. А. Исэрова. М., 2004. С. 19–25.
6. Смирнова Э. С. Новгородская икона «Богородица Знамение»: Некоторые вопросы Богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 288–310.
7. Языкова И. К. Богословие иконы. М., 1995. С. 93.
8. Цеханская К. В. Икона в жизни русского народа. М. : Изд-во «Паломник», 1998. С. 46.
9. Рябушинский В. Что такое икона? // Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М. ; Иерусалим : «Мосты», 1994. С. 176.
10. <http://www.pravoslavie.ru/put/071210152248.htm>
11. Щербинина О. Побеждая незримую силу: Предание об иконе Знамение Богородицы в В. Тагиле // Родина. 1998. № 9. С. 104–105.
12. ВЭАА. Уржумский р-н. Д. 2. Л. 3.
13. <http://www.mednyobraz.ru/stat/2-statiyolitie/47-mednolitye-i-pisanye-ikony-interesnye-fakty-.html>

14. http://ruvera.ru/articles/denis_perestoronin_interviu_2
15. ВЭАА. Уржумский р-н. Д. 2. Л. 3.
16. Титова Е. И., Трушкова И. Ю. Особенности передачи культуры и мировоззрения старообрядчества молодому поколению в начале XX в. (на примере Вятского региона) // Вестник гуманитарного образования. Педагогика. Психология. Право. 2016. № 1. С. 116–119.

Notes and References

1. WEAA. Urzhum region. File 2. Sh. 3.
2. *Urzhumskaya starina : kraevedcheskij al'manah* – Urzhum old: local history almanac / MAUK "Urzhum IEC". Kirov. Publishing house "O-Kratkoye". 2012. Issue 11. P. 48.
3. WEAA. Urzhum region. File 2. Sh. 3.
4. Ibid.
5. *Urzhumskaya starina : kraevedcheskij al'manah* – Filippov genealogy: historical writings of the Filippov old believers of Volga and Southern Vyatka / public., foreword and comments A. A. Iserov. M. 2004. Pp. 19–25.
6. Smirnova E.H. S. *Novgorodskaya ikona «Bogomater' Znamenie»: Nekotorye voprosy Bogorodichnoj ikonografii XII v.* [Novgorod icon "The Virgin of the Sign": Some questions of Marian iconography of the XII] // *Drevnerusskoe iskusstvo. Balkany. Rus'* – Old Russian art. The Balkans. Rus. SPb. 1995. Pp. 288–310.
7. Yazykova I. K. *Bogoslovie ikony* [Theology of the icon]. M. 1995. P. 93.
8. *Cekhanskaya K. V. Ikona v zhizni russkogo naroda* [Icon in the life of the Russian people]. M. Publishing house "Pilgrim". 1998. P. 46.
9. Ryabushinskij V. *CHto takoe ikona?* [What is icon?] // *Ryabushinskij V. Staroobryadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo* [The old belief and the Russian religious feeling]. M.; Jerusalem. «Mosty». 1994. P. 176.
10. <http://www.pravoslavie.ru/put/071210152248.htm>
11. *SHCHerbinina O. Pobezhdaya nezrimoyu siloyu: Predanie ob ikone Znamenie Bogorodicy v V. Tagile* [Winning with invisible power: the Legend about the icon the Theotokos of the Sign in Verkhniy Tagil] // *Rodina – Homeland*. 1998, No. 9, pp. 104–105.
12. WEAA. Urzhum region. File 2. Sh. 3.
13. <http://www.mednyobraz.ru/stat/2-statiyolitie/47-mednolitye-i-pisanye-ikony-interesnye-fakty-.html>
14. http://ruvera.ru/articles/denis_perestoronin_interviu_2
15. WEAA. Urzhum region. File 2. Sh. 3.
16. Titova E. I., Trushkova I. YU. *Osobennosti peredachi kul'tury i mirovozzreniya staroobryadchestva molodomu pokoleniyu v nachale XX v. (na primere Vyatskogo regiona)* [Features of the transmission of culture and world-view in the old believers to the young generation at the beginning of the XX century (on the example of Vyatka region)] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. Pedagogika. Psihologiya. Pravo* – Herald of Humanities education. Pedagogy. Psychology. Right. 2016, No. 1, pp. 116–119.

УДК 94(47):316.356.2

Историческое образование в России

Стожко Д. К.

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Уральский государственный экономический университет. 620144, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Стожко К. П.

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой экономики и организации предприятий,
Уральский государственный аграрный университет. 620219, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 42.
E-mail: kostskp@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется ситуация, сложившаяся в системе исторического и в целом гуманитарного образования. В частности, нестабильность, обусловленная частым пересмотром федеральных государственных образовательных стандартов. Дается оценка действующих федеральных государственных стандартов для системы общего и высшего профессионального образования. Отмечается негативное влияние указанной нестабильности на состояние педагогических технологий, вынужденных подстраиваться под постоянно меняющиеся требования. В качестве альтернативы формализованному подходу, содержащемуся в действующих стандартах и имеющему экзогенную природу (пришедшему в российское образование из европейского пространства), авторы предлагают проблемно-интегративный подход в изучении и преподавании истории, нацеленный на развитие самообразования личности, ее творческого потенциала.

В статье рассматривается роль междисциплинарного и проблемного подходов в процессе преподавания и изучения отечественной истории. В частности, в области преодоления мифов и освоения навыков самостоятельного поиска и обработки информации. Обосновывается целесообразность сочетания этих подходов в рамках использования интерактивных форм и методов организации учебного процесса. Раскрываются конкретные возможные результаты в области совершенствования качества самого исторического образования.

Ключевые слова: история, проблемный подход, междисциплинарный подход, интерактивные методы обучения, общеобразовательные и профессиональные компетенции, ценности.

Historical education in Russia

Stojko D. K.

candidate of philosophical sciences, associate professor, Department of history and philosophy,
Ural State University of Economics. 62/45 8 Marta str./Narodnoy voli str., 620144, Yekaterinburg.
E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Stojko K. P.

doctor of historical sciences, professor, head of the Department of economics and organization of enterprises
of the Ural State Agrarian University. 42 Karl Liebknecht str., 620219, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: kostskp@mail.ru

Abstract: The article analyzes the situation in the system of historical and, in general, humanitarian education. In particular, the instability caused by the frequent revision of federal state educational standards. The evaluation of existing federal state standards for the system of general and higher vocational education is given. There is a negative impact of this instability on the state of pedagogical technologies, which are forced to adapt to constantly changing demands. As an alternative to the formalized approach, contained in existing standards and having an exogenous nature (coming to the Russian education from the European space), the authors suggest a problem-integrative approach in the study and teaching of history, aimed at developing self-education of the individual, her creative potential.

The article examines the role of interdisciplinary and problem approaches in the process of teaching and studying Russian history. In particular, in the field of overcoming myths and learning the skills of independent searching and processing information. The expediency of combining these approaches in the framework of using interactive forms and methods of organizing the educational process is substantiated. The concrete possible results in the field of improving the quality of the historical education are revealed.

Keywords: history, problem approach, interdisciplinary approach, interactive teaching methods, general educational and professional competences, values.

Актуальность темы исследования обусловлена сложной ситуацией, сложившейся в области гуманитарного образования в целом, а исторического образования в частности. С одной стороны, современная система образования, в том числе и исторического, ориентирована на националь-

ные интересы и традиционные ценности. К этому, в частности, обязывает «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (2015 г.), где сказано, что национальным интересом и стратегическим приоритетом является «сохранение и развитие культуры и традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

С другой стороны, положения Болонской конвенции, к которой Россия присоединилась в 2003 г., ориентируют высшее образование на конвергенцию, релевантность, «многообразие подходов и профилей курсов, гибкость программ с многими точками входа и выхода», освоение европейских ценностей и ценностный плюрализм [2].

В этой ситуации в изучении и преподавании истории наблюдается весьма широкий спектр подходов: европоцентризм [3], глобализм [4], евразийство [5], национализм [6] и т. д. Наряду с этим оказывают свое влияние и идеологические установки либерализма и консерватизма [7], а также религиозное и светское мышление [8]. Поэтому следует признать правомерным вывод о том, что «при всем кажущемся богатстве историографии отечественной высшей школы, сложный и многогранный процесс ее развития, по существу, не описан. Очень важно учитывать при этом исторический опыт, чтобы предотвратить негативные последствия слепого заимствования западных форм университетского образования» [9].

В настоящее время наблюдается определенная девальвация принципов историзма и исторического детерминизма как фундаментального методологического основания в изучении окружающей нас реальности. На их место все чаще заступают модные «методологические» идеи «спонтанного саморазвития», «аутопойезиса» (Ф. Валера, Н. Луман, У. Матурана и др.) [10], «самопроизвольных сборок» (Ф. Агамбен, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Ж. Л. Нанси и др.) [11], «инновационной диффузии» (Е. Алексеева, Ф. Бродель, Р. Пребиш, С. Полард и др.) [12]. Широкое распространение получили волновые модели исторического развития (С. Хантингтон, Ч. Тилли, Ф. Шмиттер и др.) [13].

Выходом из сложившейся ситуации может стать дальнейшее развитие проблемного и интегративного подходов к изучению и преподаванию истории, которое формировало бы систему не просто «лично ориентированного» и «развивающего» образования, а систему аксиологически детерминированного самообразования. Тем более что «высшее образование, в сущности, всегда есть самообразование» [14]. Важнейшими принципами современной системы образования сегодня считаются непрерывность, фундаментальность, гуманизация, гуманитаризация, демократизация, интегративность, технологизация и диверсификация [15]. Но в этом перечне отсутствуют принципы ценностной детерминированности, креативности и инновационности, которые важны ничуть не менее предыдущих. Зато растет формализованность образования, когда, набрав определенный рейтинг по «спущенным свыше» показателям, учащийся или педагог автоматически считаются компетентными.

В 2000 г. вышел Государственный образовательный стандарт 050401 преподавания истории в высшей школе (ВПО) по специальности 032600 «История» (квалификация – *учитель истории*). А в 2009 г. был опубликован новый федеральный стандарт по направлению «История» (квалификация – *бакалавр*). Однако этим дело не закончилось. Уже на выходе новое, четвертое, поколение стандартов с весьма характерным названием «три + +».

И нет гарантии, что скоро не появится пятое поколение, затем – шестое. При этом выход каждого нового поколения ФГОС сопровождается новыми методическими разработками, поиском очередных более «совершенных» педагогических технологий [16], растущей бумажной работой (изменением компетенций, рабочих программ, методических разработок по самостоятельной работе, факультативов оценочных средств, листов согласований и т. д.).

Одновременно Приказом Министерства образования и науки РФ № 1089 от 5.03.2014 г. был принят новый федеральный стандарт основного общего образования по истории. Этот документ касается среднего (школьного) образования и не прописывает требования по историческому образованию в высшей школе, а значит, и не обеспечивает декларируемый принцип непрерывности в образовании.

Значимость этих документов состоит в том, что они дают лишь самые общие ориентиры для педагогов и учащихся.

Например, изучение истории на ступени основного общего образования направлено на достижение следующих целей:

- воспитание патриотизма, уважения к истории и традициям нашей Родины, к правам и свободам человека, демократическим принципам общественной жизни;
- освоение знаний о важнейших событиях, процессах отечественной и всемирной истории в их взаимосвязи и хронологической последовательности;

- овладение элементарными методами исторического познания, умениями работать с различными источниками исторической информации;
- формирование ценностных ориентаций в ходе ознакомления с исторически сложившимися культурными, религиозными, национальными традициями;
- применение знаний и представлений об исторически сложившихся системах социальных норм и ценностей для жизни в поликультурном, полиэтничном и многоконфессиональном обществе, участия в межкультурном взаимодействии, толерантного отношения к представителям других народов и стран.

ФГОСТ определяет общий и обязательный минимум содержания основных образовательных программ, т. е. круг тех вопросов, которые изучает история. Вместе с тем вопросы периодизации истории, ее методологии и морфологии, изучения закономерностей исторического развития во многих отношениях остаются ФГОСТом не отрегулированными [17]. Это способствует попыткам переписывания или мифологизации истории. В настоящий момент, например, можно обнаружить полярные суждения исследователей о том, существует ли национальный духовно-нравственный код социально-экономического развития этносов [18], или это – антинаучные спекуляции [19].

Современная мифология охватывает общие и абстрактные аспекты исторического развития, которые не познаны или по каким-то причинам непознаваемы в конкретный момент времени человеком. А история охватывает особенное и конкретное, то, что наблюдаемо, постигаемо и объяснимо. При этом существуют различные подходы к объяснению мифов как таковых: аллегорический, филологический, ритуально-социологический, психологический, трансцендентный, структуралистский, романтический и символический [20].

Важнейшим теоретико-методологическим аспектом заявленной в названии данной статьи темы является обоснование необходимости развития проблемного подхода в изучении и преподавании истории, на всех уровнях гуманитарного образования.

Предварительно сформулируем следующие предпосылки, которые необходимо учитывать при анализе качества гуманитарного (в целом) и исторического (в частности) образования в настоящее время.

Во-первых, предмет и объект исторической науки и ее задачи, а также смысл и функции трактуются многими историками далеко не однозначно. Это обстоятельство представляется важным, и его необходимо отражать в процессе организации исторического образования как в средней, так и в высшей школе. Такой мультипликативный подход позволит учащимся не только более глубоко освоить данные аспекты истории, но и будет способствовать повышению стимулов к историческому образованию и выработке проблемного подхода к освоению и усвоению учебного материала.

Во-вторых, сопоставление достоверных и мифологических данных на основе современных интерактивных способов и методов образования (дискуссии, мозговые штурмы, видеоконференции и т. д.) позволяет вовлечь учащегося в конкретную историческую проблему или ситуацию и превратить его из пассивного объекта педагогических воздействий в активного участника образовательного процесса.

В-третьих, на основе обсуждения предмета, объекта, функций и задач истории учащиеся самостоятельно могут вынести и отстаивать собственное суждение о научном статусе истории, и ее отличии от спекулятивного знания, что позволяет превратить получаемую информацию из поверхностного знания в убеждение.

В-четвертых, знакомство учащихся с многообразием подходов к пониманию предмета, объекта, задач и функций исторической науки отвечает принципу плюрализма и позволяет обеспечить непредвзятый, и нетенденциозный подход к процессу преподавания истории, что соответствует действующим конституционным требованиям. В Конституции РФ п. 2 статьи 13 записано: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

В-пятых, знакомство с разными подходами и мнениями позволяет взять из исторического опыта науки, ее прошлого все самое лучшее, актуальное и полезное, что приближает само историческое образование к жизни, к современной ситуации и актуализирует интерес учащихся к истории.

Особое значение в системе исторического образования приобретает вопрос о периодизации истории. Знакомство учащихся с проблемами периодизации истории, методами и научными принципами исторических исследований позволяет, на наш взгляд, решить следующие вопросы:

во-первых, сформировать у учащихся предусмотренные федеральным образовательным стандартом общеобразовательные и профессиональные компетенции:

- ОК-2: способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции;

– ОК-6: способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия;

во-вторых, выработать у учащихся современный тип исторического мышления, диалектическое понимание исторического процесса, культуру изучения истории, которые могут быть сформированы только на основе ценностного осмысления исторических фактов и процессов, сопоставления их с системой ценностных ориентаций как самого учащегося, так и общества, в котором он живет;

в-третьих, выработать умение ориентироваться в историческом материале и грамотно его ранжировать, структурировать и систематизировать, закрепить полученные знания в сознании (памяти) учащихся, которые посредством активных форм обучения вовлекаются в процесс такой обработки информации и становятся соавторами (соучастниками) процесса выработки результатов образовательного процесса (выводов, оценок, суждений, приоритетов и др.).

Важным условием совершенствования исторического образования является междисциплинарный подход, который является в настоящее время одним из главных направлений развития современной системы образования. Известно, что и современная наука развивается в первую очередь в междисциплинарном поле, на стыках различных научных дисциплин. В области естествознания – это астрофизика, геофизика, физическая химия и т. д. В области гуманитарных наук – это философия истории, экономическая история, семиотика, историческая психология и т. д.

В контексте сокращения учебных часов на преподавание гуманитарных дисциплин такой подход зарекомендовал себя с лучшей стороны и может быть предложен в качестве наиболее оптимального подхода при разработке и использовании новых, особенно интерактивных, методов и способов образования. Интерактивные методы и способы образования позволяют успешно соединить междисциплинарный подход в изучении истории с научно-исследовательской работой учащихся, в том числе в рамках вузовской НИРС.

Наконец, существенным ресурсом развития исторического образования является использование интерактивных методов в процессе обучения учащихся. Имеющиеся в настоящее время особенности и трудности в области развития интерактивных методов и способов преподавания в целом, истории в частности, свидетельствуют о необходимости дальнейшей научной их проработки в целях формирования креативных способностей учащихся и выработке у них субъектного подхода к изучению учебного материала.

Существующая на данный момент разнообразная морфология интерактивных методов и способов образования позволяет педагогам подбирать наиболее подходящие для различных типов аудиторий варианты изучения истории и в рамках действующего стандарта развивать не только коллективное (групповое), но и личностно ориентированное (индивидуализированное) обучение.

Плюрализм концепций и теорий исторического развития в системе современного исторического образования может быть наиболее эффективно освоен учащимися, прежде всего, на основе интерактивного обучения и личностного их вовлечения не только в обсуждение и оценку исторического материала, но и в его поиск и обработку.

Преподавание истории в современных условиях в системе высшего образования предполагает необходимость учитывать ряд существенных изменений. Во-первых, это существенное сокращение объема часов, выделяемых на ее изучение. Естественно, что в условиях постоянного сокращения учебных (аудиторных) часов все большее значение приобретает внеаудиторное, а по существу, самостоятельное изучение истории. Однако, наряду с сокращением аудиторных часов, в большинстве вузов РФ сокращаются (или даже вообще не планируются в структуре учебной нагрузки преподавателей) часы на самостоятельную работу со студентами. Считаем такой подход непродуктивным, поскольку при нем студент остается наедине с самим собой и не имеет официально установленных в учебном графике (расписании) возможностей координации своей самостоятельной работы с педагогом.

Второе важное обстоятельство связано с реструктуризацией кафедр, объединением кафедр и предметов в рамках единой структуры, что также происходит во многих вузах. Представляется, что ранг университета предполагает четкое соблюдение федеральных требований и, соответственно, сохранение профильных кафедр (истории, философии, социологии и т. д.) в структуре вуза. Это позволяет обеспечить фундаментальный характер образования в системе ВПО без ущерба для отраслевой его специфики.

Кстати, исторический опыт развития системы образования в России, в частности обнаруженный еще в 1803 г. Манифест Александра I «Предварительные правила народного просвещения», подтверждает, что образование являлось частью *государственной* работы, а отнюдь не частным делом, как это предполагают современные болонские документы. И хотя в начале XIX в.

за основу реформы в сфере образования была взята европейская модель, но вузы получили при этом определенную автономию, самостоятельность в определении структуры, содержания и основных направлений развития университетского образования [21].

Сильное гуманитарное образование и усиление академизма, поощрявшееся государством, стало причиной того, что уже «через полвека с начала присуждения в российских университетах ученых степеней доктора и магистра (к середине XIX в.) они оказались выше на целую ступень своих зарубежных аналогов» [22].

Проводя реформу образования, С. С. Уваров предложил известную формулу: «Православие. Самодержавие. Народность». Но, беря западные образцы организации образования за основу, «одной из своих задач как министра народного просвещения Уваров считал обеспечение перевеса отечественного воспитания над иноземным» [23].

После различного рода экспериментов в образовании в первые десятилетия XX в. государство вновь вернулось к традиционным формам его организации и контроля над его качеством. В 1936 г. вышло постановление правительства «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», ставшее на десятилетия вперед новой образовательной доктриной. Известно, что наша система образования (в первую очередь в области подготовки гуманитарных и инженерных кадров) к середине XX в. стала лучшей в мире. Этому способствовали высочайший профессионализм педагогических кадров, особое внимание к воспитательной работе с учащимися и приоритетное внимание государства к подготовке кадров, которые, как известно, «решают все».

В условиях современного информационного общества условия развития образования, в том числе и высшего, существенно изменились. Объем информации, в том числе учебной, неуклонно возрастает. А вот воспитательная работа пока что остается как бы на периферии образовательного процесса. Показатели воспитательной работы даже не включены в систему современных аккредитационных показателей работы высших учебных заведений страны. При этом практически полностью утрачена университетская автономия, на место которой заступило жесткое бюрократическое регулирование. Оно осуществляется как «сверху вниз», так и внутри университетов, в которых административно-управленческий персонал за последние десять лет увеличился вдвое. Ярким продуктом такого «регулирования» является перевод научных работников и педагогов на так называемые «эффективные контракты», критерии которых разрабатываются именно чиновниками от образования [24].

Вместе с тем рост объемов информации (учебного материала и требований к его освоению) объективно заставляет более широко применять интегративный подход в историческом образовании, когда необходимо, с одной стороны, обеспечить принцип гуманизации и гуманитаризации образования, а с другой – более последовательно учитывать профиль самого вуза. Например, в отраслевом вузе историческое образование необходимо не само по себе. Оно ценно в тесной связи со специальностями, которые получают студенты. Но в борьбе за учебную нагрузку профильные кафедры чаще всего не идут на включение в свои учебные планы интегративных курсов, сокращают часы, выделяемые на гуманитарные предметы.

Важную роль в развитии проблемного и интегративного подходов в системе исторического образования призваны сыграть новые, активные, методы образования. С использованием современных образовательных, в особенности интерактивных методов обучения роль преподавателя резко меняется. Она перестаёт быть центральной, он лишь регулирует процесс и занимается его общей организацией, готовит заранее необходимые задания и формулирует вопросы или темы для обсуждения в группах, дает консультации, контролирует время и порядок выполнения намеченного плана [25]. Хорошо это или плохо – вопрос дискуссионный. Система образования в России всегда строилась на решающей роли педагога в образовательном процессе, на его живом контакте с учащимися. Эта роль не сводилась только к информированию, а включала в себя наставничество и воспитание учащихся. Современные информационно-образовательные технологии существенно меняют ситуацию. В условиях современного информационного общества учебный процесс все в большей степени становится виртуальным, существенно меняется «портрет» образования и науки [26].

Вместе с тем использование интерактивных форм и методов обучения в процессе обучения в вузе позволяет учащимся освоить не только содержание будущей профессии, но и активные формы и виды профессиональной деятельности во взаимосвязи с практикой.

Интерактивные методы обучения истории, в частности, позволяют будущим специалистам освоить навыки самостоятельного поиска и обработки информации, основы культуры общения и обсуждения полученных результатов, нормы и правила совместной деятельности и т. д.

Это антропологическое содержание процесса обучения крайне важно в современных условиях [27].

Очевидно, что в современной науке вопрос об объекте и предмете истории, ее периодизации и оценке конкретных исторических событий истории остается все еще дискуссионным [28]. И здесь интерактивные методы обучения сами по себе недостаточны. Они лишь служат подспорьем в более качественном освоении самого учебного материала.

Но главную роль в решении данной проблемы, как и в совершенствовании самого исторического образования в целом, должны играть гносеология и особенно эпистемология (от греч. – *достоверное знание*). Таким образом, необходим гносеологический синтез исторической и философской науки, на почве которого могут появиться и новые методы познания, и новые теории.

Кроме того, важной проблемой исторического познания является превращение тех или иных ценностей в нормы (институты) общественного и личного поведения [29]. Изучение естественно-исторических факторов такого превращения позволяет более глубоко понять и саму логику исторического развития.

В связи с этим представляется полезным не замыкаться в рамках узкопредметного подхода в изучении истории, а активно развивать междисциплинарные связи, в том числе историко-философский и институциональный анализ.

Примечания и список литературы

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015. № 683. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/banc/40391>
2. Болонский процесс. основополагающие материалы. М.: «Финансы и статистика», 2007. С. 41.
3. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М.: «РОСПЭН», 2007; Лейбович О. Л. Модернизация России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь: ЗУУНЦ, 1996. 156 с.
4. Чешков М. А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия: Новые конфигурации мирового пространства (В поисках глобального и теоретического синтеза). М., 1994; Чешков М. А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999. 300 с.
5. Цепилова В. И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 294 с.
6. Егорычев А. М. Социально-философские основы интеграции этнокультурных традиций в системе образования России: дис. ... д-ра филос. наук. Барнаул, 2006.
7. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: «Алгоритм», 2006. 480 с.
8. Тростников В. Православная цивилизация. Исторические корни и отличительные черты. М.: ИД «Сибирский цирюльник», 2004. 272 с.
9. Васютина Н. Н. Исторический опыт российских реформ системы образования // Гуманитарные стратегии российских трансформаций: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2008. С. 289–290.
10. Луман Н. Общество как социальная система. М.: «Логос», 2004. 232 с.
11. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург: «У-фактория»; М.: «Астрель», 2010. 895 с.
12. Алексеева Е. В., Побережников И. В., Нефедов С. А. [и др.]. Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2014. 248 с.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: «АСТ», 2003; Тилли Ч. Борьба и демократия в европейских государствах. 1650–2000. М.: «Высш. шк.», 2010. 340 с.
14. Чаянов А. В. Методы высшего образования // Избр. тр. М.: «Финансы и статистика», 1991. С. 368.
15. Шихов Ю. А. Комплексный квалиметрический мониторинг уровня подготовки обучающихся в системе «профильная школа – вуз» // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. 2009. № 1(58). С. 38–45.
16. Баранов П. А. Об уровне обществоведческой подготовки выпускников школ // Обществознание в школе. 1998. № 5. С. 26–31; Репина Л. П. История после «культурного переворота» и современное историческое образование. М., 2004. 280 с.; Ценюга И. Н., Клименкова Э. А. Современное историческое образование в условиях реализации ФГОС // «Педагогический опыт: теория, методика, практика»: материалы X Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Чебоксары, 2017. С. 94–97.
17. Суворов Д. В. История и культура России: мифы и реальность: в 2 т. Екатеринбург: УРО РАН, 2007. Т. 1. С. 7–9.
18. Нарочницкая Н. А. Русский код развития. М.: «Кн. мир», 2013. 352 с.
19. Тамбовцев В. Миф о культурном коде в экономических исследованиях // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 85–106.
20. Хьюбнер К. Истина мифа. М.: «Республика», 1996. С. 40–67.
21. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: «Академ. проект», 1999. С. 168.
22. Егоров В. В. Ступени научной карьеры: история и современность // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 3–4 (47–48). С. 155.
23. Чернова М. Н. Личность в истории. Россия – век XIX. М.: «Эксмо», 2004. С. 128.
24. Стожко Д. К. К вопросу о характере рынка рабочей силы в системе современного высшего образования в России // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2016. № 3. С. 188–193.

25. Дзуличанская Н. Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций // Наука и образование : электрон. науч.-техн. изд-е. 2011. URL: [http:// technomag.edu.ru/doc/172651](http://technomag.edu.ru/doc/172651)
26. Хант М. История психологии. М. : «АСТ», 2009. С. 842–847.
27. Моторина Л. Е. Философская антропология. М. : «Академ. проект», 2009. С. 5.
28. Мотревич В. П. Экономическая история России. Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 2005. С. 23.
29. Стожко Д. К. Мировоззренческие основы современного институционализма. Екатеринбург : Урал. гос. экон. ун-т, 2012. 518 с.

Notes and References

1. The national security strategy of the Russian Federation: approved by the Decree of the President of the Russian Federation from 31.12.2015. No. 683. Available at: [http:// www.kremlin.ru/acts/banc/40391](http://www.kremlin.ru/acts/banc/40391) (in Russ.)
2. *Bolonskij process. Osnovopolagayushchie materialy* – The Bologna process. Fundamental materials. M. "Finances and statistics". 2007. P. 41.
3. Alekseeva E. V. *Diffuziya evropejskih innovacij v Rossii (XVIII – nachalo XX v.) [Diffusion of European innovations in Russia (XVIII – beginning of XX century)]*. M. "ROSPEN". 2007; Lejbovich O. L. *Modernizacija Rossii (k metodologii izucheniya sovremennoj otechestvennoj istorii)* [Modernization of Russia (to the methodology of the study of modern Russian history)]. Perm. West-Ural Training Scientific Center. 1996. 156 p.
4. CHeshkov M. A. *Razvivayushchij mir i posttotalitarnaya Rossiya: Novye konfiguracii mirovogo prostranstva (V poiskah global'nogo i teoreticheskogo sinteza)* [Developing world and post-totalitarian Russia: New configurations of world space (In search of a global and theoretical synthesis)]. M. 1994; CHeshkov M. A. *Global'nyj kontekst postsovetskoy Rossii: Oчерki teorii i metodologii mirocelostnosti* [Global context of post-Soviet Russia: Essays on theory and methodology of world integrity]. M. 1999. 300 p.
5. Cepilova V. I. *Istoricheskaya nauka russkogo zarubezh'ya: problemy istoriografii (1920–2004 gg.)* [Historical science of the Russian Diaspora: problems of historiography (1920-2004.)]. Ekaterinburg. Publishing house of the Ural University. 2005. 294 p.
6. Egorychev A. M. *Social'no-filosofskie osnovy integracii etnokul'turnyh tradicij v sisteme obrazovaniya Rossii : dis. ... d-ra filol. nauk* [Social and philosophical foundations of integration of ethno-cultural traditions in the educational system of Russia : dis. ... dr. of philosophy]. Barnaul. 2006.
7. Kagarlickij B. YU. *Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: not recommended for learning]. M. "Algorithm". 2006. 480 p.
8. Trostnikov V. *Pravoslavnaya civilizaciya. Istoricheskie korni i otlichitel'nye cherty* [Orthodox civilization. Historical roots and distinctive features]. M. Publishing house "Barber of Siberia". 2004. 272 p.
9. Vasyutina N. N. *Istoricheskij opyt rossijskikh reform sistemy obrazovaniya* [The historical experience of the Russian reforms of the education system] // *Gumanitarnye strategii rossijskikh transformacij : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 2 t.* – Humanitarian strategy of the Russian transformations: proceedings of the international scientific pract. conf.: in 2 vol. Vol. 1. Tyumen. Publishing house of TyumSNHY. 2008. Pp. 289-290.
10. Luhmann N. *Obshchestvo kak social'naya sistema* [Society as a social system]. M. "Logos". 2004. 232 p.
11. Deleuze G., Guattari F. *Kapitalizm i shizofreniya. Tysyacha plato* [Capitalism and schizophrenia. A thousand plateaus]. Ekaterinburg. "U-faktoriya"; M. Astrel. 2010. 895 p.
12. Alekseeva E. V., Poberezhnikov I. V., Nefedov S. A. *Rol' ehndogennyh i ehkzogennyh faktorov v razvitii rossijskoj civilizacii (XVIII – nachalo XX v.)* [and others]. [The role of endogenous and exogenous factors in the development of Russian civilization (XVIII – beginning of XX century)]. Ekaterinburg. RIO UB RAS. 2014. 248 p.
13. Huntington S. *Stolknovenie civilizacij* [Clash of civilizations]. M. "AST". 2003; Tilly H [Struggle and democracy in European States. 1650-2000]. M. "Vyssh. Shk.", 2010. 340 p.
14. CHayanov A. V. *Metody vysshego obrazovaniya* [Methods of higher education] // *Izbr. tr.* – Selected works. M. "Finansy I statistika". 1991. P. 368.
15. SHihov YU. A. *Kompleksnyj kvalimetriceskij monitoring urovnya podgotovki obuchayushchih v sisteme «profil'naya shkola – vtuz»* [Comprehensive qualimetric monitoring of the level of training of students in the system "profile school – technical college"] // *Obrazovanie i nauka. Izvestiya Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii obrazovaniya – Education and science. News of the Ural branch of the Russian Academy of education.* 2009, No. 1(58), pp. 38–45.
16. Baranov P. A. *Ob urovne obshchestvovedcheskoj podgotovki vypusknikov shkol* [On the level of social science training of high school graduates] // *Obshchestvoznaniye v shkole – Social study at school.* 1998, No. 5, pp. 26–31; Repina L. P. *Istoriya posle «kul'turnogo perevorota» i sovremennoe istoricheskoe obrazovanie* [History after the "cultural revolution" and contemporary historical education]. M. 2004. 280 p.; *Сenyuga I. N., Klimenkova E. H. A. Sovremennoe istoricheskoe obrazovanie v usloviyah realizacii FGOS* [Modern historical education in the implementation of the GEF] // «Pedagogicheskij opyt: teoriya, metodika, praktika» : materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 2 t. - "Teaching experience: theory, methodology, practice": materials of the X Intern. scientific pract. conf.: in 2 vol. Vol. 1. Cheboksary. 2017. Pp. 94–97.
17. Suvorov D. V. *Istoriya i kul'tura Rossii: mify i real'nost' : v 2 t.* [History and culture of Russia: myths and reality: in 2 vols] Ekaterinburg. URD RAS. 2007. Vol. 1. Pp. 7–9.
18. Narochnickaya N. A. *Russkij kod razvitiya* [Russian code of development]. M. "Knizhny mir". 2013. 352 p.
19. Tambovcev V. *Mif o kul'turnom kode v ehkonomicheskikh issledovaniyah* [The myth of the cultural code in economic research] // *Voprosy ehkonomiki – Questions of economy.* 2015, No. 12, pp. 85–106.

20. Huebner K. *Istina mifa* [Truth of the myth]. M. "Republic". 1996. Pp. 40–67.
21. Whittaker C. H. *Graf Sergej Semenovich Uvarov i ego vremya* [Count Sergei Semenovich Uvarov and his time]. SPb. "Akadem. Project". 1999. P. 168.
22. Egorov V. V. *Stupeni nauchnoj kar'ery: istoriya i sovremennost'* [Stages of scientific career: history and present] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta* – News of the Ural State University of Economics. 2013, No. 3–4 (47–48), p. 155.
23. Chernova M. N. *Lichnost' v istorii. Rossiya – vek XIX* [The person in history. Russia – XIX century]. M. "Eksmo". 2004. P. 128.
24. Stojko D. K. *K voprosu o haraktere rynka rabochej sily v sisteme sovremennogo vysshego obrazovaniya v Rossii* [To the question about the nature of the labor market in the system of modern higher education in Russia] // *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of North Ossetian State University. 2016, No. 3, pp. 188–193.
25. Dvulichanskaya N. N. *Interaktivnye metody obucheniya kak sredstvo formirovaniya klyuchevyh kompetencij* [Interactive teaching methods as a means of forming key competencies] // *Nauka i obrazovanie : ehlektron. nauch.#tekhn. izd-e* – Science and education: an electron. scientific – tech. ed. 2011. Available at: [http:// tech-nomag.edu.doc /172651](http://tech-nomag.edu.doc/172651)
26. Hunt M. *Istoriya psihologii* [The story of psychology]. M. "AST". 2009. Pp. 842–847.
27. Motorina L. E. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology]. M. "Akadem. Project". 2009. P. 5.
28. Motrevich V. P. *Ehkonomicheskaya istoriya Rossii* [Economic history of Russia]. Ekaterinburg. Humanit. Univ. 2005. P. 23.
29. Stojko D. K. *Mirovozzrencheskie osnovy sovremennogo institucionalizma* [Philosophical foundations of modern institutionalism]. Ekaterinburg. Ural. State Economic University. 2012. 518 p.

УДК 94(470.41)

Проект укрупнения волостной сети Агрызского кантона Татарской АССР

Файзуллин С. А.

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела регионоведения и социокультурных исследований, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ. 420015, г. Казань, ул. Пушкина, 56. E-mail: stas1472580@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена административно-территориальным преобразованиям, происходившим в Татарской АССР в первой половине 1920-х гг.

На основе опубликованных и неопубликованных источников автором последовательно раскрываются сначала предпосылки, положенные в основу первого варианта переустройства волостной сети по языковому признаку, затем причины, помешавшие его реализации, которые, в свою очередь, одновременно явились и новыми обстоятельствами, вызвавшими необходимость переработки подготовленного проекта с целью проведения укрепления и расширения экономических возможностей будущих волостей. Далее в публикации дается общая характеристика Агрызского кантона, его географическое положение, административно-территориальный состав, количество населения кантона и его процентное соотношение в национальном разрезе. Анализируются различные варианты проекта укрупнения волостной сети Агрызского кантона, разработанные комиссией административных единиц Татарской АССР с приведением различных цифровых данных по каждой проектируемой волости. Приводится сравнительная характеристика населенных пунктов, в которых в то время находились волостные центры, а также тех, в которых планировалось новое их размещение. Отображаются итоги согласования готового плана непосредственно в кантоне, куда он был представлен на согласование, и прослеживается процесс утверждения окончательного варианта проекта в Казани.

Ключевые слова: ТатЦИК, комиссия административных единиц, волость, Агрызский кантон, проект.

The project of consolidation of the rural municipality network of Agryz canton of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic

Faizullin S. A.

candidate of historical sciences, senior researcher of the Department of regional studies and socio-cultural research, Institute of the Tatar Encyclopaedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of RT. 56 Pushkin str., 420015, Kazan. E-mail: stas1472580@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the administrative and territorial transformations that took place in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the first half of the 1920s.

On the basis of published and unpublished sources, the author first consistently reveals the premises that were the basis for the first version of the resettlement of the volost network on the basis of language, then the reasons that prevented its implementation, which in turn were also new circumstances that necessitated the reworking of the prepared project to strengthen and expanding the economic opportunities of the future rural districts. Further, the publication gives a general description of the Agryz canton, its geographical position, its administrative-territorial composition, the total number of the canton population and its percentage ratio in the national context. Various variants of the agglomeration of the Agryzkiy canton volost network, developed by the commission of administrative units of the Tatar ASSR, are compiled, with various digital data for each of the volosts being designed. The comparative characteristics of the settlements in which the volost centers were located at that time, as well as those in which their new location was planned, is given. The results of coordinating the final plan are displayed directly in the canton, where it was submitted for approval, and the process of approving the final version of the project in Kazan is traced.

Keywords: TatTSIK, committee of administrative units, volost, Agryz canton, project.

К началу 1923 г. в Татарской АССР назрела острая необходимость проведения общереспубликанской волостной реформы, основной целью которой должно было стать приближение государственного аппарата к титульному населению.

Импульс этому процессу был дан ещё в 1921 г., когда татарскому языку совместным декретом ЦИК и СНК ТАССР был придан статус государственного. Постановление предусматривало сделать «во всех государственных советских учреждениях татарский язык обязательным» [1].

Исходя из этого, в рамках языковой реорганизации волостной сети республики, комиссия административных единиц ТАССР при участии комиссии по реализации татарского языка приступила к составлению плана, предусматривающего создание или обособление максимального количества волостей с «однообразным этническим составом населения» [2]. Также проектом предусматривалось выравнивание волостей по численности населения с установлением минимальной планки в 10 000 человек и максимальной – в 20 000 человек [3].

Однако несмотря на завершение предварительной работы претворить реформу в жизнь помешали следующие события.

На XII съезде РКП(б) было принято решение о проведении в СССР реформы существовавшего административно-территориального деления страны, в том числе и на волостном уровне, которая, наряду с упрощением, удешевлением и приближением к населению низовых советских органов власти, должна была способствовать укреплению и развитию волостей. Для этого, как отмечалось на съезде, требовалось «с величайшей осторожностью и с полным учетом интересов широких масс крестьянского населения» [4] провести укрупнение существующей волостной сети.

Кроме того, в это же время перешел в практическую плоскость вопрос о формировании волостных бюджетов, реализация которых даже в рамках проектируемых волостей не представлялась возможной из-за недостаточной численности населения и, как следствие этого, экономической слабости большинства из них, что также требовало увеличения волостных радиусов.

Таким образом, теперь при разработке новой волостной сети республики проектировщикам следовало учитывать «не только этнический и административные принципы, но и экономическую сторону с сокращением числа волостей до возможного минимума» [5].

12 октября 1923 г. Комиссия административных единиц при НКВД ТАССР приступила к подготовке нового проекта реформы реорганизации волостей, что в изменившихся условиях требовало внесения существенных корректив в прежнюю схему. Наличие первоначального плана значительно ускорило разработку нового проекта, и к 9 ноября того же года предварительный вариант по Агрызскому кантону был готов [6].

Агрызский кантон располагался на северо-востоке республики и занимал площадь в 1128,2 квадратных версты, что составляло 1,9% от всей территории ТАССР. В его составе было пять волостей (Агрызская, Исенбаевская, Кучуковская, Сарсак-Омгинская и Старо-Чекалдинская), 64 населенных пункта и 59 сельских советов. По данным НКВД, в 1922 г. в кантоне насчитывалось 42 836 жителей, в том числе татар – 31 614 (73,8%), русских – 6 346 (14,8%), марийцев – 3 626 (8,46%), удмуртов – 1 250 (2,9%). В среднем на одну волость приходилось 8 567 жителей, 1 792 хозяйства, 13 селений и 23 500 десятин территории, среднее расстояние до ВИК составляло 7,8 версты [7].

При разработке проекта его составителям пришлось столкнуться с труднопреодолимым фактором: конфигурация территории кантона, будучи небольшой по площади, имела форму неширокой, причудливо-извилистой подковообразной дуги. Это обстоятельство при укрупнении существующих волостей неизбежно приводило к отдалению волостного центра от периферийных селений, что создавало сложности как для населения, так и для управленческого аппарата [8].

Для минимизации негативных моментов комиссией административных единиц для Старо-Чекалдинской волости было подготовлено два варианта: с сохранением кантонной границы и с изменением её.

Первый вариант, предусматривающий присоединение Старо-Чекалдинской волости к Красноборской волости Елабужского кантона, казался разработчикам наиболее предпочтительным и фигурировал в качестве основного в проекте, направленном на рассмотрение в Агрызский кантон.

Второй вариант предусматривал включение Старо-Чекалдинской волости в состав Исенбаевской волости с одновременным переносом нынешнего волостного центра из села Сляково в татарское село Исенбаево (географический центр), где располагались медицинский пункт, почта и базар. При этом укрупненная волость имела бы следующие количественные показатели: жителей – 16 445 человек, в том числе татар – 9 084 (59,6%), марийцев – 3 626 (22%), русских – 3 015 (18,3%); населенных пунктов – 21, хозяйств – 3 622; среднее расстояние до волисполкома – 11,9 версты, предельный радиус – 22 версты [9].

Остальные волости кантона планировалось распределить меж двух волостей, обе с преобладанием татарского населения, которые вследствие обозначенных выше обстоятельств сильно различались между собой: в одной – менее 10 000, а в другой – более 23 000 человек.

По проекту Омгинская волость включала в себя Сарсак-Омгинскую, Кучуковскую и Агрызскую (за исключением г. Агрыз) волости. В ней насчитывалось: населения – 23 329 человек, в том

числе татар – 18 748 (80,3%), русских – 3 331 (14,2%), удмуртов – 1 250 (5,3%); 4 668 хозяйств, 43 населенных пункта; среднее расстояние до ВИК составляло 13 верст, а предельный радиус – 26 верст. Исенбаевская волость сохранялась в существующем виде с количеством: населения – 9 804 человека (татар 100%), хозяйств – 2 291, населенных пунктов – девять; среднее расстояние до ВИК составляло семь верст, а предельный волостной радиус – 18 верст [10].

Центры планируемых волостей проектировщики сочли целесообразным сохранить в населенных пунктах, уже являющихся волостными центрами, имеющими удобное расположение по отношению к другим селениям, культурные учреждения и готовый административный аппарат [11]. Волостной центр Исенбаевской волости планировалось оставить в татарском селе Сляково с количеством населения 1 618 человек, в котором располагались: волостной исполком, медицинский пункт, почта, телеграф, библиотека, базар и потребительское общество. Центр Омгинской волости предполагалось сохранить в русско-удмуртском селе Сарсак-Омга с количеством населения 1 007 человек, в котором находились волостной исполком, медицинский, ветеринарный и агрономический пункты, телефон, телеграф, потребительское общество и народный дом. В качестве альтернативного варианта допускался перенос волостного центра Омгинской волости в татарское село Терси (волостной центр до 1897 г.) с населением 1 333 человека. Преимуществами этого варианта были лучшее географическое положение и национальный состав жителей, что для волости с преобладанием татарского населения было желательно [12].

Кроме того, поскольку при создании кантона в 1921 г. Агрыз был преобразован ТатЦИКом в город, он переводился разработчиками из состава волостей в самостоятельную административно-территориальную единицу.

По завершении проектирования предварительный план был направлен в Агрызский кантон на рассмотрение, которое состоялось 11 января 1924 г. На нем кантонный исполнительный комитет высказался против изменения существующей межкантонной границы, одоблив слияние Исенбаевской и Старо-Чекалдинской волостей с установлением волостного центра в селе Исенбаево, также КИК не возражал против объединения Сарсак-Омгинской, Агрызской и Кучуковской волостей, но центр будущей Омгинской волости счел необходимым перенести в село Терси [13].

Таким образом, и будущее административное месторасположение Старо-Чекалдинской волости, и размещение обоих волостных центров были одобрены в кантоне по альтернативному варианту.

Но уже через три дня, 14 января, Агрызский КИК пересмотрел свое решение и согласился с основным вариантом плана по размещению волостных центров в селах Сарсак-Омга и Сляково. Позиция КИК по сохранению кантонной границы осталась неизменной [14].

После получения результатов рассмотрения из Агрыза первоначальный вариант был скорректирован.

10 февраля состоялось заседание Президиума комиссии административных единиц ТАССР, на котором был одобрен окончательный вариант проекта:

- слияние Исенбаевской и Старо-Чекалдинской волостей с сохранением межкантонной границы и с переносом ее центра в село Исенбаево (поскольку село Сляково лишалось географического преимущества);
- утверждение Омгинской волости с центром в селе Сарсак-Омга;
- выделение города Агрыз в самостоятельную административную единицу, подчиненную КИК [15].

Теперь кантон должен был состоять из двух волостей: Исенбаевская и Омгинская; в среднем на каждую приходилось: 58 750 десятин территории, 19 887 жителей, 32 населенных пункта, 4 145 хозяйств; среднее расстояние до ВИК – 12,5 версты [16].

Данные решения были подтверждены 1 марта на Пленуме комиссии административных единиц.

4 марта Президиум ТатЦИК, утверждая окончательный вариант проекта, согласился с лишь временным размещением центра Омгинской волости в селе Сарсак-Омга, рассчитывая в дальнейшем перенести его в «татарский центр» – село Терси [17].

Таким образом, подготовленный проект предусматривал сокращение количества волостей в кантоне с пяти до двух, что позволило увеличить средневолостные показатели более чем в два раза и должно было способствовать сокращению административных расходов и улучшению экономического положения волостей за счет увеличения их налогооблагаемой базы. Дорогостоящий же перенос обоих волостных центров, санкционированный ЦИК ТАССР, должен был содействовать разрешению сразу двух задач. Первая заключалась в потребности создания необходимых предпосылок для успешного введения татарского языка в делопроизводство на волостном уровне.

не; вторая – в корректировке их географического расположения, поскольку расширение волостных радиусов повлияло не только на конфигурацию самих волостей, но и повлекло неизбежное отдаление окраинных селений от прежних волостных центров.

Примечания и список литературы

1. Культурное строительство в Татарии, 1917–1941 гг.: документы и материалы. Казань : Татар. кн. изд-во, 1971. С. 169.
2. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р – 732. Оп. 1. Д. 566. Л. 120.
3. Там же. Д. 308. Л. 2 об.
4. Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года : стенографический отчет. М. : Политиздат, 1968. С. 698.
5. НАРТ. Ф. Р – 732. Оп. 1. Д. 550. Л. 1.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р – 5677. Оп. 4. Д. 381. Л. 1.
7. Подготовлено автором по: НАРТ. Ф. Р – 732. Оп. 1. Д. 550. Л. 8; Там же. Д. 548. Л. 306–307.
8. НАРТ. Ф. Р – 732. Оп. 1. Д. 550. Л. 1.
9. Там же. Л. 7.
10. Там же. Л. 1–1 об.
11. Там же. Л. 1.
12. Там же. Л. 7 об.
13. Там же. Л. 4.
14. Там же. Л. 3.
15. Там же. Л. 6.
16. Там же. Л. 8.
17. Там же. Л. 10.

Notes and References

1. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Tatarii, 1917–1941 gg.: dokumenty i materialy* – Cultural construction in Tatarstan, 1917–1941: documents and materials. Kazan. Tatar book publishing house. 1971. P. 169.
2. The national archives of the Republic of Tatarstan (hereinafter – Nat. Arch. RT). F. P – 732. Inv. 1. File. 566. Sh. 120.
3. Ibid. File. 308. Sh. 2 turn.
4. *Dvenadcatyj s"ezd RKP(b) 17–25 aprelya 1923 goda : stenograficheskiy otchet* – The twelfth Congress of the RCP(b) of 17–25 April 1923: transcript. M. Politizdat. 1968. P. 698.
5. Nat. Arch. RT. F. P– 732. Inv. 1. File. 550. Sh. 1.
6. State archives of the Russian Federation. F. P– 5677. Inv. 4. File. 381. Sh. 1.
7. Prepared by the author on: Nat. Arch. RT. F. P– 732. Inv. 1. File. 550. Sh. 8; Ibid. File. 548. Sh. 306–307.
8. Nat. Arch. RT. F. P– 732. Inv. 1. File. 550. Sh. 1.
9. Ibid. Sh. 7.
10. Ibid. Sh. 1–1 turn.
11. Ibid. Sh. 1.
12. Ibid. Sh. 7 turn.
13. Ibid. Sh. 4.
14. Ibid. Sh. 3.
15. Ibid. Sh. 6.
16. Ibid. Sh. 8.
17. Ibid. Sh. 10.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(4)"1951/1954"

Советско-греческие отношения в 1951–1954 гг.: от конфронтации к нормализации*

Калинин А. А.

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук,
Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: lelse@yandex.ru, usr11328@vyatsu.ru.

Аннотация: В статье на новом архивном материале исследуется трансформация советско-греческих отношений от пика конфронтации в 1951–1952 гг. до нормализации после смерти И. В. Сталина. Также раскрывается отношение США к этому процессу. Автор опирается на материалы отечественных архивов (Архива внешней политики РФ, Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива экономики) и Национального архива США. Выбор нижней хронологической рамки статьи определяется согласованием западными державами решения направить приглашение Греции вступить в НАТО, которое было негативно воспринято в Москве. Статья завершается анализом процесса восстановления дипломатических, экономических и культурных связей Греции и Советского Союза в 1953–1954 гг. Автор исследует реакцию Москвы на активизацию американского военного строительства в Греции.

Ключевые слова: советская внешняя политика, холодная война, Греция, дипломатические отношения, экономические отношения, культурные связи.

Greek Soviet relations in 1951–1954: from confrontation to normalization

Kalinin A. A.

candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of General history
and political science, Vyatka state University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: lelse@yandex.ru, usr11328@vyatsu.ru.

Abstract: The article is based on recent archival findings that throw a new light on the transformation of Soviet-Greek relations from the peak of confrontation in 1951–1952 to normalize after Joseph Stalin's death. Also reveals the U. S. attitude to this process. The author relies on materials of the Russian archives (Foreign Policy Archive of the Russian Federation, State Archive of the Russian Federation, Russian State Archive of Socio-Political History, and Russian State Archive of the Economy) and the U. S. National Archives and Records Administration. The choice of the lower chronological framework of the article is determined by the agreement of the Western powers decision of Greece join NATO in 1951, which was negatively perceived in Moscow. The choice of the lower chronological framework of the article is determined by the agreement of the Western powers decision to extend an invitation to Greece to join NATO, which was perceived negatively in Moscow. The article concludes with an analysis of the process of restoration of diplomatic, economic, and cultural ties between Greece and the Soviet Union in 1953–1954. The author examines Moscow's reaction to the intensification of American military construction in Greece.

Keywords: Soviet foreign policy, cold war, Greece, diplomatic relations, economic relations, cultural ties.

История взаимоотношений России и Греции насчитывает не одно столетие. Российская империя оказала неоценимую помощь грекам в борьбе за национальную независимость. В настоящее время две страны объединяет не только духовная общность, но и успешно развивающиеся политические, экономические и гуманитарно-культурные связи. Греция является одним из наиболее близких партнеров России среди стран Европейского Союза. По результатам социологического опроса неправительственного исследовательского центра Pew Research Center (г. Вашингтон, США), проведенного в феврале – мае 2017 г., в Греции среди всех стран Евросоюза отмечается наиболее позитивное отношение к России (64% опрошенных греков относятся к России доброжелательно) [1].

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-50066.

© Калинин А. А., 2017

Хронологический отрезок с 1947 по 1953 г. стал последним периодом острого конфликта в отношениях двух государств, но уже в 1953–1954 гг. экономические и культурные отношения СССР и Греции были восстановлены и с тех пор непрерывно развиваются вплоть до настоящего времени. При этом избранная тема остается слабо изученной. До сих пор не введены в научный оборот материалы ведущих российских архивов по советско-греческим отношениям в данный период. Отдельные аспекты темы затрагиваются в работах Ар. А. Улуныяна [2] и А. А. Калинина [3].

В начале 1950-х гг. советско-греческие отношения находились в «замороженном» состоянии. С 1947 г. между двумя странами отсутствовали дипломатические отношения на уровне послов. Оставшиеся в Афинах советские дипломаты во главе с временным поверенным в делах Н. П. Чернышевым не проявляли активности. В то же время нет никаких свидетельств тому, что Советский Союз вынашивал планы организации нападения на Грецию или возобновления гражданской войны.

Советские усилия повлиять на политику греческих властей с помощью Организации Объединенных Наций не имели успеха. Подавляющее большинство стран – членов ООН отвергали советские претензии к официальным Афинам. В связи с обращением к Сталину делегации матерей приговоренных к смертной казни трех тысяч греческих патриотов Политбюро ЦК ВКП(б) своим постановлением от 10 февраля 1951 г. предписало постоянному представителю СССР при ООН Я. А. Малику направить секретариату Организации письмо с требованием «принять соответствующие меры» для спасения жизни приговоренных к смертной казни трех тысяч «греческих патриотов» [4]. Однако это [5] и последующие обращения к ООН не имели последствий. Попытки советской делегации включить вопрос об отмене смертных приговоров, вынесенных греческими судами, в повестку дня на VI Сессии Генеральной Ассамблеи также не увенчались успехом [6].

Советский Союз также продолжал вести информационную войну против Афин. Заголовки передач советского иновещания на греческом языке показывают накал пропагандистской кампании против американцев и греческих властей: «Американские империалисты превращают Грецию в плацдарм агрессии на Балканах», «Монархо-фашисты раздувают военный психоз в Греции», «Вступление Греции в Североатлантический блок несет серьезную угрозу ее национальному существованию» [7].

С начала 1951 г. греческое правительство также все более настойчиво ставило вопрос о включении страны в НАТО или другой подобный военно-политический блок. Администрацию Г. Трумэна заботила также советская реакция на включение двух стран в НАТО, тем более что Турция граничила с СССР. Американское посольство в СССР придерживалось мнения, что на включение Греции и Турции в Альянс Москва отреагирует главным образом новыми пропагандистскими выпадами, изображая этот шаг как доказательство агрессивности НАТО [8]. Специальную оценку возможной советской реакции подготовило ЦРУ. Американское разведывательное сообщество пришло к выводу, что вступление в НАТО Греции и Турции вряд ли приблизит большую войну. Кремль будет реагировать усилением психологической войны, различными актами политического и экономического давления на страны за пределами советской сферы влияния, новыми демаршами в ООН и словесными угрозами [9]. На 7-й сессии Совета НАТО (15–20 сентября 1951 г.) в Оттаве было решено пригласить Грецию и Турцию присоединиться к Североатлантическому договору.

В целом оценки ЦРУ оказались верны: СССР отреагировал новой пропагандистской кампанией. Отдел Балканских стран обращал внимание руководства МИД СССР в феврале 1952 г. на факт ускоренного превращения Греции в военный плацдарм США. Отдел предлагал опубликовать в советской печати новую статью, «разоблачающую деятельность американцев и греческих монархо-фашистов по превращению Греции в военный плацдарм и угрозу миру на Балканах» [10].

В политическом отчете посольства СССР в США за 1952 г. говорилось, что «присоединение Турции и Греции к Атлантическому блоку означало стремление американского правительства использовать территорию этих стран для создания у границ Советского Союза и стран народной демократии нового военного плацдарма в агрессивных целях». Также отмечалось, что США «сколачивают агрессивную группировку на Балканах», форсируя создание «военного треугольника», или «балканской Антанты», с целью координации военных планов титовской Югославии, Турции и Греции. Вашингтону приписывались планы «отторжения стран народной демократии, прежде всего Албании и Болгарии, от лагеря социализма» [11].

Смерть И. В. Сталина 5 марта 1953 г. стала рубежом в советской политике в отношении Греции. Смена власти в Кремле привела к корректировке всей советской внешней политики. СССР постарался отойти от конфронтационного курса и развернул дипломатическое «мирное наступление» на международной арене. Уже весной 1953 г. наметилось заметное «потепление» советско-греческих отношений, что сказалось и на отношениях Афин с другими странами народной демократии. Первые признаки изменения советской позиции проявились почти сразу же после

смерти вождя. 25 марта 1953 г. впервые за много лет празднование Дня независимости в греческом посольстве в Москве посетили высокопоставленные представители МИД СССР [12]. В течение апреля – июня 1953 г. была перестроена советская пропаганда на Грецию: оскорбительные выпады постепенно исчезли, акцент был перенесен на демонстрацию негативного влияния американцев на развитие страны [13]. Новому корреспонденту ТАСС в Греции К. Т. Здорьеву Москва дала указание «избегать в информации резких эпитетов по адресу руководящих деятелей Греции» [14].

Изменение советской политики греческое руководство восприняло с большой остороженностью. 2 апреля министр иностранных дел Греции Ст. Стефанопулос отметил «бесспорные изменения» советской политики. Он добавил, что Греция будет ожидать «конкретных действий, которые могли бы доказать искренность миролюбивых намерений правителей Советского Союза» [15].

Летом 1953 г. новый советский курс принес первые плоды. В июне Болгария сообщила Греции, что она принимает ее предложение создать смешанную комиссию по определению греко-болгарской границы и урегулированию пограничных проблем между двумя странами [16]. Комиссии удалось разрешить спорные вопросы о границе по реке Эврос (болгарское название – Марица). Заключительный протокол комиссии, подписанный в Салониках 30 декабря, установил новую постоянную пограничную линию посередине реки Эврос [17]. Предложение Албании о создании смешанной комиссии не было принято греческой стороной [18]. Афины по-прежнему считали неурегулированным вопрос о прекращении состояния войны с Албанией, и поэтому контакты относительно пограничных столбов должны были установить генеральные штабы двух стран, с чем албанцы не согласились [19].

Дипломатические отношения Греции с большинством стран Восточной Европы отсутствовали. Стефанопулос заверял Сергеевну в готовности урегулировать отношения с социалистическими странами [20]. 8 сентября председатель Совета министров Болгарии В. Червенков заявил о желании болгарского правительства урегулировать разногласия с Грецией [21]. Болгария через ООН обратилась к Греции с предложением восстановить дипломатические отношения между двумя странами [22]. Греческое правительство согласилось на такой шаг, но при условии уплаты Болгарией репараций, причитающихся Греции по мирному договору 1947 г. [23] В октябре с аналогичным предложением к Афинам обратилось румынское правительство. Греция сразу же согласилась нормализовать торговые отношения с Румынией и запустить процесс восстановления дипломатических отношений [24]. В марте 1954 г. Чехословакия после многолетнего перерыва направила своего посланника в Афины [25]. 22 мая в Париже была подписана Декларация о восстановлении дипломатических отношений между Грецией и Болгарией [26].

Восстанавливались экономические отношения Греции со странами народной демократии. 1 июня 1953 г. было подписано соглашение между Венгрией и Грецией, возобновившее торговые отношения, прерванные во время гражданской войны. Предусматривался обмен товарами на общую сумму 4,5 млн долл. за 12 месяцев (Греция поставляла Венгрии табак и хлопок и получала продовольствие и промышленные товары) [27]. Начались торговые переговоры Греции с ГДР, Чехословакией и Болгарией [28]. В декабре 1953 г. были подписаны торговые соглашения Греции с Болгарией и ГДР. Соглашение с ГДР предусматривало торговый обмен между обеими странами на сумму приблизительно 14 млн долл. (Греция поставляла сельскохозяйственные продукты в обмен на продукцию промышленности). В то же время развитию торговых отношений с Восточной Германией мешали политические препятствия: Греция как страна НАТО официально признавала только ФРГ, и потому греческие власти не дали согласия на открытие торгового представительства ГДР в Афинах [29]. Греко-чехословацкое торговое соглашение после продолжительных переговоров было подписано в феврале 1954 г. [30]

В конце мая 1953 г. в Афинах начались советско-греческие торговые переговоры. 28 июля между СССР и Грецией впервые после Второй мировой войны было заключено соглашение о товарообороте и платежах, которое автоматически продлевалось каждый год. По этому соглашению в течение года страны планировали обменяться товарами на сумму 10 млн долл. с каждой стороны. Предполагалось ежегодно поставлять из СССР нефтепродукты, пиломатериалы и антрацит. Греция экспортировала продукты сельского хозяйства: табак, хлопок, рис и лавровый лист [31]. Греческие чиновники давали понять, что Греция очень заинтересована в развитии торговых отношений с СССР. Конкуренция со стороны советских товаров на греческом рынке могла привести к некоторому снижению цен на продукцию западных стран [32]. Особое значение для деловых кругов Греции имели закупки Советским Союзом греческого табака в связи с трудностями его сбыта в Европе из-за конкуренции со стороны американских табаководов.

В июле советское правительство обратилось к греческой стороне с просьбой дать агреман на назначение советского посла в Афины. Греческий король дал на это согласие. На заседании Верховного Совета СССР 9 августа новый председатель Совета Министров Г. М. Маленков указал, что Совет-

ский Союз проявил инициативу в деле обмена после длительного перерыва послами с Грецией и Югославией. «Мы рассчитываем, – заявил Маленков, – что это приведет к соответствующей нормализации отношений с обеими странами и даст полезные результаты» [33]. Греческое правительство, в свою очередь, попросило дать согласие на назначение греческого посла в Москву.

Чрезвычайным и полномочным послом СССР в Греции 23 июля был назначен Михаил Григорьевич Сергеев [34]. 17 сентября он прибыл в Афины. Уже первые встречи Сергеева с министром иностранных дел Греции Стефанопулосом показали перспективы развития дипломатических и торговых отношений между двумя странами. Беседы двух дипломатов, отмечала газета «Катимерини», носили исключительно сердечный характер. Советский посол заявил о стремлении СССР к сотрудничеству с Грецией [35]. Стефанопулос, в свою очередь, выразил готовность греческого правительства развивать экономические и культурные связи с Советским Союзом. Он также заверил советского посла в желании Афин установить добрососедские отношения со странами народной демократии [36]. Состоялись встречи Сергеева с премьер-министром А. Папагосом и министром экономической координации Сп. Маркезинисом. Новый посол активно продвигал советские торговые предложения во время встреч с греческими чиновниками, а также предложил обсудить возможность передачи греческих судов в аренду Советскому Союзу [37]. Маркезинис и сменивший его в апреле 1954 г. на посту министра экономической координации Т. Капсалис подтвердили желание Греции развивать экономические связи с Советским Союзом [38]. Сергеев активно ездил по стране с целью знакомства с местными властями и общественно-политическими деятелями, экономикой и культурой регионов Греции. Так, в ноябре состоялась его поездка на остров Крит [39]. Советский посол также регулярно встречался с лидерами Единой демократической левой партии (ЭДА) – единственной греческой политической силой, стоящей на просоветских позициях.

Важным шагом в развитии советско-греческих экономических отношений стало участие СССР (впервые после 1927 г.) в Международной ярмарке в Салониках в сентябре 1954 г. Советская экспозиция занимала наибольшую выставочную площадь и стала самой популярной на ярмарке. Суммарное число посещений советского павильона достигло 1,5 млн (многие посещали его по два-три раза) [40].

По инициативе советской стороны возобновились культурные и научные обмены между двумя странами. Советский посол проинформировал Афины, что у греков, посещающих СССР, не будет никаких трудностей с визами. В ноябре 1953 г. греческая делегация из 11 человек посетила СССР. В кинопрокате Греции появились советские кинофильмы [41]. В мае 1954 г. состоялись первые гастроли советских артистов в Греции [42].

Возобновились встречи греческих дипломатических представителей в СССР с руководителями советского МИД [43]. 24 октября в Москву прибыл чрезвычайный и полномочный посол Греции в СССР Александрос Контумас [44]. Отношения между странами на уровне послов, прерванные по инициативе советской стороны в 1947 г., были восстановлены в полном объеме.

В американском посольстве в Афинах с тревогой отслеживали «решительные усилия» СССР, направленные на нормализацию отношений с Грецией. Новый советский посол сразу после прибытия проявлял недюжинную активность с целью наладить добрые отношения с греческими руководителями. Круг его встреч, как отмечали американцы, был шире обычных контактов дипломатического представителя. Так, Сергеев встречался с мэром Пирея, номархом (губернатором) Аттики, ректором Афинского университета. Целью новой «мягкой» тактики американские дипломаты считали укрепление международного положения Москвы и ослабление западного союза. В качестве одного из мотивов нового советского поведения виделось желание Кремля ослабить решимость греческого правительства поддерживать военные расходы на текущем очень высоком уровне. Не исключалось также, что увеличение численности советских дипломатов было связано с планами усилить разведывательную деятельность в Греции под дипломатическим прикрытием [45]. Греческие министры во время бесед с Сергеевым признавали, что американцы также обеспокоены возможным проникновением советских товаров на греческий рынок [46].

В то же время в отношениях между социалистическими странами и Грецией оставалось много нерешенных вопросов. После первых успешных шагов в деле нормализации советско-греческих отношений дальнейший их прогресс приостановился. Сохранялось глубокое недоверие греческого руководства в отношении советской политики. Так, в апреле 1954 г. Папагос предположил, что «твердое коммунистическое стремление к мировому господству иногда видоизменяется. Но меняется только тактика. Сегодня мы являемся свидетелями одного из проявлений этого видоизменения, вызванного, возможно, внутренними и внешними причинами... Наша обязанность не быть увлеченными маневрами нашего противника, а следовать ясной политике, усилить наше оборонительное вооружение и укрепить фронт демократии» [47].

Греческий МИД соблюдал осторожность в вопросе налаживания советско-греческих отношений, ссылаясь на неготовность к этому греческого общественного мнения [48]. Афины постоянно ставили вопрос о возвращении находящихся в СССР примерно 200 бывших греческих военнослужащих, плененных Демократической армией в годы гражданской войны и впоследствии вывезенных в СССР, называя его решение условием дальнейшего продвижения отношений двух стран. Однако положительное решение этого вопроса советской стороной задерживалось [49]. Цензурный комитет всячески тормозил продвижение советских фильмов на экраны греческих кинотеатров [50]. С большой задержкой и только после личного обращения Сергеева к министру обороны П. Канеллопулосу греческое правительство в 1954 г. дало согласие на приезд в Афины советского военно-морского атташе [51]. В здании советского посольства в Афинах и на вилле посла были обнаружены подслушивающие устройства, в связи с чем Сергеев заявил греческой стороне официальный протест. Стефанопулос отрицал причастность греческих властей к установке подслушивающего оборудования, предположив, что установить микрофоны могли американцы или англичане [52].

Торговый оборот между Грецией и СССР оставался значительно ниже довоенного уровня и по стоимости, и по объему. Если в 1938 г. ввоз товаров в Грецию из СССР и стран Восточной Европы достигал 23,2 млн долл. и покрывал 17,62% греческого импорта, а экспорт Греции в эти страны достигал 8,7 млн долл. и покрывал 9,6% греческого экспорта, то в 1954–1955 гг. было ввезено в Грецию товаров на сумму 9,5 млн долл. (доля в греческом импорте – 2,7%), экспорт из Греции составил 6 млн долл. (3,18%) [53].

Афины продолжили курс на углубление военного сотрудничества с Вашингтоном. 12 октября 1953 г. США и Греция подписали военное соглашение, разрешающее американцам использовать аэродромы и военно-морские базы в Греции. Соглашение разрешало использовать в военных целях греческие шоссе и железные дороги, получать земельные участки для строительства военных объектов, использовать имеющиеся военные объекты, вводить, размещать и содержать необходимый американский личный состав. Срок действия соглашения точно не был обозначен [54]. На греческих островах в Эгейском и Средиземном морях развернулось масштабное военное строительство. Американцы приступили к созданию сети аэродромов, способных принимать военные самолеты, в том числе бомбардировщики дальнего действия. Для размещения наиболее важной американской базы, призванной сдерживать СССР с юга, был выбран остров Крит [55].

На заключение этого соглашения Советский Союз отреагировал нотой 26 октября, в которой говорилось, что «вся территория Греции превращается в американскую базу... что ставит под угрозу мир на Балканском полуострове». В то же время Сергеев заверил греческий МИД, что эта нота является дипломатической формальностью и СССР по-прежнему стремится к дружественным отношениям с Грецией. В западных столицах также спокойно восприняли советский демарш, поскольку он напоминал аналогичные протесты, адресованные другим странам – членам НАТО [56]. Во время беседы с госсекретарем Дж. Ф. Даллесом глава греческой дипломатии Ст. Стефанопулос дал понять, что Афины не восприняли серьезно советскую ноту. Также греческий министр заверил американцев в решимости Греции поддерживать дружественные отношения со всеми странами НАТО и выразил уверенность, что если бы Североатлантического альянса не существовало, то СССР не обратился бы к политике «мирного наступления» [57].

10 ноября премьер-министр Греции Папагос передал Сергееву ответ на советскую ноту. Папагос охарактеризовал НАТО как «чисто оборонительную организацию», и предоставление греческой территории для создания американских военных баз, по его словам, «логически вытекает из участия Греции в Атлантическом союзе и является... мероприятием, не направленным против какой-либо другой страны». В то же время греческий премьер указал на угрозу Греции, исходящую от Болгарии, которая в нарушение положений мирного договора обладает «значительным численным превосходством в вооруженных силах и технике». Возражения СССР в ноте оценивались как необоснованные [58]. Новое советское руководство не пошло дальше формального осуждения подписанного соглашения, и процесс нормализации отношений Греции и стран народной демократии продолжился.

20 марта 1954 г. заместитель министра иностранных дел В. А. Зорин передал греческому послу новую ноту, в которой осуждалась активизация американского военного строительства в Греции. Началась милитаризация Додеканесских островов, что являлось нарушением мирного договора с Италией. Ранее СССР протестовал против американских баз в Турции и Голландии. Греческие власти в ответ «категорически отклонили изложенную точку зрения Советского правительства», вновь указав на оборонительный характер проводимых мероприятий. В греческой ноте говорилось, что «греко-американское соглашение о базах восстановило чувство безопасности, которое в последние годы было расшатано вмешательством извне» [59]. Стефанопулос во время беседы с Сергеевым 24 марта в очередной раз сослался на угрозу со стороны Болгарии,

«вооружение которой, особенно авиация, во много раз превышают военно-воздушные силы Греции». Греческий министр указал на нарушения Болгарией своих обязательств по мирному договору в части ограничения численности вооруженных сил [60].

Подведем итоги. К началу 1950-х гг. Советский Союз и многочисленные страны народной демократии оказались во внешнеполитической изоляции. Пришедшее к власти после смерти И. В. Сталина советское руководство осознавало, что внешняя политика страны зашла в тупик. «Разоблачительная» риторика Москвы в отношении греческих властей, попытки выставить их перед мировым общественным мнением как «монархо-фашистов» к 1953 г. полностью исчерпали себя, встречая непонимание подавляющего большинства стран мира, и лишь усиливали изоляцию самого Советского Союза. Чтобы укрепить международные позиции СССР, повысить его авторитет в международных организациях, найти развязки международных конфликтов, нормализовать отношения с рядом государств, в том числе с Грецией, требовалась выработка нового реалистичного внешнеполитического курса.

После марта 1953 г. советская политика на Балканах была скорректирована. СССР пошел на нормализацию отношений с Грецией, санкционировав аналогичные шаги со стороны других стран народной демократии. Пропагандистская кампания против греческого правительства, которая велась с 1945 г. и не принесла СССР каких-либо дивидендов, в 1953 г. была тихо свернута. Советско-греческие отношения показали заметный потенциал для дальнейшего развития.

В то же время в греческой политике Москвы сразу же проявилась двойственность: с одной стороны, советская сторона прилагала усилия по нормализации отношений с Грецией, но, с другой, оказывала дипломатическое давление на греческие власти, с тем чтобы не допустить дальнейшей милитаризации страны, представляющей военную угрозу не только балканским странам народной демократии, но и южным районам СССР. Также советские дипломаты открыто выражали симпатии по отношению к левым силам Греции.

Реакция американцев на советско-греческое урегулирование была ожидаемо настороженной. В условиях разгула маккартизма в Вашингтоне расценивали новую советскую политику как попытку усыпить бдительность западных правительств, более «мягкими» методами добиться усиления советского влияния в государствах за «железным занавесом», затормозить наращивание военного потенциала стран – членов НАТО.

Примечания и список литературы

1. Vice M. Publics Worldwide Unfavorable Toward Putin, Russia. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/08/16/publics-worldwide-unfavorable-toward-putin-russia/>
2. Улунян Ар. А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001; Улунян Ар. А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории: КПГ в Национальном Сопроотивлении, Гражданской и «холодной» войнах 1941–1956. М., 1994; Ulunian A. A. Soviet Cold War Perceptions of Turkey and Greece, 1945–1958 // Cold War History. Vol. 3. № 2 (Jan., 2003). P. 35–52.
3. Калинин А. А. Политика США и СССР в отношении Греции в 1949–1953 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4(1). С. 68–83; Калинин А. А. Греческий кризис в контексте советско-американского соперничества на Балканах (1945–1953 гг.) // Россия и Соединённые Штаты: история отношений : сб. науч. ст. / под ред. В. Т. Юнгблюда. Киров, 2012. С. 205–222; Калинин А. А. Греция в советской политике в период «апогея» холодной войны (1949–1953 гг.) // Ярославский педагогический вестник. Т. I. Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 94–99; Калинин А. А. Урегулирование советско-греческих отношений в 1953–1954 гг. // Advanced science. 2017. № 2. URL: [http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/2\(2017\)/Гуманитарные/kalinin-k-pechati-ispr.pdf](http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/2(2017)/Гуманитарные/kalinin-k-pechati-ispr.pdf)
4. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1576. Л. 131.
5. Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 12596. Л. 147.
6. United Nations. Yearbook of the United Nations, 1951. N. Y., 1952. P. 327.
7. ГАРФ. Ф. Р-6903. Оп. 24. Д. 28. Л. 66–68, 130–132, 218–220.
8. FRUS. 1951. Vol. 3. Part 1. P. 526–528.
9. United States. Central Intelligence Agency. Special Estimate. Probable Soviet Reaction to the Inclusion of Greece and Turkey in Western Defense Agreements, 15 June 1951. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000269264.pdf
10. Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 084. Оп. 40. П. 151. Д. 21. Л. 1–2.
11. Советско-американские отношения 1949–1952. М., 2006. С. 659–661.
12. W. Porter to Mr. Richards. Office Memorandum. Progress of the “Peace Offensive” with Respect to Greece. Washington, D. C. October 16, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 2947. 661. 81/10-1653.
13. Это показывает анализ программ передач Отдела вещания на Югославию и Грецию Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. См.: ГАРФ. Ф. Р-6903. Оп. 25. Д. 211, 212.

14. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 38. Д. 511. Л. 52.
15. Там же. Оп. 27. Д. 14474. Л. 57.
16. АВП РФ. Ф. 595-6. Оп. 1. П. 137. Д. 306. Л. 125, 126; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14475. Л. 99, 100, 102; United Nations. Yearbook of the United Nations, 1953. N. Y., 1954. P. 248.
17. АВП РФ. Ф. 595-6. Оп. 1. П. 137. Д. 306. Л. 280; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14476. Л. 88, 92, 115, 176; Д. 14477. Л. 113, 247-249; Д. 15352. Л. 15.
18. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14477. Л. 135-136; Д. 15352. Л. 36.
19. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 34.
20. Там же. Л. 206-207.
21. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14476. Л. 142; Даскалов Г. България и Гърция: от разрыв към помирение 1944-1964. София, 2004. С. 229.
22. АВП РФ. Ф. 595-6. Оп. 1. П. 137. Д. 306. Л. 296; Д. 307. Л. 52; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14476. Л. 153-155, 161, 163, 192, 194; W. Porter to Mr. Richards. Office Memorandum. Progress of the "Peace Offensive" with Respect to Greece. Washington, D. C. October 16, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/10-1653; Даскалов Г. Цит. соч. С. 229-230.
23. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 41а. П. 159а. Д. 1. Л. 45.
24. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14477. Л. 28, 32, 33.
25. Там же. Д. 15352. Л. 193.
26. Там же. Д. 15353. Л. 148, 152; Даскалов Г. Цит. соч. С. 245.
27. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14475. Л. 5, 8.
28. Там же. Д. 14476. Л. 128.
29. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 41а. П. 159а. Д. 1. Л. 62-63; Оп. 42. П. 156. Д. 8. Л. 4, 5.
30. Там же. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 49, 50.
31. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 13. Д. 7185. Л. 2-6; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14475. Л. 265-266; АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 137. Д. 306. Л. 231, 234; Правда. 1953. 30 июля. С. 4.
32. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 245.
33. Правда. 1953. 9 авг. С. 3.
34. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14475. Л. 244, 246, 250, 251.
35. Там же. Д. 14476. Л. 173, 176, 182-183.
36. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 41а. П. 159а. Д. 1. Л. 47; Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 31, 34.
37. N. Anschuetz (First Secretary of U. S. Embassy in Greece) to Department of State. Office Memorandum. Efforts of Soviet Union to Improve Relations with Greece. Athens, Greece. November 2, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/11-253; АВП РФ. Ф. 084. Оп. 41а. П. 159а. Д. 1. Л. 6, 7.
38. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 166-168.
39. Там же. Оп. 41а. П. 159а. Д. 1. Л. 22-24.
40. Там же. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 13-16, 19-21, 31; Д. 8. Л. 57, 74, 169; Оп. 44. П. 160. Д. 10. Л. 5. Американские СМИ считали цели советского участия в ярмарке пропагандистскими (ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15354. Л. 241).
41. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 42. П. 157. Д. 13. Л. 7; Оп. 44. П. 159. Д. 4. Л. 19; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14477. Л. 42, 73, 103; N. Anschuetz (First Secretary of U. S. Embassy in Greece) to Department of State. Office Memorandum. Efforts of Soviet Union to Improve Relations with Greece. Athens, Greece. November 2, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/11-253; N. Anschuetz (First Secretary of U. S. Embassy in Greece) to Department of State. Prologue to a Journey to Moscow. Athens, Greece. November 5, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/11-553.
42. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15353. Л. 84-86.
43. Ch. Bohlen (U. S. Ambassador to USSR) to the Secretary of State. Moscow. September 4, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81241/9-453.
44. Правда. 1953. 25 окт. С. 6. Контумас был назначен послом в СССР в августе 1953 г. (АВП РФ. Ф. 084. Оп. 44. П. 160. Д. 10. Л. 9).
45. W. Porter to Mr. Richards. Office Memorandum. Progress of the "Peace Offensive" with Respect to Greece. Washington, D. C. October 16, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/10-1653; N. Anschuetz (First Secretary of U. S. Embassy in Greece) to Department of State. Office Memorandum. Efforts of Soviet Union to Improve Relations with Greece. Athens, Greece. November 2, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/11-253; встречи советского посла: АВП РФ. Ф. 084. Оп. 36. П. 39. Д. 1. Л. 8-11; Ф. 084. Оп. 41а. П. 159а. Д. 1. Л. 1-2.
46. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 41а. П. 159а. Д. 1. Л. 21.
47. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15353. Л. 20.
48. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 81.
49. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 87, 89; Оп. 44. П. 160. Д. 10. Л. 6, 7, 10, 11.
50. Там же. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 100, 101.
51. Там же. Д. 8. Л. 26; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15354. Л. 249.
52. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 44. П. 159. Д. 4. Л. 52, 56, 57; П. 160. Д. 10. Л. 13.
53. Там же. П. 160. Д. 10. Л. 35.
54. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14477. Л. 9-14; FRUS. 1952-1954. Vol. 8. P. 852; United States Use of Defense Facilities: Agreement between the United States and the Kingdom of Greece, October 12, 1953. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/gree001.asp

55. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 12598. Л. 26, 27, 54, 55; Д. 15352. Л. 115, 186.
56. Правда. 1953. 27 окт. С. 2; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14477. Л. 67-70, 79.
57. Memorandum of Conversation. Call of Greek Foreign Minister on the Secretary. Participants: S. Stefanopoulos (Greek Foreign Minister), J. Kalergis (Minister Counselor, Greek Embassy), J. F. Dulles (Secretary of State), W. Baxter (Office of Greek, Turkish and Iranian Affairs, Department of State). Washington, DC. October 30, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2849. 611. 81/10-3053. P. 3-4.
58. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 41а. П. 159а. Д. 1. Л. 8-12.
59. Правда. 1954. 22 марта. С. 2; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15352. Л. 200-204, 221; Д. 15353. Л. 32-33.
60. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 135-136.

Notes and References

1. Vice M. Publics Worldwide Unfavorable Toward Putin, Russia. Available at: <http://www.pewglobal.org/2017/08/16/publics-worldwide-unfavorable-toward-putin-russia/>.
2. Ulunyan Ar. A. *Balkany: goryachij mir holodnoj vojny. Greciya i Turciya mezhdru Zapadom i Vostokom. 1945-1960 gg.* [The Balkans: hot peace of cold war. Greece and Turkey between West and East. 1945-1960]. M. 2001; *Ulunyan Ar. A. Kommunisticheskaya partiya Grecii. Aktual'nye voprosy ideologii, politiki i vnutrennej istorii: KPG v Nacional'nom Soprotivlenii, Grazhdanskoj i «holodnoj» vojnah 1941-1956* [The Communist party of Greece. Current issues of ideology, politics and inner history: the KKE in the National Resistance, the Civil and cold war 1941-1956]. M. 1994; *Ulunyan Ar. A. Soviet Cold War Perceptions of Turkey and Greece, 1945-1958 // Cold War History. Vol. 3. № 2 (Jan., 2003). P. 35-52.*
3. *Kalinin A. A. Politika SSHA i SSSR v otnoshenii Grecii v 1949-1953 gg.* [Policy of the United States and the Soviet Union in Greece from 1949 to 1953] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State Humanities University. 2011, No. 4(1), pp. 68-83; Kalinin A. A. Grecheskij krizis v kontekste sovetско-amerikanskogo sopernichestva na Balkanah (1945-1953 gg.)* [The Greek crisis in the context of Soviet American rivalry in the Balkans (1945-1953)] // *Rossiya i Soedinyonnye Shtaty: istoriya otnoshenij: sb. nauch. st. – Russia and the United States: history: collection of scientific works / under the editorship of V. T. Jungblud. Kirov. 2012. Pp. 205-222; Kalinin A. A. Greciya v sovetской politike v period «apogeya» holodnoj vojny (1949-1953 gg.)* [Greece in the Soviet policy during the "climax" of the cold war (1949-1953)] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. T. I. Gumanitarnye nauki – Yaroslavl Pedagogical Herald. Vol. I. Humanities. 2012, No. 4, pp. 94-99; Kalinin A. A. Uregulirovanie sovetско-grecheskih otnoshenij v 1953-1954 gg.* [The settlement of the Greek Soviet relations in 1953-1954] // *Advanced science. 2017, No. 2. [http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/2\(2017\)/Гуманитарные/kalinin-k-pechati-ispr.pdf](http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/2(2017)/Гуманитарные/kalinin-k-pechati-ispr.pdf)*
4. Russian state archive of socio-political history (hereinafter RGASPI). F. 17. Inv. 163. File 1576. Sh. 131.
5. State archive of the Russian Federation (hereinafter – SARF). F. P-4459. Inv. 27. File 12596. Sh. 147.
6. United Nations. Yearbook of the United Nations. 1951. N. Y., 1952. P. 327.
7. SARF. F. R 6903. Inv. 24. File 28. Sh. 66-68, 130-132, 218-220.
8. FRUS. 1951. Vol. 3. Part 1. P. 526-528.
9. United States. Central Intelligence Agency. Special Estimate. Probable Soviet Reaction to the Inclusion of Greece and Turkey in Western Defense Agreements, 15 June 1951. Available at: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000269264.pdf
10. The foreign policy archive of the Russian Federation (hereinafter AFP RF). F. 084. Inv. 40. P. 151. File 21. Sh. 1-2.
11. *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya 1949-1952 – Soviet American relations, 1949-1952. M. 2006. Pp. 659-661.*
12. *W. Porter to Mr. Richards.* Office Memorandum. Progress of the "Peace Offensive" with Respect to Greece. Washington, D. C. October 16, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/10-1653.
13. It is shown by the analysis of programm shedule of Broadcasting Department to Yugoslavia and Greece of the Committee of broadcasting and television of the Council of Ministers of the USSR. See: SARF. F. P-6903. Inv. 25. File 211, 212.
14. SARF. F. P-4459. Inv. 38. File 511. Sh. 52.
15. Ibid. Inv. 27. File 14474. Sh. 57.
16. AFP RF. F. 595 b. Inv. 1. P. 137. File 306. Sh. 125, 126; SARF Ф. Р-4459. Inv. 27. File 14475. Sh. 99, 100, 102; United Nations. Yearbook of the United Nations, 1953. N. Y. 1954. P. 248.
17. AFP RF. F. 595 b. Inv. 1. P. 137. File 306. Sh. 280; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14476. Sh. 88, 92, 115, 176; File 14477. Sh. 113, 247-249; File 15352. Sh. 15.
18. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14477. Sh. 135-136; File 15352. Sh. 36.
19. AFP RF. F. 084. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 34.
20. Ibid. Sh. 206-207.
21. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14476. Sh. 142; Daskalov G. *България и Гърция: от разрив към помирение 1944-1964.* Sofia. 2004. P. 229.
22. AFP RF. F. 595 b. Inv. 1. P. 137. File 306. Sh. 296; File 307. Sh. 52; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14476. Sh. 153-155, 161, 163, 192, 194; *W. Porter to Mr. Richards.* Office Memorandum. Progress of the "Peace Offensive" with Respect to Greece. Washington, D. C. October 16, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/10-1653; Daskalov G. *Cit. work.* Pp. 229-230.

23. AFP RF. F. 084. Inv. 41A. P. 159a. File 1. Sh. 45.
24. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14477. Sh. 28, 32, 33.
25. Ibid. File 15352. Sh. 193.
26. Ibid. File 15353. Sh. 148, 152; *Daskalov G.* Cit. work. P. 245.
27. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14475. Sh. 5, 8.
28. Ibid. File 14476. Sh. 128.
29. AFP RF. F. 084. Inv. 41A. P. 159a. File 1. Sh. 62-63; Inv. 42. P. 156. File 8. Sh. 4, 5.
30. Ibid. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 49, 50.
31. Russian state archive of economy. F. 413. Inv. 13. File 7185. Sh. 2-6; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14475. Sh. 265-266; AFP RF. F. 595. Inv. 1. P. 137. File 306. Sh. 231, 234; Truth. 1953. July 30. P. 4.
32. AFP RF. F. 084. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 245.
33. Truth. 1953. 9 Aug. P. 3.
34. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14475. Sh. 244, 246, 250, 251.
35. Ibid. File 14476. Sh. 173, 176, 182-183.
36. AFP RF. F. 084. Inv. 41A. P. 159a. Fiel 1. Sh. 47; Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 31, 34.
37. N. Anschuetz (First Secretary of U. S. Embassy in Greece) to Department of State. Office Memorandum. Efforts of Soviet Union to Improve Relations with Greece. Athens, Greece. November 2, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/11-253; AFP RF. F. 084. Inv. 41A. P. 159a. File 1. Sh. 6, 7.
38. AFP RF. F. 084. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 166-168.
39. Ibid. Inv. 41A. P. 159a. File 1. Sh. 22-24.
40. Ibid. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 13-16, 19-21, 31; 8. Sh. 57, 74, 169; Inv. 44. P. 160. File 10. Sh. 5. The American media believed the goals of the Soviet participation in the fair were propaganda (SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 15354. Sh. 241).
41. AFP RF. F. 084. Inv. 42. P. 157. File 13. Sh. 7; Inv. 44. P. 159. File 4. Sh. 19; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14477. Sh. 42, 73, 103; N. Anschuetz (First Secretary of U. S. Embassy in Greece) to Department of State. Office Memorandum. Efforts of Soviet Union to Improve Relations with Greece. Athens, Greece. November 2, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/11-253; N. Anschuetz (First Secretary of U. S. Embassy in Greece) to Department of State. Prologue to a Journey to Moscow. Athens, Greece. November 5, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/11-553.
42. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 15353. Sh. 84-86.
43. Ch. Bohlen (U. S. Ambassador to USSR) to the Secretary of State. Moscow. September 4, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81241/9-453.
44. Truth. 1953. 25 Oct. P. 6. Contumes was appointed by Ambassador to the USSR in August 1953 (AFP RF. F. 084. Inv. 44. P. 160. File 10. Sh. 9).
45. *W. Porter to Mr. Richards.* Office Memorandum. Progress of the "Peace Offensive" with Respect to Greece. Washington, D. C. October 16, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/10-1653; N. Anschuetz (First Secretary of U. S. Embassy in Greece) to Department of State. Office Memorandum. Efforts of Soviet Union to Improve Relations with Greece. Athens, Greece. November 2, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2947. 661. 81/11-253; meetings of the Soviet Ambassador: AFP RF. F. 84. Inv. 36. P. 39. File 1. Sh. 8 11; F. 084. Inv. 41A. P. 159a. File 1. Sh. 1-2.
46. AFP RF. F. 084. Inv. 41A. P. 159a. File 1. Sh. 21.
47. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 15353. Sh. 20.
48. AFP RF. F. 084. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 81.
49. AFP RF. F. 084. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 87, 89, Inv. 44. P. 160. File 10. Sh. 6, 7, 10, 11.
50. Ibid. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 100, 101.
51. Ibid. File 8. Sh. 26; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 15354. Sh. 249.
52. AFP RF. F. 084. Inv. 44. P. 159. File 4. Sh. 52, 56, 57; P. 160. File 10. Sh. 13.
53. Ibid. P. 160. File 10. Sh. 35.
54. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14477. Sh. 9-14; FRUS. 1952-1954. Vol. 8. P. 852; United States Use of Defense Facilities: Agreement between the United States and the Kingdom of Greece, October 12, 1953. Available at: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/gree001.asp
55. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 12598. Sh. 26, 27, 54, 55; File 15352. Sh. 115, 186.
56. Truth. 1953. 27 Oct. P. 2; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 14477. Sh. 67-70, 79.
57. Memorandum of Conversation. Call of Greek Foreign Minister on the Secretary. Participants: S. Stefanopoulos (Greek Foreign Minister), J. Kalergis (Minister Counselor, Greek Embassy), J. F. Dulles (Secretary of State), W. Baxter (Office of Greek, Turkish and Iranian Affairs, Department of State). Washington, DC. October 30, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950-1954. Box 2849. 611. 81/10-3053. Pp. 3-4.
58. AFP RF. F. 084. Inv. 41A. P. 159a. File 1. Sh. 8-12.
59. Truth. 1954. March 22. P. 2; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 15352. Sh. 200-204, 221; File 15353. Sh. 32-33.
60. AFP RF. F. 084. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 135-136.

УДК 94(470)"1953"

«Кремлевские баталии» в оценках американских аналитических изданий, март – июнь 1953 г.

Рычкова О. В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук,
Вятский государственный университет. 610000, Киров, ул. Московская, 36.

Аннотация: В представленной статье автором исследуются материалы ведущих периодических изданий Соединенных Штатов Америки (*"Foreign Affairs"*, *"World Affairs"*, *"International Journal"*, *"American Mercury"*, *"The Russian Review"*, *"Social Problems"*). Изучаются оценки и мнения данных средств массовой информации по поводу борьбы за власть, развернувшейся в Кремле после смерти Иосифа Сталина в марте – июне 1953 г. Объектом внимания американских журналистов стало окружение Сталина: авторы публикаций переосмысливали отношения «наследников» со Сталиным, оценивали шансы на победу бывших соратников вождя, анализировали их методы, внутреннюю и внешнюю политику.

В итоге делается вывод о том, что американские аналитики при анализе советского фактора не были свободны от стереотипов, а качественных прогнозов было мало.

Ключевые слова: Сталин, Маленков, Берия, американская пресса, советско-американские отношения.

"The Kremlin battles" estimated by the American analytical publications, March – June 1953

Rychkova O. V.

candidate of historical sciences, associate professor of the Department of general history
and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

Abstract: In this article the author examines materials from leading periodicals of the United States of America (*"Foreign Affairs"*, *"World Affairs"*, *"International Journal"*, *"the American Mercury"*, *"The Russian Review"*, *"Social Problems"*). Study the evaluations and opinions of these mass media concerning the struggle for power that raged in the Kremlin after the death of Joseph Stalin in March-June 1953. The object of the attention of American journalists became the inner circle of Stalin: the authors have rethought the relationship with "the heirs" with Stalin, evaluated the odds of winning former associates of the leader, analyzed their methods, internal and external policies.

In the end, concluded that American analysts in the analysis of the Soviet factor was not free from stereotypes, and the quality of the forecasts was not enough.

Keywords: Stalin, Malenkov, Beria, the American press, Soviet-American relations.

4 марта 1953 г. Джекоб Бим, возглавлявший на тот момент американскую дипломатическую миссию в Москве в ранге временного поверенного в делах США в СССР, сообщил в Государственный департамент о том, что в «Правде» появился текст Заявления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 марта, переданный в печать и озвученный по всесоюзному радио на следующий день, о тяжелой болезни И. В. Сталина. Комментируя этот факт, дипломат отмечал, что вождь находится при смерти и его уход из жизни, скорее всего, является вопросом ближайших часов. В связи с этим он отметил, что появление официальной информации может также свидетельствовать о том, что в Кремле уже началась борьба за власть и выбор времени и способа сообщения о критическом состоянии здоровья главы государства определен лицами или группами лиц, рассчитывающими получить от этого наибольшие выгоды. В той же телеграмме говорилось, что внезапное ухудшение здоровья вождя является неожиданностью для всех, а обрывочная и далеко не полная информация дает основания полагать, что в настоящий момент вопрос о новом руководителе государства не решен [1].

В Государственном департаменте к этому сообщению отнеслись в высшей степени серьезно. В тот же день была подготовлена аналитическая записка, основанная на данных разведки, которая констатировала, что болезнь и последующая смерть Сталина будут означать «удаление с политической сцены СССР наиболее значимого элемента советской коммунистической системы», вследствие чего рвущиеся к власти новые лидеры столкнутся с колоссальными трудностями, поскольку Сталин не подготовил себе замену, и кем бы ни был новый руководитель, сохранить прежний политический курс ему не удастся, так как роль Сталина одновременно была и реальной, и символической. А в России в тот момент не было руководителя, способного заменить умирающего вождя в обеих его ипостасях [2].

Ближайшие часы подтвердили медицинскую часть прогнозов – 5 марта в 21 час 50 минут врачи констатировали смерть человека, более двадцати лет безраздельно управлявшего Советской Россией. Американские дипломаты также в целом верно оценивали политическую ситуацию: за час до того, как перестало биться сердце Сталина, в Москве прошло Совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором, по сути, были распределены важнейшие государственные посты [3]. Главную роль в его подготовке сыграли Л. П. Берия и Г. М. Маленков. Утверждение у власти конкретных представителей высшего слоя партийно-политической элиты (в самый узкий круг вошли, кроме уже упомянутых Берии и Маленкова, В. М. Молотов, А. И. Микоян, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович) было результатом компромисса, который не мог быть долговечным в силу непреодолимых личных обид и политических разногласий среди наследников Сталина. Первый и, возможно, наиболее важный по своим последствиям кризис власти произошел через три с половиной месяца и привел к аресту, суду и расстрелу Л. П. Берии – человека, позиции которого в начале марта 1953 г. казались незыблемыми. Таким образом, промежуток времени, начиная с 5 марта по 26 июня 1953 г., является особенным периодом в истории СССР, когда направляющий вектор развития страны не был определен четко и однозначно.

Эти три с половиной месяца составили своеобразный этап и в истории советско-американских отношений. Только что пришедшая к власти администрация Д. Эйзенхауэра к тому моменту еще не закончила выработку своей внешнеполитической стратегии. Смерть Сталина давала новому президенту возможность внести в нее существенные коррективы, а заодно и обрушить на своего предшественника в Белом доме уничижительную критику. В доверительной беседе с членами своего Кабинета он сказал, что хотя начиная с 1946 г. велись нескончаемые разговоры о том, что произойдет после смерти Сталина, «окончательный результат этих семи лет равен нулю» [4]. Сам Эйзенхауэр не считал, что «смерть Сталина имеет такое важное значение, какое ему придают его советники» [5], и уверял, что любые попытки наладить диалог с новыми советскими лидерами не приведут к позитивным результатам, так как Кремль отвергнет все разумные инициативы и использует их в качестве «пропагандистской пищи» в своих интересах. В переписке с У. Черчиллем в середине апреля он, тем не менее, отмечал, что приходит время, когда «стране надо хоть что-то сказать по данной теме и, конечно, это не может быть набором бессмысленных банальностей», добавив, что, по его мнению, «все должны осознавать, что только наша растущая объединенная мощь (президент США, обращаясь к премьер-министру Великобритании, имел в виду НАТО) может побудить русских к изменению их поведения...» [6].

Тем не менее изменение общего международного климата после смерти Сталина в Вашингтоне осознавали в полной мере. Москва предприняла ряд внешнеполитических инициатив. 15 марта глава советского правительства Г. М. Маленков произнес речь, в которой сообщил миру о стремлении СССР решать все спорные вопросы за столом переговоров, Соединенным Штатам была адресована фраза о том, что между двумя странами «не существует такого вопроса, который нельзя было бы решить на основе взаимопонимания». Через месяц, 16 апреля, Эйзенхауэр на заседании Американского общества редакторов газет произнес ответную речь «Шанс для мира», в которой предложил СССР остановить гонку вооружений, начать переговоры о сокращении вооружений и «создать дух доверия между переговаривающимися странами» [7]. В американо-советских отношениях, казалось бы, наметилось потепление. Однако ни в Москве, ни в Вашингтоне, очевидно, до конца не верили в возможность реального улучшения взаимоотношений.

В течение всего этого времени американская общественность получала противоречивую информацию относительно того, что на самом деле происходит в Москве. Притом что информационный бэкграунд по проблеме перспектив политических изменений в СССР в первые недели после смерти Сталина казался довольно обнадеживающим, будущее американо-советских отношений все же выглядело довольно туманным. Поэтому важное значение в таких условиях приобретали публикации в аналитических журналах, которые, с одной стороны, изучались и использо-

вались в ведомствах, причастных к формированию внешнеполитического курса США, а с другой, в силу их доступности для читающей публики, были важным источником формирования общественного мнения США. Рассмотрение основных оценок событий, происходивших в Москве в марте – июне 1953 г., является предметом настоящей статьи.

События в СССР, разворачивающиеся после 5 марта 1953 г., вызвали оживление в американских аналитических изданиях. Это было вполне объяснимо: советско-американские отношения к этому моменту достигли конфронтационного пика.

Проблема преемственности власти в СССР занимала верхнюю позицию в иерархии тем, в равной степени интересующих и профессиональных политиков, и простых американцев. Преобладающим было мнение, что новый «рулевой» будет оказывать определяющее воздействие на внешнюю политику СССР. Аналитические журналы рассматривали советские закулисные баталии взвешенно: учитывая подвижность системы власти в СССР и возможные внешнеполитические последствия любых изменений в Москве, прогнозы были крайне сдержанными и осторожными. В большинстве случаев они строились на учете личностных и политических характеристик потенциальных наследников. В предшествующие годы за океаном существенное внимание обращали на эволюцию советской системы, поэтому имена Лаврентия Павловича Берии и Георгия Максимилиановича Маленкова были хорошо знакомы американской читающей публике, и их выход на первый план кремлевской политической сцены не был неожиданным. Бертрам Вулф, в то время занимавший должность советника по вопросам идеологии Управления международного радиовещания госдепартамента, на страницах “Foreign Affairs” отмечал, что у обоих кандидатов было много общего: «Маленков и Берия – еще молодые мужчины, стремящиеся к власти, им не знакомы великие мечты и гуманные идеалы русской интеллигенции XIX века, они никогда не испытывали ни волнений, ни страсти, ни страданий революционного подполья и изгнания... Мир будет с интересом наблюдать за тем, что эти люди, сформировавшиеся и воспитанные не как профессиональные революционеры, а как порождение режима бюрократического и тоталитарного абсолютизма, сделают с наследием марксизма-ленинизма и сталинизма в ходе борьбы друг с другом... В этой борьбе столкнутся три реальных рычага власти: партийная машина, тайная полиция и вооруженные силы» [8].

Мнение этого автора заслуживало внимания, прежде всего из-за его репутации эксперта по вопросам коммунистического движения с неплохим знанием советских реалий. Для него было очевидно, что смерть вождя с неизбежностью повлечет за собой ожесточенную борьбу за власть, исход которой будет зависеть от того, насколько сильны позиции того или иного претендента в партии и в силовых структурах. Другой эксперт по Советской России, известный историк-публицист И. Дойчер, также прогнозировал начало периода борьбы за власть и брал на себя смелость назвать имя фаворита – Г. М. Маленкова. С одной стороны, отмечал Дойчер, Маленков действительно «не имел богатого революционного опыта, сравнимого с опытом современников Сталина. Он не прошел школу профессиональных революционеров». Но, с другой стороны, у него было серьезное преимущество перед Берией: «Его политическое сознание и привычки были почти полностью сформированы Сталиным... Сталин намеренно вылепил Маленкова похожим на себя настолько, насколько это возможно» [9]. Таким образом, Дойчер полагал, что вождь готовил себе преемника заранее и по этой причине, думая о будущем, он «расчистил дорогу» молодому товарищу по партии, «устранив даже потенциальную возможность любой фракционной борьбы, удалив или понизив в должности предполагаемых конкурентов Маленкова. Он отодвинул Молотова, старейшего и авторитетного государственного деятеля, убрал Вознесенского, умнейшего члена Политбюро с наиболее независимым нравом, Жданов умер при обстоятельствах, которые до сих пор остаются таинственными» [10]. Дойчер, очевидно, был не далек от истины, когда писал, что вне зависимости от исходных мотивов Сталина эти действия существенно облегчили путь к власти Маленкова в марте 1953 г., ибо советская действительность была такова, что «нет ничего мертвее опального коммуниста» [11]. Что же касается предположений, будто видимая ситуативная близость Маленкова в начале 1953 г. к вождю и его «сформированность» по образцу и подобию великого Кобы создавала для него некие преимущества в борьбе за власть или гарантии безопасности на будущее – то они были далеки от действительности и говорили о том, что автор этих строк слабо представлял себе реальную обстановку в Кремле в последние месяцы жизни Сталина. Борьба за власть в это время являлась одновременно борьбой за выживание, и первое место у гроба вождя создавало лишь иллюзорные и кратковременные преимущества [12].

Анализируя события, происходившие в СССР в начале марта 1953 г., американцы часто обращались к XIX съезду КПСС (5–14 октября 1952 г.), пытаясь в его процедурах и опубликованных материалах отыскать путеводные знаки, которые могли помочь правильно понять суть происхо-

дивших в Москве событий. Ретроспективное внимание к этому партийному форуму объяснялось не только тем, что партийные съезды не собирались до этого 13 лет. Вопрос, который ставили американские аналитики после смерти Сталина, состоял в том, как съезд повлиял на расстановку сил среди вероятных «наследников». Полагая, что мысли Сталина на последнем съезде были направлены на укрепление «малочисленной, хорошо дисциплинированной группы лидеров» [13], американцы обращали внимание на особое положение среди них Маленкова. Именно он произнес отчетный доклад Центрального Комитета ВКП(б) вместо Генерального секретаря, обозначив при этом главный идеологический вектор: «В нашем советском обществе нет и не может быть классовой базы для господства буржуазной идеологии» [14]. Отмечалось, что призывы к сплочению партии и укреплению её лидирующей роли в обществе, прозвучавшие на съезде, рефреном звучали в прощальных речах у гроба Сталина. Сам факт того, что вождь делегировал Маленкову такую важную миссию на высшем партийном форуме, оценивался как фактический «выход на публику» нового советского лидера. Высказывались предположения, что Г. М. Маленков к моменту смерти Сталина имел преимущества по сравнению со своими товарищами по партии. Например, политолог и публицист М. Эсколи в апреле 1953 г. говорил о том, что «теперь у коммунистического сфинкса пухлые щечки и ангелоподобное выражение лица» [15]. Но в целом перевес Маленкова над оппонентами американцы не считали безусловным. С точки зрения наиболее проницательных аналитиков, вся внутренняя борьба была еще впереди.

По понятным причинам не имея полной информации о секретах московской «политической кухни», американские авторы не могли знать о выступлении Сталина на Пленуме ЦК 16 октября, когда разгромной критике подверглись представители «старой гвардии» Молотов и Микоян, о весьма симптоматичных следственных делах и судебных процессах конца 1952 – начала 1953 гг., поставивших в уязвимое положение Маленкова и Берия. Поэтому прогнозы относительно преемственности власти в свете последующих событий оказались весьма поверхностными и не отражали всей сложности положения дел в кремлевских коридорах власти [16]. В точности оценок авторы публикаций заметно проигрывали авторам депеш, направлявшихся из Москвы в Вашингтон, сообщавших о том, что до самого последнего момента Сталин не собирался никому передавать власть, поэтому ни один из претендентов не в силах был справиться с ситуацией в одиночку, все они нуждались в союзниках [17].

Ожидаемым конкурентом Маленкова в борьбе за власть чаще других называли Л. Берия. Политические обозреватели отмечали, что в последние месяцы жизни отношение Сталина к Берии было более сдержанным, чем обычно, и даже подозрительным. После смерти вождя тот восстановил свою репутацию одного из наиболее влиятельных руководителей советского государства. Известный политолог Р. Мид, например, отмечал, что, несмотря на «мингрельское дело», Сталин при жизни не решился на радикальные меры в отношении «главного полицейского» страны, а сразу после его смерти «друзья Берии были реабилитированы, а его самого приветствовали как “выдающегося деятеля коммунистической партии”» [18]. С точки зрения Мида [19], Берия был серьезным соперником Маленкова, и главный вопрос теперь состоял в том, «является ли контроль Маленкова над партийной машиной более сильным аргументом, чем контроль Берии над тайной полицией» [20]. Мид резонно акцентировал мысль о том, что борьба за власть в Кремле – это не только схватка личностей, но и соперничество партийной номенклатуры и отдельных, наиболее влиятельных, государственных структур. Однако он не учел, что с середины марта фактический контроль над партийным аппаратом перешел в руки Н. С. Хрущева, которого в тот момент фаворитом в борьбе за власть в США не считали. Маленков же 14 марта стал председателем Совета Министров СССР.

У Мида были оппоненты. Так, например, известный эксперт в области международных отношений, профессор Ф. Мосли, полагал, что события, происходящие в России, невозможно правильно оценить, пользуясь только теорией институциональной конкуренции. Он отмечал, что Советская Россия является особой страной с уникальными правилами политического поведения. Представление о политической системе в СССР как о сумме «нескольких независимых и конкурирующих структур – коммунистической партии, политической полиции и вооруженных сил» он считал непростительной ошибкой и объяснял почему: «Если бы это было действительно так, то Берия бы контролировал назначение всех эшелонов полиции и пользовался бы их лояльностью; Булганин вел бы аналогичную политику в отношении вооруженных сил, а Маленков или Хрущев по отношению к партии» [21]. По мнению этого эксперта, на самом деле соперничество носило более сложный фракционный характер и развивалось по персонифицированным линиям. В этом отношении он был, безусловно, прав.

На самом раннем этапе борьбы потенциальные соперники использовали одинаковые методы, подчеркивая следование сталинскому курсу. Универсальной формулой их публичных вы-

ступлений были заявления о верности курсу Маркса – Ленина – Сталина, «несокрушимом единстве партии», «кровных узах, связывающих её с массами» и коллективных принципах руководства. И это было действительно важно. Как отмечал известный публицист К. Стрейт, «Сталин даже после смерти остается стабилизирующим фактором» [22]. Дж. Гуинс сформулировал эту мысль еще прямолинейнее: «Дьявол заботится о своей шкуре... Маленков призвал к единству и подчинению личных целей интересам государства» [23]. Когда 5 марта Маленков и Берия, два наиболее вероятных лидера, инициировали перераспределение важнейших постов в государственных и партийных структурах, этот шаг вызвал целую волну предположений и догадок. 14 марта Пленум ЦК КПСС продолжил эти реформы, когда была удовлетворена просьба Маленкова об освобождении его от обязанностей секретаря ЦК КПСС, после чего он возглавил Совет Министров СССР, в то время как руководить Секретариатом ЦК КПСС стал Хрущев. Вставал закономерный вопрос: что стоит за этими решениями? «Маленков, поставленный председателем Совета Министров СССР, находился в окружении и под постоянным контролем “старой гвардии”. Чтобы подчеркнуть их важность, партия совершила чудо назначения четырех “первых заместителей” ... Хотя все четверо называются “первый”, их имена указаны в определенном порядке: Берия назван первым из “первых”, Молотов – вторым, третьим – Булганин, и Каганович четвертым “первым заместителем”. Еще один член старой гвардии Сталина – Микоян – был назван заместителем без приставки “первый”» [24]. Общий смысл произошедшего был понятен: именно таким образом оформился компромисс между «старой гвардией» и «молодой номенклатурой». Но как тогда следовало понимать привлечение к руководству страной и партией большого количества военных? – вопрошал Дойчер. «Ворошилов, которого Маленков поставил вместо Н. М. Шверника на должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР, сделав формальным главой государства, как военный был никчем, но в возрасте семидесяти двух лет он, конечно, «был доволен назначением, вернувшем его в водоворот политических событий. Вторым эшелонам расположились маршалы Жуков, Василевский, Конев и другие». В их амбициях можно было не сомневаться, но «в ближайшем будущем им предстояло находиться под контролем» [25]. Отвечая на эти вопросы и главный из них – почему сразу не перешли к единоличному правлению, Ф. Мосли отмечал, что эта реформа была хорошо продумана: «Маленкову выгодно выступить в качестве представителя коллективной “воли партии”. Этот метод был использован Сталиным в борьбе за власть, когда он организовывал травлю и устранял одного за другим потенциальных соперников, “защищая единство Партии” от “фракционности” и “раскола”» [26]. Таким образом, он обращал внимание читателей на использование сталинских методов в политике Маленкова. Об этом же писал и Дойчер, напоминая о том, что история движется по кругу: «Мир является свидетелем повторения исторического акта 29-летней давности. И этот повтор совсем не носит либеральный характер» [27]. В этих словах нетрудно было увидеть намек на ситуацию в России в январе 1924 г., когда после смерти В. И. Ленина в Кремле началась ожесточенная борьба «за ленинское наследие» [28].

За этими действиями стояли весомые причины. Маленкову было нужно обеспечить себе поддержку (хотя бы временную) со стороны органов государственной власти и высшего военного командования. Прославленный дипломат Джордж Кеннан, незадолго до этого покинувший пост главы американского посольства в Москве, подтверждал: «И Лаврентий Берия, и Вячеслав Молотов обладают грозной институциональной поддержкой во властных структурах» [29]. Проблема заключалась в том, что, по словам другого автора, «единственной силой преемника Сталина – Маленкова – является его личное влияние в партии». Очевидно, авторам, пытавшимся из-за океана рассмотреть все кадровые перестановки и понять смысл происходящего в Москве, казалось, что одного партийного авторитета в условиях политической нестабильности и неопределенности недостаточно. Поэтому «широкие перемены сразу были осуществлены в руководстве страны – в Правительстве и даже в Президиуме Верховного Совета. Совокупная цель изменений состояла в том, чтобы сконцентрировать власть в руках Маленкова. Как сталинский помазанник он сразу вознес себя над “старой гвардией”» [30], – отмечал Дойчер.

В итоге американские аналитики сошлись во мнении: «Значение перемен в структуре власти, в высших органах партии и Правительства может быть объяснено и стремлением подчеркнуть стабильность предыдущей политической линии Сталина, и укреплением руководящей группы в КПСС во главе с Маленковым» [31].

Перемены в советском правящем аппарате в первые постсталинские недели отнюдь не казались американцам гладкими. Решение сократить Президиум до десяти человек свидетельствовало о назревании нездоровой в политическом плане ситуации. Никогда прежде этот совещательный орган в СССР не состоял из четного числа лиц ввиду опасности равенства голосов. «Это наводит на мысль о том, что государство находится в тупике и поименный состав Президиума ЦК

служит предметом торга из-за неустойчивого равновесия в правящем блоке» [32], – отмечал Вулф. Тем не менее быстрые структурные изменения и кадровые перестановки в первые недели после смерти Сталина, по мнению многих наблюдателей, оказались вполне эффективными. В начале марта казалось, что «смерть диктатора откроет период междоусобиц среди его наследников». Однако в общем и целом внешне ситуация выглядела почти идиллически, со стороны казалось, что «со смертью ревнивого старого тирана инкубус неопределенности и страха, витающий над всеми в Кремле, в конце концов пропал. Новый режим не проявлял никаких внутренних разногласий» [33]. Пока все основные действующие лица сталинских похорон имели возможность «перевести дух» и свыкнуться с непривычным для себя чувством безопасности. Каждый из двух потенциальных претендентов по отдельности весной – в начале лета 1953 г. был слишком слаб. Они еще нуждались друг в друге, более того, в отношении обоих существовала серьезная оппозиция. «С самого начала силы, выступающие против политики Маленкова – Берии, были очень влиятельными», и чем либеральнее были продвигаемые ими реформы внутри страны и на внешней арене, тем активнее ширился круг недовольных, постепенно охватывавший «старые кадры» МГБ и МВД, «отдельных партийных деятелей, потрясенных разрывом с рушившимися канонами сталинизма», и «некоторые военные, которые с тревогой задумывались о последствиях квазилиберальных реформ, грозивших подорвать программы вооружений» [34].

Таким образом, в середине июня 1953 г. «в могучей советской машине установилась гнетущая тишина» [35]. Практически все американские издания следили за «эпохой либерализации» в СССР. С марта до середины июня реформы следовали одна за другой в тесной преемственности. Дойчер отмечал: «Администрация Кремля в капитальном ремонте и стряхивает остатки византийской тоталитарной жестокости. Объявлена широкая амнистия. Сфабрикованное дело кремлевских врачей признано недействительным. Инквизиторские методы внутренней полиции были прямо осуждены. Провозглашено верховенство закона. Сильный акцент сделан на конституционные права граждан» [36]. Реформы распространились на внутреннюю и национальную политику, сферу международной деятельности. К исследованию советских перемен подключились многие авторитетные специалисты. Эти материалы американской аналитической прессы, как правило, объединены общей задачей – поиском первопричины таких реформ. Однако к её решению американские авторы подошли по-разному.

1. По мнению профессора Р. Бауэра, «эти изменения во многом были продиктованы ситуацией, в которой высшая элита, претендующая на власть, должна найти средства и методы, с помощью которых она сможет избежать больших проблем» [37]. Автор разделял точку зрения о том, что состояние неопределенности в советском политическом истеблишменте и обществе после смерти Сталина могло привести к нежелательным и даже фатальным для новых лидеров последствиям, а все реформы, согласно такой логике, были направлены на обеспечение стабильности.

2. Главный редактор журнала “Foreign Affairs” Х. Ф. Армстронг считал, что причины гибкой политики кремлевских властей следует искать в стремлении «сгладить антагонизм общества, вызванный тотальной сталинской гигантоманией». Армстронг утверждал, что никакой дестабилизации в правительстве нет, а происходящее в СССР – отнюдь «не свидетельствует о замешательстве... и не означает, что новая власть слаба» [38].

3. У. Г. Чемберлен, редактор “Russian Review”, известный своими антикоммунистическими взглядами, не вдаваясь в анализ и поиск смысла реформ, утверждал, что ни социальные колебания, ни недовольство общества, ни страх неопределенности не были и не будут источниками преобразований в советском государстве: «“Общественное сознание”, которое является движущей силой многих реформ в западном мире, которое было активным в России до революции, не имеет никакого значения для бюрократии эпохи Сталина и Маленкова» [39]. Не нужно искать центробежные силы в масштабах всего государства для обоснования реформ; цель любых перемен в советском государстве, вне зависимости от того, кому именно принадлежит власть, остаётся неизменной: «Это создание абсолютной диктатуры, которая всегда преобладает там, где коммунисты находятся у власти, и которая маскируется за фасадом привлекательных идеалов» [40].

4. Д. Флеминг, специалист в области международных отношений, высказался в ином ключе. По его мнению, реформы 1953 г. в СССР были «одухотворены верой в то, что даже если Маленков будет смещен, другие будут понимать необходимость улучшения жизни в России» [41]. Этот историк-ревизионист избегал резких выпадов в адрес советской элиты и подчеркивал естественный характер преобразовательных процессов в России: «Каждое общество находится в состоянии непрерывной эволюции, в том числе наше собственное. Так было всегда, и так будет впредь. Постоянная социальная эволюция является главным законом жизни для всех стран и народов, и ни одна группа людей нигде не сможет ей воспрепятствовать» [42].

Умеренный оптимизм Флеминга не пользовался популярностью. В оценке «либерального наступления в СССР» американские аналитики, да и общественность в целом, проявили немного позитива. Чемберлен, например, охарактеризовал восприятие американцами советских трансформаций как «похмелье от отождествления коммунизма с “либерализмом” и “прогрессизмом”» [43]. Международные последствия также оценивались в тревожных тональностях и преимущественно в контексте противостояния социально-политических систем. Логика холодной войны уже утвердилась в сознании экспертного сообщества США, в тот момент оперировавшего преимущественно категориями «сдерживания» и «освобождения от коммунизма» [44]. Отмечалось, что действия Москвы уже привели к протестным выступлениям в Берлине 16–17 июня и вызвали не менее опасные процессы в Будапеште и Праге, что перемены в СССР отнюдь не способствовали укреплению позиций правящей группировки как внутри собственной страны, так и в подконтрольных странах Европы. В сложившейся ситуации Дойчер видел три возможных варианта развития: а) восстановление демократии; б) рецидив сталинизма и в) путь военной диктатуры [45].

Таким образом, неоднозначные результаты «либеральных» реформ поставили Кремль перед необходимостью усиления исполнительной власти, а это, в свою очередь, означало усиление единовластия. Закулисная конфронтация перешла в стадию открытой борьбы. К началу лета «Маленков поспешил застраховать свою позицию, согласившись играть роль главного обличителя Берии» [46].

Рассуждая о внутренней конкуренции двух коммунистов, Ф. Мосли обосновывал падение Берии 26 июня 1953 г. его силой: «Маленков чувствовал, что Берия – слишком серьезный конкурент» [47]. Дойчер, напротив, считал, что причина ареста – это слабость, уязвимое положение Министра внутренних дел СССР, лишившегося поддержки: «Его имя было связано с самыми темными аспектами сталинизма в последние пятнадцать лет, с концлагерями, массовыми депортациями и тотальным контролем, с железным занавесом и чистками в странах-сателлитах. Он выполнил все сомнительные задания, возложенные на него Сталиным. Тем не менее после смерти своего хозяина он проявил себя как “двурушник”, выступив с скрываеваемой ранее в глубине души либеральной программой. Его собственная полиция презирала его за этот либерализм, а народ его ненавидел как главу тайной полиции. Это был самый страшный человек России... И сотрудники органов государственной безопасности, и граждане почти наверняка радовались его падению» [48]. Только после ареста Берии, не дожидаясь решения суда, американская пресса окончательно признала власть Маленкова, назвав его «новым красным диктатором» [49].

Дж. Кеннан в начале июля дал собственную оценку только что завершившемуся периоду советской истории: «Я считаю, – писал дипломат, – что любые фанатики, стремящиеся преобразовать общество в соответствии с какой-то утопической концепцией и сумевшие захватить политическую власть, рано или поздно... ради сохранения этой власти вынуждены делать то, о чем они вовсе не мечтали в своих утопических планах... В СССР принуждение и сила стали основными и главными инструментами власти, стали для лидеров привычным делом, притом что сами они могли когда-то признавать такие методы преступными...» [50]. Дипломат, таким образом, объяснял кремлевские перипетии не личным противостоянием отдельных деятелей, не институциональным соперничеством, не неудачами реформаторского курса, а фатальным предназначением самого режима, которое неизбежно приводит своих творцов на стезю преступных репрессий. Примечательно, что объект критики Кеннана – Дойчер – косвенным образом приходил к похожему выводу, используя для наглядности историческую аналогию: «Судьба наследников Сталина похожа на судьбы Дантона, Робеспьера и Демулена, которые посылали друг друга на гильотину, в то время когда ни один из них не пользовался исключительными полномочиями, и в результате все они были уничтожены» [51].

За всеми рассуждениями о новых контурах власти и партийно-политической борьбе в СССР стоял, пожалуй, главный вопрос американских аналитиков: как использовать эту ситуацию в своих целях. Г. Армстронг отмечал, что американское общество воспринимало перемены в СССР неоднозначно, что отдельные деятели утверждали, что это наилучшее время для наращивания усилий Запада с целью получения максимума уступок и ограничения потенциала советской власти и международного влияния Москвы. Другие (и их большинство) реагировали на перемены в СССР по-иному – они считали, что советские цели коренным образом изменились, что новое руководство стремится активно «вступить в диалог», что «период тревог и дорогостоящих программ закончился, и что уже не актуальны призывы к укреплению обороны Запада» [52]. Предостерегая соотечественников от излишнего оптимизма, этот эксперт последовательно проводил мысль об устойчивости советских агрессивных начал, которые не могут просто исчезнуть или существенно измениться со сменой одного диктатора на другого. Он прогнозировал, что со-

ветская система останется жесткой партийной диктатурой, хотя и менее персонифицированной и обожествляемой. Указывая, что новое руководство предпочитает именовать себя «коллективом» и демонстрирует реализм и гибкость, он приходил к выводу, что если на практике все это окажется правдой, то вызовы и угрозы для безопасности и выживания свободного мира, безусловно, не пойдут на убыль. Эти опасности могуткратно возрасти, если общественное мнение свободного мира будет продолжать тешиться мечтой о «неминуемом» саморазрушении советской диктатуры [53].

Самое страшное в отношениях с СССР, по мнению и Мосли, и Кеннана, и Вульфа, и Чемберлена, и Армстронга, – это необъяснимость логики советских действий, непредсказуемость власти, её склонность к внезапным изменениям курса. Слова Г. Ф. Армстронга в октябрьском номере “Foreign Affairs” за 1953 г. отражали возобладавший к этому времени настрой в оценках влияния смерти Сталина на ситуацию в СССР и в мире: «Для нас проблема состоит не в том, что представляет из себя нынешняя правящая сила в Кремле – хунта или комитет во главе с “председателем правления”, или это новый единоличный диктатор; вопрос не в том, “сильнее” или “слабее” нынешняя власть, чем Сталин... Правительство, которое кажется более рациональным, чем предыдущее, может быть безобидным в краткосрочной перспективе, но в будущем оно может стать гораздо более опасным» [54].

Все становилось на свои места: ушел из жизни диктатор, одно имя которого служило достаточным основанием для появления доктрины сдерживания и начала холодной войны. Не стало Берии – создателя ГУЛАГА и мастера тайной войны против Запада. В СССР объявили о завершении эпохи культа личности, а американские советологи и эксперты-международники, тем не менее, предрекали, что в недалеком будущем борьба коммунизма и свободного мира станет более острой, а обстановка в мире – еще более опасной.

Изучая оценки американских аналитических изданий, следует отметить их некоторые общие черты.

Во-первых, глубокого, обстоятельного анализа советской партийно-политической борьбы и тем более обоснованных прогнозов было крайне мало. Причина видится простой: политические процессы в СССР развивались спонтанно, были неожиданными для американцев и пугали своей неопределенностью. Эта ситуация была очень точно охарактеризована в “World Affairs”: «Смерть Сталина, падение Берии и недавние события в Восточной Германии разрушили множество мифов. Союзники оказались к этому психологически не готовыми. Озадаченный, но тайно радующийся, Запад остался пассивным зрителем» [55].

Во-вторых, комментарии по поводу происходящего в СССР в 1953 г. принадлежали авторитетным авторам, специалистам-международникам, обладающим и практическим опытом взаимодействия с советской стороной, и теоретическими знаниями и навыками журналистской работы. Тем не менее их публикации не были свободны от стереотипов. Аналитические рассуждения часто носили умозрительный и эмоциональный характер и не подкреплялись фактами. По этой причине, например, в США «просмотрели» восхождение к власти Хрущева, активность которого весной – летом 1953 г., увенчавшаяся весомыми карьерными достижениями, не получила должной оценки.

Во-третьих, далеко не все авторы, а тем более их читатели были готовы к адекватному восприятию перипетий борьбы за власть в СССР из-за сложности советского режима, его закрытости и принципиальной непохожести на хорошо известные Западу формы правления.

В-четвертых, мысли большинства аналитиков вольно или невольно встраивались в логику внешнеполитических программ демократов или республиканцев (сказывалась инерция предвыборной кампании 1952 г.) и развивались в русле дилеммы: «сдерживание» vs «освобождение от коммунизма», без принципиальных отличий от установок Белого дома и Государственного департамента.

Оптимистичных материалов в американской прессе практически не было. Интерес к происходящему в Советской России не позволил американским творцам общественного мнения преодолеть негатив начального периода холодной войны. Скептическая настороженность и максимальная бдительность – вот что, с точки зрения авторов большинства опубликованных работ, следовало положить в основу американских оценок «кремлевских баталлий» и перспектив американской политики в отношении Советского Союза.

Примечания и список литературы

1. Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII. P. 1084–1085 (далее: FRUS). URL: <https://historicaldocuments/frus1952-54v08/d547>

2. Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII. P. 1087–1090 (далее: FRUS). URL: <https://historicaldocuments/frus1952-54v08/d549>

3. Пухоя Р. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М., 2007. С. 220–222.
4. Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 278.
5. См.: Мирошников С. Н. Влияние смерти И. В. Сталина на выработку администрацией Д. Эйзенхауэра политики в отношении СССР и стран Восточной Европы (март – сентябрь 1953 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 191.
6. The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953–1955 / ed. by P. G. Boyle. The Univ. of North Carolina Press. 1990. P. 31, 43.
7. Мирошников С. Н. Указ. соч. С. 192–193.
8. Wolfe B. D. The Struggle for the Soviet Succession // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 31. № 4. P. 557.
9. Deutscher I. The Legacies and Heirs of J. V. Stalin // *The Reporter*. 1953. Vol. 8. № 8. April 14. P. 11.
10. Deutscher I. Ibid. P. 10.
11. Singer K. The Fall of Ana Pauker // *American Mercury*. 1953. Vol. LXVI. № 353. P. 81.
12. О борьбе за власть между членами Политбюро в марте 1953 года см.: Montefiore S. S. Stalin: the Court of the Red Tsar. N. Y., 2004. P. 638–650; Fitzparrick Sh. On Stalin's Team: the Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton, 2015. P. 224–268; Бракман П. Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь. М., 2004. С. 469–497; Рейфилд Д. Сталин и его подручные. М., 2008.
13. Hazard J. N. A Political Testament for Stalin's Heirs // *International Journal*. 1953. Vol. 8. № 2. P. 76.
14. См.: XIX съезд ЦК ВКП(б)-КПСС (5–14 октября 1952 г.). Документы и материалы / под ред. А. О. Ханской; опубл. 19 февр. 2013 г. URL: (/dokumentyi/materialy-[i]-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5); Brumberg A. The Soviet Campaign against "Survivals of Capitalism" // *The Russian Review*. 1953. Vol. 12. № 2. P. 77.
15. Ascoli M. Can We 'Co-exist' with Malenkov? // *The Reporter*. 1953. Vol. 8. № 8. April 14. P. 8.
16. См.: Пухоя Р. Указ. соч. С. 212–223; Montefiore S.S. Stalin: the Court of the Red Tsar. N. Y., 2004. P. 626–637.
17. Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII. P. 1087–1090 (Далее: FRUS). URL: //https://historicaldocuments/frus1952-54v08/d567 (см. также: FRUS. dok. № 566, № 569, № 573).
18. Mead R. O. World News Makers // *World Affairs*. 1953. Vol. 116. № 2. P. 52.
19. Статья была написана до ареста Л. П. Берии.
20. Mead R. O. World News Makers // *World Affairs*. 1953. Vol. 116. № 2. P. 52.
21. Mosely Ph. E. The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 32. № 1. P. 30.
22. Streit C. K. Atlantic Union-Freedom's Answer to Malenkov // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1953. Vol. 288. NATO and World Peace. P. 9.
23. Guins G. C. Russian Communism and the Dilemma of Power // *International Journal*. 1953. Vol. 8. № 2. P. 88.
24. Wolfe B. D. The Struggle for the Soviet Succession // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 31. № 4. P. 560–561.
25. Deutscher I. The Ghost of Bonaparte // *The Reporter*. 1953. Vol. 8. № 8. April 14. P. 16.
26. Mosely Ph. E. The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 32. № 1. P. 31.
27. Deutscher I. The Legacies and Heirs of J. V. Stalin // *The Reporter*. 1953. Vol. 8. № 8. April 14. P. 10.
28. Американские периодические издания любили проводить исторические параллели между событиями царской и советской России: Юнглоуд В. Т. Германский «блицкриг» в России 1941 г.: исторические аналогии и стереотипы американского восприятия // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 19–25.
29. Kennan G. F. Did Stalin's Death Change Anything? // *The Reporter*. 1953. Vol. 9. № 1. July 7. P. 35.
30. Deutscher I. The Legacies and Heirs Of J. V. Stalin // *The Reporter*. 1953. Vol. 8. № 8. April 14. P. 10.
31. Guins G. C. Russian Communism and the Dilemma of Power // *International Journal*. 1953. Vol. 8. № 2. P. 89.
32. Wolfe B. D. The Struggle for the Soviet Succession // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 31. № 4. P. 560.
33. Armstrong H. F. The Grand Alliance Hesitates // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 32. № 1. P. 49.
34. Deutscher I. The Kremlin Triumvirs: One Down, Two to Go // *The Reporter*. 1953. Vol. 9. № 4. September 01. P. 16.
35. Wolfe B. D. The Struggle for the Soviet Succession // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 31. № 4. P. 551.
36. Deutscher I. The Beria Affair // *International Journal*. 1953. Vol. 8. № 4. P. 227–228. См. также: Deutscher I. The Kremlin Triumvirs: One Down, Two to Go // *The Reporter*. 1953. Vol. 9 № 4. September 01; Deutscher I. Dogma and Reality in Stalin's 'Economic Problems' // *Soviet Studies*. 1953. Vol. 9. № 4. P. 349–363. Эти и другие статьи Дойчера легли в основу его книги «Россия после Сталина» (1953).
37. Bauer R. A. The Implications of the Succession Crisis in the Soviet Union for East-West Relations // *Social Problems*. 1953. Vol. 1. № 2. P. 38.
38. Armstrong H. F. The Grand Alliance Hesitates // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 32. № 1. P. 49–50.
39. Chamberlin W. H. Ten Fallacies about Communism // *The Russian Review*. 1953. Vol. 12. № 3. P. 141.
40. Chamberlin W. H. Ibid. P.150.
41. Fleming F. D. Is Coexistence with Communism Impractical? // *The Western Political Quarterly*. 1953. Vol. 6. № 3. P. 436.
42. Fleming F. D. Ibid. P. 436.
43. Chamberlin W. H. Ten Fallacies about Communism // *The Russian Review*. 1953. Vol. 12. № 3. P. 147.
44. Например: Ильин Д. В. Консервативный подход к сдерживанию коммунизма: внешнеполитические взгляды сенатора Р. Тафта (1946–1953 гг.) // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2016. № 4. С. 14–23.
45. Deutscher I. The Beria Affair // *International Journal*. 1953. Vol. 8. № 4. P. 234.

46. *Deutscher I.* The Kremlin Triumvirs: One Down, Two to Go // *The Reporter*. 1953. Vol. 9 № 4. September 01. P. 15.
47. *Mosely Ph. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 32. № 1. P. 33.
48. *Deutscher I.* The Beria Affair ... P. 235.
49. *Singer K.* The Fall of Ana Pauker // *American Mercury*. 1953. Vol. 68. № 353. P. 75.
50. *Kennan G. F.* Did Stalin's Death Change Anything? // *The Reporter*. 1953. Vol. 9. № 1. July 07. P. 34.
51. *Deutscher I.* The Beria Affair // *International Journal*. 1953. Vol. 8. № 4. P. 238.
52. *Mosely Ph. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 32. № 1. P. 28–29.
53. *Mosely Ph. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 32. № 1. P. 33.
54. *Armstrong H. F.* The Grand Alliance Hesitates // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 32. № 1. P. 51.
55. *Boldyreff C.W.* Whither The Red Army? // *World Affairs*. 1953. Vol. 116. № 3. P. 78.

Notes and References

1. Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII. P. 1084–1085 (далее: FRUS). Available at: //https://historicaldocuments/frus1952-54v08/d547
2. Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII. P. 1087–1090 (далее: FRUS). Available at: //https://historicaldocuments/frus1952-54v08/d54
3. *Pihoya R.* *Moskva. Kreml'. Vlast'. Sorok let posle vojny, 1945–1985* [Moscow. Kremlin. Power. Forty years after the war, 1945–1985]. M. 2007. Pp. 220–222.
4. *Ambroz S.* *EHjzenhauehr. Soldat i prezident* [Eisenhower. Soldier and President]. M. 1993. P. 278.
5. See: *Miroshnikov S. N.* *Vliyanie smerti I. V. Stalina na vyrabotku administraciej D. EHjzenhauehra politiki v otnoshenii SSSR i stran Vostochnoj Evropy (mart – sentyabr' 1953 g.)* [The impact of the death of Stalin on the development of the administration of Dwight Eisenhower policy toward the Soviet Union and Eastern European countries (March –September 1953)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Tomsk State University*. 2009, No. 324, p. 191.
6. *The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953–1955* / ed. by P. G. Boyle. The Univ. of North Carolina Press. 1990. P. 31, 43.
7. *Miroshnikov S. N.* Op. cit. Pp. 192–193.
8. *Wolfe B. D.* The Struggle for the Soviet Succession // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 31. № 4. P. 557.
9. *Deutscher I.* The Legacies and Heirs of J. V. Stalin // *The Reporter*. 1953. Vol. 8. № 8. April 14. P. 11.
10. *Deutscher I.* Ibid. P. 10.
11. *Singer K.* The Fall of Ana Pauker // *American Mercury*. 1953. Vol. LXVI. № 353. P. 81.
12. About the struggle for power between the members of the Politburo in March of 1953, see: *Montefiore S. S.* *Stalin: the Court of the Red Tsar*. N. Y., 2004. P. 638–650; *Fitzparrick Sh.* *On Stalin's Team: the Years of Living Dangerously in Soviet Politics*. Princeton, 2015. P. 224–268; *Brakman R.* *Sekretnaya papka Iosifa Stalina. Skrytaya zhizn'* [Secret file of Joseph Stalin. Hidden life]. M. 2004. Pp. 469–497; *Rejfeld D.* *Stalin i ego podruchnye* [Stalin and his the porch]. M. 2008.
13. *Hazard J. N.* A Political Testament for Stalin's Heirs // *International Journal*. 1953. Vol. 8. № 2. P. 76.
14. See: *XIX s"ezd CK VKP(b)-KPSS (5–14 oktyabrya 1952 g.). Dokumenty i materialy / pod red. A. O. Hanskoj; opubl. 19 fevr. 2013 g.* - XIX Congress of the CPSU(b)-CPSU (5-14 October 1952). Documents and materials / under ed. A. O. Hanskaya; publ. 19 Feb. 2013. Available at: (/dokumentyi/materials-[I]-s-drive-b CPSU-the Communist party.language?showall=&start=5); *Brumberg A.* The Soviet Campaign against "Survivals of Capitalism" // *The Russian Review*. 1953. Vol. 12. № 2. P. 77.
15. *Ascoli M.* Can We 'Co-exist' with Malenkov? // *The Reporter*. 1953. Vol. 8. № 8. April 14. P. 8.
16. See: *R Pihoya*. Op. cit. Pp. 212–223; *Montefiore S.S.* *Stalin: the Court of the Red Tsar*. N. Y., 2004. P. 626–637.
17. Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII. P. 1087–1090 (Далее: FRUS). Available at: //https://historicaldocuments/frus1952-54v08/d567 (см. также: FRUS. dok. № 566, № 569, № 573).
18. *Mead R. O.* *World News Makers* // *World Affairs*. 1953. Vol. 116. № 2. P. 52.
19. The article was written before arrest of L. P. Berriya.
20. *Mead R. O.* *World News Makers* // *World Affairs*. 1953. Vol. 116. № 2. P. 52.
21. *Mosely Ph. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 32. № 1. P. 30.
22. *Streit C. K.* Atlantic Union-Freedom's Answer to Malenkov // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1953. Vol. 288. NATO and World Peace. P. 9.
23. *Guins G. C.* Russian Communism and the Dilemma of Power // *International Journal*. 1953. Vol. 8. № 2. P. 88.
24. *Wolfe B. D.* The Struggle for the Soviet Succession // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 31. № 4. P. 560–561.
25. *Deutscher I.* The Ghost of Bonaparte // *The Reporter*. 1953. Vol. 8. № 8. April 14. P. 16.
26. *Mosely Ph. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 32. № 1. P. 31.
27. *Deutscher I.* The Legacies and Heirs of J. V. Stalin // *The Reporter*. 1953. Vol. 8. № 8. April 14. P. 10.
28. American periodicals liked to draw historical parallels between the events of Tsar and Soviet Russia: *YUngblyud V. T.* *Germanskij «blickrig» v Rossii 1941 g.: istoricheskie analogii i stereotipy amerikanskogo vospriyatiya* [German "blitzkrieg" in Russia, 1941: historical analogies and the Americans stereotype] // *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena – News of RSPU n.a. A. I. Hertenzen*. 2012, No. 133, pp. 19–25.
29. *Kennan G. F.* Did Stalin's Death Change Anything? // *The Reporter*. 1953. Vol. 9. № 1. July 7. P. 35.

30. *Deutscher I.* The Legacies and Heirs Of J. V. Stalin // The Reporter. 1953. Vol. 8. № 8. April 14. P. 10.
31. *Guins G. C.* Russian Communism and the Dilemma of Power // International Journal. 1953. Vol. 8. № 2. P. 89.
32. *Wolfe B. D.* The Struggle for the Soviet Succession // Foreign Affairs. 1953. Vol. 31. № 4. P. 560.
33. *Armstrong H. F.* The Grand Alliance Hesitates // Foreign Affairs. 1953. Vol. 32. № 1. P. 49.
34. *Deutscher I.* The Kremlin Triumvirs: One Down, Two to Go // The Reporter. 1953. Vol. 9. № 4. September 01. P. 16.
35. *Wolfe B. D.* The Struggle for the Soviet Succession // Foreign Affairs. 1953. Vol. 31. № 4. P. 551.
36. *Deutscher I.* The Beria Affair // International Journal. 1953. Vol. 8. № 4. P. 227-228. См. также: *Deutscher I.* The Kremlin Triumvirs: One Down, Two to Go // The Reporter. 1953. Vol. 9 № 4. September 01; *Deutscher I.* Dogma and Reality in Stalin's 'Economic Problems' // Soviet Studies. 1953. Vol. 9. № 4. P. 349-363. These and other articles by Deutscher lied in the base of his book "Russia after Stalin" (1953).
37. *Bauer R. A.* The Implications of the Succession Crisis in the Soviet Union for East-West Relations // Social Problems. 1953. Vol. 1. № 2. P. 38.
38. *Armstrong H. F.* The Grand Alliance Hesitates // Foreign Affairs. 1953. Vol. 32. № 1. P. 49-50.
39. *Chamberlin W. H.* Ten Fallacies about Communism // The Russian Review. 1953. Vol. 12. № 3. P. 141.
40. *Chamberlin W. H.* Ibid. P.150.
41. *Fleming F. D.* Is Coexistence with Communism Impractical? // The Western Political Quarterly. 1953. Vol. 6. № 3. P. 436.
42. *Fleming F. D.* Ibid. P. 436.
43. *Chamberlin W. H.* Ten Fallacies about Communism // The Russian Review. 1953. Vol. 12. № 3. P. 147.
44. For Example: *Il'in D. V. Konservativnyj podhod k sderzhivaniyu kommunizma: vneshnepoliticheskie vzglyady senatora R. Tafta (1946-1953 gg.)* [Conservative approach to communism derivation: foreign policy views of senator R. Taft (1946-1953)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. «Istoriya»* - Perm University Herald. Ser. "History". 2016, No. 4, pp. 14-23.
45. *Deutscher I.* The Beria Affair // International Journal. 1953. Vol. 8. № 4. P. 234.
46. *Deutscher I.* The Kremlin Triumvirs: One Down, Two to Go // The Reporter. 1953. Vol. 9 № 4. September 01. P. 15.
47. *Mosely Ph. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // Foreign Affairs. 1953. Vol. 32. № 1. P. 33.
48. *Deutscher I.* The Beria Affair... P. 235.
49. *Singer K.* The Fall of Ana Pauker // American Mercury. 1953. Vol. 68. № 353. P. 75.
50. *Kennan G. F.* Did Stalin's Death Change Anything? // The Reporter. 1953. Vol. 9. № 1. July 07. P. 34.
51. *Deutscher I.* The Beria Affair // International Journal. 1953. Vol. 8. № 4. P. 238.
52. *Mosely Ph. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // Foreign Affairs. 1953. Vol. 32. № 1. P. 28-29.
53. *Mosely Ph. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // Foreign Affairs. 1953. Vol. 32. № 1. P. 33.
54. *Armstrong H. F.* The Grand Alliance Hesitates // Foreign Affairs. 1953. Vol. 32. № 1. P. 51.
55. *Boldyreff C.W.* Whither The Red Army? // World Affairs. 1953. Vol. 116. № 3. P. 78.

УДК 94

Турция в либеральных конструкциях США в начале XXI в.*

Смоляняк И. В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук,
Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: sovlab.vgu@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается политика Соединенных Штатов Америки и Турецкой Республики в первой четверти XXI в. Представлены региональные особенности американской политики в отношении Турецкой Республики, связанные в первую очередь с совместной борьбой против международного терроризма. Выявлены факторы, повлиявшие на принятие и реализацию Вашингтоном решений по проблемам, связанным с обеспечением безопасности и борьбой с международным терроризмом. Представлены региональные особенности турецкой политики в отношении США в контексте взаимоотношений с Ираном, Сирией, Израилем и Российской Федерацией. Автор приходит к выводу, что источники недоверия, возникшие между Анкарой и Вашингтоном в первой четверти XXI в., будут сохраняться еще долгое время и новой американской администрации вряд ли удастся полностью исправить ситуацию.

Ключевые слова: США, Турция, международный терроризм, Арабская весна, Сирия, Израиль, Иран, Российская Федерация.

Turkey in the liberal structures of the USA in the early XXI century.

Smol'nyak I. V.

candidate of historical sciences, associate professor of the Department of general history and political science,
Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: sovlab.vgu@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the policy of the United States of America and the Republic of Turkey during in the first quarter of the 21st century. The author presents the regional peculiarities of transformation of American policy in respect of the Turkish Republic connected primarily with the joint struggle against international terrorism. He also tries to define factors that influenced the adoption and implementation of Washington's decisions on problems related to ensuring security and combating international terrorism. The author presents the regional peculiarities of transformation of the Turkish policy towards the US in the context of relations with Iran, Syria, Israel and the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the sources of mistrust that have arisen between Ankara and Washington in the first quarter of the 21st century will continue for a long time and the new US administration is unlikely to completely correct the situation.

Keywords: USA, Turkey, international terrorism, Arab Spring, Syria, Izrail, Iran, Russian Federation.

Соединенные Штаты и Турцию связывают давние союзнические отношения, начало которым было положено в годы Второй мировой войны. С окончанием холодной войны могло показаться, что Турция утратит статус ближайшего военного и политического союзника Вашингтона в Ближневосточном регионе. Однако к середине 90-х гг., в связи с обострением ситуации на Балканах, Ближнем Востоке, в бывших кавказских республиках СССР, Турция как страна, находящаяся в непосредственной близости от этих очагов нестабильности, не потеряла своей стратегической значимости для США.

В свете быстро меняющейся международной обстановки в Вашингтоне рассматривали Турцию как «мост» между Востоком и Западом, «энергетическим центром» для западных рынков и «моделью» политического устройства для бывших советских республик – Азербайджана и Грузии. Со своей стороны, Анкара не только поддержала США во время войны в Персидском заливе, но и активизировала свою внешнюю политику, направленную на поиск новых союзников в регионе.

Новое тысячелетие открыло очередной этап в американо-турецких отношениях, полный взлетов и падений. 11 сентября 2001 г., после атаки Аль-Каиды на башни-близнецы в Нью-Йорке, Турция, как и Россия, в первые же часы после случившегося выразила безоговорочную поддержку американскому правительству в его борьбе против мирового терроризма. С октября 2001 г. турецкие вооруженные силы принимали активное участие в операции «Несокрушимая свобода», проводимой под эгидой ООН и НАТО в Афганистане, ставшей ответом администрации Дж. Буша-мл. на совершенные теракты.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01303
© Смоляняк И. В., 2017

Однако дальнейшие события показали, что будущее американо-турецких отношений будет далеко не безоблачным. На ноябрь 2002 г. в Турции были назначены выборы в Великое национальное собрание (ВСНТ). По предварительным прогнозам, уверенную победу на них должна была одержать Партия справедливости и развития (ПСР), придерживающаяся умеренных происламских взглядов. Еще до выборов Анкара и Вашингтон начали переговоры о расширении американского военного присутствия на территории Турции, необходимого для новой военной операции США в Ираке. Кроме того, США настаивали на более активном участии турецкой армии в новом конфликте. Как и ожидалось, ПСР одержала уверенную победу на выборах, набрав 34,28% голосов и получив 363 из 550 мест в парламенте, что было в два раза больше, чем получила вторая прошедшая десятипроцентный барьер Республиканская народная партия.

1 марта 2003 г. на рассмотрение обновленного парламента был внесен законопроект «О развёртывании иностранных войск в Турции», принятие которого позволило бы США разместить на военной базе Инджирлик дополнительное количество авиации и использовать базу как плацдарм для нанесения ударов по территории Ирака. Администрация Буша надеялась, что законопроект будет принят. Однако, вопреки ожиданиям американцев, ВСНТ отклонило этот законопроект. В результате произошло резкое ухудшение американо-турецких отношений, впервые после Кипрского кризиса 1964 г. [1] Вскоре произошло событие, которое ещё более осложнило ситуацию. 4 июля 2003 г. в городе Сулеймания, на территории так называемого «Курдского государства» в иракской провинции Киркук, находящегося под контролем Курдской рабочей партии, американский спецназ задержал 11 турецких командос, обвинив их в заговоре с целью убийства губернатора Киркука [2]. Кроме того, американские военные изъяли у турецких солдат большое количество взрывчатки и оружия, а также карты местности с обозначением закладки мин. Этот эпизод вошел в историю как «инцидент с капюшонами», так как на головы турецких солдат были надеты капюшоны – и они в таком виде были доставлены в Киркук на американскую базу. Этот инцидент вызвал волну возмущения в турецкой прессе и в обществе. Конфликт был улажен через 60 часов по личному распоряжению вице-президента США Дика Чейни после полуторачасового разговора с премьер-министром Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. Начальник Генерального штаба Турции Хильми Озкок назвал этот инцидент «величайшим кризисом доверия». В самой Анкаре полагали, что «инцидент с капюшонами» – это месть американцев за отказ ВСНТ от законопроекта «О развёртывании иностранных войск в Турции» [3].

19 февраля 2004 г. в лондонской арабоязычной газете «Аль-Хаят» была опубликована статья, в которой излагался план американской администрации по нормализации обстановки на Ближнем Востоке. План получил название «Большая ближневосточная инициатива» (GMEI) и, по мнению экспертов, был составлен при участии Госсекретаря Колина Пауэлла и советника по национальной безопасности Кондолизы Райс. Суть плана заключалась в поэтапном превращении мусульманских стран Ближнего Востока в государства с демократической формой правления [4].

План был озвучен Бушем в его выступлении 6 ноября 2003 г. в Национальном фонде демократии. По мнению президента, главная задача США заключается в распространении свободы и демократии по всему Большому Ближнему Востоку. План предусматривал постепенную трансформацию мусульманских стран Ближнего Востока, и в частности Ирака, в светские, демократические государства. Несмотря на военную победу в Ираке, политического мира и стабильности в регионе добиться не удалось. Выступая с этой инициативой, в Вашингтоне надеялись, что на протяжении двух поколений Ирак трансформируется в государство с демократической формой правления, где не будет места для антиамериканских и антизападных настроений. В связи с этим резко возросла значимость Турции как ближайшего союзника Вашингтона в регионе. В глазах администрации Буша Турция являлась примером так называемой «исламской демократии», которая могла бы служить образцом для ближневосточных режимов.

В свою очередь Эрдоган, премьер-министр и лидер ПСР, которая всегда выступала с умеренных происламских позиций, решил воспользоваться инициативой американского президента для укрепления позиций своей страны в регионе. Поэтому министр иностранных дел Абдуллах Гюль выступил с заявлением, в котором высказал полную поддержку планам американской администрации на Ближнем Востоке. Подчеркивая важность и уникальность Турции как мусульманской демократии, он утверждал, что опыт, через который его страна прошла в XX в., может послужить источником вдохновения для стран региона. «Мы стремимся к достижению демократии, гражданских прав и свобод, уважению верховенства закона, гражданского общества, транспарентности и гендерного равенства», – заявил Гюль. Он также дал понять, что опыт Турции доказывает, что национальные и духовные ценности могут быть в полной гармонии с современными стандартами [5].

В Вашингтоне с энтузиазмом отнеслись к сигналам Анкары, свидетельствовавшими о её готовности улучшить отношения между двумя странами. На волне потепления отношений, чтобы преодолеть сохраняющееся чувство взаимного недоверия и улучшить отношения, 5 июля 2006 г. министр иностранных дел Турции Абдуллах Гюль и госсекретарь США Кондализа Райс подписали документ под названием «Совместное видение и структурированный диалог для продвижения турецко-американского стратегического партнерства». В документе отмечалось, что отношения между Турцией и США характеризуются узами дружбы, партнерства, взаимного доверия и единства взглядов на развитие международных отношений. США и Турция разделяют один и тот же набор общечеловеческих ценностей и идеалов. Обе страны подчеркивали решимость содействовать миру и демократии на Большом Ближнем Востоке, в Ираке, Черноморском регионе, на Кавказе, Центральной Азии и Афганистане, бороться с терроризмом, включая борьбу с Рабочей партией Курдистана и ее аффилированными структурами. Также подчеркивалось, что решение этих задач требует совместных усилий Анкары и Вашингтона [6].

Однако, как показали последующие события, декларации так и остались на бумаге. Ни одна из сторон не приложила усилий для превращения слов в реальные дела. Не изменил ситуацию и визит премьер-министра Эрдогана в США и его встреча Бушем-младшим в ноябре 2007 г. В Анкаре были разочарованы этим визитом, не принесшим реальных результатов. Положительная динамика в американо-турецких отношениях наметилась только после ноября 2008 г., когда президентом США был избран Барак Обама. В Турции рассчитывали, что с приходом новой администрации в Белый дом отношения между двумя странами войдут в новое, позитивное, русло, что позволит нормализовать натянутые отношения.

Барак Обама стал 44-м президентом США в ноябре 2008 г. Это событие ознаменовало не только начало значительных изменений во внешней политике США, но и новый этап в турецко-американских отношениях. На протяжении всей президентской кампании лозунг «Перемены, в которые мы можем поверить» вызвал в правящих турецких кругах оптимизм в отношении его будущей внешней политики [7].

Для решения таких задач, как прекращение войны в Ираке и вывод войск из Афганистана, а также захват руководства Аль-Каиды, новая администрация применила многосторонний подход и уделила особое внимание «распределению бремени» между региональными союзниками. Американская политическая элита считала Турцию «идеальным» партнером, но для того чтобы такое партнёрство принесло результаты, необходимо было нормализовать отношения, испорченные в предыдущие годы. Именно поэтому Обама в рамках своего европейского турне 5 апреля 2009 г. прибыл в Анкару.

После посещения мавзолея Ататюрка Обама встретился с президентом Турецкой Республики Абдуллахом Гюлем. В ходе совместной пресс-конференции Гюль подчеркнул, что борьба с терроризмом является для Анкары и Вашингтона приоритетной задачей. «Наше сотрудничество в этом вопросе будет укреплено. Мы решительно настроены на осуществление тесного координированного сотрудничества в вопросах, касающихся ситуации на Кавказе, Балканах, Ближнем Востоке и в Афганистане», – сказал Гюль. Американский коллега полностью поддержал турецкого президента. Он ответил, что в борьбе с терроризмом США окажут любую поддержку своим союзникам против возможных террористических угроз» [8].

На следующий день, 6 апреля, выступая перед Великим национальным собранием, Обама заявил: «Турция является важным союзником США и важной частью Европы. И Турция, и Соединенные Штаты должны быть вместе – и работать вместе – для преодоления вызовов нашего времени» [9].

Казалось, что недавние разногласия полностью забыты и две страны продемонстрируют всему миру образец партнёрства. Помощник госсекретаря по делам Европы и Евразии Филипп Гордон заявлял по этому поводу: «В настоящее время глобальные проблемы, с которыми мы сталкиваемся, более разнообразны и размыты, чем во времена холодной войны. В этой новой среде те из нас, кто верит в партнерство, должны приложить особые усилия, чтобы объяснить неизменную ценность партнерства между Соединенными Штатами и Турцией. При решении практически любого важного вопроса, с которым мы сталкиваемся на Ближнем Востоке, мы чувствуем поддержку со стороны Турции, которая является нашим ключевым стратегическим партнером в этом регионе. В свою очередь, по всем вопросам, имеющим важное значение для Турции, США играют важную роль в качестве надежного друга и союзника для этой страны». Гордон также отметил, что многогранность турецкого общества не является препятствием для развития дружеских и тесных партнёрских отношений между двумя странами [10].

Подобного рода высказывания нашли позитивный отклик в турецких правящих кругах. Министр иностранных дел Ахмет Давутоглу, говоря о новом качестве американо-турецких отно-

шений, отметил, что новая стратегия американского президента, направленная на тесное сотрудничество с Турцией, изменит характер двусторонних отношений, сделает их более глубокими и дружественными. «Это то, что нам нужно», – заявил министр [11]. Исходя из своего видения ситуации, американская администрация решила поддержать руководство Турции, которое стремилось укрепить позиции своей страны в регионе.

Администрация Обамы в рамках заявленного «образцового партнёрства» во взаимоотношениях с Турцией стремилась минимизировать тот ущерб двусторонним отношениям, который нанесла команда Буша-младшего. Этому способствовала и политика, проводимая правящей партией Справедливости и развития, чьи лидеры Эрдоган и Гюль в своих выступлениях в первые годы нового столетия всячески подчеркивали приверженность Турции западным демократическим ценностям.

Несмотря на некоторую неопределённость в отношениях между двумя странами, идея «образцового партнерства» была с энтузиазмом воспринята турецкой элитой, ответственной за формирование внешней политики. Для них новый уровень отношений с США являлся показателем того, что турецкая модель внешней и внутренней политики находит полную поддержку в Вашингтоне [12].

Тем не менее, как показывает анализ событий, произошедших между 2009 и 2016 гг., внутренняя динамика развития Турции и изменение её политики в отношении соседей по региону самым серьезным образом повлияли на характер взаимоотношений Анкары и Вашингтона.

Несмотря на положительный старт в развитии двусторонних отношений, между Анкарой и Вашингтоном оставались камни преткновения, которые осложняли взаимоотношения двух стран. Это, в первую очередь, касалось разногласий по армянскому вопросу и той позиции, которую заняла Турция, проголосовав против резолюции Совета Безопасности ООН по Ирану. Кроме того, к началу 2010 г. серьезным образом ухудшились отношения между Турцией и Израилем – ключевым союзником США на Ближнем Востоке. С 2008 г., после того как министром иностранных дел Турции стал Ахмед Давутоглу, автор новой внешнеполитической концепции «ноль проблем с соседями», турецко-армянские отношения несколько улучшились. В сентябре 2008 г. президент Турции Абдуллах Гюль по личному приглашению президента Армении Сержа Саркисяна посетил Ереван, где в это время проходил отборочный матч чемпионата мира по футболу с участием команд Армении и Турции. А 6–7 апреля 2009 г. на втором форуме «Альянс цивилизаций» произошло историческое событие – министры иностранных дел Армении и Турции обменялись рукопожатиями [13]. В октябре были заключены два протокола, направленные на нормализацию дипломатических отношений. Тем не менее оценка массовых убийств армянского населения на территории Османской империи в 1915 г. и по сей день остаётся неразрешенной проблемой во взаимоотношениях двух стран. Правительство Турецкой Республики категорически отказывается признавать сам факт имевших место событий. Анкара тратит значительные средства на пиар-кампании по отрицанию геноцида и организует финансовую поддержку университетам, обеспечивающим правдоподобность турецкой позиции. При очередном обсуждении темы геноцида парламентами или правительствами разных государств Турция угрожает им дипломатическими и торговыми санкциями.

Армянская диаспора в США на протяжении всего XX в. добивалась официального признания правительством факта геноцида. Попытки провести такую резолюцию через Конгресс предпринимались не раз. Конгрессмены трижды, в 1916, 1919 и 1920 гг. [14], принимали резолюции, осуждавшие массовые убийства армянского населения в Османской империи. Однако США отказывались признать геноцид армян на официальном уровне. В сентябре 2007 г. при участии влиятельного армянского лобби была предпринята еще одна попытка. Комитет по международным делам палаты представителей Конгресса США внес предложение поставить на голосование резолюцию № 106 о признании геноцида армян [15]. Отдавая себе отчет, что принятие резолюции нанесет удар по американо-турецким отношениям, президент Буш выступил перед конгрессменами с предложением не делать этого, чтобы не ставить под удар будущее отношений с Турцией, одним из ключевых союзников США, через чью территорию осуществляется транзит грузов и войск для сил США в Ираке и Афганистане. В случае принятия резолюции Турция могла запретить использование военной базы Инджирлик, играющей ключевую роль в операции США в Ираке и Афганистане [16]. Восемь бывших государственных секретарей США поддержали президента и обратились к спикеру Палаты представителей Конгресса Нэнси Пелосис с просьбой не выносить на голосование вопрос о геноциде армян [17]. Комитет начальников штабов также высказался против принятия законопроекта. В итоге законопроект так и не был принят. Однако в США начиная с 1975 г. отмечают День памяти жертв геноцида армян. Барак Обама, еще будучи канди-

датом в президенты, в январе 2008 г. обещал признать геноцид на федеральном уровне, если его выберут президентом. 24 апреля 2009 г., когда по всему миру вспоминали об этом событии, президент планировал выступить с речью, в которой собирался говорить о геноциде.

Однако, по-видимому, для того чтобы не обострять ситуацию, вместо того чтобы использовать термин «геноцид», Обама в своей речи выбрал армянский термин «Мец Егерн» – Великое злодеяние. По мнению Бюлента Алириза, одного из ведущих экспертов в области американо-турецких отношений вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), такой шаг Обамы был мотивирован желанием избежать ущерба для американских интересов на Ближнем Востоке, так как именно в это время США испытывали определённые трудности в Ираке и Вашингтон как никогда нуждался в поддержке со стороны Анкары в борьбе против исламистов [18].

В 2012 г. начался новый виток напряженности между двумя странами. В конце мая – начале апреля в преддверии Дня памяти Комитет по иностранным делам Конгресса одобрил проект резолюции, призывающей президента на официальном уровне признать события 1915 г. в Османской империи геноцидом [19]. Турецкое правительство немедленно выразило официальный протест и отозвало своего посла в Вашингтоне в Анкару для консультаций. Кризис был сглажен тем, что президент Обама в своей речи в День памяти вновь использовал словосочетание «Мец Егерн» вместо слова «геноцид».

В начале 2010 г. еще одним источником разногласий между Анкарой и Вашингтоном являлась иранская ядерная программа. Хотя и США и Турция совместно выступали против попыток Ирана создать ядерное оружие, в Анкаре не возражали против мирного использования Ираном ядерной энергии. Необходимо отметить, что несмотря на непростые отношения с СССР в годы холодной войны, а также сложные отношения с Ираном, Турция не пошла по пути развития собственной военной ядерной программы. При этом Анкара активно занималась подготовкой специалистов в области ядерной безопасности. Турецкая ядерная программа преследовала гражданские цели и предполагала строительство двух электростанций на побережье Черного и Средиземного моря с последующей утилизацией отработанного топлива в России. В свете вышесказанного, у Анкары и Вашингтона обозначились серьезные разногласия в вопросе об отношении к иранской ядерной программе. Администрация Обамы настаивала на ужесточении санкций в отношении Ирана за невыполнение требований МАГАТЭ о прекращении работ по обогащению урана. Между тем в октябре 2009 г., несмотря на резкую критику со стороны США, правительства Турции, Бразилии и Ирана начали переговоры об обмене опытом и технологиями в области использования мирного атома и поставках топлива для атомных станций. А 17 мая 2010 г. была подписана Тегеранская трехсторонняя декларация министров иностранных дел Турции, Бразилии и Ирана об обмене ядерным топливом [20].

В документе стороны, подтверждая свою приверженность принципам нераспространения ядерного оружия, заявляли о правах стран, включая Исламскую Республику Иран, на исследования, разработку и производство ядерного топлива для использования в мирных целях, не выходя при этом за рамки договора о нераспространении ядерного оружия. Министры пришли к соглашению, что Иран передаст Турции на хранение 1200 кг сырья для изготовления ядерного топлива, применяемого в реакторах атомных электростанций. Это сырье должно было считаться собственностью Ирана, за сохранность которого на территории Турции будут отвечать представители МАГАТЭ. В свою очередь Иран в письменной форме должен был уведомить Венскую группу (МАГАТЭ, Россия, Франция, США) дать свое согласие на передачу Турции ядерного топлива. В случае согласия Венская группа в течение года должна была передать Ирану 120 кг готового топлива для тегеранского исследовательского реактора. В случае отказа Венской группы согласиться на эти условия Турция гарантировала возврат топлива в Иран по первому же требованию Тегерана [21].

В Вашингтоне восприняли действия Анкары как препятствие для усиления санкций в отношении Ирана. Американский представитель обратился в Совет Безопасности ООН, предложив ужесточить санкции. Однако при обсуждении резолюции 1929 Турция и Бразилия проголосовали против ее принятия. Но, несмотря на это, 9 июня 2010 г. двенадцатью «за», при двух «против» и одном «воздержавшимся», против Ирана были введены новые санкции.

Это решение вновь осложнило американо-турецкие отношения. Кроме того, позиция, занятая турецким правительством при решении «иранского вопроса», осложнила турецко-израильские отношения, что в свою очередь также сказалось на отношениях Турции с США. По мнению старшего научного сотрудника Центра изучения Ближнего Востока института Брукинга Дэна Арбелля, стабильные и дружественные турецко-израильские отношения имеют важное значение для безопасности и стабильности на Ближнем Востоке. Обе эти страны являются стратегически-

ми партнёрами Америки в регионе. Именно поэтому руководство США стремится играть центральную роль в турецко-израильском диалоге, зачастую выступая посредником на переговорах Анкары и Тель-Авива [22]. Как отмечает научный сотрудник Института Востоковедения РАН С. М. Гасратян, в 1990-х гг. турки надеялись на то, что Израиль поможет им поставками оружия и современных технологий в их борьбе против курдского сопротивления. Для Израиля отношения с Турцией открывали возможность выхода из политической и экономической изоляции на Ближнем Востоке и могли служить примером для других мусульманских стран [23]. Активное сближение Анкары и Тель-Авива привело к подписанию в 1996 г. в Осло соглашений о военном и торговом сотрудничестве. Однако после 2002 г., с приходом в Турции к власти Партии справедливости и развития, отношения между странами начали ухудшаться. ПСР всегда позиционировала себя как умеренную происламскую партию, а ее лидер Эрдоган заявлял, что его партия будет защищать интересы мусульман в регионе. Постепенно ПСР начала критиковать политику Израиля в отношении Палестины. В свою очередь, Тель-Авив выступил с резкими выпадами в адрес турецкого руководства за его поддержку палестинского исламистского движения «Хамас», которое многие страны, включая и США, признали террористической организацией [24].

К концу 2008 г., во время очередного обострения арабо-израильского конфликта, отношения между Израилем и Турцией достигли самой низкой точки, начиная с 1996 г. Обострение произошло из-за нападения израильских солдат на так называемую Флотилию Свободы 31 мая 2010 г., направлявшуюся к берегам Палестинской автономии. Эти события привели к созданию беспрецедентной напряженности между Анкарой и Тель-Авивом. Более того, после опубликования 2 сентября 2011 г. доклада ООН по итогам расследования этого инцидента (Доклад комиссии Палмера), в котором вся ответственность перекалдывалась на капитанов атакованных израильскими военными судов, Анкара отозвала своего посла из Израиля. При этом Эрдоган заявил, что извинений и компенсаций от Тель-Авива будет недостаточно для того, чтобы вернуть посла. От Израиля потребовали снять военно-морскую блокаду с сектора Газа. Правительство Израиля заявило, что морская блокада осуществляется в соответствии с нормами международного права и будет отменена только после того, как боевики в Газе перестанут нападать на израильских солдат [25]. В итоге началось свертывание турецко-израильского политического и военного сотрудничества.

Администрация Обамы весьма болезненно реагировала на разрастающийся конфликт между Турцией и Израилем, так как дружественные отношения между этими странами были особенно важны для реализации стратегических планов США на Ближнем Востоке. В Вашингтоне было принято решение взять на себя роль посредника в турецко-израильском конфликте. Во многом под давлением американцев в марте 2013 г. премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху принес извинения руководству Турецкой Республики за инцидент с «флотилией свободы», что, безусловно, способствовало улучшению дипломатических отношений между Турцией и Израилем [26].

Несмотря на некоторую напряженность в отношениях с США, Турция продолжала активное сотрудничество с ними в рамках НАТО. Так, например, в начале 2011 г. Анкара разрешила строительство в провинции Малатья на востоке страны радар системы ПРО США. Этому решению способствовало изменение администрацией Обамы планов администрации Дж. Буша-младшего разместить в Восточной Европе элементы системы американской ПРО. Новая американская противоракетная стратегия предусматривала оснащение средствами кораблей, создание двух центров слежения в Румынии и Турции и передислокацию ряда объектов системы ПРО из Восточной Европы на Балканы и в Восточное Средиземноморье. Считалось, что новая структура американской ПРО с ракетами-перехватчиками, расположенными в Румынии и на военных кораблях США, обеспечит Турции большую защиту, а также возможность играть важную роль в архитектуре противоракетной обороны США.

Министр обороны США Леон Панетта, комментируя согласие турецкой стороны разместить радар на своей территории, отметил, что для США очень важным является то обстоятельство, что начиная с 2003 г. американо-турецкие отношения вновь находятся на высоком уровне и что Турция по-прежнему остается основным стратегическим союзником Вашингтона на Ближнем Востоке [27]. Однако, по-видимому, турецкое руководство решило проводить более самостоятельную внешнюю политику в регионе без оглядки на «старшего брата». В марте 2012 г. во время визита в Тегеран премьер-министр Эрдоган и министр иностранных дел Давутоглу (к слову, лидеры Партии справедливости и развития) заявляли, что данные, полученные с помощью этого радара, не будут передаваться Израилю [28]. В Вашингтоне восприняли этот демарш как намерение Анкары выйти из американо-турецко-израильского альянса, но при этом сохранить с США военное и политическое сотрудничество. И это весьма объяснимо, так как США по-прежнему оставались ближайшим партнером Анкары в области обороны, а также главным источником военных технологий.

Еще одним фактором, оказывающим влияние на динамику американо-турецких отношений в указанный период, безусловно, стало такое явление, как «Арабская весна», события которой начались 18 декабря 2010 г. в Тунисе, а затем охватили и другие, преимущественно арабские, страны Северной Африки – Марокко, Ливию, Египет, Йемен. В контексте быстро меняющейся обстановки в этом регионе Партия справедливости и развития установила тесные связи с суннитскими мусульманскими организациями в этих странах, в надежде на укрепление позиций Турции в регионе. Анкара фактически поддержала протестные движения в этих странах.

Однако позиция Турции в отношении Ливии была неоднозначной. В марте 2011 г. СБ ООН принял резолюцию 1973, которая предусматривала военное вмешательство «для защиты гражданских лиц и гражданских населенных пунктов на территории в Ливийской Арабской Джамахирии. В Ливии, особенно в районе Бенгази, жило и работало большое количество турецких граждан. В связи с этим Анкара выступила с критикой этой резолюции и отказалась участвовать в военной фазе операции войск НАТО в этой стране, ограничив свое участие гуманитарными операциями» [29].

Анализ дальнейших событий позволяет предположить, что в первые месяцы так называемой «Арабской весны» между Анкарой и Вашингтоном наблюдалось единство взглядов на эти события. С началом беспорядков в Египте между двумя странами была установлена постоянная телефонная линия для оперативного реагирования на быстро меняющуюся обстановку в регионе. В 2011 г. Обама и Эрдоган разговаривали по телефону 11 раз. Такой обмен мнениями продолжался до военного переворота в Египте, когда верные генералу Ас Сиси подразделения свергли правительство «Братьев мусульман» [30].

Поездка Эрдогана в Ливию и Египет в сентябре 2011 г. была предпринята с целью показать мировому сообществу и странам Ближнего Востока, что опыт ПСР в строительстве умеренного исламского демократического государства может быть использован и в этих странах. В своих выступлениях Эрдоган всячески подчеркивал возможность мирного сосуществования ислама и демократии, приводя в пример Турцию. По его словам, опыт его страны как светского государства, ориентированного на сотрудничество с Западом, может стать примером развития и для переходных режимов Ближневосточных государств [31]. Визит турецкого премьер-министра был положительно оценен как в странах Западной Европы, так и в США. Однако вскоре после того как в Египте произошел военный переворот и власть захватил генерал Абдул Фаттах аль-Сиси, американо-турецкие отношения вновь подверглись испытанию на прочность, так как в Анкаре обвинили Вашингтон в поддержке генерала.

Таким образом, в 2008–2013 гг. американо-турецкие отношения развивались в дружественном ключе во многом благодаря администрации Обамы. В самой же Турции в это время Эрдоган и его сторонники укрепляли режим личной власти. Лидер ПСР все чаще делал заявления о том, что Анкара намерена проводить самостоятельную политику в регионе. Кроме того, в стране усилилось влияние ислама на общественную и политическую жизнь общества. Постепенно внешняя политика Турции стала переориентироваться с Запада на Восток.

После парламентских выборов в Турции 2011 г., которые прошли под знаменем очередной, третьей по счету, победы партии Справедливости и развития, Эрдоган и его сторонники начали наступление на гражданские и политические свободы граждан Турции. В результате в конце мая 2013 г. в стране произошли массовые выступления противников внутренней политики Эрдогана, центром которых стала площадь Таксим в Стамбуле. Формальным поводом к протестам послужило намерение администрации города вырубить деревья в парке Гази для строительства торговых центров. Собравшиеся утверждали, что строительные фирмы, выигравшие подряд, принадлежат высокопоставленным членам партии Справедливости и развития. Однако внутренней пружиной конфликта, по мнению иностранных журналистов, было недовольство светской части общества политикой, проводимой авторитарным исламистским правительством Эрдогана [32]. Жестокость, с которой полиция действовала при разгоне демонстрантов на площади Таксим, вызвала осуждение как у европейских партнеров Турции, так и в Вашингтоне. В США на самом высоком уровне все чаще стали раздаваться голоса, критикующие турецкое правительство за несоблюдение прав человека. Меры, применяемые в отношении мирных демонстрантов, 2 июня 2013 г. подверглись резкой критике со стороны официального представителя Белого дома. Пресс-секретарь Совета по национальной безопасности Лаура Лукас подчеркнула, что мирные публичные демонстрации «являются частью демократического процесса, и правительство США надеется, что турецкие власти будут действовать сдержанно и в рамках закона» [33].

Еще одним фактором, оказавшим негативное влияние на американо-турецкие отношения, стали события в соседней с Турцией Сирией, где с начала 2011 г. началась гражданская война.

После смерти Хафеза Асада в 2000 г. между Турцией и Сирией начался период осторожного сближения и улучшения отношений. Действия Анкары вызвали резкое неприятие в Вашингтоне, где считали сирийский режим Хафеза и его сына Башара Асадов авторитарным, нарушающим права человека, а сама Сирия была названа «государством-изгоем». Поэтому с самого начала гражданской войны администрация Обамы начала оказывать помощь сирийской оппозиции, борющейся против режима Асада, надеясь в конечном итоге сформировать в Дамаске демократическое правительство, в своей политике ориентирующиеся на США, а не на Иран. В свою очередь в это же время турецкое руководство выступило с поддержкой законного сирийского правительства [34].

По мнению Сонера Кагаптая, директора турецкого исследовательского отдела в Вашингтонском институте ближневосточной политики, амбиции политической элиты Партии справедливости и развития, стремящейся превратить Турцию в умеренное исламское государство с сильными позициями в регионе, самым роковым образом повлияли на дальнейшие события в Сирии [35]. Вероятно, амбиции турецкой элиты, желающей превратить Турцию в региональную державу, не способствовали прекращению эскалации гражданской войны в этой стране. В начале 2011 г., когда в Сирии вспыхнули беспорядки, Анкара по дипломатическим каналам пыталась убедить режим Асада провести политические реформы. Министр иностранных дел Давутоглу, будучи с визитом в Дамаске, призывал Башара Асада сесть за стол переговоров с лидерами оппозиции. Однако сразу после этого Асад с помощью танков подавил беспорядки в Хомсе. Стало очевидно, что Сирия скатывается в кровавую гражданскую войну [36].

В результате резкого обострения обстановки в Сирии к октябрю 2014 г. наметилось значительное расхождение турецкой и американской позиций в отношении гражданской войны в этой стране. В то время как для Эрдогана приоритетной задачей являлось удаление Асада с сирийской политической сцены и, следовательно, поддержка сирийской оппозиции, а иногда и крайне радикальных исламистских группировок, для США одним из важнейших приоритетов в ближневосточной политике являлась борьба с ИГИЛ. В этой борьбе Вашингтон сделал ставку на курдов, которые сражались против исламистов не только в Ираке, но и в Сирии. Действия Вашингтона самым серьезным образом подорвали американо-турецкие отношения, так как в Анкаре были крайне недовольны контактами американских военных с представителями Курдской рабочей партии, против которой турецкая армия вела боевые действия на границе Турции и Ирака.

Таким образом, надежды лидеров Партии справедливости и развития, в своей внешней политике действовавших в соответствии с выработанной ими доктриной «стратегической глубины», направленной на создание нового регионального порядка, который отводил Турции место в центре Ближневосточного региона, в странах которого у власти находились бы аффилированные с ПСР движения типа египетских «Братьев мусульман», оказались беспочвенными. К концу 2014 г. турецкая политика «ноль проблем с соседями» превратилась в политику «блестящей изоляции».

События в Кобани (или Айн-эль-Араб) имели роковые последствия для американо-турецких отношений. 13 сентября 2013 г. в этом городе, расположенном на сирийско-турецкой границе, начались вооруженные столкновения между боевиками ИГИЛ и курдскими отрядами народной самообороны, которые очень быстро переросли в масштабные боевые действия. В результате в Турцию хлынул поток беженцев. Курдское ополчение оказало исламистам отчаянное сопротивление и обратилось за помощью к мировому сообществу. Турецкое правительство, которое больше опасалось создания курдского анклава рядом со своей территорией, отказалась предоставить членам КРП, находящимся на турецкой территории, свободный проход в Кобани. А демонстрации в поддержку курдов разогнались турецкой полицией с применением водометов и слезоточивого газа [37]. Вашингтон, напротив, вопреки протестам из Анкары, начал оказывать военную помощь курдским вооруженным формированиям. Негативная реакция турецких властей последовала незамедлительно. Американским военным было запрещено использовать базу Инджирлик для операций по нанесению ударов по позициям ИГИЛ в районе Кобани, а турецкая армия получила приказ выдвинуться к турецко-сирийской границе. Такая реакция со стороны турецкого руководства свидетельствовала о том, что в Анкаре были больше озабочены не борьбой с ИГИЛ, а борьбой с Курдской рабочей партией, тогда как США в борьбе с исламистами сделали ставку на курдских ополченцев. Таким образом, сирийская гражданская война и борьба с международным терроризмом в лице ИГИЛ стали основным источником разногласий между США и Турцией к концу 2014 г.

Несмотря на то что Рабочая партия Курдистана с 1997 г. признана США террористической организацией, Вашингтон, вопреки настойчивым сигналам из Анкары, не спешит внести в список террористических организаций партию «Демократический союз», созданную в 2003 г. сирийскими курдами, и её боевое крыло – «Боевое крыло Курдского верховного комитета», которые ак-

тивно действуют на севере Сирии и фактически борются за создание независимого Курдского государства. США активно сотрудничают с этими организациями, опираясь на них в борьбе против ИГИЛ в Сирии. Несмотря на то что Анкаре удалось вынудить Вашингтон не приглашать представителей партии «Демократический союз» на международную конференцию по Сирии «Женева 2», которая начала свою работу 22 января 2014 г. в Монтрё, 20 октября 2014 г. официальный представитель Госдепартамента Мэри Харф заявила, что США не считают эту организацию террористической, в отличие от КРП, и продолжат сотрудничество с ней в рамках борьбы против ИГИЛ в Сирии [38].

Несмотря на серьезные расхождения в вопросе решения сирийской и курдской проблем, как это не раз уже случалось с «добрыми» товарищами, произошедшие в 2015 г. события привели к восстановлению доверия между Анкарой и Вашингтоном. В феврале 2015 г. американские и турецкие военные подписали соглашение о совместной подготовке бойцов из так называемой «умеренной» сирийской оппозиции в лагерях, расположенных на турецкой территории. 20 июля 2015 г. в результате мощного взрыва, совершенного террористом-смертником в турецком городе Суруче, расположенном недалеко от сирийской границы, погибли 33 мирных жителя и более 100 получили ранения. Ответственность за теракт взяла на себя группировка ИГИЛ [39]. Вскоре после этого события Турция официально присоединилась к возглавляемой США коалиции, борющейся против ИГИЛ. Турецкое правительство отменило мораторий на использование базы Инджирлик армией США. А в августе 2015 г. американская и турецкая авиация провели совместную операцию по нанесению авиаударов по позициям ИГИЛ в Сирии. Совместные действия американских и турецких военных привели к нормализации двусторонних отношений. Администрация Обамы в позитивном ключе отреагировала на присоединение Турции к антиигиловской коалиции. В Белом доме заявили, что это первый шаг Анкары на пути к широкому сотрудничеству в борьбе против ИГИЛ.

А дальше произошли события, которые коренным образом повлияли на расстановку сил в регионе. 26 августа 2015 г. между Россией и Сирией было заключено Соглашение о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на сирийской территории [40]. 30 сентября российские ВКС нанесли ракетно-бомбовые удары по позициям боевиков ИГИЛ в Сирии. Россия впервые в новейшей истории начала военную операцию за пределами своей территории. Её действия стали полной неожиданностью как для США, так и для Турции и вызвали негативную реакцию как у администрации Обамы, так и в правительстве Эрдогана. Официальный представитель Госдепартамента Джон Кёрби заявил, что, по данным американских военных, больше 90% российских авиаударов в Сирии не были направлены против террористических группировок «Исламское государство» и «Аль-Каида». По его словам, в большей степени удары наносились по оппозиционным группам, которые хотят лучшего будущего для Сирии и не хотят, чтобы режим Асада оставался у власти [41].

В начале октября турецкие власти заявили о неоднократных нарушениях российской авиацией своего воздушного пространства. По данным турецких военных, заявил премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу в интервью агентству Рейтер, российские самолеты дважды нарушали границу Турции. Премьер также заявил, что только два из 57 ударов российской авиации в Сирии пришлось по позициям боевиков ИГИЛ. Выступая по национальному телевидению, президент Турции Эрдоган предупредил Москву, что она рискует, испытывая на прочность дружбу с Анкарой, и добавил, что не станет терпеть нарушений воздушного пространства российскими ВКС [42]. Со своей стороны, российские официальные лица не признавали факта пересечения границы, но Москва предложила Вашингтону и Анкаре создать смешанные комиссии для координации совместных действий на территории Сирии для исключения возможных инцидентов в будущем. Таким образом, успешное развитие турецко-российских отношений в начале нового тысячелетия оказалось под угрозой. Вскоре случилось событие, которое могло поставить крест на добрососедских отношениях двух стран. 24 ноября 2015 г. турецкие ВВС сбили российский бомбардировщик Су-24, который, по утверждению турецких военных, вторгся в воздушное пространство Турции. Пилот Олег Пешков был расстрелян протурецкими боевиками в воздухе после катапультирования. В тот же день президент Турции Эрдоган заявил, что Турция считает, что в инциденте со сбитым российским военным самолетом Су-24 ВВС Турции действовали в рамках правил реагирования на угрозы. По его словам, неопознанный военный самолет вторгся в турецкое воздушное пространство и в течение пяти минут ему было сделано десять предупреждений [43]. 25 ноября Эрдоган и Обама в телефонном разговоре обсудили случившийся инцидент. В интервью телеканалу CNN Эрдоган заявил, что его страна не будет извиняться за сбитый самолет. 26 ноября президент В. Путин сообщил, что США и Россия обмениваются информацией по Сирии и что в Вашингтоне знали о полетах рос-

сийских ВКС. Действия турецких военных российский президент назвал «ударом в спину», пообещав адекватный ответ. 30 ноября в Париже на встрече Обамы и Путина американский президент выразил сожаление в связи с инцидентом с российским самолетом и гибелью летчика [44]. 1 декабря во время встречи с Обамой Эрдоган заявил, что Турция выступает за дипломатическое решение проблемы [45], однако никаких реальных шагов по урегулированию конфликта сделано не было. В итоге Россия прекратила сотрудничество с США и Турцией по Сирии и приступила к налаживанию контактов с курдскими организациями, действующими на севере Сирии, что не могло не вызвать серьезную озабоченность в Анкаре и Вашингтоне.

Инцидент с российским самолетом лишь на некоторое время снял напряженность между Анкарой и Вашингтоном. И на этот раз причиной была внутривосточная ситуация в Турции. 7 июня 2015 г. в стране состоялись очередные парламентские выборы, на которых Партия справедливости и развития, несмотря на то что набрала наибольшее число голосов избирателей – 40,8% – и получила 256 мест в парламенте, потеряла парламентское большинство [46]. Сложившаяся ситуация помешала Эрдогану и его сторонникам провести реформы по преобразованию Турции из парламентской республики в президентскую. Авторитарные методы руководства турецкого президента все чаще стали подвергаться критике со стороны Европейского союза и США. В конце марта 2016 г. Эрдоган прибыл на Саммит по ядерной безопасности в Вашингтон, где у него должна была состояться встреча с Обамой. Однако американский президент отказался встречаться со своим турецким коллегой, поручив сделать это своему госсекретарю Джиму Керри [47]. Американские журналисты обвинили турецкого президента в том, что в Турции идет наступление на свободу слова, а против оппозиционных журналистов заводят уголовные дела. Находясь в США, Эрдоган планировал выступление в институте Брунингса с речью о ситуации на Ближнем Востоке. На входе в институт собралась толпа протестующих курдов, которые стали выкрикивать оскорбления в адрес турецкого президента. Эрдоган был в ярости и приказал своим охранникам оттеснить протестующих, ситуацию удалось разрядить только после вмешательства охраны института [48]. Эрдоган воспринял случившееся как личное оскорбление. Комментируя визит турецкого лидера в США, корреспондент журнала «Атлантик» Джеффри Голдберг отметил, что Обама разочаровался в Эрдогане как в политике, который мог навести мосты между Западом и Востоком, а авторитаризм турецкого президента поставил крест на стремлении Вашингтона использовать Турцию в качестве проводника идей демократии и либерализма на Ближнем Востоке [49].

Подводя итоги, можно отметить, что с началом холодной войны и до настоящего времени партнерские и союзнические отношения с США являлись краеугольным камнем турецкой внешней политики. За последнее двадцатилетие эти отношения подвергались испытаниям на прочность гораздо чаще, чем за всю их многолетнюю историю. После периода весьма непростых отношений при президенте Дж. Буше-младшем администрация Б. Обамы на 2008–2013 гг. разработала новую модель взаимоотношений с Турцией, которая получила название «партнерское соглашение». В Вашингтоне надеялись, что пришедшая к власти в Турции Ппартия Справедливости и развития, придерживающаяся умеренных происламских взглядов, будет содействовать демократизации ближневосточных режимов по турецкому образцу. Несмотря на череду кризисов, вызванных обострением турецко-израильских отношений и различиями в подходах к решению иранской проблемы, Вашингтон продолжал сотрудничество с Анкарой, поскольку Турция воспринималась как стабильное демократическое государство, находящееся во враждебном западной цивилизации окружении.

Однако курс, взятый Эрдоганом и его партией после 2013 г. на изменение конституционного строя Турции, и превращение этой страны в президентскую республику, а также авторитарные устремления турецкого руководителя вызвали шквал критики со стороны американской администрации. Гражданская война в Сирии также служила раздражителем во взаимоотношениях между Анкарой и Вашингтоном. С одной стороны, Турция являлась страной – участником международной коалиции, борющейся с ИГИЛ, которую возглавляют США. С другой стороны, турецкое и американское руководство не достигли согласия в вопросе о будущем этой страны. А поддержка, оказываемая США курдской рабочей партии, не раз служила причиной политических конфликтов между двумя странами.

Однако даже несмотря на то что к концу 2016 г. отношения между странами в очередной раз зашли в тупик, администрация Обамы продолжала искать пути выхода из кризиса. Одной из причин такой политики является и то, что на кануне президентских выборов в ноябре 2016 г. Обама не хотел стать президентом, который «потерял» Турцию в последние месяцы своего пребывания в Белом доме, тем более что этой стране в Вашингтоне отводили важную роль в борьбе с ИГИЛ.

В настоящее время Вашингтон и Анкара находятся в очередной сложной фазе цикла развития взаимоотношений. После попытки военного переворота в Турции в ночь с 15 на 16 июля 2016 г. и итогов референдума, проведенного в апреле 2017 г., на котором больше 51% населения

страны проголосовали за переход от парламентской системы правления к президентской, администрации Д. Трампа придется заново выстраивать отношения с этой страной. По словам бывшего посла США в Турции Роберта Пирсона, Анкара в большей степени, чем Вашингтон, заинтересована в тесном сотрудничестве, так как в настоящее время только США могут сдерживать стремление турецких курдов объединиться с иракскими и сирийскими курдами и создать независимое Курдское государство. Следовательно, Вашингтону предстоит дать понять своему союзнику, что он не рассматривает Анкару как своего единственного и незаменимого союзника на Ближнем Востоке [50]. В настоящее время шестидесятилетний американо-турецкий альянс проходит испытание на прочность, можно с высокой долей вероятности предположить, что источники недоверия между Анкарой и Вашингтоном будут сохраняться еще долгое время и новой американской администрации вряд ли удастся полностью исправить ситуацию.

Примечания и список литературы

1. В июне 1964 г. Линдон Джонсон направил турецкому президенту Исмету Иненю письмо, в котором в категорической форме потребовал прекратить подготовку к военной операции на острове Кипр. В Анкаре были оскорблены тоном письма, что вызвало острый политический кризис в отношениях между двумя странами. Подробнее см.: *Смольняк И. В. Средиземноморский рубеж сдерживания: кипрская проблема в американо-турецких отношениях, 1962–1978 гг.* // Вестник ВятГУ. 2016. № 12. С. 42–54.
2. BBC. Turkish fury at US Iraq 'arrests'. 5.07.2003. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3047192.stm (дата обращения: 20.09.17).
3. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. Ankara. 2017. P. 64.
4. Rice Condoleezza. Transforming the Middle East // The Washington Post 7. 08. 2003. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/08/07/transforming-the-middle-east/2a267aac-4136-45ad-972f-106ac91e5acd/?utm_term=.917fd21d1ad2 (дата обращения: 22.09.17).
5. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 65.
6. Ministry of Foreign Affairs of Turkey (MFA). Shared vision and structured dialogue to advance the Turkish-American strategic partnership. 2006. URL: from <http://www.mfa.gov.tr/data/DISPOLITIKA/> (дата обращения: 22.09.17).
7. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 66.
8. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 66.
9. Ibid.
10. Gordon P. H. The United States and Turkey: A view from the Obama Administration. 2. 05. 2016. URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2010/138446.htm> (дата обращения: 23.09.17).
11. Ministry of Foreign Affairs of Turkey (MFA). Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H. E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organised by ATC-DEIK: 'Turkey-US relations: A Model Partnership, Global and Regional Dimensions'. URL: http://www.mfa.gov.tr/minister_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa (дата обращения: 23.09.17).
12. Çandar C. (2009). Barack Hussein Obama; Dürüst, Duyarlı, Dost. Radikal. 07.04.2009. URL: <http://www.radikal.com.tr/yazarlar/cengizcandar/barack-hussein-obama-durust-duyarli-dost-929966/> (дата обращения: 26.09.17).
13. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 68.
14. United States Senate Concurrent Resolution. 64th Congress 1st Session. URL: http://www.armenian-genocide.org/Affirmation.163/current_category.7/affirmation_detail.html, http://www.armenian-genocide.org/Affirmation.228/current_category.7/affirmation_detail.html (дата обращения: 01.10.17).
15. Congressional Record (далее – CR). 110th Congress, 1st Session. September 11. 2007. Vol. 153. № 134. URL: <https://www.congress.gov/congressional-record/2007/9/11/extensions-of-remarks-section/article/e1866-5?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Armenian+%5C%22genocide%5C%22%22%5D%7D&r=159> (дата обращения: 01.10.17).
16. Ibid.
17. Бывшие госсекретари США требуют от Конгресса не выносить на голосование закон о Геноциде армян. 27. 09. 2007 // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/891463.html> (дата обращения: 02.10.17).
18. Bulent Aleriza. Obama's "Meds Yeghern" and U. S. – Turkish Relations. 11. 05 2015. URL: <https://www.csis.org/analysis/obama%E2%80%99s-%E2%80%9Cmeds-yeghern%E2%80%9D-and-us-turkish-relations> (дата обращения: 02.10.17).
19. CR. 112th Congress, 2nd Session. May 31, 2012. Vol. 158. № 80. URL: <https://www.congress.gov/congressional-record/2012/5/31/extensions-of-remarks-section/article/e924-3?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Armenian+%5C%22genocide%5C%22%22%5D%7D&r=62> (дата обращения: 15.09.17).
20. Ministry of Foreign Affairs of Turkey (MFA). Joint Declaration of the Ministers of Foreign Affairs of Turkey, Iran and Brazil. 17.05.2010 URL: http://www.mfa.gov.tr/17_05_2010-joint-declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-turkey_-iran-and-brazil.en.mfa (дата обращения: 9.10.17).
21. Ibid.
22. Dan Arbell. Back together? Why Turkey-Israel relations may be thawing. The Brookings Institution. 14.12.2015. URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2015/12/14/back-together-why-turkey-israel-relations-may-be-thawing/> (дата обращения: 9.10.17).

23. Гасратян С. М. Отношения Израиля и Турции на современном этапе и исламский фактор. // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1474> (дата обращения: 9.09.17).
24. Country reports on terrorism 2005. United States Department of State. Office of the Coordinator for Counterterrorism. US Dept. of State Publication 11324. 2006. April. P. 196.
25. Neil MacFarquhar and Ethan Bronner. Report Finds Naval Blockade by Israel Legal but Faults Raid // The New York Times. 1.09.2011. URL: <http://www.nytimes.com/2011/09/02/world/middleeast/02flotilla.html> (дата обращения: 17.09.17).
26. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 70.
27. CNN. Part of NATO missile defense system goes live in Turkey. 16.01.2012. URL: <http://edition.cnn.com/2012/01/16/world/europe/turkey-radar-station/> (дата обращения: 20.09.17).
28. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 70.
29. Ministry of Foreign Affairs of Turkey (MFA). Press Statement by H. E. Recep Tayyip Erdoğan, The Prime Minister of the Republic of Turkey on Libya. 3.05.2011. URL: http://www.mfa.gov.tr/press-statement-by-h_e_-recep-tayyip-erdogan_-the-prime-minister-of-the-republic-of-turkey-on-libya_-3-may2011.en.mfa (дата обращения: 20.09.17).
30. Albright M. K. U. S. – Turkey relations a new partnership. Council on Foreign Relations. Independent Task Force Report, 69. 12.04.2016. URL: <http://www.cfr.org/turkey/us-turkey-relations/p28139> (дата обращения: 21.09.17).
31. Schanzer J, Tahiroglu M. Ankara's failure: How Turkey lost the Arab spring, Foreign Affairs. Retrieved 25. 01. 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2016-01-25/ankaras-failure> (дата обращения: 21.09.17).
32. White House calls for restraint at Gezi Park // World Bulletin. 2. 06. 2013. URL: <http://www.worldbulletin.net/news/110359/white-house-calls-for-restraint-at-gezi-park> (дата обращения: 25.09.17).
33. Ibid.
34. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 72.
35. Cagaptay S. Turkey and the battle for Kobane. The Washington Institute. 8.10.2014. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/turkey-and-the-battle-for-kobane>. (дата обращения: 25.09.17).
36. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 73.
37. Cagaptay S. Turkey and the battle for Kobane. The Washington Institute. 8.10.2014. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/turkey-and-the-battle-for-kobane> (дата обращения: 25.09.17).
38. Çandar C. Under pressure from Turkey, UN excludes PYD from Syria talks. Al-Monitor. 29.01.2016. URL: <http://www.almonitor.com/pulse/originals/2016/01/turkey-usa-syria-talks-ankara-wonbattle-against-pyd.html> (дата обращения: 25.09.17).
39. İdiz S. 2015, February 24. Questions remain over Turkey's training of Syrian opposition. Al-Monitor. 24.02.2015. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/02/turkey-usa-train-equip-syrian-opposition.html#ixzz4B3SjsW15> (дата обращения: 26.09.17).
40. ФЗ-376 от 14.10.2016. Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики (с изменениями на 18 января 2017 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/420329053> (дата обращения: 26.09.17).
41. Госдеп: 90 процентов ударов России в Сирии – по оппозиции. 8.10.2015 г. ВВС Русская служба. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2015/10/151007_us_russia_syria_targets (дата обращения: 27.09.17).
42. Лишь два из 57 ударов российской авиации в Сирии пришлось по ИГИЛ, – премьер Турции // REUTERS 7.10.2015 г. URL: <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKCN0S10TF20151007> (дата обращения: 27.09.17).
43. Эрдоган: Турция намерена и дальше защищать границы так же, как с Су-24 // РИА НОВОСТИ 26.11.2015. URL: <https://ria.ru/world/20151126/1328952123.html> (дата обращения: 27.09.17).
44. Песков: Обама выразил сожаление в связи с инцидентом с Су-24 // РИА НОВОСТИ 30. 11. 2015. URL: <https://ria.ru/world/20151130/1332850316.html> (дата обращения: 27. 09. 17).
45. Эрдоган заявил, что Анкара хочет избежать напряженности с Россией // РИА НОВОСТИ 1. 12. 2015. URL: <https://ria.ru/world/20151201/1333549396.html> (дата обращения: 27. 09. 17).
46. Итоги выборов в Турции // РИА НОВОСТИ. URL: https://ria.ru/trend/elections_Turkey_07062015/ (дата обращения: 27. 09. 17).
47. Filkins D. Erdogan's march to dictatorship in Turkey. The New Yorker. 31. 03. 16. URL: <http://www.newyorker.com/news/news-desk/erdogans-march-to-dictatorship-in-turkey> (дата обращения: 27. 09. 17).
48. Tharoor I. Turkey's Erdogan came to Washington, and things got a bit crazy. The Washington Post. 31. 03. 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/03/31/turkeyserdogan-came-to-washington-and-things-got-a-bit-crazy/> (дата обращения: 27. 09. 17).
49. Goldberg J. 2016. The Obama Doctrine. The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (дата обращения: 27. 09. 17).
50. Pearson W. R. The three faces of Turkey. Middle East Institute. 6. 01. 2016. URL: <http://www.mei.edu/content/article/three-faces-turkey>. (дата обращения: 30. 09. 17).

Notes and References

1. In June 1964 Lyndon Johnson sent to the Turkish President Ismet Ininev letter, which categorically demanded to stop the preparations for a military operation on the island of Cyprus. Ankara was offended by the tone of the letter that has caused an acute political crisis in relations between the two countries. See more: *Smol'nyak I. V. Sredizemnomorskij rubezh sderzhivaniya: kiprskaya problema v amerikano-tureckih otnosheniyah, 1962-1978 gg.* [Mediterranean line of containment: the Cyprus problem in the us-Turkish relations, 1962-1978] // *Vestnik VyatGU – Herald of VyatSU*. 2016, No. 12, pp. 42-54.
2. BBC. Turkish fury at US Iraq 'arrests'. 5.07.2003. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3047192.stm (accessed: 20.09.17).
3. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. Ankara. 2017. P. 64.
4. Rice Condoleezza. Transforming the Middle East // *The Washington Post*. 7. 08. 2003. Available at: https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/08/07/transforming-the-middle-east/2a267aac-4136-45ad-972f-106ac91e5acd/?utm_term=.917fd21d1ad2 (accessed: 22.09.17).
5. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 65.
6. Ministry of Foreign Affairs of Turkey (MFA). Shared vision and structured dialogue to advance the Turkish-American strategic partnership. 2006. Available at: from <http://www.mfa.gov.tr/data/DISPOLITIKA/> (accessed 22.09.17).
7. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 66.
8. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 66.
9. Ibid.
10. *Gordon P. H.* The United States and Turkey: A view from the Obama Administration. 2. 05. 2016. Available at: <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2010/138446.htm> (accessed: 23.09.17).
11. Ministry of Foreign Affairs of Turkey (MFA). Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H. E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organised by ATC-DEIK: 'Turkey-US relations: A Model Partnership, Global and Regional Dimensions'. Available at: http://www.mfa.gov.tr/minister_speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa (accessed: 23.09.17).
12. *Çandar C.* (2009). Barack Hussein Obama; Dürüst, Duyarlı, Dost. *Radikal*. 07.04.2009. Available at: <http://www.radikal.com.tr/yazarlar/cengizcandar/barack-hussein-obama-durust-duyarli-dost-929966/> (accessed: 26.09.17).
13. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 68.
14. United States Senate Concurrent Resolution. 64th Congress 1st Session. Available at: http://www.armenian-genocide.org/Affirmation.163/current_category.7/affirmation_detail.html, http://www.armenian-genocide.org/Affirmation.228/current_category.7/affirmation_detail.html (accessed: 01.10.17).
15. Congressional Record (далее – CR). 110th Congress, 1st Session. September 11. 2007. Vol. 153. № 134. Available at: <https://www.congress.gov/congressional-record/2007/9/11/extensions-of-remarks-section/article/e1866-5?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Armenian+%5C%22genocide%5C%22%22%5D%7D&r=159> (accessed: 01.10.17).
16. Ibid.
17. *Byvshie gossekretari SSHA trebuyut ot Kongressa ne vynosit' na golosovanie zakon o Genocide armyan.* 27. 09. 2007 – Former secretaries of USA urge Congress to pass the voting law on the Armenian Genocide. 27.09.2007 // IA REGNUM. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/891463.html> (date accessed: 02.10.17).
18. Bulent Aleriza. Obama's "Meds Yeghern" and U. S. -Turkish Relations. 11. 05 2015. Available at: <https://www.csis.org/analysis/obama%E2%80%99s-%E2%80%9Cmeds-yeghern%E2%80%9D-and-us-turkish-relations> (accessed: 02.10.17).
19. CR. 112th Congress, 2nd Session. May 31, 2012. Vol. 158. № 80. Available at: <https://www.congress.gov/congressional-record/2012/5/31/extensions-of-remarks-section/article/e924-3?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Armenian+%5C%22genocide%5C%22%22%5D%7D&r=62> (accessed: 15.09.17).
20. Ministry of Foreign Affairs of Turkey (MFA). Joint Declaration of the Ministers of Foreign Affairs of Turkey, Iran and Brazil. 17.05.2010 Available at: http://www.mfa.gov.tr/17_05_2010-joint-declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-turkey-iran-and-brazil.en.mfa (accessed: 9.10.17).
21. Ibid.
22. Dan Arbell. Back together? Why Turkey-Israel relations may be thawing. The Brookings Institution. 14.12.2015. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2015/12/14/back-together-why-turkey-israel-relations-may-be-thawing/> (accessed: 9.10.17).
23. Hasratyan, S. M. [Relationship of Israel and Turkey at present and the Islamic factor] // *International life*. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1474> (date accessed: 9.09.17).
24. Country reports on terrorism 2005. United States Department of State. Office of the Coordinator for Counterterrorism. US Dept. of State Publication 11324. 2006. April. P. 196.
25. Neil MacFarquhar and Ethan Bronner. Report Finds Naval Blockade by Israel Legal but Faults Raid // *The New York Times*. 1.09.2011. Available at: <http://www.nytimes.com/2011/09/02/world/middleeast/02flotilla.html> (accessed: 17.09.17).
26. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 70.
27. CNN. Part of NATO missile defense system goes live in Turkey. 16.01.2012. Available at: <http://edition.cnn.com/2012/01/16/world/europe/turkey-radar-station/> (accessed: 20.09.17).

28. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 70.
29. Ministry of Foreign Affairs of Turkey (MFA). Press Statement by H. E. Recep Tayyip Erdoğan, The Prime Minister of the Republic of Turkey on Libya. 3.05.2011. Available at: http://www.mfa.gov.tr/press-statement-by-h_e_-recep-tayyiperdogan_-the-prime-minister-of-the-republic-of-turkey-on-libya_-3-may2011.en.mfa (accessed: 20.09.17).
30. Albright M. K. U. S. – Turkey relations a new partnership. Council on Foreign Relations. Independent Task Force Report, 69. 12.04.2016. Available at: <http://www.cfr.org/turkey/us-turkey-relations/p28139> (accessed: 21.09.17).
31. Schanzer J., Tahiroglu M. Ankara's failure: How Turkey lost the Arab spring, Foreign Affairs. Retrieved 25. 01. 2016. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2016-01-25/ankaras-failure> (accessed: 21.09.17).
32. White House calls for restraint at Gezi Park. // World Bulletin. 2. 06. 2013. Available at: <http://www.worldbulletin.net/news/110359/white-house-calls-for-restraint-at-gezi-park> (accessed: 25.09.17).
33. Ibid.
34. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 72.
35. Cagaptay S. Turkey and the battle for Kobane. The Washington Institute. 8.10.2014. Available at: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/turkey-and-the-battle-for-kobane>. (accessed: 25.09.17).
36. Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach. P. 73.
37. Cagaptay S. Turkey and the battle for Kobane. The Washington Institute. 8.10.2014. Available at: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/turkey-and-the-battle-for-kobane> (accessed: 25.09.17).
38. Çandar C. Under pressure from Turkey, UN excludes PYD from Syria talks. Al-Monitor. 29.01.2016. Available at: <http://www.almonitor.com/pulse/originals/2016/01/turkey-usa-syria-talks-ankara-wonbattle-against-pyd.html> (accessed: 25.09.17).
39. İdiz S. 2015, February 24. Questions remain over Turkey's training of Syrian opposition. Al-Monitor. 24.02.2015. Available at: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/02/turkey-usa-train-equip-syrian-opposition.html#ixzz4B3SjsW15> (accessed: 26.09.17).
40. Ф3-376 (Federal law) from 14.10.2016. The agreement between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic on the placement of the aviation group of the Armed Forces of the Russian Federation on the territory of the Syrian Arab Republic (as amended on 18 January 2017). Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420329053> (date accessed: 26.09.17). (in Russ.)
41. Gosdep: 90 procentov udarov Rossii v Sirii – po oppozicii. 8.10.2015 g. BBC Russkaya sluzhba – Department of state: 90 percent of Russian strikes in Syria by the opposition. 8.10.2015. BBC Russian service. Available at: http://www.bbc.com/russian/news/2015/10/151007_us_russia_syria_targets (date accessed: 27.09.17).
42. Lish' dva iz 57 udarov rossijskoj aviacii v Sirii prishlis' po IGL, – prem'er Turcii – Only two of the 57 Russian air strikes in Syria got ISIS, – Prime Minister of Turkey // REUTERS 7.10.2015. Available at: <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKCN0S10TF20151007> (date accessed: 27.09.17).
43. EHRdogan: Turciya namerena i dal'she zashchishchat' granicy tak zhe, kak s Su-24 – Erdogan: Turkey will continue to protect the border as well as SU-24 // RIA NOVOSTI 26.11.2015. Available at: <https://ria.ru/world/20151126/1328952123.html> (date accessed: 27.09.17).
44. Peskov: Obama vyrazil sozhalenie v svyazi s incidentom s Su-24 – Peskov: Obama has expressed a regret in connection with the incident with SU-24 // RIA NOVOSTI 30. 11. 2015. Available at: <https://ria.ru/world/20151130/1332850316.html> (date accessed: 27. 09. 17).
45. EHRdogan zayavil, chto Ankara hochet izbezhat' napryazhennosti s Rossiej – Erdogan said that Ankara wanted to avoid tensions with Russia // RIA NOVOSTI 1.12.2015. Available at: <https://ria.ru/world/20151201/1333549396.html> (date accessed: 27. 09. 17).
46. Itogi vyborov v Turcii – The results of the elections in Turkey // RIA NOVOSTI. Available at: https://ria.ru/trend/elections_Turkey_07062015/ (date accessed: 27. 09. 17).
47. Filkins D. Erdogan's march to dictatorship in Turkey. The New Yorker. 31. 03. 16. Available at: <http://www.newyorker.com/news/news-desk/erdogans-march-to-dictatorship-in-turkey> (accessed: 27. 09. 17).
48. Tharoor I. Turkey's Erdogan came to Washington, and things got a bit crazy. The Washington Post. 31. 03. 2016. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/03/31/turkeyserdogan-came-to-washington-and-things-got-a-bit-crazy/> (accessed: 27. 09. 17).
49. Goldberg J. 2016. The Obama Doctrine. The Atlantic. Available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (accessed: 27. 09. 17).
50. Pearson W. R. The three faces of Turkey. Middle East Institute. 6. 01. 2016. Available at: <http://www.mei.edu/content/article/three-faces-turkey>. (accessed: 30. 09. 17).

УДК 94

Восточная Европа в американско-российских отношениях после 1991 г.*

Росина М. А.

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук,
Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: marina_rosina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу места и роли восточноевропейского региона в американско-российских отношениях после 1991 г. Внимание автора направлено на анализ политических и идеологических конструкций США и России, опыта их практического применения. Выявляются основные внешнеполитические инструменты, которые страны используют для сохранения и укрепления своего влияния в Восточной Европе. Делается вывод, что восточноевропейский регион по сей день сохраняет важное геополитическое и экономическое значение для США и России. Решения, принимаемые в Вашингтоне, направлены на распространение универсальных схем мирового устройства и обеспечение лидирующих позиций США на мировой арене. Россия ориентирована на обеспечение своей национальной безопасности. Особое внимание она уделяет геополитическим аспектам и обозначает постсоветское пространство как приоритетное направление своей внешней политики.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика США, внешняя политика России, Восточная Европа, расширение НАТО на Восток.

Eastern Europe in American-Russian relations after 1991

Rosina M. A.

candidate of historical sciences, associate professor of the Department of general history and political science,
VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: marina_rosina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the place and role of the Eastern European region in US-Russian relations after 1991. The author's attention is directed to the analysis of the political and ideological constructions of the USA and Russia, and the experience of their practical application, the main foreign policy instruments that countries use to preserve and strengthen their influence in Eastern Europe. It is concluded that the Eastern European region still retains an important geopolitical and economic value for the United States and Russia. The decisions made in Washington are aimed at spreading the universal schemes of the world order and ensuring the leading position of the United States on the world. Russia is focused on guarantees its national security. It pays special attention to geopolitical aspects and declares the post-Soviet sphere as a priority direction of her foreign policy.

Keywords: international relations, US foreign policy, Russia's foreign policy, Eastern Europe, NATO expansion to the East.

Восточная Европа на протяжении всей своей истории являлась регионом, где переплетались интересы великих держав. В XX в. она стала и «колыбелью холодной войны», и местом, где начался стремительный крах биполярной системы. В обоих случаях процессы, происходившие в восточноевропейском регионе, отражали коренные изменения фундаментальных основ мирового устройства и констатировали смену лидеров на международной арене.

В американско-российских отношениях Восточная Европа и сегодня сохраняет исключительное важное значение, что в первую очередь обусловлено её геостратегическим положением. Этот регион соприкасается с Чёрным, Средиземным и Балтийским морями, богат природными ресурсами и непосредственно граничит с Российской Федерацией. После 1991 г. роль нашей страны в восточноевропейском регионе изменилась. Расширение военно-политического блока НАТО и рост числа его военных баз создали угрозу безопасности России, сделав насущной необходимость искать способы защиты своих базовых национальных интересов. В Восточной Европе прослеживается тенденция к милитаризации политики и новой гонке вооружений между Вашингтоном и Москвой, что выражается в обоюдной «игре мускулами», участившихся учениях, увеличении контингентов вооруженных сил обеих сторон [1].

* Публикация подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6

© Росина М. А., 2017

В последние годы политологами, государственными и общественными деятелями как в нашей стране, так и за рубежом нередко озвучивается мысль, что под предлогом обеспечения собственной безопасности Россия стремится вернуть себе статус глобальной державы в международных отношениях. Соединенные Штаты в свою очередь всячески стараются воспрепятствовать этому, желая удержать лидирующее положение в мире.

На фоне обозначенных тенденций закономерным становится вопрос о том, закончилась ли холодная война, или в 1991 г. она на некоторое время перешла в фазу существенного ослабления конфронтации, которая спустя несколько лет вновь пошла на подъем? На современном этапе особенно актуальным становится рассмотрение политических и идеологических конструкций США и России и опыта их практического применения. Анализ места и роли восточноевропейского региона в американо-российских отношениях после 1991 г. позволит лучше понять эволюцию политики обеих держав по отношению друг к другу, а также разобраться в становлении современной системы международных отношений.

Распад СССР и всего соцблока повлек за собой резкое падение авторитета России в мире и стремительную переориентацию стран региона на Запад, что в мировом сообществе было воспринято как крах советской модели. США стремились удержать в сознании мировой общественности образ своей страны как победителя, который имеет полное моральное право формировать парадигму нового мирового устройства. В лучших традициях американского мессианизма Дж. Буш-старший заявлял об укреплении в мире либеральной идеологии. В 1991 г., говоря об изменениях в странах Восточной Европы, он отмечал, что США стремятся к укреплению международного порядка и построению мирового партнерства, основанного на общих ценностях, в числе которых идеи демократии, права человека, верховенство закона и рациональное экономическое управление, которые вместе являются залогом благополучия и процветания. Президент выражал готовность Вашингтона всячески содействовать укоренению этих ценностей в восточноевропейских странах [2].

Одним из наиболее эффективных инструментов усиления американских позиций в Восточной Европе стала продуманная экономическая политика в отношении бывшего соцлагеря. Принцип «открытых дверей» и «равных возможностей» во все времена способствовал укреплению влияния США в мире. На рубеже 1980–1990-х гг. американская администрация понимала, что «двери» в Восточную Европу «открылись», и важно успеть в них войти. Вашингтон стремился наладить торговлю со странами региона, отменить существовавшее прежде дискриминационные законы, создать основу укрепления экономических и политических отношений, содействовать интеграции региона в международную экономическую систему [3].

Для распространения американской либеральной идеологии в Восточной Европе стали активно использоваться различные образовательные программы, целью которых было привлечение лучших умов в США, содействие усилению политического плюрализма и подготовка проамериканской политической элиты в бывших социалистических странах [4].

Перечисленные инструменты использовались Соединенными Штатами и в отношении России, внешнеполитическая линия которой в начале 1990-х гг. в целом выстраивалась в выгодном для Вашингтона русле. Кремль стремился к либеральным преобразованиям и партнерским отношениям с США. Россия встала на путь построения демократического общества, политической и экономической трансформации, предприняла сокращения своих вооруженных сил, осуществила масштабный вывод войск из государств Центральной и Восточной Европы, вывела все ядерные вооружения в пределы своей национальной территории [5].

США были заинтересованы в том, чтобы максимально ослабить позиции бывшего соперника и предотвратить возрождение второго полюса силы. Нужно было сделать так, чтобы Россия не вернула себе былое влияние в Восточной Европе. С этой целью Вашингтоном и его западноевропейскими союзниками предпринимались попытки не допустить усиления роли Москвы в стабилизации обстановки в бывших республиках СССР и предотвратить возможную тенденцию на их сближение с Россией [6].

Объективно позиции стран Запада во главе с США усиливались, что неизбежно создавало угрозу безопасности России. Военно-политический блок НАТО не только не прекратил существование, но и стал распространять своё влияние на ряд стран Восточной Европы, которые стремились к отказу от социализма, его ценностей и образа жизни, выражали предпочтение либеральной идеологии, капитализму и евроинтеграции [7]. Переориентацию на Запад они связывали с надеждами на улучшение качества жизни, повышение доверия со стороны иностранных инвесторов, получение гарантий своей безопасности [8]. Практически сразу после распада соцблока несколько его бывших участников, в том числе Болгария и Румыния, решительно заявили о сво-

ём стремлении интегрироваться в Североатлантический альянс. Обозначенные тенденции оценивались позитивно и вдохновляли Вашингтон на оказание моральной и материальной поддержки этим странам [9].

Администрация У. Клинтона поддерживала и весьма «сговорчивый» режим Б. Н. Ельцина, в то время как в самой России росло недовольство населения внутривнутриполитическими преобразованиями и многочисленными уступками во внешней политике. Так, в 1993 г. напряженность в российско-американских отношениях стала создавать проблема расширения НАТО на восток. Президенты Польши, Чехии и Венгрии обратились к У. Клинтону с просьбой принять их страны в альянс. Румыния подала официальную заявку на членство, а парламент Болгарии принял декларацию, подтверждающую готовность страны присоединиться к НАТО. Фактически восточноевропейские страны сами провоцировали альянс на расширение, ему оставалось просто ответить согласием на их настойчивые просьбы. Дальнейшее развитие событий показало, что стремление к объединению было обоюдным и шло в унисон с политикой руководства Североатлантического союза. Несмотря на большое желание бывших соцстран войти в европейские структуры, всё-таки «последнее слово» в решении об их принятии в НАТО принадлежало США [10].

В июне 1993 г. администрация Клинтона одобрила политику включения государств бывшего соцблока в НАТО. В соответствии с ней альянс должен был сохранить центральную роль в европейской системе безопасности, принимая в свой состав только страны, соответствующие высоким политическим и военным критериям. Это предполагало, что вступление в блок будет происходить для разных государств в разное время и станет для них стимулом к обеспечению гражданского контроля над вооруженными силами, либерализации экономики и утверждению прав и свобод человека. При этом подчеркивалось, что происходящее является шагом навстречу России, а не попыткой повернуться к ней спиной [11].

Для реализации этой политики в 1994 г. начала действовать программа «Партнерство ради мира», предназначенная для военного сотрудничества НАТО с государствами, не являвшимися её членами. Уже в первый год к ней присоединились Албания, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия и Эстония, т. е. практически все европейские страны бывшего социалистического содружества.

В Москве надеялись, что участие в программе будет предусматривать только сотрудничество бывших соцстран с НАТО, но никак не их членство в блоке. Тем не менее уже тогда генеральный секретарь Североатлантического альянса М. Вернер высказывался об американской инициативе как о согласии с принципом расширения состава НАТО на перспективу [12]. Позиция США сводилась к утверждению, что страны Центральной и Юго-Восточной Европы независимы и способны самостоятельно решать, к каким военно-политическим организациям им присоединяться [13]. «Партнерство ради мира», таким образом, становилась «подготовительной школой» к членству в НАТО.

Перед США стояла задача открыть новым членам доступ в организацию, но сделать это так, чтобы не создать серьёзных осложнений для режима, существовавшего в России [14]. Правительница СССР была сосредоточена на решении внутренних проблем и еще не сформулировала свои внешнеполитические цели в долгосрочной перспективе, что создавало удобную для стран Запада ситуацию. Только в 1994 г. во время встречи с Клинтонем Ельцин публично озвучил стремление России сохранить свое доминирование на постсоветском пространстве и желание предотвратить расширение Североатлантического альянса на восток. Позиция Кремля сводилась к тому, что перенесение на Россию прежней конфронтационной логики, базировавшейся на сдерживании Советского Союза, неприемлемо.

Явные трения в российско-американских отношениях стали проявляться после назначения в январе 1996 г. на пост министра иностранных дел Е. М. Примакова. Постсоветское пространство объявлялось приоритетным направлением российской внешней политики, была озвучена концепция многополярности, а приближение НАТО к границам РФ оценивалось как потенциальная угроза [15]. Эти заявления не могли остановить набирающий ход процесс интеграции восточноевропейских стран в трансатлантические структуры. Россия не имела эффективных рычагов воздействия на руководство НАТО и возглавлявших её США. По итогам визита американского государственного секретаря У. Кристофера в Москву в марте 1996 г. стало ясно, что альянс будет принимать новых членов. При этом процесс расширения будет происходить с учётом позиции России, а самой России придётся адаптироваться к этому процессу [16].

В публичной дипломатии Вашингтон активно выставлял свою внешнюю политику как действующую безопасности всех стран, в том числе и России. В США понимали естественность того, что большинство россиян, памятуя о временах холодной войны, воспринимают НАТО в ка-

честве врага [17]. Стремясь усилить свои геополитические возможности за счёт стран Восточной Европы, Вашингтон был заинтересован заручиться гарантиями того, что не произойдёт резкой радикализации российской политики. Важно было сформировать у руководства России впечатление, что их страна не только находится в безопасности, но и получает ощутимую выгоду от сотрудничества с Западом.

В 1996 г. Клинтон, являвшийся активным сторонником политики расширения [18], на словах пообещал Ельцину, что если между ними будет достигнута договоренность по НАТО, то в течение нескольких лет блок не будет размещать на территории своих новых членов войска или ракеты, а США поддержат прием России в «Большую семерку», ВТО и другие международные организации [19]. В феврале 1997 г. новый госсекретарь США М. Олбрайт в беседе с Е. Примаковым отметила, что расширение альянса следует рассматривать как способ обеспечить стабильность в Центральной Европе, что соответствует российским интересам. В разговоре с Ельциным она подчеркнула, что НАТО изменилась и теперь осуществляет свою деятельность «на одной стороне» с Россией [20].

В качестве своеобразного «компромисса», окончательно включившего «зеленый свет» для расширения НАТО и в то же время дававшего хоть какие-то гарантии безопасности России, в мае 1997 г. Россией и НАТО был подписан основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. В нем отмечалось, что стороны «не рассматривают друг друга как противников, а их общей целью является преодоление остатков прежней конфронтации и соперничества, укрепление взаимного доверия и сотрудничества». Альянс брал на себя обязательства не размещать на территории новых членов ядерное вооружение, крупные группировки войск и не использовать бывшие военные базы ОВД [21]. Был создан ряд структур по взаимодействию сторон, в том числе Совместный постоянный совет, где Россия могла принимать участие в обсуждении проблем, затрагивающих её интересы. В июле 1997 г. руководители государств – членов НАТО на саммите в Мадриде одобрили решение о приеме в альянс Польши, Чехии и Венгрии, обозначили перспективу вступления в него ряда других стран.

В январе 1998 г. был подписан договор о партнерстве между альянсом и странами Балтии, который придавал официальный статус их отношениям в сфере безопасности и убеждал эти страны, что конечной целью Североатлантического блока была полная интеграция Эстонии, Литвы и Латвии в НАТО и другие международные организации [22]. Блок обеспечил себе выход к границам России, что в Кремле было воспринято как прямое подтверждение агрессивных намерений альянса и делало неизбежным вывод о том, что ушедший в прошлое блоковый этап противостояния носил не идеологический, а геополитический характер, и политика «сдерживания» России продолжается.

Обострению российско-американских отношений способствовало и то, что в 1999 г. в Югославии Североатлантический альянс впервые в истории применил силу не для обороны своих союзников и без согласия Совета Безопасности ООН [23]. В политике США стала прослеживаться тенденция самовольной трактовки решений Организации объединенных наций и наведения «порядка» в разных регионах мира исключительно по собственному усмотрению [24]. В 1999 г. была принята новая стратегическая концепция НАТО, в соответствии с которой альянс закрепил за собой право использовать силу за пределами своих границ, в том числе и на постсоветском пространстве [25].

После югославских событий в России стала преобладать антинатовская и антиамериканская риторика. Пришедший в Кремль в 2000 г. В. В. Путин выступил приверженцем идеи сильной и самодостаточной государственности. В начале первого президентского срока он видел свою цель в том, чтобы «вернуть России честь и достоинство» [26]. В концепции внешней политики РФ, принятой 28 июня 2000 г., отмечалось, что «нынешние политические и военные установки НАТО не совпадают с интересами безопасности Российской Федерации, а порой прямо противоречат им. Сотрудничество между Россией и НАТО возможно лишь в том случае, если оно будет строиться на основе должного учета интересов сторон и безусловного выполнения принятых на себя обязательств» [27].

На фоне трагических для США событий 11 сентября 2001 г. произошло некоторое потепление российско-американских и российско-натовских отношений, что формально закреплялось в Римских соглашениях, подписанных 28 мая 2002 г. В этом документе были определены области сотрудничества, в которых Россия и НАТО согласились работать вместе как равные партнеры [28]. В Кремле надеялись на налаживание отношений с США, но внешнеполитическая ситуация не способствовала этому. Вопреки словам о дружбе и сотрудничестве альянс во главе с США продолжил политику, стремительно ухудшающую геополитическое положение России. Идея, что

оборона территории НАТО начинается не у границ альянса, а в любом регионе мира, откуда исходит угроза для безопасности входящих в него стран, стала активно укореняться после сентября 2001 г. При этом стало проследиваться всё более широкое толкование термина «нападение», под которым начало пониматься не только применение военной силы [29].

В ноябре 2002 г. на саммите в Праге Болгария, Румыния, Словакия, Словения и три бывших советских республики: Литва, Латвия и Эстония – получили приглашение вступить в НАТО, а в 2004 г. эти страны официально вошли в альянс. Этот этап расширения стал самым массовым в истории блока, который теперь непосредственно приблизился к границам России. Напряженность в отношениях Вашингтона и Москвы нарастала. Кремль не мог не учитывать, что добровольное вхождение в орбиту США неизбежно будет сопровождаться подчинением этих стран экономическим и политическим интересам Вашингтона, их превращением в союзника низшего ранга [30]. Дипломатические протесты Москвы не могли изменить положение дел, она вновь была вынуждена принимать происходящее как данность и готовиться к возможному размещению военных баз Североатлантического альянса непосредственно возле государственных границ.

Ситуация осложнялась нестабильностью политических режимов в ряде бывших советских республик. В результате так называемых «цветных революций» к руководству в Грузии (в 2003 г.) и на Украине (в 2004–2005 гг.) пришли лидеры, не настроенные на конструктивный диалог с Москвой. Прозападные тенденции в политике этих стран резко возросли. Они желали максимально дистанцироваться от России. В. Ющенко и М. Саакашвили пытались активизировать деятельность региональной антироссийской организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова) и демонстративно выражали стремление своих стран стать членами НАТО. В России за происходившими протестами видели «руку Вашингтона», осуществлявшего поддержку протестных движений как финансово, так и информационно и обеспечивавшего себе таким способом контроль за той или иной страной через марионеточное правительство [31].

Особой остроты ситуация достигла в 2006 г., когда Дж. Буш-младший заявил о намерении блока разместить системы противоракетной обороны в Восточной Европе. Американская администрация объясняла свои планы необходимостью защитить западных союзников от возможной агрессии со стороны Ирана, но в Кремле это было воспринято как антироссийская мера.

Внешнеполитическая риторика Москвы стала более решительной и категоричной. В своих публичных выступлениях российский президент стал обращать внимание на сохранение Соединенными Штатами идеологических стереотипов времен холодной войны и фактическое продолжение политики «сдерживания» [32]. Продвижение передовых сил НАТО к государственным границам России называлось серьезным провоцирующим фактором, снижающим уровень взаимного доверия. При этом Путин указывал на шаткость звучащих из США доводов: ракетного оружия, реально угрожавшего Европе, не было и в обозримой перспективе не предвиделось [33].

Антироссийская позиция Вашингтона ярко проявилась на фоне грузино-югоосетинского конфликта 2008 г. США, используя средства массовой информации, содействовали формированию в сознании мировой общественности образа России как агрессора, угрожающего либеральному миропорядку.

Надежда на налаживание партнерских отношений между Вашингтоном и Москвой появилась с приходом в Белый дом администрации Б. Обамы и началом «перезагрузки» американо-российских отношений. Провозглашенная политика, однако, не отличалась четкостью и определенностью заложенного в неё смысла. Довольно быстро обозначились различия в понимании её сути. Россия воспринимала «перезагрузку» как готовность США сотрудничать с ней как с равным партнером. Вашингтон же был ориентирован лишь на улучшение общего климата двусторонних отношений при сохранении гегемонии США в мировой политике. НАТО продолжала политику расширения на восток. В 2009 г. её членами стали Албания и Хорватия. Вице-президентом США Д. Байденом и госсекретарем Х. Клинтон была выражена готовность евроатлантического сообщества сотрудничать и со временем принять в свой состав все страны Юго-Восточной Европы [34], что в перспективе создавало новые угрозы безопасности нашей страны.

Резкое обострение двусторонних отношений случилось в 2014 г. в связи с политическим кризисом на Украине, в ходе которого произошло воссоединение Крыма с Россией. Это событие было крайне негативно воспринято Соединенными Штатами и их союзниками и привело к введению антироссийских санкций. Западные демократии обвинили Кремль в нарушении украинского суверенитета и аннексии Крымского полуострова. Лидеры стран Балтии активно начали заявлять об опасениях, что их государства могут стать новыми целями для дальнейшей российской экспансии [35]. В конце 2014 г. Конгрессом США была принята резолюция 758 о резком осуждении действий Российской Федерации, «проводящей агрессивную политику против соседних стран с целью достижения политического и экономического господства» [36].

Несмотря на осложнение своего международного положения, Россия позитивно восприняла решение Крымской автономии войти в состав РФ и оказала ей всяческую поддержку. Важнейшей причиной этого было стремление Кремля не допустить появления баз НАТО в Севастополе и предотвратить вытеснение России из Причерноморья. В своей «Крымской речи» В. Путин акцентировал внимание на том, что после краха биполярной системы мир дестабилизировался и США содействуют краху Ялтинско-Потсдамской системы, руководствуются правом сильного, уверовав в свою избранность и исключительность, и при необходимости игнорируют и Совет Безопасности, и ООН в целом. Российский президент подчеркнул, что крымские власти опирались на своё право на самоопределение и на косовский прецедент, который был создан в ситуации, абсолютно аналогичной крымской. В этой связи обвинения, звучащие от Соединенных Штатов, являют собой пример политики двойных стандартов [37].

В условиях, когда Россия начала предпринимать реальные действия для защиты своих национальных интересов, в средствах массовой информации США и Западной Европы её политика стала характеризоваться как агрессивная. При этом информационный контент зачастую отличается проецированием личностных и политических характеристик Путина на всю внешнюю политику России. Формируется имидж российского президента как лидера, стремящегося к разрушению «демократического» мира, сформированного в 1989–1991 гг. [38] По мнению западных СМИ, предпринимая демонстративные меры в ответ на любые действия США по принципу «как аукнется, так и откликнется» [39], играя на боли и унижении российского народа от распада СССР, апеллируя к чувству национальной гордости, Путин провоцирует дестабилизацию международной обстановки и новую гонку вооружений. Особое внимание роли личностного фактора в американо-российских отношениях уделил Б. Обама. Покидая пост президента, он отметил, что отношения США с Россией в целом были стабильными при президенте Д. Медведеве, но все изменилось с возвращением в Кремль В. Путина. В России усилилась антиамериканская риторика, что «вернуло страны к духу враждебности, который существовал в эпоху холодной войны» [40].

Не имея широкого арсенала средств защиты собственных интересов, Россия особое внимание уделяет развитию военной сферы и позиционирует себя на международной арене как принципиального сторонника следования нормам международного права. Москва обвиняет Вашингтон в навязывании всему миру стандартов, которые не соответствуют ни образу жизни, ни традициям, ни культуре большинства стран [41]. Российское руководство отстаивает идею многополярного мира, не препятствующего реализации национального суверенитета, права каждого государства проводить самостоятельную внешнюю политику. В связи с этим своим приоритетом Россия называет тесную интеграцию с соседями с целью сохранить идентичность народов исторического Евразийского пространства, что в практической плоскости выразилось в создании ЕАЭС [42]. Таким способом Кремль преследует цель переломить опасную тенденцию по «растаскиванию» постсоветского пространства заинтересованными внешними силами в лице Европейского союза, США и Китая, а также обеспечить реальные условия для позиционирования России как центральной державы Евразии [43].

Рассматривая Восточную Европу как единый геополитический регион, нельзя забывать о том, что он представлен государствами с разной культурой, менталитетом и политическими традициями. На протяжении большей части своей истории эти страны были объектами политики великих держав и выступали в качестве разменной монеты в большой геополитической игре, нередко являясь объектом торга. По этим причинам политика восточноевропейских стран зачастую бывает неоднозначной. Каждое государство стремится извлечь максимальную выгоду, играя на противоречиях России и западных держав [44].

Восточноевропейский регион сохраняет важное значение в политике США и России. Предпринимаемые попытки налаживания конструктивного диалога чередуются с кризисными ситуациями. Это объясняется в первую очередь колоссальным значением данного региона для обеспечения безопасности Российской Федерации и её бескомпромиссностью в отстаивании своих национальных интересов на постсоветском пространстве. Ситуация осложняется также стремлением России к признанию её независимым и равноправным партнером США в решении глобальных проблем и нежеланием Вашингтона делить свои лидирующие позиции в мире с кем-либо ещё.

Решения, принимаемые в Вашингтоне, направлены на распространение универсальных схем устройства мира и обеспечение лидирующих позиций США на мировой арене. Стремясь к реализации своих интересов в Восточной Европе, Вашингтон использует для этого традиционные для американской внешней политики инструменты. Обвиняя Россию в стремлении к гегемонии в регионе, США последовательно усиливают свое влияние в нем. Для Вашингтона Восточная Европа представляет интерес в связи со стратегически выгодным геополитическим положе-

нием, удобным расположением транспортных коридоров, а также возможностью наглядно продемонстрировать уверенную победу либеральных ценностей в странах бывшего соцлагеря [45].

В публичной дипломатии американские лидеры активно представляют свою внешнюю политику как содействующую развитию, благополучию и безопасности всех стран, в том числе и России. Широко применяются экономические инструменты, представленные активной инвестиционной политикой, расширением объёмов торговли со странами Восточной Европы, содействием экономическим преобразованиям в либеральном ключе. Важнейший вклад в усиление американских позиций вносит расширение военно-политического блока НАТО и увеличение его возможностей за счёт включения в него восточноевропейских стран.

Особое место в американской политике отводится ведению информационной войны против России, созданию в её лице «образа врага», угрожающего либеральным ценностям и благополучию мирового сообщества. Соединенные Штаты выражают убежденность в том, что в российской политике возрождаются имперские амбиции и агрессивность, которые ставят под сомнение независимость малых государств на российской периферии.

Россия ориентирована на обеспечение своей национальной безопасности в долгосрочной перспективе. Особое внимание она уделяет геополитическим аспектам и обозначает постсоветское пространство как приоритетное направление своей внешней политики. После распада социалистической системы Россия лишилась эффективных инструментов обеспечения своего влияния в Восточной Европе и оказалась вынуждена занимать оборонительную позицию. Тенденция к расширению НАТО на восток убеждает Кремль в том, что Вашингтон продолжает политику «сдерживания» нашей страны, вынуждая её уделять особое внимание развитию армии и современной военной техники. В дипломатическом ключе на международной арене Россия позиционирует себя как страну, готовую к равноправному диалогу с США, сторонника многополярного мира, в котором все страны имеют возможность проводить самостоятельную внешнюю политику. В связи с этим особое значение придается соблюдению норм международного права, которыми, по мнению Москвы, Соединенные Штаты часто пренебрегают, руководствуясь правом сильного, навязывая разным странам свои ценности и идеалы и стремясь, тем самым, к утверждению однополярного мира.

Примечания и список литературы

1. Rosjanie, gdyby się uparli, dotarliby do Warszawy w 3 dni, ale jeszcze szybciej musieliby się wycofywać URL: <https://www.wprost.pl/tylko-u-nas/10044598/Rosjanie-gdyby-sie-uparli-dotarliby-do-Warszawy-w-3-dni-ale-jeszcze-szybciej-musieliby-sie-wycofywac.html>; Here's What Would Happen If Russia and NATO Went to War (or World War III) URL: http://inosmi.ru/military/20170302/238812565.html?utm_source=vk1; Mikhail Gorbachev: 'It All Looks as if the World Is Preparing for War' URL: http://inosmi.ru/politic/20170127/238615656.html?utm_source=vk1
2. Remarks to the Conference on Marketing Economics and Management Training for Eastern Europe. 1991. February 27. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=19341&st=Bulgaria&st1=NATO>; London Economic Summit Economic Declaration: Building World Partnership. 1991. July 17. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=19794&st=Bulgaria&st1=NATO>.
3. Letter to Congressional Leaders on Trade With Bulgaria. 1991. June 24. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=19728&st=Bulgaria&st1=NATO>; London Economic Summit Economic Declaration...
4. Remarks to the Conference on Marketing Economics and Management Training for Eastern Europe...
5. основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора // URL: http://www.nato.int/cps/ru/patohq/official_texts_25468.htm
6. *Примаков Е. М.* Собрание сочинений. Т. 3. Годы в большой политике. М., 2016. С. 164.
7. *Согрин В. В.* Американская империя как исторический и современный феномен // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 106.
8. *Язькова А. А.* Итоги Пражского саммита НАТО для стран Юго-Восточной Европы // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2003. С. 11.
9. Remarks to the Conference on Marketing Economics and Management Training for Eastern Europe...; Letter to Congressional Leaders...
10. *Примаков Е. М.* Указ. соч. С. 279; *Примаков Е. М.* Собрание сочинений. Т. 7. Мысли вслух. Россия: надежды и тревоги. М., 2016. С. 305.
11. Госпожа госсекретарь. Мемуары М. Олбрайт. М., 2004. С. 227–228.
12. *Примаков Е. М.* Собрание сочинений. Т. 3. ... С. 269–270.
13. *Тарасова Ю. А.* Вопрос о расширении НАТО на Восток в американо-российских отношениях в 90-е годы XX века / Ю. А. Тарасова, Р. В. Лурда, И. А. Ясеницкий, Ю. В. Войнаровская // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 119–122.
14. *Клинтон Б.* Моя жизнь. М., 2005. С. 636, 663.
15. *Примаков Е. М.* Собрание сочинений. Т. 3. ... С. 286.

16. Там же. С. 287, 291.
17. Press Briefing by Mike McCurry. 1997. March 20. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=48591&st=Bulgaria&st1=NATO>.
18. Клинтон Б. Указ. соч. С. 852; Госпожа госсекретарь... С. 346; Press Briefing by National Security Advisor Sandy Berger, Secretary of Defense William Cohen, and Deputy Secretary of State Strobe Talbott. 1997. July 2. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=48636&st=Bulgaria&st1=NATO>.
19. Клинтон Б. Указ. соч. С. 842-843.
20. Госпожа госсекретарь... С. 333-334.
21. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора...
22. Клинтон Б. Указ. соч. С. 867.
23. Примаков Е. М. Собрание сочинений. Т. 3. ... С. 357-358.
24. Согрин В. В. Указ. соч. С. 107.
25. Стратегическая концепция североатлантического союза 23-24 апреля 1999 г. // http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm.
26. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий. URL: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_mille-nium.html
27. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html.
28. Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО (Римская декларация). URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_19572.htm.
29. Приходько О. В. Глобализация военно-политической активности Запада // Обозреватель – Observer. 2013. № 6 (281). С. 5-6, 10.
30. Согрин В. В. Указ. соч. С. 102.
31. Гришин О. Е., Самсонова Е. М. «Цветные революции»: экспорт на постсоветское пространство // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 3(9). С. 82-83.
32. Речь В. Путина на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене. URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/>; Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603>; Речь В. В. Путина перед участниками заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014. URL: <https://rg.ru/2014/10/24/putin.html>
33. Речь В. Путина на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене...
34. The Balkans deserve this URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2010/may/30/balkans-sarajevo-european-atlantic-integration>; Польшанский Д. И. «Балканизация» и «европеизация» на юго-востоке Европы // Современная Европа. 2015. № 5 (65). С. 42.
35. Lithuania fears a Russian invasion. Now, it wants to build a border fence URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/01/17/lithuania-fears-a-russian-invasion-now-it-wants-to-build-a-border-fence/?utm_term=.0fab1404ad3c
36. Resolution strongly condemning the actions of the Russian Federation, under President Vladimir Putin, which has carried out a policy of aggression against neighboring countries aimed at political and economic domination. URL: <https://www.congress.gov/113/bills/hres/758/BILLS-113hres758ih.pdf>
37. Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 г. ...; Речь В. В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>
38. Putin's revenge URL: <http://www.newstatesman.com/world/2017/01/putins-revenge>
39. На саммите в Варшаве в июле 2016 г. страны НАТО решили направить в каждое из прибалтийских государств войска и авиацию Североатлантического альянса в качестве недвусмысленного акта сдерживания. Россия в ответ усилила группировку ядерных ракет малой дальности в Калининградской области. Putin's revenge....
40. Read What President Obama Said at His Final White House Press Conference URL: <http://time.com/4638406/president-obama-final-press-conference-transcript/>
41. Речь В. Путина на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене...; Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 г. ...; Речь В. В. Путина перед участниками заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. ...
42. Речь В. В. Путина перед участниками заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. ...
43. Васильева Н. А. ЕАЭС: российские геополитические интересы // Управленческое консультирование. 2015. № 11 (83). С. 98.
44. Приходько О. В. Указ. соч. С. 13; Васильева Н. А. Указ. соч. С. 104.
45. Голотвина Ю. Н. Указ. соч. С. 93-100.

Notes and References

1. Rosjanie, gdyby się uparli, dotarliby do Warszawy w 3 dni, ale jeszcze szybciej się musieliby wycofywać Available at: <https://www.wprost.pl/tylko-u-nas/10044598/Rosjanie-gdyby-sie-uparli-dotarliby-do-Warszawy-w-3-dni-ale-jeszcze-szybciej-musieliby-sie-wycofywac.html>; Here's What Would Happen If Russia and NATO Went to War (or World War III) Available at: http://inosmi.ru/military/20170302/238812565.html?utm_source=vk1;

- Mikhail Gorbachev: 'It All Looks as if the World Is Preparing for War', Available at: http://inosmi.ru/politic/20170127/238615656.html?utm_source=vk1
2. Remarks to the Conference on Marketing Economics and Management Training for Eastern Europe. 1991. February 27. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=19341&st=Bulgaria&st1=NATO>; London Economic Summit Economic Declaration: Building World Partnership. 1991. July 17. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=19794&st=Bulgaria&st1=NATO>.
 3. Letter to Congressional Leaders on Trade With Bulgaria. 1991. June 24. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=19728&st=Bulgaria&st1=NATO>; London Economic Summit Economic Declaration...
 4. Remarks to the Conference on Marketing Economics and Management Training for Eastern Europe...
 5. *Osnovopolagayushchij akt o vzaimnyh otnosheniyah, sotrudnichestve i bezopasnosti mezhdu Rossijskoj Federaciej i Organizaciej Severoatlanticheskogo dogovora* - The founding act on mutual relations, cooperation and security between the Russian Federation and the North Atlantic Treaty Organization // Available at: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm
 6. Primakov E. M. *Sobranie sochinenij. T. 3. Gody v bol'shoj politike* [Coll. works. Vol. 3. Years in politics]. M. 2016. P. 164.
 7. Sogrin V. V. *Amerikanskaya imperiya kak istoricheskij i sovremennyj fenomen* [American empire as a historical and a modern phenomenon] // *Novaya i novejšaya istoriya* - New and newest history. 2016, No. 3, p. 106.
 8. Yaz'kova A. A. *Itogi Prazhskogo sammita NATO dlya stran YUgo-Vostochnoj Evropy* [Results of the NATO Prague summit for South-Eastern Europe] // *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy* - European security: events, evaluations, forecasts. 2003. P. 11.
 9. Remarks to the Conference on Marketing Economics and Management Training for Eastern Europe...; Letter to Congressional Leaders...
 10. Primakov E. M. Op. cit. P. 279; Primakov E. M. *Sobranie sochinenij. T. 7. Mysli vsluh. Rossiya: nadezhdy i trevogi* [Coll. works. Vol. 7. Thinking out loud. Russia: hopes and anxieties]. M. 2016. P. 305.
 11. *Gospozha gossekretar'. Memuary M. Olbrajt* - Madam State Secretary. The Memoirs Of Madeleine Albright. M. 2004. Pp. 227-228.
 12. Primakov E.M. *Sobranie sochinenij* [Coll. works]. Vol. 3. ... Pp. 269-270.
 13. Tarasova YU. A. *Vopros o rasshirenii NATO na Vostok v amerikano-rossijskih otnosheniyah v 90-e gody XX veka* [Issue of NATO expansion to the East in USA-Russian relations in the 90-ies of XX century] / Y. A. Tarasova, R. V. Lurda, I. A. Yasenitsky, Yu. V. Wojnarowskaya // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* - Herald of Bryansk State University. 2016, No. 1 (27), pp. 119-122.
 14. Clinton B. *Moya zhizn'* [My life]. M. 2005. Pp. 636, 663.
 15. Primakov E.M. *Sobranie sochinenij* [Coll. works.] Vol. 3. ... P.286.
 16. Ibid. P. 287, 291.
 17. Press Briefing by Mike McCurry. 1997. March 20. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=48591&st=Bulgaria&st1=NATO>.
 18. Clinton B. Op. cit. P. 852; *Gospozha gossekretar'* - Madam Secretary... P. 346; Press Briefing by National Security Advisor Sandy Berger, Secretary of Defense William Cohen, and Deputy Secretary of State Strobe Talbott. 1997. July 2. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=48636&st=Bulgaria&st1=NATO>.
 19. Clinton B. Op. cit. Pp. 842-843.
 20. *Gospozha gossekretar'* - Madam Secretary... Pp. 333-334.
 21. *Osnovopolagayushchij akt o vzaimnyh otnosheniyah, sotrudnichestve i bezopasnosti mezhdu Rossijskoj Federaciej i Organizaciej Severoatlanticheskogo dogovora...* - The founding act on mutual relations, cooperation and security between the Russian Federation and the North Atlantic Treaty Organization...
 22. Clinton B. Op. cit. P. 867.
 23. Primakov E. M. *Sobranie sochinenij* [Coll. works]. Vol. 3. ... Pp. 357-358.
 24. Sogrin V. V. Op. cit. P. 107.
 25. *Strategicheskaya koncepciya severoatlanticheskogo soyuza 23-24 aprelya 1999 g.* - The strategic concept of the North-Atlantic Alliance on April 23-24, 1999 // http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm.
 26. Putin V. V. *Rossiya na rubezhe tysyacheletij* [Russia at the turn of the Millennium]. Available at: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html
 27. *Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* - Foreign policy concept of the Russian Federation. Available at: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html.
 28. *Deklaraciya glav gosudarstv i pravitel'stv Rossijskoj Federacii i gosudarstv - chlenov NATO (Rimskaya deklaraciya)* - Declaration of the heads of states and governments of the Russian Federation and states - members of NATO (the Rome Declaration). Available at: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_19572.htm.
 29. *Prihod'ko O. V. Globalizaciya voenno-politicheskoj aktivnosti Zapada* [Globalization of the military-political activity of the West] // *Obozrevatel* - Observer. 2013, No. 6 (281), pp. 5-6, 10.
 30. Sogrin V. V. Op. cit. P. 102.
 31. Grishin O. E., Samsonova E. M. «Cvetnye revolyucii»: ehksport na postsovetskoe prostranstvo ["Color revolutions": the export in the post-Soviet space] // *Problemy postsovetskogo prostranstva* - Problems of post-Soviet space. 2016, No. 3(9), pp. 82-83.

32. *Rech' V. Putina na Konferencii po voprosam politiki bezopasnosti v Myunhene* - Speech of V. Putin at the Conference on security policy in Munich. Available at: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/>; *Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federacii 18 marta 2014 g.* - Message from the President of the Russian Federation on March 18, 2014 Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> *Rech' V. V. Putina pered uchastnikami zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» 24 oktyabrya 2014* - Speech of V. V. Putin to the participants of the International discussion club "Valdai" 24 October 2014. Available at: <https://rg.ru/2014/10/24/putin.html>

33. *Rech' V. Putina na Konferencii po voprosam politiki bezopasnosti v Myunhene* - Speech of V. Putin at the Conference on security policy in Munich...

34. The Balkans deserve this Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2010/may/30/balkans-sarajevo-european-atlantic-integration>; Polyvyannyj D. I. «Balkanizaciya» i «evropeizaciya» na yugo-vostoke Evropy ["Balkanization" and "Europeanization" in the South-East of Europe] // *Sovremennaya Evropa* - Contemporary Europe. 2015, No. 5 (65), p. 42.

35. Lithuania fears a Russian invasion. Now, it wants to build a border fence Available at: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/01/17/lithuania-fears-a-russian-invasion-now-it-wants-to-build-a-border-fence/?utm_term=.0fab1404ad3c

36. Resolution strongly condemning the actions of the Russian Federation, under President Vladimir Putin, which has carried out a policy of aggression against neighboring countries aimed at political and economic domination. Available at: <https://www.congress.gov/113/bills/hres/758/BILLS-113hres758ih.pdf>

37. *Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federacii 18 marta 2014 g.* - Message from the President of the Russian Federation on March 18, 2014; *Rech' V. V. Putina na 70-j sessii General'noj Assamblei OON 28 sentyabrya 2015* - Speech of Vladimir Putin at the 70th session of the UNO General Assembly on 28 September 2015. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>

38. Putin's revenge. Available at: <http://www.newstatesman.com/world/2017/01/putins-revenge>

39. At the summit in Warsaw in July 2016, NATO decided to send to each of the Baltic States troops and NATO aircraft as an unambiguous act of deterrence. Russia in response has strengthened the group of nuclear short-range missiles in the Kaliningrad region. Putin's revenge....

40. Read What President Obama Said at His Final White House Press Conference Available at: <http://time.com/4638406/president-obama-final-press-conference-transcript/>

41. *Rech' V. Putina na Konferencii po voprosam politiki bezopasnosti v Myunhene* - Speech of V. Putin at the Conference on security policy in Munich...; *Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federacii 18 marta 2014 g.* - Message from the President of the Russian Federation on March 18, 2014; *Rech' V. V. Putina pered uchastnikami zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» 24 oktyabrya 2014* - Speech of V. V. Putin to the participants of the International discussion club "Valdai" on October 24, 2014...

42. *Rech' V. V. Putina pered uchastnikami zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» 24 oktyabrya 2014* - Speech of V. V. Putin to the participants of the International discussion club "Valdai" on October 24, 2014...

43. Vasil'eva N. A. *EAEHS: rossijskie geopoliticheskie interesy* [EEU: Russian geopolitical interests] // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* - Management consulting. 2015, No. 11 (83), p. 98.

44. Prikhodko O. V. Op. cit. P. 13; Vasilyeva N. A. Op. cit. P. 104.

45. Golotvina Yu. N. Op. cit. Pp. 93-100.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 883(092)

Роль эпитафия к роману Н. И. Греча «Черная женщина»

Ильченко Н. М.

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской и зарубежной филологии,
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,
603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1. E-mail: ilchenko2005@mail.ru

Киселева Е. В.

магистрант I курса, факультет гуманитарных наук, Нижегородский государственный педагогический
университет имени Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.
E-mail: eka-kiseleva@rambler.ru

Аннотация: Николай Иванович Греч – один из самых влиятельных людей историко-литературного процесса первой половины XIX в. Он, издатель первого патриотического журнала «Сын Отечества», педагог, автор нескольких учебников по грамматике русского языка, талантливый писатель, нуждается в возвращении объективной оценки своей жизненной позиции и творчества.

В статье представлено исследование внутритекстовой роли эпитафия к роману Н. И. Греча «Черная женщина». Неточная цитата из стихотворения Н. М. Карамзина «Послание к Дмитриеву...» отражает литературные и историко-культурные взгляды автора романа. Эпитафия рассматривается как важный элемент структурно-семантической организации текста, выражающий основную коллизию, тему, обозначая отношение к общей культурной системе. Эпитафия задает ключевые слова, формируя основное настроение и эмоциональную тональность романа. Данный подход способствует пониманию авторской позиции, которая связана с близостью Греча к Карамзину в восприятии пороков окружающего мира и четком представлении о добре и зле.

Ключевые слова: эпитафия, цитата, идея, авторская позиция, образ, функции.

The role of the role of the epigraph to the novel by N. I. Grech "Black Woman"

Ilchenko N. M.

doctor of philological sciences, professor, head of Department of Russian and foreign philology, Nizhny Novgorod
State Pedagogical University named after Kozma Minin. 1 Ulyanov str., 603950, Nizhny Novgorod.
E mail: ilchenko2005@mail.ru

Kiseleva E. V.

the student of I course, faculty of humanities, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named
after Kozma Minin. 1 Ulyanov str., 603950, Nizhny Novgorod. E-mail: ekakiseleva@rambler.ru

Abstract: Nikolai Ivanovich Grech – one of the most influential people of the historical and literary process of the first half of the XIX century. He is the publisher of the first patriotic magazine "Son of the Fatherland", a teacher, the author of several textbooks on the grammar of the Russian language, a talented writer, who needs to return an objective assessment of his life philosophy and creativity.

The article presents a study of the intratextual role of the epigraph from the novel "The Black Woman" by N. I. Grech. Inaccurate quote from the N. M. Karamzin's poem "Epistle to Dmitriev..." reflects the literary, historical and cultural views of the author of the novel. The epigraph is regarded as an important element of the structural and semantic organization of the text, expressing the basic conflict, the theme, denoting the relation to the common cultural system. The epigraph sets the Keywords, forming the basic mood and emotional tonality of the novel. This approach contributes to the understanding of the author's position, which is related to Grech's closeness to Karamzin in perceiving the vices of the outside world and a clear view of good and evil.

Keywords: epigraph, quote, idea, author's position, image, function.

Эпитафия раскрывает замысел автора произведения. И. В. Арнольд рассматривает эпитафия как «цитату или изречение, включенное между названием текста и его началом, иносказательно интерпретирующее текст как бы от лица другого автора «другим голосом» [1]. Выбор Н. И. Гре-

чем в качестве эпиграфа к роману «Черная женщина» (1834) цитаты из стихотворения Н. М. Карамзина «Послание к Дмитриеву в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости» (1794) указывает на близость этих авторов в ценностных ориентирах и в особенностях восприятия действительности.

В биографиях и мировоззрении Н. М. Карамзина (1766–1826) и Н. И. Греча (1787–1867) много общего: на протяжении всей творческой жизни и в самых разных интеллектуально-художественных сферах они стремились воспитать любовь к Отечеству, к русскому языку; их идеал – просвещенная монархия; важнейшими этапами в истории просвещения России была их журналистская деятельность в самых читаемых периодических изданиях начала XIX в. – «Вестнике Европы» и «Сыне Отечества».

Именем Н. М. Карамзина назван целый период в истории русской литературы, предшествующий пушкинскому. Однако в первой половине XIX в. было мнение, что преемником Н. М. Карамзина стал Н. И. Греч. Так, Ксенофонт Полевой ставил Н. И. Греча во главе литературного направления после Н. М. Карамзина: «Дело, начатое Карамзиным, с честью продолжил Н. И. Греч, и довершил заслуги свои языку изданием Грамматик, которые утвердили и распространили знание правил нашего языка. Одно это дало бы Н. И. Гречу место между почтенными нашими литераторами» [2].

Николай Иванович Греч – уникальная личность в истории русской литературы: журналист, писатель, критик, филолог-исследователь, педагог. В первой трети XIX в. он был известным человеком. В круг его тесного общения входят Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, К. Ф. Рылеев, А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, А. А. Бестужев и др. По разным причинам имя Н. И. Греча попало в разряд забытых и ушло из историко-литературного процесса. В этом же году исполняется 230 лет со дня его рождения, что является одной из причин напоминания о его романе «Черная женщина», одном из самых читаемых произведений тридцатых годов XIX в. Успех романа связан во многом с использованием элементов фантастики, присутствующей в это время в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Н. Загоскина, Н. А. Полевого, В. Ф. Одоевского, А. А. Бестужева-Марлинского и др. [3] Н. И. Греч вводит в повествование образ привидения черной женщины, которая является главному герою накануне какого-то важного события, чаще всего предупреждает об опасности.

В целом же события в романе Н. И. Греча представлены в точных хронологических рамках: действие начинается в сентябре 1796 г., а заканчивается в октябре 1817 г.. Герои делятся на два лагеря, группирующиеся вокруг положительного героя – Кемского и отрицательного – его сводной сестры Алевтины Михайловны, отобравшей через подложное завещание у князя законно ему принадлежащее состояние. Поэтому на его долю и долю близких ему людей выпадает долгое страдание.

На протяжении всего романа утверждается мысль: от всех потрясений, которые уготованы человеку, исцеляет истинная дружба и преданная любовь. Эта мысль является ведущей в словах, используемых в качестве эпиграфа:

Любовь и дружба! вот чем должно
Себя под солнцем утешать.
Искать блаженства нам не можно,
Но можно – менее страдать.
И кто любил, кто был любимым,
Был другом нежным, свято чтимым,
Тот в мире сем недаром жил,
Недаром землю бремнил! [4]

Фрагмент «Послания к Дмитриеву...» используется Н. И. Гречем без искажения смысла, но в цитату он все-таки вносит изменения: в первой строчке Греч меняет слово «можно» на «должно», усиливая его утвердительное значение, а в четвертой и пятой, наоборот, – вместо два раза повторяющихся «должно» использует «можно». Еще одно важное изменение: у Карамзина читаем: «Был другом нежным, другом чтимым» [5]; Греч повторяющееся слово «друг» меняет на «свято», подчеркивая этим наречием незыблемость дружбы.

Эпиграф считается элементом структурно-семантической организации текста. В этом смысле важное значение приобретает завязка романа – пребывание князя Кемского в Токсово, пригороде Петербурга. В этом таинственном месте встречаются практически все положительные герои романа – Хвалынский, Вышатын, Алимари, Бериллов, слуга Мишка. Впоследствии каждый из них сыграет важную роль в жизни главного героя. Бериллов окажется родным братом князя, с которым он был разлучен в детстве, а взаимоотношения Алимари и Кемского станут образцом бескорыстной дружбы, пронесенной через десятилетия. Алимари приходит на помощь князю в самые трудные моменты его жизни, своим поведением доказывая, что нужно жить «для дружбы и

добра» [6]. Хвалынский возьмет управление именем Кемского, когда сестра князя растратит большую часть состояния, а Вышатын поможет другу в поисках дочери.

Судьбы этих героев несколько раз пересекаются. Чувство духовной близости, которое они испытали в тот памятный вечер, навсегда сохранятся в их сердцах. Герои являют собой в романе пример добродетели и гуманности. Эпиграф определяет ключевые слова, которые формируют эмоциональную тональность при изображении близких людей князя. На первый план выходят слова «друг», «друзья», «дружба», «товарищ» и т. п., к которым часто присоединяются слова «любовь» и «любит». Например, Хвалынский «нежно любит» своего друга Кемского, с которым их связывают многие годы дружбы, а тот, в свою очередь, уверен, что «дружба его сохранила»; Кемский «полюбил художника» Берилова, в котором видит «давно потерянного друга»; Кемский, отвечая на упреки в баловстве слуги, говорит, что «он любит» его: это «верный друг», который «не понимал своего барина умом, но постигал его сердцем» [7]. Повторы привлекают внимание читателей, заостряют смысл романа, выраженный в словах эпиграфа. Верная дружба приносит утешение, уменьшает страдания. Благодаря друзьям, которые поддерживают князя в трудную минуту, вселяют надежду, он преодолевает преграды, сохраняя при этом благородство и цельность. «Дом Кемского сделался приютом любви, дружбы и тихих наслаждений жизнью» [8].

Заглавие, как и эпиграф, раскрывает замысел автора. Образ главного героя раскрывается и через его взаимодействие с призраком «черной женщины». Цепь событий, которая ведет Кемского к встрече с женой и дочерью, построена на появлении призрака – символа детских воспоминаний, связанного с эпидемией чумы в Москве. «Черную женщину», которая приходила к князю Кемскому в моменты «волнений душевных», он привык считать принадлежностью своей природы. «Черная женщина» становится неким маяком, освещающим главному герою путь к обретению счастья.

Н. И. Греч стремится показать, что лишь высокие чувства любви и дружбы являются нравственным критерием оценки личности человека, его ценности и цельности.

В «Послании к Дмитриеву...» Н. М. Карамзин предложил своеобразную «программу» для друзей-единомышленников:

А мы, любя дышать свободно,
Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды
Вовек дороги не нашли... [9]

Стихотворение отразило глубокий идейный кризис, пережитый писателем под влиянием событий Великой французской революции. 17 августа 1793 г. Карамзин писал Дмитриеву: «Поверишь ли, что ужасные потрясения Европы волнуют всю мою душу? Бегу в густую мрачность лесов – но мысль о разрушаемых городах и гибели людей везде теснит мое сердце» [10].

Мотив уединения в романе «Черная женщина» связан с судьбой Алексея Федоровича Кемского. Покой и «тихий кров» главный герой обретает лишь в симбирской деревне, с которой связаны важные события его жизни. Это тоже отсылка Н. И. Греча к биографии Н. М. Карамзина. Как известно, будущий историограф, как и герой романа, провел детские годы в имении своего отца в Симбирской губернии. Автор «Черной женщины» намеренно соединяет пространство своего героя и место рождения Н. М. Карамзина.

Мотив уединения вписывает роман Н. И. Греча в контекст русской литературной традиции: счастье в любви, дружбе, единении с природой. «Мы не должны унывать!» – утверждает Н. М. Карамзин в «Послании к Дмитриеву». Обращаясь к другу, он говорит о подруге «с милою душою», о «беседах опытных людей». Идиллический характер уединения присутствует в поэзии младших современников Карамзина – у В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, в пушкинском стихотворении «Деревня», первоначально опубликованном под названием «Уединение». Об уединении с возлюбленной мечтает герой повести М. П. Погодина «Адель» (1830) – поселиться на берегу Волги, жить в любви и согласии с женой, встречаться с близкими друзьями [11].

Финал романа «Черная женщина» можно считать счастливым: Бог соединяет много вытерпевших героев. При этом автор оговаривается, что это «исключение в обыкновенном порядке дел человеческих». Семья Алевтины Михайловны и ее окружение не наказываются за свои «преступления». Комментарий к этой, не новой, ситуации тоже присутствует в «Послании к Дмитриеву» Н. М. Карамзина:

...пусть они,
Сим миром правя искони,
И впредь творят что им угодно! [12]

Выполняя в романе внутритекстовую функцию, «Послание к Дмитриеву...» Н. М. Карамзина проясняет авторскую позицию: жизнь и людей не изменить, «жестокое сердца» не смягчатся,

«зло под солнцем бесконечно». К сожалению, осуждаемые Гречем пороки, связанные с изображением семьи сводной сестры князя, – подлость, коварство, злоба, лицемерие, неблагодарность – остаются в земной жизни. Счастье обретает, по Карамзину и Гречу, тот, кто «любил, кто был любимым, / Был другом нежным, другом чтимым» [13].

Таким образом, эпиграф – неточная цитата «Послания к Дмитриеву...» Н. М. Карамзина – выполняет идейно-тематическую функцию по отношению к роману Н. И. Греча: смысл человеческой жизни связан с верностью нравственным принципам. В конце послания звучит мудрое убеждение в том, что достойно проживший жизнь достойно встретит и смерть.

Для автора «Черной женщины» Н. М. Карамзин – авторитетный человек, мнение которого незыблемо. Об этом Н. И. Греч писал и в статье «Карамзин»: «Творения Карамзина, в которых отсвечивается необыкновенный ум, чистый вкус, ясная душа и доброе сердце, доставили ему множество друзей и читателей во всей русской публике» [14].

Примечания и список литературы

1. Арнольд И. В. Герменевтика эпиграфа // Слово. – Высказывание. – Дискурс : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. А. А. Харьковской. Самара, 2004. С. 8.
2. Речь, произнесенная К. А. Полевым // Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности Николая Ивановича Греча 27-го Декабря 1854 г. / сост. Кс. Полевым. СПб. : Тип. Акад. наук, 1855. С. 52.
3. См. об этом: Ильченко Н. М. «Черная женщина» Н. И. Греча: К проблеме цветовой символики // Русская речь. 2004. № 2. С. 6–12; Мацапура Л. В. Традиции А. Радклиф в романе Н. И. Греча «Черная женщина» // Вестник Днепропетровского университета им. А. Нобеля. 2013. № 2(6). С. 118–124; Ильченко Н. М. Образ Белой Дамы в интерпретации русских романтиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. № 30. С. 89–98; Ильченко Н. М. Образ итальянца как сюжетообразующий в романе Н. И. Греча «Черная женщина» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. № 32. С. 61–89.
4. Греч Н. И. Черная женщина // Три старинных романа : в 2 кн. М. : Современник, 1990. Кн. 2. С. 6.
5. Карамзин Н. М. «Послание к Дмитриеву в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости» // Русская поэзия XVIII века. М. : Худож. лит., 1972. С. 483.
6. Греч Н. И. Указ. соч. С. 259.
7. Там же. С. 26, 9; 85, 213; 32, 90.
8. Там же. С. 108.
9. Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 482.
10. Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 140.
11. Погодин М. П. Адель // Погодин М. П. Повести. Драма. М., 1984.
12. Карамзин Н. М. «Послание к Дмитриеву в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости»... С. 481.
13. Греч Н. И. Указ. соч. С. 6.
14. Греч Н. И. Карамзин // Сочинения Николая Греча. Часть пятая. Мелкие сочинения. СПб., 1838. С. 121.

Notes and References

1. Arnol'd I. V. *Germevntika ehpigrafa* [Hermeneutics of the epigraph]. // *Slovo. – Vyskazyvanie. – Diskurs : mezhvuz. sb. nauch. st.* - Word. – Statement. – Discourse : interuniv. coll. of scient. works / under the editorship of A. A. Kharkovskaya. Samara. 2004. P. 8.
2. *Rech', proiznesennaya K. A. Polevym* – A speech delivered by K. A. Polyevoy // *YUbilej pyatidesyatiletnej literaturnoj deyatel'nosti Nikolaya Ivanovicha Grecha 27-go Dekabrya 1854 g.* – Anniversary of fifty years of literary activity of Nikolai Ivanovich Grech, 27 December 1854 / comp. by Ks. Polyevoy. SPb. Typ. of Acad. of Sciences. 1855. P. 52.
3. See about this: *Il'chenko N. M. «CHernaya zhenshchina» N. I. Grecha: K probleme cvetovoj simvoliki* [Black woman" by N. I. Grech: the issue of color symbolism] // *Russkaya rech'* – Russian speech. 2004, No. 2, pp. 6–12; *Macapura L. V. Tradicii A. Radklif v romane N. I. Grecha «CHernaya zhenshchina»* [Traditions of A. Radcliffe in the novel by N. I. Grech "Black woman"] // *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta im. A. Nobelya* – Herald of Dnipropetrovsk University n.a. A. Nobelev. 2013, No. 2(6), pp. 118–124; *Il'chenko N. M. Obraz Beloj Damy v interpretacii russkih romantikov* [The image of the White Lady in the interpretation of Russian romantics] // *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* – Herald of the Nizhny Novgorod State Linguistic University n.a. N. A. Dobrolyubov. 2015, No. 30, pp. 89–98; *Il'chenko N. M. Obraz ital'yanca kak syuzhetoobrazuyushchij v romane N. I. Grecha CHernaya zhenshchina* [The image of the Italian as plot-making one in the novel by N. I. Grech "Black woman"] // *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* – Herald of the Nizhny Novgorod State Linguistic University n.a. N. A. Dobrolyubov. 2015, No. 32, pp. 61–89.
4. *Grech N. I. CHernaya zhenshchina* [Black woman] // *Tri starinnyh romana : v 2 kn.* – Three vintage novels: in 2 books. M. Sovremennik. 1990. Book 2. P. 6.
5. *Karamzin N. M. «Poslanie k Dmitrievu v otvet na ego stihy, v kotoryh on zhaluetsya na skorotechnost' schastlivoj molodosti»* ["Message to Dmitriev in response to his poems in which he laments the transience of happy youth"] // *Russian poetry of the XVIII century.* M. Khudozh. lit. 1972. P. 483.

6. Grech N. I. Op. cit. P. 259.
7. Ibid. P. 26, 9; 85, 213; 32, 90.
8. Ibid. P. 108.
9. Karamzin N. M. Op. cit. P. 482.
10. Karamzin N. M. *Izbrannye stat'i i pis'ma* [Selected articles and letters]. M. 1982. P. 140.
11. Pogodin M. P. *Adel' [Adele] // Pogodin M. P. Povesti. Dram* [Novels. Drama]. M. 1984.
12. Karamzin N. M. «*Poslanie k Dmitrievu v otvet na ego stihi, v kotoryh on zhaluetsya na skorotechnost' schastlivoj molodosti*» ["Message to Dmitriev in response to his poems in which he laments the transience of happy youth"]. P. 481.
13. Grech N. I. Op. cit. P. 6.
14. Grech N. I. *Karamzin [Karamzin] // Sochineniya Nikolaya Grecha. CHast' pyataya. Melkie sochineniya – Works of Nikolai Grech. Part five. Small compositions.* SPb. 1838. P. 121.

Отражение реалий и номинаций в традиционных формулах песен и баллад (по материалам сборника А. Васнецова «Песни северо-восточной России»)*

Поздеев В. А.

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: slavapozd@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье продолжается исследование реалий и номинаций в фольклорных жанрах. Изучение фольклорной лексики в песнях, балладах, романсах позволяет соединить это рассмотрение не только с особенностями региональной диалектной лексики, но и с проблемами формальности. В песнях формальность текста может «поддерживаться» разными методами. Одним из них является использование диалектной лексики, которая вошла в текст и которая является отражением идеальности. В статье показано, что иногда культурная семантика отражается в «признаках», которые являются неотъемлемой частью реалии и могут закрепляться как некие формулы и даже символы. Анализ имеющихся упоминаний в песнях, балладах позволил выделить несколько групп лексики, связанной с реалиями как крестьянского, так и городского быта. Все эти реалии могут встраиваться в определенные стереотипные формулы песни, баллады, романа.

Ключевые слова: песня, баллада, реалии, номинации, традиционные формулы.

A reflection of the reality and nominations in the traditional formulas of songs and ballads (on materials of the collection of A. Vasnetsov "Songs of the North-Eastern Russia")

Pozdeev V. A.

doctor of philological sciences, associate professor, professor, Department of Russian and foreign literature and methods of teaching, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: slavapozd@yandex.ru

Abstract: In this article, the study of realities and nominations in folklore genres continues. The study of folklore vocabulary in songs, ballads, romances allows us to combine this consideration not only with the peculiarities of regional dialect vocabulary, but also with the problems of formality. In songs, the formality of a text can be "supported" in different ways. One of them is the use of dialect vocabulary, which is included in the text, and which is a reflection of ideality. The article shows that sometimes cultural semantics is reflected in "signs" that are an integral part of reality and can be fixed as certain formulas and even symbols. Analysis of existing references in songs, ballads allowed to distinguish several groups of vocabulary related to the realities of both peasant and urban life. All these realities can be built into certain stereotyped formulas of a song, a ballad, a romance.

Keywords: song, ballad, reality, nomination, traditional formulas.

Язык фольклора является отражением культуры его носителей, поэтому проблема «язык и народная культура» может быть предметом изучения лингвистики, линвофольклористики и фольклористики. Язык фольклора выражает наивный образ мира, так как в самом языке (в семантике, сочетаемости, в синтаксисе, в лексической системе и т. п.) многое обусловлено культурой и мотивировано той картиной мира, которая сложилась в фольклорном сознании. Исследования фольклористов и линвофольклористов направлены прежде всего на язык фольклора как один из культурных кодов, как одну из форм выражения народной культуры (наряду с другими кодами и формами: ритуалом, искусством, собственно фольклором).

Между вербальным языком и традиционной народной культурой существует очевидная связь. Это объясняется сходством их функций – когнитивных, коммуникативных, социальных и пр. Как отмечал Н. И. Толстой, литературному языку соответствует элитарная культура, языковым диалектам – культурные диалекты, городскому просторечию – «третья» культура, арго – профессиональная культура и т. д. [1]

* Публикация выполнена в рамках проекта РФФИ, рег. № 16-04-00137а.

© Поздеев В. А., 2017

Материалом для наших наблюдений послужили тексты песен из сборника «Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты. Записаны Александром Васнецовым в Вятской губернии» в конце XIX в. на территории Вятской губернии (1894) и переиздания (1949) [2].

Вятский песенный материал, записанный А. М. Васнецовым в конце XIX в., представляет также и некоторый пласт номинаций городской лексики. Изучение фольклорной лексики позволяет соединить это рассмотрение не только с особенностями региональной диалектной лексики, но и с проблемами формульности. Наблюдая за формулами в песне, можно выявить те или иные явления в отражении реалий в ткани языка фольклора. К исследованию песенных формул обращались А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, М. П. Штокмар, П. Д. Ухов, Б. Н. Путилов и др. Формулой можно считать такую конструкцию, которая уже застыла и воспринимается как некое целое, то есть лексизирована. Такая формула не создается каждый раз заново, а воспроизводится без конструирования из составных элементов, поэтому эти формулы не порождают новый смысл. Так, в песнях есть такие отрезки текстов, которые являются своеобразными формулами с «устоявшейся» семантикой. В песнях формульность текста может «поддерживаться» разными методами. Одним из них является использование диалектной лексики, которая вошла в текст и которая является отражением идеалектности [3]. Например, в песне-балладе «Злой ли коренья у крапивушки, –/ Так лиха-лиха свекровушка до невестушки...» используется диалектное определение «стань рябинушкой ты жаравою» [4]. Однако дальше в песне-балладе метафора «невестушка – рябинушка» раскрывается в соответствии с народными стереотипами:

*Не руби-ка ты меня, рябинушку!
Не руби-ка ты меня, кудрявую!
Не топчи-ка ты малы отросточки!
Не рябинушку ты рубишь – молоду жену;
Не отросточки ты топчешь –
Малых детушек... (№ 19)*

В этом отрывке из песни-баллады можно видеть использование диалектного слова как некоего идеостилия, тогда как в другой песне использование определения не выражает особенности автора/исполнителя, а скорее является «формульным» выражением реальности.

*Цветна платьица не нашивала,
Потеряла трои золоты ключи,
Что на розовой ленточке.
Кто бы, кто бы мне те ключики нашел,
За того бы я замуж пошла. . .
За того бы я замуж пошла –
Поздоровалась, назад ушла. (№ 152)*

Употребление диалектной формулы «цветно платьице», «золоты ключи» органично включается в формулу «потери ключей», которая связана традиционными формулами сказки и свадебных причитаний. В языке культуры могут появиться разные значения одного прилагательного, потому что они могут входить в разные контексты. При этом их семантическая связь не обязательно разрывается полностью, потому что разные символы проявляются в разной степени и могут оставаться актуальными.

Слова, словосочетания, которые в контексте народной культуры часто отражают конкретные реалии, обладают, помимо общезыковых значений, еще и культурной семантикой. Иногда культурная семантика отражается в «признаках», которые являются неотъемлемой частью реалии и могут закрепляться как некие формулы и даже символы.

Одежда и детали одежды

«смур кафтан со сборами, / Кушак шелковый с полосами» (№ 11)
«шаровары на них плиса-бархатные, / А рубашки на них красно-розовые, / На русских кудрях шляпы черные, /А на шляпах ленты алые» (№ 12)
«бархатный кафтан», «шелковая рубашечка», «бархатные шаровары», «козловые сапоги»
«в тоненькой рабашечке, во чулочиках без башмачиков» (№ 11)
«подаренным мне платком» (№ 14)
«рубашеночка миткалинова» (№ 26)
«клубуцище» (№ 29)
«цветно платье» (№ 34)
«шляпа пуховая» (№ 36)
«черна шляпа» (№ 38, № 67)
«жилетка шелковая, брюки тонкого сукна, сапоги козловые» (№ 39)

- «в синем балахоне, шапочка с углами» (№ 40)
- «лента в три рубля» (№ 6/н)
- «шелковая голубая ленточка» (№ 79)
- «распуховая черна шляпа, расшелковые перчатки» (№ 81)
- «смур кафтан, опоясочка шелковая, рукавички барановые, сапожки сафьяновые, шапочка бархатная, рубашечка аленькая» (№ 83)
- «шуба алая, опушенная, опушка бобровая» (№ 91)
- «гарнитуровый платок» (№ 79-1)

Семантическая структура признака-символа в разделе «одежда и детали одежды» касается прежде всего соотношения разных компонентов значения. Как отмечала С. М. Толстая, «в культурном знаке денотативный компонент играет значительно меньшую роль, чем в слове, а прагматический и особенно оценочный – значительно большую. Кроме того, в языке культуры оказываются более значимыми вторичные, метафорические переосмысления конкретных признаков, наделение их идеологическими или мифологическими значениями. Референтное поле отдельных признаков в языке культуры может существенно отличаться от предметной области соответствующего прилагательного в языке...» [5]

Домашняя и кухонная утварь

- «кувшин пивца» (№ 11)
- «рюмка водки» (№ 5)
- «графин водки» (№ 87)
- «стакан водки» (№ 87)
- «серебряный поднос» (№ 57)
- «чара медная» (№ 20)
- «острый топорик» (№ 19)
- «перстень золотой» (№ 76)
- «частный новы гребешок» (№ 39)
- «клеточка серебряная решеточка» (№ 41)
- «мягкая постель», «пуховые подушки» (№ 15, 76)
- «шкафчик» (№ 87)
- «пухова-мягка постель» (№ 46)
- «соболиное одеяло» (№ 76)
- «шито-бран полог» (№ 6\н С. 113)
- «ситечком сечет, ведром поливает» (№ 101)

Внутреннее убранство дома

- «от горницы да до горницы» (№181)
- «новая комора» (клеть, чулан, кладовая) (№ 16)
- «горенка, сенечки, дворик» (№ 24)
- «постель, растесовая кровать, соболиное одеяло» (№ 30)
- «фатера» (№ 35)
- «изба кленовая» (№ 42)
- «веничек-лоза» (№ 51)
- «кровать новая растесовая» (№ 64)
- «высокие хоромы, крашенные окошки» (№ 99)
- «сголовьице» (№ 103)

Предметы и приспособления упряжи лошадей

- «сбруя ратная» (№ 3)
- «поратная сбруя» (№ 15)
- «седелчко ново» (№ 16)
- «хомутики, саночки дубовые, оглобли вязовы» (№ 18)
- «плеточкой машет» (№ 35)
- «каретушка» (№ 55)
- «тесмяная узда» (№ 60)

Родство и родственные отношения

- «братец любимый, сестра» (№ 20)
- «малы детушки, дочь, светик-батюшка, матушка» (№ 21)
- «вдова, девять сыновей, родные племяннички, зять» (№ 25)
- «кумушки-голубушки, сестрицы мои» (№ 56)
- «золовка, деверья» (№ 92)

Досуговая деятельность

«весточка пала» (№ 15)
«письмо писать» (№ 27)
«венец наденут» (№ 85)
«гусли тонко-звончатые»
«неводочки шелковы» (№ 81)
«гусли грянули» (№ 97)
«Во гробе лежит,
Его белые руки
На белой груди;
Его очи ясны
Закрыты тафтой,
Белым полотном,
Черною тафтою» (№ 82)

Все эти реалии могут встраиваться в определенные стереотипные формулы песни, баллады, романса. Признаки предметов, отраженные в песенной лексике, во многом зависят от «контекста» других признаков и свойств объектов. Одной из наиболее важных сторон в песенной лексике является культурная семантика, которая связана как с реалиями, так и с эмоционально-оценочным значением. Анализ имеющихся упоминаний в песнях позволил выделить несколько групп лексики, связанной с реалиями городского быта.

*Я из горенки в горенку ходила,
Я ко **шкафчику**, младенька, подходила,
Изо шкафчика **графин водки** добывала
Из графина стакан водки наливала
Я кого верно любила, тому подавала...* (№ 87)

Например, в одной из песен появляются реалии из жизни городских чиновных людей:

*Во карман ручки опускал,
Черниленку вынимал;
Черниленку со пером,
Лист бумаги со вербом (гербом).
Мелки писемца писал...*

После введения таких «городских» реалий в песне используются и песенные формулы, которые были характерны для традиционных крестьянских песен, а впоследствии стали достоянием и романсов:

*«Сударушка-девушка!
Белая лебедушка!
Сизая касатушка!
Вечер был я у тебя,
Не признала ты меня,
Отсылала от себя:
Поди, поди, парень, прочь!
Поди от меня!
Поди, молодец,
Во **гостинный во дворец!**»
Парень собирался,
Во гостинный отправлялся,
С милой распрощался:
«Ты прощай, прощай, милая! Прощай, дорогая!» [6]*

Тексты песен, составленные (сложенные) из элементов типовых, формульных, общеизвестных, но с введением «новой» лексики, все-таки воспринимались как «свои», тем более «городская» лексика активно входила в обиход во второй половине XIX – начале XX в.

Городские реалии большей частью проявляются в песнях-романсах, в которых формулы отражают мелодраматичность ситуаций:

*Подойди хоть, злой изменщик,
Ты ко гробу моему,
Прочитай на гробе надпись,
Золотые литеры,
Золотые литеры –
Я хорошенька была... (№ 85)*

Язык и культура часто выступают как дополняющие или дублирующие друг друга: одни и те же смыслы выражаются то вербально, то ритуально, то предметно и т. д. Основные значения признаков формируются как культурные коды, которые отражают не только прагматику быта, но эмоциональные оценки, чаще связанные с крайними положительными или отрицательными значениями.

*Доставалась красна девица
Ни людям, ни мне;
Досталась красна девица
Лакею – свинье! (№ 88)*

Наиболее репрезентативные группы лексики в текстах вятских песен соотнесены с крестьянскими понятиями любви-верности. Однако городские реалии, введённые в эти песни, не кажутся уже чужеродными: «*Во гостинный во дворец...*» (№ 152)

Семантическая трактовка этих формул отражает стереотипы, сформированные как песенной традицией, так и другими фольклорными жанрами. Например, игровая и свадебная реальность соприкасаются и создают некий новый «сюжетный ход» для песни:

*Во лазори светит месяц–
Жемчужное кольцо.
У девицы чернбровой
Разгорелось лицо.
На ее красу-печаль
Смотрит парень молодой.
Он смотреть ее подходит,
За ручку берет;
Речь с красавицей заводит,
Песни весело поет.
Разойдутся, не кружатся,
И опять рука с рукой,
Алой лентой перевьются
И любят себя собой.
В самом деле, чем не пара?
Хоть сейчас под венец.
Когда девице сказали,
Было пляске конец;
Было пляске конец,
Распрощался молодец. (№ 162)
Закручинился Борис;
Он и **полы-то подтыкал,**
Рукава подвязал,
На игрище побежал.
– Добрые люди!
Не жалуйте на свадьбу:
Пивца-винца не стало,
Хлеба-соли не достало. (№ 167)*

С. М. Толстая высказала мысль о том, что наиболее интересны взаимные семантические переклички донорской и реципиентной областей, то есть тот пласт культуры, из которого берется реалья и номинация, и тот, в который переносится [6]. Возможно, такое сближение двух сфер действительности и соответствующих ментальных представлений и интерпретаций их имеет некоторые общие стереотипы. Также можно считать, что в них присутствуют не индивидуальные, а традиционные тропы мифопоэтического языка.

Примечания и список литературы

1. Толстой Н. И. Язык и народная культура. М., 1995. С. 15–26.
2. Васнецов Александр. Песни северо-восточной России, записанные в Вятской губернии в 1868–1894 гг. Киров : Киров. обл. гос. изд-во, 1949. Далее номера текстов из этого издания даются в круглых скобках.
3. Праведников С. П. Основы фольклорной диалектики. Курск : Курск. гос. ун-т, 2010. С. 44.
4. Жаровой – стройный прямой лес. «Лес жаравой, – сосны, как тебе свечка» : материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Вятка, 1907. С. 68.
5. Толстая С. М. Категория признака в символическом языке и культуре // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 130. (Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г.)
6. Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты. Записаны Александром Васнецовым в Вятской губернии. М., 1894. № 3.

7. Толстая С. М. Коды культуры и культурные контексты // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 112. (Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г.)

Notes and References

1. Tolstoj N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura* [Language and folk culture]. M. 1995. Pp. 15-26.
2. Vasnecov Aleksandr. *Pesni severo-vostochnoj Rossii, zapisannye v Vyatskoj gubernii v 1868–1894 gg.* [Songs of the North East of Russia, recorded in Vyatka province in 1868-1894]. Kirov. Kirov regional state publishing house. 1949. Other numbers of texts from this edition are given in parentheses.
3. Pravednikov S. P. *Osnovy fol'klornoj dialektiki* [Fundamentals of folk dialectics]. Kursk. Kursk State University. 2010. P. 44.
4. *Zharovoy* – is a slender, straight wood. "Zharavoy forest, – pines as the candle" : the explanatory materials for the regional dictionary of Vyatka dialects by N. M. Vasnetsov. Vyatka. 1907. P. 68.
5. Tolstaya S. M. *Kategoriya priznaka v simvolicheskom yazyke i kul'ture* [Category of sign in symbolic language and culture] // Tolstoj N. I., Tolstaya S. M. *Slavyanskaya ehtnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic ethnolinguistics: theory]. M. Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences. 2013. P. 130. (Materials of the Second all-Russia conference of Slavists 5–6 November 2013)
6. *Pesni severo-vostochnoj Rossii. Pesni, velichaniya i prichety. Zapisany Aleksandrom Vasnecovym v Vyatskoj gubernii* – Songs of the North Eastern Russia. Songs, glorification and lamentations. Written by Alexander Vasnetsov in the Vyatka province. M. 1894. No. 3.
7. Thick S. M. [Codes of culture and cultural contexts] // Tolstoj N. I., Tolstaya S. M. *Slavyanskaya ehtnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic ethnolinguistics: theory]. M. Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences. 2013. P. 112. (Materials of the Second all-Russia conference of Slavists 5–6 November 2013)

Реалии и их номинации в свадебных приговорах дружки*

Крашенинникова Ю. А.

кандидат филологических наук, заведующая сектором фольклора, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.
E-mail: krashennnikova@rambler.ru

Аннотация: Работа является продолжением сделанных ранее наблюдений в области проблемы реалий и их номинаций в поэтическом тексте свадьбы на материале жанра свадебных приговоров. Автор, используя опубликованные и архивные материалы XIX – XX вв., рассматривает лексику нескольких групп (кухонная утварь; пища; конская амуниция). Избирательность в выборе фольклорного материала, записанного в Вятском регионе в разные годы, позволяет увидеть частную систему реалий и их номинаций со своими доминантами и периферийными явлениями, свойственную одному фольклорному жанру, увидеть предпочтения исполнителей и публикаторов свадебных приговоров в необходимости поэтической трактовки той или иной номинации.

Ключевые слова: свадебный обряд, свадебные приговоры, реалии, номинации, семантика.

Realities and their nominations in the wedding groomsman sentences

Krashennnikova Yu. A.

candidate of philological sciences, head of Sector of folklore, Institute of language, literature and history, Komi Scientific Center, UB RAS. 26 Kommunisticheskaya str., 167982, Syktyvkar.
E-mail: krashennnikova@rambler.ru

Abstract: The observations in the field of a problem of realities and their nominations on the material of wedding speeches are offered in the article. The author using the published and archival materials of 19th – 20th century considers the vocabulary of several groups (pots and pans and kitchen-ware; food; horse harness). Selectivity in the choice of the folklore material which is written down in the Vyatka region in different years allows to see a private system of realities and their nominations with the dominants and the peripheral phenomena in one folklore genre, preferences of performers and publishers of wedding speeches in poetic interpretation of some nominations.

Keywords: wedding ceremony, speeches of wedding groomsman, realities, nominations, semantic.

Настоящее исследование является продолжением начатых нами наблюдений в области проблемы реалий и их номинаций в поэтическом тексте свадьбы на материале свадебных приговоров. Тексты этого жанра регулируют движение обряда, организуют и комментируют действия персонажей; помимо этого персонажи, включающие в свой репертуар приговоры, формируют ответную реакцию и реагируют на изменения, которые привносятся участниками свадебного действия. Если брать во внимание приговоры свадебных дружек (на материале которого и выполнена данная работа), то, являясь по большей части мужским жанром, приговоры описывают преимущественно мужскую сторону ритуала (действия, эмоциональную составляющую, «портреты»). С другой стороны, поскольку дружка организует обряд, комментирует его с момента сбора жениха в его доме до первой брачной ночи (в ряде локальных традиций активна роль дружки и на второй день свадьбы), включая перемещения свадебного поезда, действия участников свадьбы в доме невесты до венца и в доме жениха до и после венца, образу невесты и женской линии также уделено внимание в свадебных приговорах.

Материалом для наших наблюдений послужили опубликованные и архивные записи фольклорных текстов, сделанные в XIX – конце XX в. на территории Вятской губернии, ныне Кировской области. Мы анализировали записи приговоров свадебных дружек, сделанные в разных уездах и районах Вятского края (в частности, Вятском, Глазовском, Котельничском, Сарапульском, Слободском, Малмыжском, Нолинском, Яранском уездах), и архивные материалы, хранящиеся в научных и фольклорных архивах РГО, РЭМ, ГАКО, МГУ, СыктГУ [1].

Анализ имеющихся текстов и фрагментов вятских приговоров позволил выделить несколько (наиболее репрезентативных) групп лексики: одежда и детали одежды; свадебные чины; кухонная утварь; предметы и приспособления упряжи лошадей; внутреннее убранство дома; родство и родственные отношения, этапы обряда и ритуальные действия.

* Публикация выполнена в рамках проекта РФФИ, рег. № 16-04-00137а.

© Крашенинникова Ю. А., 2017

Очевидно, что перечень словарных статей, посвященных свадебному обряду, несомненно, был бы шире, если его составлять с учетом опубликованных и архивных материалов XIX–XXI вв., посвященных свадьбе, включая разные фольклорные жанры и фольклорно-этнографические описания, содержащиеся в разного рода источниках (краеведческие очерки, путевые заметки, очерки корреспондентов разных обществ, записи исследователей и проч.).

С другой стороны, избирательность в выборе фольклорного материала, записанного в конкретном регионе в разные годы, хороша тем, что позволяет увидеть частную систему реалий и их номинаций со своими доминантами и периферийными явлениями, свойственную одному фольклорному жанру. Сопоставление разновременных записей одного региона показывает частотность лексических единиц, в ряде случаев позволяет проследить диахронические изменения в мотивациях, увидеть предпочтения исполнителей свадебных приговоров в необходимости поэтической трактовки той или иной номинации. Еще один аспект проблемы связан с интерпретацией и описанием реалий в поэтических текстах, статичностью и варьированием содержательного плана таких описаний, степенью соотнесенности с этнографическим контекстом.

Ранее мы рассмотрели номинации двух групп – **одежда и детали одежды; свадебные чины** [2]. В настоящей статье мы уделим внимание группам **кухонная утварь; пища; конская амуниция**.

Кухонная утварь (относятся столовые, вспомогательные кухонные приборы и емкости, различный текстиль). Названия предметов кухонной утвари фиксируются преимущественно в приговорах, связанных с темой свадебного застолья (подготовка свадебного стола, свадебный пир). В этой группе «лидирующее» положение по частоте встречаемости занимает предмет, который упоминается во многих разновременных поэтических текстах вятской традиции. Дружка, организуя свадебное застолье, просит дать ему *ложку*, которая, исходя из содержания текстов, используется как столовый прибор, а также выступает в качестве средства регулирования смены блюд, устрашения, усмирения непослушных гостей: «*Дайте ложку-долгочеренку, как хлебнуть, так и за пояс заткнуть, молодых молодухек под бок ткнуть, чтобы оне не дремали, а почашие нам ись-пить подавали...*» [3], «*Чтобы хватило хлебнуть, // За пояс заткнуть. // А если кто на свадьбе зашумит, // И по лбу колонуть*» [4] (вар.: «*молодых девушек под бок ткнуть*» [5], «*Ребенки зашалают – по лбу колонуть...*» [6], «*...ложку поболе, // Чтобы можно было бы раз хлебнуть, // Два хлебнуть // Да непослушных гостей (ребят) // По лбу хлестнуть, // Затем за пояс заткнуть*» [7]) и др. Этот предмет наделен в текстах близкими по вербальной манифестации характеристиками, благодаря которым прямо или косвенно подчеркивается длина рукоятки и емкость ложки [8]: «*ложка-долгочерпалка*» (1893 год записи), «*ложка – черень долгий*» (1894), «*ложка долгочеренка*» (1895), «*ложка-долгоноска*» (1904), «*ложка-долгочеренка*» (1941), «*ложка с длинным черевнем*» (1988), «*ложка-долгочерпалка*» (1990), «*ложка-поварешка*» (1990), «*ложка, большая поварешка*» (1990), «*ложечка-долгоносочка*» (1990), «*ложка долгореченка*» (1997), «*ложка поболе*» (2003), «*большая ложка*» (2003). Поздние по времени записи тексты конца XX в. демонстрируют изменения, произошедшие с эпитетом, в частности нарушение слоговой структуры слова, влекущей за собой потерю смысла (например, в сочетании «*ложка долгореченка*»), упрощение / усечение характеристики («*большая ложка*» вместо черпалки или половника [9]).

Упоминания других предметов группы 'кухонная утварь' менее частотны или единичны и встречаются, как правило, в текстах с формулой 'свадебный стол' («*столы дубовые, скатерти браные, яства сахарные, питья медвяные*» [10]), которая в некоторых приговорах может расширяться за счет перечня однородных дополнений – названий предметов кухонной утвари, например:

Ну, тепере, сватушко,
Поставь нам столики дубовые,
Столешенки кленовые,
Скатерти браные,
Полотенца белые,
Чашечки медные,
Тарелочки серебряные,
Ножики булатные,
Вильцы костяные
Ложечки полуженные,
Чтобы для всех были положенные.
Дайте нам на руки по утирочке... [11]

В этих перечнях-описаниях предметы, по большей части, во множественном числе имеют уточняющую качественную характеристику: *чашечки медные* (вар.: *травчатые* [12]), *тарелочки*

серебряные (вар.: тарелки серебряны), *ножи(ч)ки* булатные, *вилки* (вилыцы, вилочки) костяные, стальныѐ, золочены, укладные [13], *ложки* (ложечки) полуженные [14], серебряны, репчатые [15], точены(е), кленовые; *стаканчики* хрустальные, *подносы* жестяные, *ставцы* [16] медны-лужены. По одному разу зафиксированы собирательные номинации: посуда, блюдечки-чашечки клетчатые.

Из предметов текстиля отмечены *скатерти* (вар.: скатерочки) бранные (2 раза), перебирныѐ, шелковые (2), шит-браные, шелковые, переборчатые; *полотенца* белые, шелковые (вар.: наспичники [17] вышитые, нарушники браны).

Некоторые предметы упоминаются в качестве меры подаваемых напитков, например: «Пивчо подавать *травчатой чашечкой*, // Винчо – *шлифованным стаканом...*» (Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 8об. Зап. в Вятском или Нолинском у. до 1893 г.), «Сватушка, подавай *пиво жбанчиком, вино стаканчиком*» [Скоморошина 1997, 39], «Я вам дам шерсти пуд да *пива куб*» [18], «Винцо-то неси не *шкаличком* – не *косушечкой*, а целой *четвертушечкой* [19], «Нет ли у вас примочки из *сороковой бочки* во рту помочить, мой язычок подлечить» [20].

В вятских текстах выявлена небольшая группа названий, связанных с **пищей**. Чаще свадебное угощение называется собирательным *яства сахарны* (вар.: яствица сахарные), *питья* (вар.: напитокки) *медвяны*, которые являются составной частью формулы 'свадебный стол', также конструкцией *хлеб-соль*, употребляемой в фольклорных текстах в качестве метонимической замены всего угощения. Зафиксирована собирательная номинация *приварочёк* с объяснением «все наваренное, все кушанья в горшках» [21], *приварок*, т. е. горячая пища [22]. Наравне с номинациями с собирательным значением в свадебных приговорах встречаются упоминания отдельных блюд свадебного застолья: семенная каша, шти, лапша, легкое, печень, ретешные шаньги: «В *печке у молодой княгини для молодого князя варятся шти, каша, лапша*» [23], «*Лошадь косматая завезла ко свату, у свата угошишат-то нечет, только легкое да печень, да ретешные шаньги, да кукольный каравай...*» [24] и др.

Некоторые блюда фиксируются в текстах, которые строятся на обращении к повару / стряпухе и содержат просьбу «подать перемену», т. е. поменять блюдо («Стряпонька, поварушенька, поворачивайся, подай на стол переменочку или подай *подливочки...*» [25]), или обращение к гостям («Прошу к нашему шалашу *хлевать лапу!*» [26]). Собственно, фольклорные записи «вторят» этнографическим описаниям, в частности: «[на свадьбе] *рыбный пирог обязательно, потом холодец. Это в первую очередь. Окрошка и сухомес (пирог из сушеных грибов)...*» [27], «*Сначала пироги, холодец, мясо тушеное, говядина, саломаты разные из круп: крупу заварят кипятком, зальют в корыте и масло наложат...*» [28], «[на подклет] *Вина несут да с рыбой пирог...*» [29] и др.

В числе единичных отметим и фрагменты приговоров, в которых блюда свадебного угощения опозэтизированы, например:

...Ах ты матушка наша,
Семенная каша.
Кабы ты не семенная каша,
Смерть бы была наша!
Ах ты сороковая бочка,
Еретикова дочка!
Сшутил бы над тобой шуточку, –
Хватил бы за праву титечку,
А за другую хвачу,
Дак пять рублей заплачу [30].

Отдельную группу составили названия предметов и приспособлений, которые используются для запряжки лошадей («**Сбруя или конская амуниция**»). Элементы упряжи перечисляются в текстах, содержащих описание свадебного поезда, момент подготовки поезда к выезду за невестой, его передвижение и проч., например:

Едет сваньба на вашем поле
На наших конях.
Кони у нас вороные,
Сани городовые (городские),
Сани под бобрам(и),
Под коврам и под черным соболям,
Ямщички у нас молодые,
Запятнички холостые,
Хомуты складные,
Возжечки тесмянные,

Плетки шелкóвые,
Сёдлышки убра́ные,
Уздочки поборчатые,
Черезседленки (черезседельнички) спаржевые,
Оглобельки кленовые,
Дужки (дуги) вязовые,
Колокольчики медные... [31];

Стоит (свадебный поезд. – Ю. К.) в чистом поле, широком раздолье, на коврах, на бобрах, на черных соболях. Сани шиковые, кареты золотые, кони вороные, седла дорогие, шпеньки золотые: не ради бодрости, ради крепости, чтобы крепко было! [32];

Конички у нас у всех вороные, кареточки городовые, дуженьки вязовые, оглобельки ветловые, заверточки толковые, хомуты с плашшам, вожжи с клешшам, уздечки тесьмянные с большим кистям [33] и др.

Элементы сбруи перечисляются во множественном числе, большинство названий предметов сопровождается лаконичной характеристикой, в которой подчеркивается качество материала (шелковый, кленовый, вязовый, тесьмянный [34], козловый, таловый [35]), имплицитно ценность предмета (дорогой, золотой, золоченый, серебряный), способ изготовления (витой, гнутый, литой). В единичных вариантах эта характеристика получает расширение за счет уточняющих деталей, оценочного суждения (например: «седла дорогие, шпеньки золотые: не ради бодрости, ради крепости, чтобы крепко было!», «уздечки тесьмянные с большим кистям»). Ниже приведем наименования предметов конской амуниции, зафиксированные в вятских свадебных приговорах; некоторые лексемы снабжены краткой объяснительной ремаркой, взятой из словарей (в публикациях и архивных материалах корреспонденты, публикаторы текстов, информанты не дают комментариев к номинациям). Цифра в круглых скобках показывает частоту встречаемости слова в поэтических текстах. В вятских текстах упоминаются следующие элементы упряжи:

Вожжи: вожжечки (2) тесьмяные (1), вожжи с клешшам (значение?).

Дуга: дужки (3, вар.: дуженьки, дужечки, дуги) вязовые, золоченые, таловые, гнутые, дуги с колоколами.

Завертка: заверточки (2) толковые (вероятно, в значении 'дельный, хорошо сделанный'), витые. Завертка – привязь оглобли к саням, веревочная скрепа оглобли с копылом, или вообще скрученная кляпом веревка [36].

Колокольчик: колокольчики (3) медные, серебряные, литые.

Лобичник (значение?): в сочетании «лобичники прихвостать» («Конюшки-то у нас приустали, // Все лобичники прихвостали...» [37]). Возможно, речь о детали упряжи, функция которой близка роли шор; название может быть связано с местоположением этого предмета – на лобовой кости черепа лошади, ср.: лобина – большой лоб, лбина [38], лобник – деталь женского головного убора – украшенная бисером лента, которая надевается надо лбом под платок [39]. Значения *прихвостать* в словарях также различны: прибить, прижать к земле (дождем, ветром) [40], прийти, прибежать (о животном. – Ю. К.). У меня коровёнка прихвостала домой, больно оводно [41].

Оглобли: оглобельки (4, вар.: оглобли, оглобельцы) точеные (2), кленовые, ветловые, вязовые.

Плеть: плетки шелкóвые, шелкова плеточка.

Повод: поводочки шелковые, поводья шелковы.

Подкова: подковчики медные.

Поперечник: поперечники козловые. Поперечник – ремень, перекинутый через седелку и подтягивающий оглобли (спец.) [42].

Седло: сёдлышки убра́ные, седла дорогие.

Узда: уздо(е)чки (3) поборчатые, ременные (2), «уздечки тесьмянные с большим кистям».

Хомут: хомуты (4) складные (2), хомуты с жлуцями (значение?), хомуты с плашшам (значение?). В двух последних сочетаниях неясно значение слов-дополнений. В частности, в словарях значение слова *жлуц* не указано, приведен фрагмент текста, опубликованного А. Васнецовым [43] с пометой «в свадебном приговоре» [44].

Чересседельник: черезседленки спаржевые. Чересседельник – ремень упряжки, идущий через седёлку от одной оглобли к другой [45].

Шпиль: шпеньки золотые. Шпиль, шпеня – обл., спец. Шип, стержень, гвоздь и т. п., выступающий на поверхности какой-н. части чего-н. и входящий в соответствующую скважину в другой части, для насадки, для скрепы [46], ... язычок в пряжке, задерживающий продернутый ремень или тесьму [47].

Название повозки, в которой передвигаются поезжане, молодожены, в приговорах варьи-

рует незначительно. В большинстве текстов зафиксировано наименование сани (вар.: санки, санички, «скачки, санки, самокаточки») 1. в сочетании с уточняющим определением – городовые (вар.: городские), дубовые, черные, новые, шиковые [48]; 2. в сочетании с членом дополнением, уточняющим внутреннее или внешнее обустройство повозки (сани с отводами [49], «сани под бобрами, под ковром и под черным соболям»). В четырех текстах отмечен более «изысканный» вариант закрытого конного экипажа – кареты (вар.: кареточки) золотые (3), городовые.

Таким образом, анализ выявленной в вятских свадебных приговорах лексики групп «утварь», «сбруя или конская амуниция», «свадебная пища» показывает, что преобладающая часть номинаций не сопровождается поэтическими (т. е. закрепленными в поэтических текстах) или этнографо-бытовыми комментариями; многие предметы, названия которых закреплены в текстах, активно использовались в крестьянском обиходе и не нуждались в описании их внешнего вида, объяснении их функции, назначения. Некоторые поэтические тексты «вторят» «этнографическому описанию» свадебного обряда, некоторые, напротив, упрощают изложение, подвергаются редукции (как в случае с описанием свадебного угощения и перечислением свадебных блюд).

Сокращения

АКФ МГУ – архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Архив РГО – Архив Русского географического общества.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Изд. центр «Тerra», 1995.

Ефремова – *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Доступ: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 15.06.2017).

Ожегов – *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 18-е, стереотип. М.: Русский язык, 1987.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 1–11. Киров, 1996–2017.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–26. Л.: Наука, 1968–1991; Вып. 27–43. СПб.: Наука, 1992–2010.

СыктГУ – Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета.

Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.

Примечания и список литературы

1. Оставим без внимания большой корпус опубликованных материалов, мы будем их указывать по мере цитирования. Архивные материалы, которые нами были использованы, указаны в работе: *Крашенинникова Ю. А.* Реалии свадебного обряда и их номинации в жанре свадебных приговоров (материалы к Словарю «Духовная культура русских Вятки». Свадебный обряд) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. Вып. 10. С. 94–102.

2. *Крашенинникова Ю. А.* Указ. соч.

3. *Аргентов Г.* Наговоры дружки // Прикамье. Литературно-художественный сборник. 1941. № 2. С. 103.

4. Семейные обряды Вятского края / под ред. А. А. Ивановой. М.: Котельнич, 2003. С. 200. Зап. в Подосиновском р-не Кировской обл.

5. Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 8-8об. Зап. в Вятском или Нолинском у. до 1893 г.

6. СыктГУ 1826-1. Зап. в 1990 г. от Я. М. Суслова, 1910 г. р., д. Сусловщина Мурашинского р-на Кировской обл.

7. Семейные обряды Вятского края. С. 93. Зап. в Уржумском р-не Кировской обл.

8. *Черен* – ...рукоять, рукоятка, ручка (*Даль* 1995. Т. 4. С. 592), *черпалка* – разг. Сосуд для черпания; черпак, ковш (*Ефремова*).

9. Здесь, вероятно, стоит привести значения слов «черпалка», «половник». *Черпалка* – разг. Сосуд для черпания; черпак, ковш (*Ефремова*), *половник* – разг. Большая разливательная ложка; поварешка (*Ефремова*), т. е. подчеркивается большой размер предмета и способность вмещать значительный объем.

10. Формульное описание свадебного стола используется в различных поэтических текстах свадьбы, является своеобразным маркером готовящейся или свершившейся свадьбы, устойчивы мотивы «подготовки», «приглашения» и «сажания» за «столы дубовые». В свадебных причитаниях «сажание невесты за столы дубовые», «подготовка столов» означает принципиальную договоренность представителей родов о свадьбе, поэтическая просьба невесты не пускать жениха «за столы белодубовы» – отменить свадьбу (РО ИРЛИ. Р. V. К. 12. П. 4. № 18. Л. 12 об.). В свадебной лирике «пожелание девушки сесть за столы дубовы» расценивается как согласие на брак (РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 87. Л. 72), приглашение «сесть за столы дубовые» или «сидение за столами дубовыми» молодой пары – «оказание особой чести» (собственно так и в приговорах приглашение или сажание за стол жениха или молодых).

11. Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 8-8об. Зап. в Вятском или Нолинском у. до 1893 г. В тексте: *вилыцы* – вилки (прим. Н. Кибардина). *Утирочка* – утиральник (прим. Н. Кибардина). *Утиральник* – мест. полотенце для вытирания рук, лица (*Ефремова*).

12. *Травчатый* – узорчатый (*Ушаков* 1940. Т. 4. Стлб. 767); *нар.-поэт.* Имеющий узор в виде травы, листьев, цветов (*Ефремова*).
13. *Укладный* – от *уклад* – *устар.* Высококачественная сталь особой закалки, идущая на изготовление лезвий клинков, сабель, кинжалов и т. п. (*Ефремова*).
14. *Полуженный* – от *лудить*, об изделиях, покрытых расплавленным оловом.
15. *Репчатые* (ложки) – приплюснuto-шарообразной формы.
16. *Ставец* – *старин.*, *обл.* Сосуд для питья, поставец (*Ушаков* 1940. Т. 4. Стлб. 474).
17. *Наспичники* – полотенца, прим. А. Васнецова (*Васнецов А. Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты, записанные в Вятской губернии в 1868–1894 гг. М., 1894. С. 284*). *Наспичник* – *арх.* накрючник, утиральник, полотенце на гвозде (*Даль* 1995. Т. 2. С. 473).
18. *Аргентов Г.* Наговоры дружки. С. 103. *Куб* – сосуд с узким горлом. <...> Большой глиняный горшок для пива с отверстием сбоку (ОСВГ 2008, вып. 5, с. 137); большой, обычно глиняный, сосуд, горшок, служащий для разных хозяйственных надобностей <...> Сосуд с узким горлом (в котором держат пиво, вино и т. п.) (СРНГ 1979. Вып. 15. С. 375).
19. *Аргентов Г.* Наговоры дружки. С. 104. *Шкалик* – *устар.* Старая русская мера водка, равная 1/200 ведра; посуда такой же меры с водкой (*Ожегов*. 1987. С. 778). *Косушка* – *устар.* Бутылка водки емкостью в четверть литра (*Ефремова*). *Четверть* – старая русская мера жидкости, равная четвертой части ведра (3,1 л); посуда такой емкости (*Ефремова*).
20. Свадебная молитва дружки (записана в с. Кумены Вятской губернии в 1917 году). Из репертуара В. Егوشина // Скоморошина: материалы IV региональной научно-практической конференции «Вятский фольклор. Традиции и современное бытование народного юмора и сатиры». Киров, 1997. С. 39. *Бочка* – русская старинная мера объема жидкостей, употреблявшаяся до введения метрической системы мер, равна сорока ведрам, называлась также сороковая бочка или просто сороковая ([http://megabook.ru/article/%D0%91%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0%20\(%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BC%D0%B0](http://megabook.ru/article/%D0%91%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0%20(%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BC%D0%B0), дата доступа: 30.06.2017).
21. Свадебные приговоры Вятской губернии / записал и снабдил комментариями Д. К. Зеленин. Вятка, 1904. С. 30.
22. ОСВГ 2012. Вып. 8. С. 212
23. Русский фольклор Удмуртии. Ижевск, 1990. С. 50.
24. Там же.
25. Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 9. Уржумский у. 1850-е гг.
26. АКФ МГУ: ФЭ–16:8040, № 313а. Зап. 16. 07. 89 г. от Н. Н. Поповой, 1915 г. р., д. Боровица Лузского р-на Кировской обл.
27. Семейные обряды Вятского края. С. 58. Лузский р-н Кировской обл.
28. Семейные обряды Вятского края. С. 59. Лузский р-н Кировской обл.
29. СыктГУ: 2302-1, зап. в 1993 г. от Ф. А. Чебыкина, 1917 г. р., Н. С. Чебыкиной, 1920 г. р. в д. Рычково Подосиновского р-на Кировской обл.
30. Свадебные приговоры Вятской губернии. С. 27.
31. Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 7об. Зап. в Нолинском или Вятском у. до 1893 г. Сохранена орфография оригинала, примечания в скобках сделаны Н. Кибардиным.
32. *Тронин П.* Шестой земский участок Нолинского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 231–232.
33. *Аргентов Г.* Наговоры дружки. С. 104.
34. *Тесьмянный, тесьмовый и тесьмочный* – из тесьмы сделанный или к ней относящийся. *Тесьмчатый*, на тесьму похожий, в виде ленты, ремня (*Даль* 1995. Т. 4. С. 403).
35. *Таловый* – сделанный из тала, кустарниковой ивы (*Ефремова*).
36. *Даль* 1995. Т. 1. С. 559.
37. СыктГУ: 3162-26, зап. в 1997 г. в Нагорском р-не Кировской обл.
38. СРНГ 1981. Вып. 17. С. 96.
39. СРНГ 1981. Вып. 17. С. 96.
40. СРНГ 1998. Вып. 32. С. 49.
41. ОСВГ 2014. Вып. 9. С. 22.
42. *Ушаков*. 1939. Т. 3. Стлб. 586.
43. *Васнецов А.* Песни северо-восточной России. С. 286.
44. СРНГ 1972. Вып. 9. С. 203; ОСВГ 2006. Вып. 4. С. 52.
45. *Ожегов* 1987. С. 765.
46. *Ушаков* 1940. Т. 4. Стлб. 1363.
47. *Даль* 1995. Т. 4. С. 643.
48. От разг. *шиковатый*, т. е. отличающийся некоторым шиком (*Ефремова*).
49. *Отвод* – один из двух изогнутых брусьев, отходящих под углом от передка шире верхней грядки и служащих для устройства более широкой поверхности саней и для придания им устойчивости (в санях) (*Ефремова*).

Notes and References

1. Let's disregard a large body of published material, we are going to specify them during citation. Archival materials that we used are listed in the work: *Krashennikova YU. A. Realii svadebnogo obryada i ih nominacii v zhanre svadebnih prigovorov (materialy k Slovaryu «Duhovnaya kul'tura russkikh Vyatki». Svadebnyj obryad)* [Realities of the wedding ceremony and the nomination in the genre of wedding sentences (materials to the Dictionary, "Spiritual culture of the Russians of Vyatka." Wedding ceremony)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2016, issue 10, pp. 94–102.

2. *Krashennikova YU. A. A. Op. cit.*

3. *Argentov G. Nagovory družki* [Groomsman sentences] // *Prikam'e. Literaturno#hudozhestvennyj sbornik* – Prikamye. Literary art collection. 1941, No. 2, p. 103.

4. *Semejnye obryady Vyatskogo kraya*– Family rituals in Vyatka region / edited by A. A. Ivanova. M. Kotel'nich. 2003. P. 200. Recorded in Podosinovskiy district of the Kirov region.

5. Archive of Russian Geographical Society (Archive RGS). P. 10. Inv. 1. St. unit 50. Sh. 88 turn. Recorded in the Vyatka or Nolinsk uyezds until 1893.

6. Syktyvkar State University 1826-1. Recorded in 1990 from J. M. Suslov, born 1910, village Suslovshina of Murashy district of the Kirov region.

7. *Semejnye obryady Vyatskogo kraya* – Family rituals of the Vyatka region. P. 93. Recorded in Urzhum district, Kirov region.

8. *CHeren* – ...hilt, haft, handle (Dal 1995. Vol. 4. P. 592), *cherpalka* – speech. Vessel for bailing, the bailer bucket (Efremova).

9. Here probably it is necessary to bring the meanings of the words "*cherpalka*", "*polovnik*". *CHerpalka* – speech. Vessel for bailing, the bailer bucket (Efremova), *polovnik* – speech. Large soup spoon; serving spoon (Efremova), i.e., stresses the large size of the subject and the ability to accommodate a significant amount.

10. Formula description of wedding table is used in various poetic texts of the wedding, it is a marker of impending or accomplished wedding, motives of "preparing", "invitations" and "sitting" at "oak tables" are sustainable. In the wedding lamentations "sitting of the bride at the oaken tables", "preparing of tables" means the basic arrangement of the genera for the wedding, poetry bride's request not to let the groom "at the white oaken table" – to cancel the wedding (The Department of manuscripts of the Institute of Russian literature. P. V. K. 12. P. 4. No. 18. Sh. 12 turn.). In the wedding lyrics "the wish of a girl to sit at oaken tables" is regarded as a consent to the marriage (RSALI. F. 1420. Inv. 1. File 87. Sh. 72), the invitation to "sit at the oaken tables" or "a seat at the oaken tables" of a young pair is a "provision of double honor" (actually the sentences for the invitation or sitting at the table of the groom or the young).

11. Archive RGS. P. 10. Inv. 1. St. unit 50. Sh. 88 turn. Recorded in the Vyatka or Nolinsk region until 1893. In the text: *vil'cy* – forks (note by N. Kibardin). *Utirochka* – utiral'nik (note by N. Kibardin). *Utiral'nik* – a towel for wiping hands, face (Efremova).

12. *Travchatyj* – patterned (Ushakov 1940. Vol. 4. Col. 767); Folk poet. Having a pattern in the form of grass, leaves, flowers (Efremova).

13. *Ukladnyj* – from *uklad* – outdated. Stainless steel special hardening, reaching for the manufacture of blades of swords, sabres, daggers, etc. (Efremova).

14. *Poluzhennyj* – from *ludit'* – about the products coated with molten tin.

15. *Repchatye* (spoons) – in a flattened spherical shape.

16. *Stavec* – old, region. Drinking vessel, cupboard (Ushakov 1940. Vol. 4. Col. 474).

17. *Naspichniki* – towels, note by A. Vasnetsov (*Vasnetsov A. Pesni severo-vostochnoj Rossii. Pesni, velichaniya i prichety, zapisannye v Vyatskoj gubernii v 1868–1894 gg* [Songs of the North Eastern Russia. Songs, the glorification and the laments recorded in Vyatka province in 1868–1894]. M. 1894. P. 284). *Naspichnik* – archaic. towel on the nail (Dal 1995. Vol. 2. P. 473).

18. *Argentov G. Nagovory družki* [Groomsman sentences]. P. 103. *Kub* is a vessel with a narrow neck. <...> A large clay pot of beer with a hole on the side (OSVG 2008, vol. 5, p. 137); a large, usually earthenware, vessel, pot, serving for different household needs <...> Vessel with a narrow neck (where they keep the beer, wine, etc.) (SRNG 1979. Vol. 15. P. 375).

19. *Argentov G. Nagovory družki* [Groomsman sentences]. P. 104. *SHkalik* – an old Russian measure of vodka is equal to 1/200 buckets; tableware of the same measure of vodka (Ozhegov. 1987. P. 778). *Kosushka* – old. A bottle of vodka with a capacity of quarter of a liter (Efremova). *CHetvert'* – old Russian liquid measure, equal to a quarter of the bucket (3.1 l); utensils with such capacity (Efremova).

20. *Svadebnaya molitva družki* – Wedding prayer of groomsman (recorded in the village of Kumeny of Vyatka province in 1917). *Iz repertuara V. Egoshina* – From the repertoire of V. Egoshina // *Skomoroshina: materialy IV regional'noj nauchno#prakticheskoy konferencii «Vyatskij fol'klor. Tradicii i sovremennoe bytovanie narodnogo yumora i satiry»* – Buffonery: materials of the IV regional scientific-practical conference "Vyatka folklore. Tradition and modern existence of folk humor and satire". Kirov. 1997. P. 39. *Bóchka* – old Russian measure of fluids used before the introduction of the metric system, equal to forty buckets, called also a forty barrel or simply forty ([http://megabook.ru/article/%D0%91%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0%20\(%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BC%D0%B0](http://megabook.ru/article/%D0%91%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0%20(%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BC%D0%B0) date of access: 30.06.2017).

21. *Svadebnye prigovory Vyatskoj gubernii* – Wedding sentences of Vyatka province / recorded and provided a review by D. K. Zelenin. Vyatka. 1904. P. 30.

22. OSVG 2012. Vol. 8. P. 212.

23. *Russkij fol'klor Udmurtii* – Russian folklore in Udmurtia. Izhevsk. 1990. P. 50.
24. Ibid.
25. Archive RGS. P. 10. Inv. 1. St. unit. 15. sh. 9. Urzhum. 1850-ies.
26. ACF MSU: ФЭ-16:8040, No. 313a. Recorded 16. 07. 89 from N. N. Popova, born 1915, village Borowitza in Luza district of the Kirov region.
27. *Semejnye obryady Vyatskogo kraja* – Family rituals of the Vyatka region. P. 58. Luza district of the Kirov region.
28. *Semejnye obryady Vyatskogo kraja* – Family rituals of the Vyatka region. P. 59. Luza district of the Kirov region.
29. Syktyvkar state University: 2302 1, Recorded in 1993 from F. A. Chebykin, born 1917, N. S. Chebykin, born 1920 in Rychkovo village of Podosinovskiy district of the Kirov region.
30. *Svadebnye prigovory Vyatskoj gubernii* – Wedding sentences of Vyatka province. P. 27.
31. Archive RGS. P. 10. Sh. 1. St. unit. 50. Sh. 7turn. Recorded in Nolinsk or Vyatka until 1893. Preserved the original spelling, parenthetical remarks made by N. Kibardina.
32. *Tronin P. SHestoj zemskij uchastok Nolinskogo uezda* [Sixth zemsky plot of Nolinskogo uyezd] // *Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1896 god* Calendar and the memorable book of Vyatka governorate in 1896. Vyatka. 1895. Pp. 231–232.
33. *Argentov G. Nagovory družki* [Groomsman sentences]. P. 104.
34. *Tes'myanyj, tes'movyj i tes'yomochnyj* – made from a band or bundled with it. *Tesemchatyj*, similar to the band, ribbon, belt (Dal 1995. Vol. 4. p. 403).
35. *Talovyj* – made from shrub willow (Efremova).
36. Dal 1995. Vol. 1. P. 559.
37. Syktyvkar State University: 3162–26, Recorded in 1997, in Nagorsk district of the Kirov region.
38. SRNG 1981. Issue 17. P. 96.
39. SRNG 1981. Issue 17. P. 96.
40. SRNG 1998. Issue 32. P. 49.
41. OSVG 2014. Issue 9. P. 22.
42. Ushakov. 1939. Vol. 3. Col. 586.
43. *Vasnecov A. Pesni severo#vostochnoj Rossii* [Songs of the North Eastern Russia]. P. 286.
44. SRNG 1972. Issue 9. P. 203; OCUG 2006. Issue 4. P. 52.
45. Ozhegov 1987. p. 765.
46. Ushakov 1940. Vol. 4. Col. 1363.
47. Dal 1995. Vol. 4. P. 643.
48. From speech *shikovatyj*, i.e. having some chic (Efremova).
49. *Otvod* – one of the two curved bars extending at an angle from the front end wider than the upper bed, and serves to widen surface of the sleigh and to give them the stability (in the sleigh) (Efremova).

Особенности индивидуально-авторского стиля Кингсли Эмиса (на материале романа «Счастливчик Джим»)

Петрова Е. А.

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Курский государственный университет. 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33. E-mail: 33evg20@bk.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей индивидуально-авторского стиля Кингсли Эмиса. За основу был взят его роман «Счастливчик Джим» в связи с тем, что это наиболее ранний роман, позволяющий проследить становление авторского стиля. Сюжет произведения обусловил использование автором определенной лексики, поэтому в статье уделяется большое внимание лексическим средствам языка, имеющим или приобретающим определенные оттенки в тексте. Авторскому замыслу, стремлению к художественной правде подчиняются как нормативные факты языка, так и отклонения от общелитературных норм. Отмечается, что авторский стиль и авторская индивидуальность проявляются не только в выборе лексических и синтаксических единиц, но и в использовании стилистических средств, которые придают текстам особую тональность и без которых комичные ситуации не выглядели бы так комично.

Ключевые слова: индивидуально-авторский стиль, лексические единицы, стилистические средства, литературный язык, отклонения от нормы, разговорная речь.

The features of individual author's style of Kingsley Amis (based on the novel "Lucky Jim")

Petrova E. A.

candidate of philological sciences, associate professor, Department of English philology, Kursk State University. 33 Radischeva str., 305000, Kursk. E-mail: 33evg20@bk.ru

Abstract: The article is devoted to the research of the peculiarities of Kingsley Amis' individual style as an author. His novel "Lucky Jim" was taken as the basis due to the fact that this is the earliest novel that allows to trace the development of the author's style. The plot of the book determined the author's use of certain vocabulary, so the article focuses on the lexical means of the language, which have or acquire different shades of meaning in the work. The normative facts of the language as well as deviations from general literary norms are subordinated to the author's intention, aspiration for artistic truth. It is noted that the author's style and author's individuality are manifested not only in the choice of lexical and syntactical units, but also in the use of stylistic means, which give the text a special tonality and without which comic situations would not look so comical.

Keywords: the author's individual style, lexical units, stylistic means, literary language, deviations from the norm, colloquial speech.

Изучая особенности индивидуально-авторского стиля Кингсли Эмиса, нельзя не взять за основу его ранний и наиболее успешный роман «Счастливчик Джим» (1954). Он был создан в 1950-х гг., когда в британской литературе было распространено такое критическое направление, как творчество «расерженных молодых людей», в контексте которого и воспринимается этот роман.

«Счастливчик Джим» рассказывает о смешных передерягах, в которые попадает Джим Диксон. Он только начал работать в английском провинциальном университете в качестве преподавателя, но у его коллег уже возникло плохое мнение о нем. Кроме того, другие преподаватели тоже показывают себя не с лучшей стороны, создавая о себе плохое впечатление. Но Диксон начинает лицемерить и пытается стать частью коллектива.

Сюжет произведения обусловил использование автором определенной лексики. Несомненно, необходимо отметить большое количество стилистических средств, без которых бы комичные ситуации не выглядели так комично.

Данное произведение, согласно классификации М. П. Брандес, относится к вторичным речевым жанрам (романы, драмы, объявления, рецензии, очерки и т. д.) [1]. В соответствии с сюжетной композицией в романе можно выделить логические составляющие – введение, середина, часть, заключение.

По способу коммуникации произведение является «прямоточным изложением содержания», т. е. каждый отрывок текста описывает определенное событие или действие, характеризуя какую-то сцену, особенность окружающей обстановки, ситуаций. Связь фрагментов обуславливает связь событий [2].

Весь роман состоит из различных текстовых форм: монолог, диалог и полилог. Следует отметить сильно выраженный устный характер производства речи, особенно в диалогах. При передаче прямой речи автор активно использует элементы устной речи, которые напрямую связаны с эмоциональным содержанием произведения.

Внутренняя наполняемость романа связана с главной идеей произведения, его темой и авторской оценкой изображаемых событий.

В результате подробного анализа авторского стиля в произведении «Счастличик Джим» мы можем утверждать, что в книге наблюдается весь спектр лексики английского языка. Описание героев и их умозаключения передаются различными лексическими и синтаксическими средствами.

Художественные тексты характеризуются использованием коллоквиализмов. Несмотря на то что главный герой является преподавателем, т. е. представителем определенной социальной прослойки, он и его окружение выражают себя с помощью разных элементов разговорной речи:

1. *'Here you go then, laddie,' Gore-Urquhart said in an undertone. 'No need to worry; to hell with all this.' He gripped Dixon's arm and withdrew* (слова одного из героев Джулиуса Гор-Эркварта, богатого поклонника живописи). В данном отрывке мы встречаем фразу *to hell with all this* («ну и черт с ним»), которая имеет помету Informal в словарях фирмы ABBY Lingvo [3]. Кроме того, использованное автором слово *laddie* («паренек») имеет помету Шотл., но в тексте не дается никакой связи данного героя с Шотландией.

2. *'He came down once before, with the Loosmore girl. I say, it is rather queer, isn't it? He was going to marry the Loosmore then, and now here he is with a new piece* (реплика Маргарет, преподавательницы университета, о сыне профессора Уэлча и его девушке). Здесь необходимо выделить лексему *piece*, которая в данном контексте имеет значение *девушка* и во всем романе встречается в разговорах разных героев несколько раз.

Элементы разговорной лексики употребляются автором, чтобы показать отношение героев к собеседникам, с которыми установлен контакт: *get off on the wrong foot* («произвести плохое впечатление»), *to groom* («готовить себя к определенной должности»), *a set-to* («шумная ссора»), *to trouser* («прикарманить»), *digs* («арендуемые комнаты»), *to muck up* («испортить»), *buggering* от глагола *to bugger* («изнурять, доконать»), *to keep off the grass* («понять» – два раза), *in a paddy* («в ярости») и др.

Следует отметить очень частое использование слова *bloody*, которое встречается в словаре разговорной лексики и отмечено в нем как British English vulgar slang. Данная лексема встречается только в прямой речи, она не несет своего прямого значения «окровавленный» и встречается в основном в ситуациях ссор и выяснений отношений между героями:

1. *'Look here, Dixon, you're talking as if you want a bloody good punch on the nose, aren't you?' (Бертранд, сын профессора Уэлча).*

2. *'He thinks he's only got to crook his bloody finger and I'll come running,' Carol announced in a shout. 'Well, he's mistaken' (Кэрол, жена одного из преподавателей).*

Кроме данного слова встречается еще некоторое количество слов, помеченных как Slang: *creased* («выдохшийся»), *popsy* («молодая женщина»), *blower* из фразы *Get on the blower* («связаться по телефону») и т. д.

Использование сленговых элементов может быть связано с реакцией героев на изменяющиеся языковые или неязыковые ситуации.

Анализируя лексический состав романа Кингсли Эмиса «Счастличик Джим», мы столкнулись с большим количеством фразовых глаголов и идиом. Автор, употребляя в тексте произведения фразовые глаголы, придает ему большую выразительность в более сжатой форме, так как фразовые глаголы имеют большие выразительные возможности: *to go round* («встретиться с кем-то»), *to cut out* («исключить»), *to get down* («проглатывать»), *to put out* («выгонять»), *to pin down* («заставлять выполнить»), *to flare up* («вспыхивать») и др. Все эти фразовые глаголы придают предложениям еще большую притягательность для читателя и исследователя:

1. *His diaphragm contracted with fright; she drew herself up (остановиться) with a jerk like a soldier standing easy called to the stand-at-ease position.*

2. *But economic necessity and the call of pity were a strong combination; topped up (дозаправлять, пополнять) by fear, as both were, they were invincible.*

Одной из характерных черт фразовых глаголов является идиоматичность (сочетание двух и более слов, значение которого не совпадает со значением составляющих его элементов) [4]. Нередко идиомы и различные фразеологические обороты помечены в словарях как *разг.* или *Infor-*

mal. Идиоматика разговорной речи широка, очень часто в ней наблюдаются образы с комическими чертами, что придает речи яркий характер, особую окраску речи героя и непосредственность, естественность – художественной речи:

1. 'Yes, he does, doesn't he? Tell me: was Mrs Welch there when he **blew the gaff** (проболтаться) about the phone call?' (Кристина).

2. 'Bateson's at the foot of College Road doesn't shut till twelve. 'He peered at the dashboard. 'Ten to. We'll **do it on our heads** (сделать с легкостью)' (Джим Диксон).

По примерам мы видим, что в основе использования большинства идиом в контексте – человеческие отношения, намерения и чувства, часто враждебные и осуждающие.

По структуре идиомы относятся к следующим:

1. глагол + существительное (№ 1).

2. глагол + предлог + существительное (№ 2).

«Грамматическая форма, по крайней мере, одного слова в сочетании как будто заморожена, т. е. она строго закреплена и не может быть изменена» [5].

Употребление фразеологических оборотов разговорного характера позволяет автору выразить презрение, фамильярность, иронию и т. д., т. е. все фразеологические обороты и идиомы имеют повышенную экспрессивность. Наличие подобных оборотов привлекает внимание к контексту, в особенности при сравнении с общепринятыми лексическими элементами, и помогает избежать сухости и безликости.

К элементам разговорной речи можно отнести слова с пометой Оскорбительное: *Ignorant clod, old bum, old turdy, old scum* и др. Все они имеют неприятное для собеседника значение и употребляются в процессе ссоры главного героя с Берtrandом, сыном профессора Уэлча, с которым у них всегда напряженные отношения.

Обобщая все встречаемые случаи устной речи, мы заметили, что большинство функционирует в диалогической речи, т. е. в ней активно проявляется разговорный стиль.

Данный вывод подтверждается и синтаксисом произведения, особенности которого заключаются в использовании различных нелитературных конструкций. Например, таких конструкций, где наблюдаются пропуски грамматически подразумеваемых форм. Роль подобных предложений заключается в выполнении замысла автора, и восстановление пропущенных членов нежелательно.

1. – 'That's all right, girlie,' Atkinson said. 'Like a fag?'

– 'Yes please. '

– 'Forward, Jim. '

2. 'Me be so rude? I like that. Me be so rude. What about him? Who the hell does he think he is? Telling you to...'

Таким образом, можно сказать, что синтаксис произведения Кингсли Эмиса «Счастливчик Джим» включает в себя характерные черты, свойственные для художественной прозы. Если встречается какое-либо отступление от правильного строя речи, то это делается автором с определенной целью: отображение эмоциональной составляющей ситуации или дополнительное средство для характеристики образа.

Однако авторская речь, которая отражает внешнюю по отношению к автору реальность, строится с преобладанием книжных элементов:

1. Then he tried to feel pleased about the acceptance of his article, but all he could remember was Welch's seeming indifference on hearing the news and his **injunction** (предписание – книжное), so exasperatingly like Beesley's, to 'get a definite date from him, Dixon, otherwise it's not much... not much...'

2. Had he done all this himself? Or had a **wayfarer** (путник – книж.), a burglar, camped out in his room?

Использование книжной лексики в диалогах происходит с целью оживления повествования и придания словам героя определенного смыслового оттенка:

'Upon consideration I feel it **incumbent** (возложенный – книж.) upon me to doubt it. I have miscellaneous concerns in London that need my guiding hand. '

При анализе лексической наполняемости текста романа нам встречались слова и выражения с различными пометами, имеющими нейтральное значение в текстах той сферы, к которой их относят пометы, но приобретающие некий оттенок в произведении.

Так, в предложении *I'm only a lay brother, after all* выражение *a lay brother* («послушник») имеет помету Церковное и используется автором в ироничном тоне.

В романе также встречаются слова, помеченные как Устаревшее, например *whey-faced* (бледный, побледневший от страха).

Несколько раз мы выделяли фразы, в которых встречались слова с пометой Военное. Например, слово *howitzer* («гаубица») в предложении *Welch's head lifted slowly, like the muzzle of some*

obsolete howitzer. Или *a cease-fire* («прекращение огня») в контексте *They stood apart from each other for a few moments, while Dixon's regret concentrated on the fact that to abandon the pursuit of Christine meant imposing a cease-fire in the Bertrand campaign*.

Для описания истинных отношений Диксона и сына профессора К. Эмис выбирает фразу с пометой Историческое *the cold war* («холодная война»):

The preliminary manoeuvrings, the cold war between himself and Bertrand, were over at least.

В разговоре Диксона и Бертранда употребляется слово, помеченное как Зоологическое – *cockchafer* («майский жук»). Но исходя из контекста *Look here, you old cockchafer, what makes you think you can run a history department, even at a place like this, eh, you old cockchafer?* мы видим, что данная лексема имеет оскорбительное значение.

В другом предложении автор использует слово *winkle* («береговая улитка» – зоологическое) как образное выражение, показывая, как беззащитен главный герой перед прихотями некоторых людей:

All the time he'd thought he was bringing the matter of his probation to a head he'd merely been a winkle on the pin of Welch's evasion-technique; verbal this time instead of the more familiar physical form, but a technique adapted to meet stronger pressure than he himself could hope to bring to bear on it.

Слово *to fare* («путешествовать, отправиться») отмечается пометой Поэтическое, но согласно контексту оно приобретает ироническую окраску:

What about it, darling? I'm afraid there's only beer and cider, unless you want to fare forth to an adjacent hostelram. '

Все предложение *As he left the bar with Christine at his side, Dixon felt like a special agent, a picaroon, a Chicago war-lord, a hidalgo, an oil baron, a mohock* интересно с точки зрения нашего исследования, так как в нем наблюдается несколько лексем: *a picaroon* («авантюрист, жулик» – устаревшее, книжное), *a mohock* («хулиган» – историческое, относится к XVIII в.), *a Chicago war-lord* («военачальник»). Автор использует данные слова, чтобы придать смыслу элемент секретности, некой авантюристичности происходящего.

Таким образом, можно сказать, что Кингсли Эмис употребляет все вышепредставленные выражения не только для обрисовки ситуации, но и для передачи психического состояния героев.

Итак, наше исследование хорошо подтверждает высказывание М. П. Брандес о том, что художественная речь и художественный язык, рассчитанные на их восприятие и осознание в контексте общенационального, общенародного языка, отличаются от него тем, что «действительность художественной речи – это действительность целостного художественного мира», созданного конкретным автором [6].

Авторская оригинальность и авторский стиль проявляются не только в отборе лексических единиц, но и в употреблении стилистических средств, которые придают текстам особую тональность.

«Под основной стилистической тональностью произведения понимается общая эмоциональная атмосфера высказывания, его общий эмоциональный настрой» [7], т. е. стилистика произведения крепко связана с экспрессией текста.

Использование разноплановых стилистических средств зависит от спонтанности, взволнованности и внутренней напряженности повествования, что объясняется замыслом автора и содержанием произведения. В романе «Счастливчик Джим» в большинстве своем используется экспрессия двух видов: экспрессия нейтрального тона и эмоционально-сниженного тона. Так, экспрессия сниженного тона передается с помощью слов с пометами «презрит.», «груб.» и т. д.:

1. *He was helpless; above all, helpless to prevent that bearded slob* (хам – презрительное) *from standing there with his hand on Christine's arm, confident, proprietary, victorious*.

2. *'All right, but don't you try to queen it over me. You've no call to do that* (корчить из себя королеву – сниженное).

Все стилистические приемы, используемые автором, эмоционально влияют на читателя, создавая у него конкретные идеи и делая его в некотором роде соучастником описываемых событий.

Языковая яркость текста создается как с помощью экспрессивно-стилистического и оценочно-стилистического элементов значения, так и с помощью того, что высказывания могут приобретать переносный смысл, т. е. становиться тропами, или входить в состав стилистических фигур, которые влияют на формирование образного значения [8].

Прежде всего, необходимо отметить наличие в романе такого рода стилистических приемов, как сравнения, принцип использования которых в произведении – ассоциации, обуславливающие замещение свойств и признаков явлений действительности [9]:

1. *The other's day-like features changed indefinably as his attention, like a squadron of slow old battleships* («эскадрон старых линкоров»), *began wheeling to face this new phenomenon*.

2. *Welch had been flicking water from his hands, a movement he now arrested. He looked like an African savage being shown a simple conjuring trick* («как африканский дикарь, которому показывают простой трюк»).

Из примеров мы отмечаем, как автор ярко и точно создает выразительный образ, осуществляя перенос основного значения одной лексемы (эскадрон, дикарь, тост и др.) на слово, которое обозначает предмет или лицо совсем из другого предметно-смыслового поля (*attention* – «внимание», *he (Welch)* – «он (профессор Уэлч)», *fury* – «ярость» и др.). Таким образом, мы видим, что сравнения в романе в большинстве своем используются в авторской речи и делается это с целью выявить в объекте сравнения новые, важные для субъекта высказывания свойства.

Анализируя текст романа с точки зрения наличия в нем различных стилистических фигур, мы столкнулись с метафорами: *a run of badly-needed luck* («поток плохой удачи»), *the torch of culture* («светоч культуры»), *the vagaries of Welch's mind* («капризы ума») и т. д. Абстрактные слова в словосочетаниях приобретают конкретно-образное значение. К. Эмис использовал данные метафоры, чтобы создать ёмкий образ, основанный на ярких, неожиданных ассоциациях.

В произведении можно также отметить наличие олицетворений. Например, в предложении *His smile, as Dixon watched, gradually sank beneath the surface of his features at the memory* фраза *his smile sank beneath the surface of his features* («улыбка утонула...») представляет собой перенос свойств одушевленного на неодушевленное – улыбку. Автор использует данный прием, чтобы более ярко обрисовать ситуацию.

Несомненно, следует отметить в произведении большое количество эпитетов: *niggling mindlessness* («мелочная глупость»), *a fierce purging draught of fury or contempt* («свирепая очищающая энергия ярости или презрения»), *archaic ferocity* («отжившая свирепость»), *a small bulled-looking woman* («маленькая задиристая женщина»), *a mutinous glare* («мятежный взгляд»), *vertiginous exertions* («головокружительные усилия») и др. Писатель сознательно употреблял эпитеты, в результате нейтральные слова приобрели новый смысловой оттенок.

К стилистическим особенностям анализируемого произведения относится употребление слов в нехарактерном для них контексте. Например, использование слов, близких по значению к военной тематике:

1. *He clattered down the back stairs, an escape-route he often used himself* («маршрут эвакуации»).

2. *You were the only one who took the trouble to work it out, that I might prefer not to be bombarded with kind inquiries* («бомбардируемый»).

Можно предположить, что в данных отрывках мы встречаем такой троп, как катахреза, «неправильное или необычное употребление сочетаний слов с несовместимыми буквальными лексическими значениями» [10]. Закономерная противопоставленность объединяемых образов создаёт очень часто юмористический эффект, кроме того, демонстрирует собственное отношение К. Эмиса к рассматриваемой ситуации. В таком случае именно передача мысли есть воплощение индивидуальности [11].

Все вышеописанные случаи стилистических явлений не ограничиваются приведенными примерами. Стилистика данного романа представляет собой большой пласт разнообразных фигур, которые реализуют оценочность, эмоциональность и экспрессивность, выражая авторскую оригинальность. К. Эмис применяет аналогии и метафорические сравнения, художественные элементы стиля, в силу характера самого текста. Эти элементы дают автору право апеллировать к собственному опыту читателя.

Итак, проанализировав индивидуально-авторский стиль Кингсли Эмиса на материале его произведения «Счастливчик Джим», можно отметить, что язык автора существует в рамках литературного языка, однако характеризуется лексическими особенностями, присущими для устно-разговорной разновидности.

Использование языковых средств в художественных произведениях, по сути, зависит от авторского плана, содержания книги, создания образа и влияния через него на читателя. Кингсли Эмис в своем произведении опирается в первую очередь на то, чтобы правильно передать мысли и настроение, реалистично описать духовный мир героя, правдоподобно воссоздать язык и образ. От замысла автора, склонности к отображению эстетической правды зависят не только нормированные элементы языка, но и нарушения литературных норм.

В романе наглядно проявляются социальные и психологические особенности героев, подчеркнутые с помощью лексических и стилистических элементов. Такие элементы создают сложное многоголосое повествование, расширяющее смысловую перспективу содержания и отражающее поток эмоционально-образных авторских впечатлений. Это делает возможным показать различную реальность, быт и характер.

В стиле художественных произведений наблюдаются свои законы понимания слова. Однако речевое «я» автора обязательно настолько своеобразное, насколько своеобразно его сознание

и характер истолкования действительности [12]. Следовательно, значение слова в основном определяется авторскими целями. Это неудивительно, т. к. художественные тексты предлагают огромный потенциал для проявления стиля и индивидуальности автора.

В заключение необходимо отметить, что индивидуально-авторский стиль Кингли Эмиса объясняется субъективными причинами, это означает, подчиняется замыслу автора и обуславливает выбор стилистических фигур и языкового оформления текста. Создавая произведение, писатель передает свои эмоции и ощущения, создавая высокое или низкое, великолепное или неприглядное, драматичное или юмористическое описание, подчиненное структурным и жанровым особенностям художественного произведения.

Примечания и список литературы

1. Брандес М. П. *Стилистика текста Теоретический курс : учебник. 3-е изд., перераб. и доп.* М. : Прогресс-Традиция : ИНФРА-М, 2004. 416 с.
2. Там же. С. 59.
3. Онлайн словарь АБВУ Lingvo online. URL: <http://lingvo online.ru/ru>
4. Малых Д. С. Определение фразового глагола и проблема послелога. URL: <https://cyberleninka.ru/article>
5. Фразеологизмы и их роль в английском языке. URL: <http://mirznanii. com/a/54432>
6. Брандес М. П. Указ. соч. С. 240.
7. Там же. С. 267.
8. Стилистические средства языка и их использование. URL: <https://scicenter. online/kultura rechi stilistika scicenter>
9. Брандес М. П. Указ. соч.
10. Катахреза. URL: <https://dic. academic.ru/dic.nsf/ruwiki>
11. Онлайн-словарь АБВУ Lingvo-online...
12. Валгина Н. С. *Теория текста.* М. : Логос, 2003. 173 с.

Notes and References

1. Brandes M. P. *Stilistika teksta Teoreticheskij kurs : uchebnik. 3#e izd., pererab. i dop.* [Stylistics of text: theoretical course: textbook. 3rd ed., rev.] M. ProgressTraditsiya: INFRA M. 2004. 416 p.
2. Ibid. P. 59.
3. Online dictionary ABBYY Lingvo online. Available at: <http://lingvo online.ru/ru>
4. Malyh D. S. *Opredelenie frazovogo glagola i problema posleloga* [Definition of the phrasal verb and the problem of postposition]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article>
5. *Frazeologizmy i ih rol' v anglijskom yazyke* – Phraseological units and their role in the English language. Available at: <http://mirznanii. com/a/54432>
6. Brandes M. P. Op. cit. P. 240.
7. Ibid. P. 267.
8. *Stilisticheskie sredstva yazyka i ih ispol'zovanie* – Stylistic means of language and their use. Available at: <https://scicenter. online/kultura rechi stilistika scicenter>
9. Brandes M. P. Op. cit.
10. *Katahreza* – Catachresis. Available at: <https://dic. academic.ru/dic.nsf/ruwiki>
11. Online dictionary ABBYY Lingvo online...
12. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [Theory of the text]. M. Logos. 2003. 173 p.

Зоонимичная лексика как источник метафоризации в медиатекстах (на примере ключевой единицы *лисы*)

Сегал Н. А.

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. 295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. академика Вернадского, 4. E-mail: natasha-segal@mail.ru

Сикстова И. А.

магистр факультета славянской филологии и журналистики, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. 295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. академика Вернадского, 4. E-mail: irina.sikstova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию метафорического образа лисы в русскоязычных медиатекстах. Значимость систематизации когнитивных механизмов при структурировании метафорических образов определила необходимость описания системы метафор, актуализирующих закрепленные в лингвокультуре ассоциации. Значимым источником метафоризации в медиатекстах представляется зоонимичная лексика, представляющая субъектов политики в образах животных. Источником анализируемого материала послужили русскоязычные тексты, отражающие разные политические взгляды и идеологические установки, дающие возможность представить объективную картину мира политических событий. В предлагаемой статье охарактеризованы лексические и фразеологические единицы, эксплицирующие метафорический образ *лисы* в русскоязычных медиатекстах. На материале массмедийных текстов политической направленности выявлена специфика создания метафорического образа *лисы* в текстах русскоязычных политических СМИ.

Ключевые слова: массмедийный текст, ключевая единица, метафора, коннотация, семантический компонент.

Zoonimic vocabulary as a source of metaphorization in media texts (for example, a key unit of *fox*)

Segal N. A.

candidate of philological sciences, associate professor of Department of Russian, Slavic and General linguistics, Tavrida National University, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. 4 Akademik Vernadskiy str., 295007, Crimea, Simferopol. E-mail: natashasegal@mail.ru

Sixtova I. A.

master student at the faculty of Slavic philology and journalism of the Crimean Federal University of V. I. Vernadsky. 4 Akademik Vernadskiy str., 295007, Crimea, Simferopol. E-mail: irina.sikstova@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the metaphorical image of a *fox* in Russian-language media texts. The importance of the systematization of cognitive mechanisms in the structuring of metaphorical images determined the need for a description of the system of metaphors that update the associations fixed in linguoculture. A significant source of metaphorization in media texts is zoonimic vocabulary, which represents the subjects of politics in animal images. The source of the analyzed material were Russian-language texts, reflecting different political views and ideological attitudes that give an opportunity to present an objective picture of the world of political events. The proposed article describes the lexical and phraseological units that explicate the metaphorical image of a *fox* in Russian-language media texts. On the basis of mass-media texts of political orientation, the specificity of creating a metaphorical image of a fox in the texts of Russian-language political media has been revealed.

Keywords: mass-media text, key unit, metaphor, connotation, semantic component.

В современных медиатекстах метафора является распространенным и действенным инструментом экспликации событий в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Источники метафор, как показал анализ медиатекстов, весьма вариативны. При этом значимое место занимает зоонимичная лексика, в которой выразительнее, чем во многих других тематических группах, отображаются особенности осмысления внеязыковой действительности. Отличительной чертой переносных значений, формируемых на основе данного пласта лексики, является социально-оценочный характер производных единиц. Широкий ассоциативный потен-

циал зоонимичных образов не является признаком именно современной эпохи, а относится к глубокой древности. Так, издревле многие животные приобретали культовую значимость, и слова, которые их называли, обрастали своеобразными смыслами, формируя национальный фольклор, фразеологию и паремиологический фонд носителей языка. Тесная связь людей и животных, их неразрывное взаимодействие, культивирование образов зверей и птиц на определенном этапе развития русского народа привели к обширным знаниям об особенностях их жизни и повадках, что стало источником глубоких и закрепленных ассоциаций. Перенос названия животного на человека, в современных исследованиях именуемый «зооморфизмом», определяется А. И. Гудавичюс как «одна из универсальных тенденций метафоризации» [1]. В объем зооморфизмов исследователь включает вторичные значения не только зоонимов, но и других зоологических наименований, к которым относятся действия, признаки, части тела животных [2].

Целью данного исследования является установление семантико-прагматического потенциала зооморфизма *лиса* в современных медиатекстах.

Издавна, наблюдая за повадками лисы, люди замечали, что ей присущи такие черты, как хитрость, изворотливость, ум, ловкость, наблюдательность и сообразительность. Лиса – это яркий женский образ в животном мире. За рыжий цвет лисицу сравнивали с огнём, из-за бурого оттенка шубы – с грозовой тучей. Для славянской культуры образ лисы сопровождается негативной коннотацией, связанной с её принадлежностью к хищникам. Впоследствии все эти качества были перенесены на человека. В Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова фиксируются два лексических значения лексемы *лиса*: 1. «хищное животное семейства псовых»; 2. «хитрый, лукавый, лживый человек» [3]. Подчеркнем, что в национальной культуре ассоциативный потенциал приобретает именно переносное значение, переходящее на фигуры политических лидеров, социально-политических деятелей, известных личностей из сферы культуры, образования, спорта.

Зооморфизм *лиса* в прямом значении в медиатекстах встречается не так часто, как, например, зооморфизмы, относящиеся к сельскохозяйственной сфере. Это связано в первую очередь с ролью, которую данное животное играло в жизни общества. Поэтому вполне объяснимо и то, что лексемы, номинирующие домашних животных, чаще задействованы в создании стереотипных образов, чем лексемы, номинирующие диких животных. Установлено, что многие наивные представления о лисе соответствуют ее биологическим повадкам. В природе лиса ведет себя исключительно хитро. Данные характеристики прочно закрепились за зооморфизмом в текстах СМИ и представлены зоонимичной парой *лис – лиса*. Зоонимичная пара при реализации в медиатекстах включает гендерный аспект: лексема *лиса* употребляется по отношению к лицам любого биологического пола, лексема *лис* номинирует исключительно мужчин.

Так, зооморфизм *лис* в медиатекстах закрепился за конкретными политическими деятелями. Старыми и хитрыми лисами называют чаще всего бывшего президента Украины Леонида Кравчука и президента Республики Беларусь Александра Лукашенко: *Старый украинский лис* (Кравчук. – Н. С., И. С.) нюхом учуял, что с Донбассом нельзя воевать (www.politnavigator.net, 30.01.2016); *«Хитрый лис» Кравчук рассказал, куда надо грести* (odnarodyna.org, 18.01.2016); *Старый лис Лукашенко не стал демократом – ему просто нужны деньги Запада* (www.imperiyanews.ru, 11.10.2015); *Лукашенко – хитрый лис, которые ведет свою игру* (www.segodnya.ua, 22.12.2014) и др. Как видно из приведенных примеров, в политических контекстах эксплицируется сема 'опытность', что связано прежде всего с длительным нахождением указанных лиц у власти. Отметим, что в данном случае опытность неразрывно связывается с хитростью.

Зооморфизм *лис* по отношению к другим политическим деятелям употребляется менее активно и номинирует как российских, так и зарубежных политиков: *Михаил Богданов – «политический лис» России, который мало говорит, всегда спокоен и улыбочив* (inosmi.ru, 01.09.2017); *Мишела Темера называют «лисой в бюрократических джунглях столицы Бразилии». Похоже, седой лис заблудился в собственном лесу* (regnum.ru, 28.02.2017); *И это кое-что говорит нам о Дональде Трампе. Этот старый рыжий хитрый лис не так прост* (life.ru, 22.09.2016); *Хитрый лис: Сорос хвалит Россию и топит Европу ради личной выгоды* (inosmi.ru, 21.06.2016). Отметим, что в ядерную зону ключевой единицы лис входит не только сема 'опыт', но и сема 'хитрость'.

Весьма активно в текстах политических СМИ по отношению к женщинам-политиками реализуется зооморфизм *лиса* и ее суффиксальные производные: *Лиса Меркель ставит условия для «NordSteam 2»* (quick-news.pro, 08.06.2016); *Богословская вживается в роль хитрой лисы* (ubop.info, 11.04.2013); *Хитрая лиса Юленька* (Тимошенко. – Н. С., И. С.) быстро взяла себя в руки, улыбнулась лукаво и исправила ситуацию, поправив Липецк на Луцк (Politikus.ru, 05.07.2016); *Хиллари Клинтон – та лисица. Хитрая и жестокая. Если бы для Палаты мер и весов потребовался образец лицемерия, я бы предложил улыбку Хиллари* (kstat.net, 04.03.2017). Из примеров следует, что женщина-лиса в политике обладает острым и расчетливым умом, она никогда не станет ма-

нипулировать открыто, все ее действия строго завуалированы. В основе ее политической стратегии лежит только одно – достижение своей цели любым способом.

Не менее существенным для нас является следующий контекст, в котором ясно прослеживаются политические действия, которые присущи политику-лисе: «Юля (Тимошенко. – Н. С., И. С.), если ты хочешь импичмента президента, выйди и скажи сама, чего ты деда старого пихаешь? Чужими руками жар хочешь загребать?.. А она хитрая **лисичка**, чужими руками жар загребать, а потом белая, пушистая, выйдет, помашет ушками. Я тут такая самая защитница. Эта защитница немного облезла. Уже не белая и не пушистая», – возмущился лидер Радикальной партии Ляшко (www. dsnews. ua, 16.11.2016). В данном примере наблюдаем деривационный потенциал лексемы **лиса**. Так, лексема **лисичка** отличается суффиксами -ич- + -к-. В Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова лексема **лисичка** имеет следующее определение: 1. Уменьш. -ласк. к Лиса́ и Лисица [4]. Важным для нас является и то, что, несмотря на уменьшительно-ласкательное значение суффикса, в текстах политической направленности зооморфизм **лисичка** приобретает оттенок фамильярности, сниженности и грубоватости. Подчеркнем, что в контексте употребляется конструкция **чужими руками жар загребать**, которая в Большом словаре русских поговорок под ред. В. М. Мокиенко определяется как «Разг. Неодобр. Пользоваться результатами труда других в своих корыстных целях» [5]. Использование конструкции немаловажно для полного раскрытия ассоциативного и коннотативного потенциала зооморфизма **лисичка**.

Продуктивными в политических СМИ являются отзоонимный адектив **лисий (-ья)** в сочетании с субстантивом при негативной характеристике качеств политического субъекта: **лисий характер**: *Тройственный союз против Путина или лисья хитрость? О чем договорились с Порошенко президенты Беларуси и Казахстана* (www. segodnya. ua, 22.12.2014); *Собчак в свою очередь пытается лисьей хитростью, мягко и тактично, как подобает мудрой женщине, направить Алешу в «правильное» русло* (pravdoryb. info, 07.10.2017); **лисья улыбка**: *Так и видится лисья улыбка Николая Ивановича, угрожающего Касьянову* (tass.ru, 23.04.2016); *И Путин своей фирменной, хитрой, загадочной лисьей улыбкой постоянно им подыгрывает, якобы недвусмысленно говоря: да-а-а, я знаю и понимаю такое...* (pandoraopen.ru, 16.08.2015) и т. д. Отметим, что подмена понятия заключается в том, что в наивном восприятии русского народа улыбка представляется проявлением доброжелательности, расположения, является неким знаком доверия к собеседнику. В данных примерах мы видим противоположное значение: лисья улыбка скрывает коварство, подлость, недоброжелательство.

Таким образом, зооморфизм **лиса** в вышеуказанных примерах содержит несколько основных смысловых доминант – *хитрость, коварство и жестокость*. Примечательно, что во всех случаях зооморфизм указывает не на внешний вид политика, а на черты его характера.

На функционирование зооморфизмов в медиатекстах оказывает влияние и экстралингвистический фактор, т. е. различные мифы, легенды, сказания, которые существуют в культуре носителей того или иного языка. Известно, что стереотипный образ **лисы** как хитрого, изворотливого и лукавого животного уходит корнями в мифологические и фольклорные представления. Лиса является одним из наиболее ярких сказочных персонажей («Колобок», «Лиса и кума», «Как лиса перехитрила льва», «Лисичка-сестричка и волк-дружище», «Лиса-повитуха», «Лиса и тетерев», «Лиса и дятел», «Лиса и журавль», «Лисица-девица и Котофей Иванович» и многие другие). В фольклоре **лиса** фигурирует как хитрая, изворотливая и пронырливая, невероятно изобретательная на всевозможные уловки кума и сестрица. Вместе с тем лиса – это жестокая и коварная воровка. Не случайно мы можем встретить такие обращения к лисе, как *плутовка, Лиса Патрикеевна, рыжая*. Чаще всего лиса благодаря своей хитрости имеет перевес над другими животными, даже более сильными, чем она.

В медиатекстах политической направленности идет активное влияние фольклорных представлений на массовое сознание адресата. Автор текста апеллирует не к энциклопедическим знаниям читателей, а к их мифологической картине мира, основу которой представляют не только фольклорные, но и отчасти авторские сказки. Примечательно, что это является особенностью русской (шире – славянской) картины мира. Так, весьма активно в медиатекстах функционируют имена персонажей из сказки А. Толстого «Золотой ключик, или приключения Буратино» – **лиса Алиса и кот Базилио**: *Натовские лиса Алиса* (А. Меркель. – Н. С., И. С.) *и кот Базилио* (Б. Обама. – Н. С., И. С.) *лепят из России Буратино* (versia.ru, 25. 09. 2017); *Буратино* (Украина. – Н. С., И. С.) *разочаровался в Коте Базилио* (П. Порошенко. – Н. С., И. С.) *и склоняется к лисе Алисе* (Ю. Тимошенко. – Н. С., И. С.). *Статистика настроений на Украине* (nk. org. ua, 20.03.2016); *Фееричный тандем сегодняшних лисы Алисы и кота Базилио – Тимошенко и Саакашвили – угроза не преступной киевской власти, а остаткам украинской государственности* (ukraina.ru, 14.09.2017). Отметим, что **лиса Алиса** является отрицательным персонажем как в сказке, так и в политическом тексте: она хитрая, с целью наживы готова пойти на многое, всегда выходит сухой из воды.

Интересным представляется употребление в медиатекстах фольклорных номинаций лисы – **Лиса Патрикеевна**. По данным Большого толково-фразеологического словаря Михельсона, отчество Патрикеевна – от литовского князя Патрикея, известного своей хитростью и пронырливостью [6]. Хитрость и пронырливость отразились и в медиатекстах: «Юлия Владимировна (Тимошенко. – Н. С., И. С.) вербует и делает это профессионально. Так крутит, такая **Лиса Патрикеевна** – косою тебя обовьет, и ты уже не помнишь, зачем вошел», – Алексей Венедиктов (bulvar.com.ua, 17.06.2014); Тимошенко проходит под кличкой Лиса или **Лиса Патрикеевна**. Янукович – Валенок. Почему-то никто не сомневается, что его ждет судьба Колобка, если он поведется на ласковые посулы Юли (www.crimea.kp.ru, 26.09.2014). Отметим, что данное сочетание чаще всего употребляется по отношению к украинскому политику Юлии Тимошенко.

Свидетельством того, что зооморфизм **лис/лиса** прочно закрепился в медиатекстах, выступает и его употребление в составе устойчивых конструкций. Так, наиболее частотной является устойчивая конструкция в трансформированном виде **пускать/пустить лису в курятник** со значением «Разг. Ирон. Создавать ненадежному, нечестному человеку условия для неблагоприятных поступков» [7]: **Лиса в курятнике**, или как за счет украинцев отдыхает чиновник со своей семьей (time-news.net, 14.08.2015); Яценюк в НБУ – **лиса в курятнике** в крепкой спайке с Порошенко будет содержать коалицию «нулевиков» (news24ua.com, 26.02.2016); **Пустили лиса в курятник**. Новые горизонты губернатора Ткачёва (rusnord.ru, 26.04.2016); CNN: поиск российского следа в американских выборах доверили «**лисе в курятнике**» (russian.rt.com, 27.02.2017) и др. **Лиса** в данных конструкциях определяется как представитель власти, курятник – ресурс, за счет которого можно обогатиться.

Таким образом, большая часть ассоциативных признаков, связанных с данным зооморфизмом, имеет негативную окраску. В медиатекстах, с одной стороны, фиксируются те черты, которые присущи образу **лисы** в наивной картине мира (хитрость, жестокость); с другой стороны, происходят изменения в восприятии **лисы** через наивную картину мира, основу которой представляют фольклорные и авторские сказки. Зооморфизм **лиса/лис** в медиатекстах характеризует политических деятелей прежде всего как хитрых стратегов. В образах политиков-лис прослеживаются не только хитрость, но, главным образом, ум и гибкость. Такие политики обычно не применяют силы, достигают своих целей путем манипуляции, переговоров или давлением через других людей. Тип политика-лисы соединяет в себе такие качества, как умение лавировать, предугадывать ход событий, скрывать свои истинные цели, намерения, быть осторожным. Апелляция к сказочным персонажам в медиатекстах приводит к тому, что негативные качества, присущие политическим деятелям в реальной жизни, воспринимаются более мягко, вуалируются или даже не называются.

Примечания и список литературы

1. Гудавичюс А. Й. Семантический процесс антропоцентрической метафоризации (на примере зооморфизмов русского и литовского языков) // Семантические процессы в системе языка : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. З. Д. Попова. Воронеж : Изд во Воронеж. ун та, 1984. С. 24–27.
2. Там же.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : «Норит», 2003. 1536 с.
4. Там же.
5. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.
6. Большой толково-фразеологический словарь русского языка / М. И. Михельсон. М. : ЭТС, 2005. 2208 с.
7. Розенталь Д. Э., Краснянский В. В. Фразеологический словарь русского языка. М. : Астрель, 2011. С. 136.

Notes and References

1. Gudavichyus A. J. *Semanticheskij process antropocentricheskoj metaforizacii (na primere zoomorfizmov russkogo i litovskogo yazykov)* [Semantic anthropocentric process of metaphorization (for example, zoomorphism of Russian and Lithuanian languages)] // *Semanticheskie processy v sisteme yazyka : mezhvuz. sb. nauch. tr.* – Semantic processes in the language system: interuniv. coll. of scient. works / edited by Z. D. Popov. Voronezh. Publishing house of Voronezh University. 1984. Pp. 24-27.
2. Ibid.
3. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* – Big explanatory dictionary of Russian language / chief editor S. A. Kuznetsov. SPb. "Norit". 2003. 1536 p.
4. Ibid.
5. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* – Large dictionary of Russian proverbs / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. M. OLMA Media Grupp. 2007. 785 p.
6. *Bol'shoj tolkovo frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* – Large explanatory phraseological dictionary of Russian language / M. I. Mikhelson. M. ETS. 2005. 2208 p.
7. *Rozental' D. E., Krasnyanskiy V. V. Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. M. Astrel. 2011. P. 136.

Производная основа как источник полусуффиксов в современном английском языке

Дьячкова Е. С.

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Алтайский государственный педагогический университет. 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. E-mail: kate_dyachkova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается возможность становления так называемых полусуффиксов на базе производных основ, раскрываются особенности развития и функционирования этих словообразовательных элементов, демонстрирующих тенденцию изменения своих функционально-семантических характеристик в сторону аффиксальной морфемы. Проведенный лексико-семантический и деривационный анализ свободных производных основ и соответствующих полусуффиксов, образовавшихся на их базе, позволяет сделать вывод о высокой словообразовательной активности подобного рода элементов, которые, соединяясь с основами различной семантики в своем общем, генерализующем значении, образуют представительные словообразовательные ряды. Включение указанных единиц в полусуффиксов представляется возможным, в первую очередь, на основе более общего по сравнению с соответствующей основой характера их значения, в котором они используются, создавая новые аналоговые образования.

Ключевые слова: производная основа, полусуффикс, сложное слово, сложно-производное слово, словообразовательный аффикс.

The derived base as a source of semisuffixes in modern English

Dyachkova E. S.

candidate of philological sciences, associate professor of Department of foreign languages, Altai State Pedagogical University. 55 Molodezhnaya str., 656031, Barnaul. E-mail: kate_dyachkova@mail.ru

Abstract: The article dwells on the opportunity of formation of the so-called semisuffixes on the basis of a free derivational stem; it reveals the peculiarities of developing and functioning of these word-forming elements which demonstrate the tendency of changing their functional and semantic characteristics towards an affixational morpheme. Lexical, semantic and derivational analysis of the free derivational stems and semi-suffixes formed on their basis accordingly leads to the conclusion about a high word-forming ability of the elements of this kind. These elements, combined in their general meaning with the stems which possess different semantics, constitute representative word-forming groups and analogue formations.

Keywords: derivational stem, semi-suffix, compound word, derivational compound, word forming affix.

Проблема выделения и описания полуаффиксации в современном английском языке как одного из способов словообразования не может быть решена без определения его основных единиц, а именно, полуаффиксальных, в частности полусуффиксальных словообразовательных элементов.

Анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов показал существенные различия не только в определении статуса полуаффиксальных (полусуффиксальных) элементов, но и в их наименовании. Исследователями предлагаются различные критерии выделения этих словообразовательных элементов, приводятся различные как по числу, так и по составу списки полуаффиксов (полусуффиксов), но при этом всегда отмечается промежуточный характер данных элементов, проявляющих в своем значении и функционировании черты, с одной стороны, морфем корневых, а с другой - аффиксальных.

Под полусуффиксом мы понимаем словообразовательный элемент промежуточного статуса, по форме совпадающий с простым корневым словом, но обладающий функционально-семантическими характеристиками словообразовательного суффикса, формирующийся на базе второго компонента сложного слова, обладающий, как правило, более общим, генерализующим значением и образующий в сочетании с основами различной семантики представительные словообразовательные ряды.

Основными критериями выделения полусуффиксов, как показывает анализ работ по проблеме полуаффиксации (М. Д. Степанова, Г. Марчанд, П. М. Карашук, Е. С. Кубрякова и др.), являются:

- 1) формальное сходство с самостоятельной лексической единицей, морфемная структура которой представлена простой корневой морфемой;
- 2) наличие более общего, генерализующего по сравнению с корневой морфемой значения;
- 3) способность выражать одно и то же значение в сочетании с основами определенного семантического класса;
- 4) активное участие в образовании новых лексических единиц [1].

Генетическая и структурная связь полусуффиксации как особого способа словообразования в современном английском языке со словосложением определяет структурное разнообразие полусуффиксов. Полусуффиксы, формируемые на базе финальной основы сложного слова, коррелируют, в первую очередь, с простыми корневыми словами типа *man, head, box, pot* и т. п. и соответственно совпадают по форме с корневыми морфемами. Определение полусуффикса как словообразовательного элемента, совпадающего по форме с корневой морфемой, но обладающего более общим, абстрактным значением и функционирующим в роли аффикса (суффикса), соотносится с данным типом полусуффиксов.

Наряду с собственно полусуффиксами в английском языке существуют словообразовательные элементы, приближающиеся по своим функционально-семантическим характеристикам к суффиксам. К ним можно отнести словообразовательные элементы, возникающие на базе так называемых соединяемых форм *combining forms*, «осколочных» элементов телескопных слов, а также образования, формирующиеся на базе свободной производной основы. Указанные элементы демонстрируют высокую словообразовательную активность, соединяясь с основами различной семантики в более общем по сравнению с исходным коррелятом значении.

Характеристики суффикса могут приобретать не только простые корневые морфемы, представляющие простые основы в составе композита, но и производные основы типа *-friendly, -intensive* и т. п. Полусуффиксы, возникшие на базе подобных свободных производных основ, коррелируют с производными словами и состоят из корневой морфемы и аффикса/аффиксов.

Включение указанных единиц в корпус полусуффиксов представляется возможным, в первую очередь, на основе более общего по сравнению с соответствующей основой характера их значения, в котором они используются, создавая новые аналоговые образования.

Комментируя формирование полусуффиксов *-friendly* и *-intensive*, В. И. Заботкина пишет, что термин *user-friendly* пришел из компьютерной сферы. Первоначально пользователи компьютеров проявляли страх по отношению к незнакомой технической новинке. В связи с этим появилось слово *user-friendly*, где *-friendly* "helpful to, inclined to favour, assist or protect, in sympathy with" приобретает значение "accessible, easily understood". А *user-friendly* вышло за рамки ограниченной сферы и стало употребляться по отношению к любому предмету - от книги до кухонной утвари. Вторая часть слова вычленилась и превратилась в суффиксоподобный элемент с более общим по сравнению с соответствующим словом значением, строящий единицы, употребляемые в самых разнообразных сферах жизни, по возможной модели **N+ -s.s.=A**, где N - основа существительного, -s.s. - полусуффикс, A - прилагательное, например: *audience-friendly, environment-friendly, pet-friendly (house), kid-friendly (restaurant), customer-friendly, nature-friendly* [2].

Базой для формирования полусуффикса *-intensive* послужила производная основа, представленная корневой и суффиксальной морфемой, основное значение которой "giving a lot of attention or action to a small amount of something/in a small amount of time". В образованиях типа *capital-intensive, energy-intensive, computer-intensive, data-intensive* элемент *-intensive* приобретает более общее по сравнению с соответствующей основой значение "demanding something":

Образования с компонентом *-intensive* употребляются в различных сферах деятельности: экономике, компьютерной и вычислительной технике, промышленности и формируются по модели **N+s.s.=A**, где N - основа существительного, s.s. - полусуффикс, A - прилагательное.

Таким образом, подобного рода элементы можно рассматривать как особую, специфическую, группу полусуффиксов: полусуффиксы, формируемые на базе свободных производных основ, о чем свидетельствует характер их семантики и особенности функционирования. Единственное противоречие заключается в их структуре, представленной, как минимум, двумя морфемами, а суффикс - это одноморфемная единица. Однако в словообразовании известны случаи формирования нового суффикса на базе объединения двух суффиксальных морфем. На это, в частности, указывают авторы «Курса современной английской лексикологии», определяя подобные суффиксы как "coalescent suffixes - specific suffixes of a composite nature" [3]. Примерами подобных суффиксов являются суффиксы *-ably = -able + -ly* (e.g. *profitably, unreasonably*), *-ically = -ic + -al + -ly* (e.g. *musically, critically*), *-ation = -ate + -ion* (e.g. *adaptation, information*). Однако суффиксы такого рода не всегда представляют собой последовательность двух или более суффиксов; неко-

торые функционируют как один формант. Так, например, сравнение морфемной структуры слов translation, fascination и adaptation показывает, что в первых двух случаях суффикс -ion присоединяется к основам, представленным корневыми морфемами translate, fascinate; но в английском языке нет корневой морфемы adaptate, а еѣТadapt, т. е. суффикс -ation функционирует в слове adaptation как единый элемент. С учетом весомости и первостепенной важности семантического критерия характер формы выступает как менее релевантный признак и делает приемлемым расширение морфемной структуры полусуффикса, тем более что его промежуточный статус открывает возможности присоединения так называемых квазиструктур типа «корень + суффикс» к данной группе. Отметим также, что осколочные элементы, претендующие на статус полусуффиксов, также можно рассматривать как квазиструктуры, но квазиструктуры противоположного свойства, т. е. имеющие не расширенную, а, наоборот, сокращенную форму: в английском языке это, как правило, сокращенная корневая морфема, т. е. «осколок».

Другим важным вопросом, возникающим при рассмотрении данной группы элементов, является вопрос о включении в список полусуффиксов образований, состоящих из корневой морфемы и аффикса -ed: -legged, -eyed и т. п.

Так, А. И. Смирницкий выделяет слова типа long-legged, three-cornered в особую структурную группу, называя их грамматически сложными словами, т. к. они создаются в современном английском языке с регулярностью грамматических форм [4]. О высокой продуктивности и словообразовательной ценности подобных моделей свидетельствуют многочисленные прилагательные типа thin-skinned «чувствительный», long-tongued «болтливый», hot-tempered «вспыльчивый». При этом многие из таких композитов имеют общие первые или вторые компоненты, образуя регулярные словообразовательные ряды.

Л. Блумфилд относит образования типа long-tailed, blue-eyed, four-footed к разряду синтетических композитов (synthetic compounds), восходящих к синтаксическим конструкциям longtail, blueeyes, fourfeet [5].

Л. Ф. Омельченко относит образования типа blue-eyed к разряду сложнопроизводных слов [6]. По мнению ученого, для такого рода образований характерен единый семантический признак: они выражают обладание качеством, признаком, который устанавливается путем трансформации сложного слова в словосочетание такой же семантики.

Б. В. Пупченко рассматривает образования типа long-legged, blue-eyed как сложнопроизводные, которые являются, в рамках словообразовательного подхода, результатом особого словообразовательного способа - одновременного взаимодействия словосложения и аффиксации [7]. Авторы современного справочника по словообразованию английского языка [8], а также некоторые словари [CIDE, MED] [9] включают элементы типа -eyed, -minded, -headed и т. п. в список словообразовательных элементов, аффиксов.

Таким образом, элементы, состоящие из корневой морфемы и суффикса -ed рассматриваются как компоненты сложного слова, как аффиксы и как аффиксоподобные элементы. Представляется целесообразным рассматривать образования с подобными элементами как сложнопроизводные вследствие того, что суффикс -ed оформляет не только второй компонент сложного слова, а сложную основу, поэтому такие элементы в список полусуффиксов не включаются.

Современный этап развития английского языка характеризуется наличием достаточно разнородных элементов, отличающихся высокой словообразовательной потенцией и употребляющихся во многих образованиях в общем, абстрактном значении. Одним из таких элементов является свободная производная основа, служащая базой для формирования некоторых полусуффиксальных элементов. Представляется возможным включение данных образований в список полусуффиксов на основании их функционально-семантических особенностей, а именно - наличие характеристик словообразовательного аффикса (суффикса) и широкого употребления в более общем, генерализующем, значении в сочетании с основами различной семантики.

Примечания и список литературы

1. Степанова М. Д. Лексикология современного немецкого языка = LexikologiederdeutschenGegenwartssprache. М. : Изд. центр «Академия», 2003; Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. Munchen : Wilhelm Fink, 1969; Карацук П. М. Словообразование английского языка. М., 1977; Кубрякова Е. С. Что такое словообразование? М. : Наука, 1965. 264 с.
2. Заботкина В. И. Новая лексика английского языка. М. : Высш. шк., 1991. 126 с.
3. Ginzburg R. S. A Course in Modern English Lexicology / R. S. Ginzburg, S. S. Khidekel, G. Y. Knyazeva, A. A. Sankin. М., 1979. 272 p.
4. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. 260 с.
5. Bloomfield L. Language // Readings in Modern English Lexicology : пособ. для студ. пед. ин-тов / сост. С. С. Хидекель, З. З. Гинзбург, Г. Ю. Князева, А. А. Санкин. - Л., Просвещение, 1969. С. 86-87.

6. *Омельченко Л. Ф.* Продуктивные типы сложных слов в современном английском языке. Киев : Вища шк., 1981. 143 с.
7. *Пупченко Б. В.* Аспекты изучения сложнопроизводных слов // Теоретические вопросы словосложения и вопросы создания сложных лексических единиц : межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск : Изд-во Пятигор. пед. ин-та, 1988. С. 157–163.
8. *Capel A.* English Guides. Word Formation / A. Capel, L. Heaslip, M. Maher. University of Birmingham: Harper Collins Publishers, 2003. 336 с.
9. CIDE - Cambridge International Dictionary of English / P. Procter (ed.). Cambridge University Press, 2001; MED - Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition / M. Rundell (ed.). Oxford : Macmillan Publishers Ltd., 2002. 1692 p.

Notes and References

1. *Stepanova M. D.* *Leksikologiya sovremennogo yazyka = Lexikologieder Gegenwartssprache* [Lexicology of modern language = Lexikologieder Gegenwartssprache]. M. Publ. "Academy". 2003; *H.* The Categories and Types of English Word-Formation.: Wilhelm, 1969; *Karashchuk P. M.* *anglijskogo yazyka* [English language]. M. 1977; *Kubryakova E. S.* *CHto slovoobrazovanie?* [What is a word building?] M. 1965. 264 p.
2. *Zabotkina V. I.* *Leksika anglijskogo* [Vocabulary of English] M. Vyssh. wk. 126 P.
3. *Ginzburg R. S.* *A in Modern English* / R. S. Ginzburg, S. S. Khidekel, G. Y., A. A. Sankin. M. 1979. 272 p.
4. *Smirnickij A. I.* *Leksikologiya anglijskogo yazyka* [English]. M. Publ. of literature on foreign languages. 1956. 260 p.
5. Bloomfield L. *Language // Readings in Modern English Lexicology : tutorial for students of ped. universities / comp. S. S. Khidekel', Z. Z. Ginzburg, G. Yu. Knyazeva, A. A. Sankin.* – L. Prosveshchenie. 1969. Pp. 86–87.
6. *Omel'chenko L. F.* *Produktivnye tipy slozhnyh slov v sovremennom anglijskom yazyke* [Productive types of compound words in modern English], Kiev. Vyscha wk. 1981. 143 p.
7. *Pupchenko B. V.* *Aspekty izucheniya slozhnoproizvodnyh slov* [Aspects of the complex-derivative words] // *Pupchenko B. V.* *Aspekty izucheniya slozhnoproizvodnyh slov* – Theoretical issues of word compounding and the issues of creation of complex lexical units: interuniv. coll. of scient. works. Pyatigorsk. Publishing house of Pyatigor. Ped. Institute. 1988. Pp. 157–163.
8. *Capel A.* English Guides. Word Formation / A. Capel, L. Heaslip, M. Maher. University of Birmingham: Harper Collins Publishers, 2003. 336 с.
9. CIDE – Cambridge International Dictionary of English / P. Procter [ed.]. Cambridge University Press, 2001; MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition / M. Rundell [ed.]. Oxford : Macmillan Publishers Ltd., 2002. 1692 p.

Эвфемизмы как культурно-поведенческая категория (на материале английского языка афроамериканского социально-этнического диалекта)

Александрова Т. А.

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия. 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1. E-mail: taleandrova503@yandex.ru

Аннотация: Английский язык афроамериканского социально-этнического диалекта обладает комплексом отличительных социальных, функциональных и структурных признаков. В статье выявляется специфика употребления эвфемизмов в лексике афроамериканского населения США в плане взаимодействия лингвистических и социокультурных аспектов. Рассматриваются языковые единицы на примере эвфемизмов таких тематических групп, как общественно-политическая сфера, преступный мир, сексуальные отношения. В статье анализируется внутренний механизм функционирования эвфемизмов в данных областях. Приводятся примеры популяризации отдельных лексических единиц в разговорной речи американского общества. Тщательный анализ выражения потенциала эвфемизмов свидетельствует об изменении общественных ориентиров в определенных сферах человеческой жизни. Показаны морально-этические мотивы их применения.

Ключевые слова: эвфемизм, афроамериканский, социально-этнический, диалект, норма поведения, межкультурный.

Euphemisms as a cultural and behavioral category (on the material of English language of African-American socio-ethnic dialect)

Aleksandrova T. A.

candidate of philological sciences, associate professor of Department of foreign languages, Saratov State Academy of Law. 1 Volskaya str., 410056, Saratov. E-mail: taleandrova503@yandex.ru

Abstract: The English language of the African-American social and ethnic dialect has a complex of distinctive social, functional and structural features. The article reveals the specifics use of euphemisms in the vocabulary of African-American population of the USA in terms of interaction of linguistic, social and cultural aspects. Language units are considered on the example of the euphemisms of such thematic groups as the social and political sphere, criminal world and sexual relations. The article analyzes the internal mechanism of functioning of euphemisms in these areas. The author gives examples of popularization of individual lexical units in speaking of American society. The careful analysis of the expression of potential euphemisms indicates the change in social reference points in certain areas of human life. Moral and ethical reasons for their application are shown.

Keywords: euphemism, African-American, social and ethnic, dialect, norm of behavior, intercultural.

В языке каждого народа есть слова, от использования которых интуитивно или сознательно отказываются, потому как они рассматриваются обидными, дерзкими, циничными. Ввиду этого данные языковые единицы легко заменяются эвфемизмами. Эвфемизмы традиционно обозначаются как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [1]. Эвфемизмами, по мнению И. Р. Гальперина, являются слова или фразы, «которые используются для замены неприятного слова или выражения на относительно более приемлемое» [2]. Согласно Оксфордскому тезаурусу английского языка, эвфемизмы определяются как “polite term, substitute, mild alternative, underplaying, softening, politeness, genteelism, coyterm” [3].

Проблемы, связанные со спецификой употребления эвфемизмов в речи определенного этноса, представляют интерес как для лингвистов, так и для социологов, психологов, этнологов, политиков. Вопросы, относящиеся к изменениям духовной культуры, нравственных норм поведения, ценностных ориентиров, особенностей мышления и миропонимания отдельной личности и этнокультурной общности за последние десятилетия перешли в ряд специальных лингвистических исследований. Существование эвфемизмов в языке во многом отражает социальное поло-

жение определенной части населения страны. Цель данной работы – выявление специфики употребления эвфемизмов в афроамериканском социально-этническом диалекте (далее ААСЭД).

Общественные и политические изменения внутри американского общества тесно переплетены с проблемами межкультурных и межрасовых противоречий, что, в свою очередь, привело к изменениям лексического состава диалектов стандартного американского английского языка, включая ААСЭД. Такие процессы, как урбанизация негритянского населения, условия изолированного проживания афроамериканцев в негритянских гетто, уличное насилие, наркомания, безработица, продолжающееся экономическое неравенство привели к проявлению негативизма в афроамериканском социуме, стремлению его членов к освобождению от принятых норм поведения в обществе и, как следствие, от норм языковых [4]. Данный процесс имеет место и в функционировании эвфемизмов.

Установлено, возникновение эвфемизмов в языке является ответом на то или иное историческое явление или событие. Они создаются носителями языка во все времена, и, зачастую, их появление можно точно датировать. Так, эвфемизм *African-American* восходит к временам массовой миграции и урбанизации негритянского населения США. В 50–70-е гг. XX в. в США началась массовая кампания «движение в защиту гражданских прав» (*the Civil Rights Movement*). События 50–70-х гг. способствовали популяризации такой лексической единицы, как *negro* или *neger* (от латинского слова *Niger* в значении 'черный'). Данная лексическая единица считалась общепринятой в афроамериканском обществе. Например, в 1972 г. в свет выходит музыкальная композиция Джона Леннона *'Woman is the Nigger of the World'*.

Между тем современные словари английского языка определяют существительное *negro* как слово устаревшее, более неупотребляемое [5], в значении «оскорбительное» [6]. Таким образом, на текущий момент несущий в себе расистский оттенок данный термин является табу во многих англоязычных странах. Многие американские газеты и журналы не печатают данное слово полностью, а вместо этого используют *n**g*r*, *n**ger* или просто *'the N-word'*. Слово *nigger* было удалено из словаря *Microsoft Encarta*, несмотря на его общепринятое употребление. Допустимым вариантом обозначения представителя афроамериканского населения США на сегодняшний день является словосочетание *African-American* [7]. Несмотря на то, что, являясь эвфемизмом на современном этапе развития английского языка, данное слово подразумевает выходца из Африки, проживающего на территории США и принадлежащего к экваториальной расе – *an African-American* (изначально *Afro-American*).

Традиционными сферами и темами употребления эвфемизмов представлены физиологические функции организма, сексуальные отношения, воздействие алкоголя, наркотиков, криминальные и противоправные действия, болезни и смерть, умственные способности, внешний вид, а также отношения с социумом.

Как известно, афроамериканцы традиционно считаются сексуально раскрепощенными и живущими в соответствии со своими чувствами и инстинктами людьми. Они напрямую, открытым текстом используют в речи сексуальные термины, обозначая различные противоположенные наклонности и извращения. Большое количество ругательств и непристойностей в языке чернокожего населения США свидетельствует о принятии ими всего аморального и вульгарного. Но, несмотря на это, например, для смягчения выражения *'to have sex'* афроамериканцы используют такие слова и выражения, как *to bump, to bone, to ride the hobby horse, to make someone scream, to do the wild thing, to boost, to boink, to ball, squeeze my lemon* – *"Man, me an that big booty ho over dare are gonna bump"* [8]; *"You aim is to bone"* [9].

Говоря о женщине, оказывающей интимные услуги, используют разнообразные выражения вместо прямого наименования *bitch* 'проститутка' – *tail peddler, cat, fag, leech, hooker, strawberry* – *"That leech be sukin my piece da other da' up in dis grill"* [10]; *"Strawberry, Strawberry is the neighbourhood ho."* [11]; *"There were some hookers standing right on that corner"* [12].

Такие эвфемизмы, как *bishop, blacksnake* вместо *'penis'*, *shorty* вместо *'a small penis'*, *clockwork* вместо *'woman's buttocks'*, *aunt pollys* вместо *'testicles'*, *burning* вместо *'gonorrhoea'*, характеризуют части тела и состояния человеческого организма – *"Geez, yo ant pollys are smaller than chick peers"* [13]; *"So when you gonna sit on my bishop?"* [14]; *"Damn, that's a fine ass piece of clock-work"* [15]; *"That bitch be burnin' – stay 'way from that shit!"* [16].

Для номинации мужчин с нетрадиционной сексуальной ориентацией появился следующий синонимичный ряд: *brown diver, booty bandit, bull dagger, cake boy, cheese cake* – *"Damn bitch, look at that Cakeboy, makes me sick."* [17]; *"They got alotta bull-daggers in Miami"* [18]; *"He done went to the Pen, come back a pole sitter"* [19]; *"That chesse cake was trying to suck me off"* [20].

Эвфемизации в афроамериканском обществе подвергаются и такие обозначения сексуальных отношений, как супружеская неверность – *creeping* – *"My girl caught me creepin' with the girl"*

next door” [21]; форма сексуальной активности – *donkey kong, nuclear submarine, head, none* – “*You, you see? I Donkey Konged her good last night*” [22]; “*You ain nevah had none, you don't want none. And you ain nevah gone it none*” [23].

С другой стороны, границы допустимого были заметно расширены и некоторые слова навсегда потеряли свою первоначальную силу. Например, такие изначально сексуальные термины, как *jazz, rap, rock'n'roll* в значении ‘*to have sexual intercourse*’ были заимствованы из лексикона афроамериканцев белыми жителями США для обозначения музыкальных стилей и направлений.

Большую сферу эвфемистической лексики в ААСЭД представляют эвфемизмы, уводящие внимание от пагубных проявлений действительности (преступность, наркомания). Ущербность общественного положения части афроамериканцев часто выливается в неприглядные формы протеста против личности и общества. Это, в свой черед, сказывается на образовании целого ряда лексических единиц, связанных с преступным миром и его деятельностью в черных гетто. Так, в преступных кругах появляются такие эвфемизмы, как *to smoke* вместо ‘*to kill*’ – “*Right then, I knew I had to smoke his ass*” [24]; *to tax* вместо ‘*to rob*’ – “*Stick up kids are out to tax*” [25]; *to pop* вместо ‘*to shoot*’ – “*I'm a pop a cap in him*” [26]. Данные лексические единицы обладают особыми возможностями воздействия на адресата, скрытого выражения эмоциональной оценки и смягчения речевой агрессии.

В последнее время словарь афроамериканцев изобилует лексическими единицами, обозначающими такое явление в обществе, как наркомания. Самым дешевым, популярным и распространенным наркотиком, без сомнения, является марихуана. Для эвфемистического обозначения марихуаны в ААСЭД используются слова *candy, grass, pot, herb, weed, nickel*. – “*Hey yo! I gotcho money, if you got muh candy!*” [27]; “*He was not like an old man. He did not smoke no weed*” [28]. Отдельные слова и выражения существуют для различных сортов марихуаны: *Acapuico gold, Budda grass, cocktail, KB, Jim Jones* – “*Mah homies be rollin wit tha KB shawty*” [29]. Специально обозначается место для курения марихуаны: *tea pad, balloon room*.

Менее доступные наркотики представлены не столь развернутыми синонимичными рядами: *China white, boy, smack, horse, jones, broun sugar* вместо ‘*heroin*’ – “*Max is the chief pusher of smack around here*” [30]; *blow, cristal, eight ball* вместо ‘*cocaine*’ – “*Yo, I just scored some blow from the slug on the corner*” [31]. Для определения наркоманов используются следующие схожие по своему значению слова: *basehead, rockstar, puffer, friend, baller, roller, buddah monk* – “*a nothin than a puffer, up for 5 days smoking*” [32]; “*Don't succumb to weed or you'll become one of those buddah monks*” [33]; “*Man, that guy smokes so much rock. What a basehead*” [34]. Такие глаголы, как *to blow, to blowsmoke, to beat up*, афроамериканцы используют в своей речи для описаний действия употребления наркотиков – “*Your friend tells you your slut's got so much torque she can't keep the top down. Bud, if you wanna blowsmoke go hack a dart*” [35]. Для описания результата приема наркотиков употребляются синонимы *dirty, spaced, zonked, straight* – “*If you lookin, Bo's straight*” [36]. Принцип смягчения опасности лежит в основе употребления данных лексических единиц.

Организованная преступность также формирует особый язык и субкультуру в афроамериканском обществе. Данная сфера словаря чернокожего населения США отражает «социальное дно» афроамериканской действительности. Так, для обозначения орудий преступлений используются такие эвфемизмы, как *chrome* вместо ‘*handgun*’, *twenty two* вместо ‘*a low caliber rifle*’, *biscuit* вместо ‘*gun*’, *ten* вместо ‘*10-mm automatic pistol*’ – “*Now I gotta follow him home with the chrome*” [37]; “*Twenty two automatic on my person*” [38]; для обозначения преступников *gorilla* вместо ‘*gangster*’, *banger* вместо ‘*killer*’, *booster* вместо ‘*shoplifter*’ – “*Fifty sent Gorilla – unit.*” [39]; “*She's a booster, I got some Jordans from her the other day*” [40]. В ситуациях неформального общения для обозначения полиции употребляются слова *the Man, five-o, pigs, cherry tops* – “*Damn, brotha, we gots ta be out fo'da fi'-oh is up in dis*” [41]; “*Hida da shit man, the cherry tops are there!*” [42]; *ghetto bird* вместо ‘*police helicopter*’ – “*Mane da ghetto bird be creepin up on us!*” [43]. Для понятия ‘*prison*’ используются существительные *pen, joint* – “*To all of my peoples in the pens, keep ya head up*” [44]. Следует заметить, что *pig 'policeman'* приобрел в лексике ААСЭД и другое значение – ‘*racist*’, ‘*fascist*’. Несмотря на свою засекреченность, данные эвфемизмы употребляются не только в рамках афроамериканского социума, но и достаточно широко используются в криминальном мире США и Европы.

Сегодня, в результате доминирующего положения America English, язык афроамериканцев оказался источником лексических заимствований, проникших как в американский сленг, так и в разговорную лексику английского языка США. Благодаря современной индустрии новостей (Internet, NBA, Hip Hop Culture) такие эвфемизмы, как *grass, twenty two, booster*, постепенно распространились по всей территории США. Эвфемизмы *darkie, shadow, spade* были заимствованы из лексикона афроамериканцев для обозначения представителей чернокожего населения США. Например, лексическая единица *spade* получила популярность благодаря песне негритянского певца Эрнеста Хогана, а затем использовалась еще в ряде песен, после чего закрепилась в речи –

"There sure are a lot of Spades in here" [45]. *Uncle Tom* – имя известного персонажа из романа Гарриет Бичер-Стоу – стало эвфемизмом слова *negro*, означающее покорного, услужливого афроамериканца, пресмыкающегося перед белыми – "An obligation to all underdog groups, constantly tempted by rewards to Uncle Tom" [46]. Хотя более поздние варианты *Uncle Thomas* 'чернокожий, выслуживающийся перед белыми для своей выгоды', *Aunt Thomasina* 'чернокожая американка, предающая интересы афроамериканской общины' продолжают оставаться только в лексике ААСЭД и употребляются только афроамериканцами.

Таким образом, можно сделать вывод, что межкультурные, межрасовые, межэтнические коллизии оказали влияние как на изменение, так и на пополнение лексики афроамериканского населения США. Процессы формирования системы культурных и поведенческих норм в афроамериканском социально-этническом диалекте нашли свое отражение и в употреблении эвфемизмов, задача которых не столько называть, сколько выразить отношение к происходящему.

Примечания и список литературы

1. Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 214.
2. Гальперин И. П. Очерки по стилистике английского языка. URL: <http://helpforlinguist.narod.ru/GalperinIR/GalperinIR.pdf> (дата обращения: 12.10.2017).
3. New Oxford Thesaurus of English. N. Y.: Oxford University Press Inc., 2000. P. 322.
4. Александрова Т. А. Специфика выражения оценочных значений в афро-американском социально-этническом диалекте: на материале субстандартной лексики: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. С. 134.
5. Holder R. W. How To Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms. Oxford University Press, 2002. 470 p.
6. Macmillan English dictionary for advanced learners. Oxford: Bloomsbury Publishing Pic., Macmillan Publishers Limited, 2002. 1872 p.
7. Holder R. W. Op. cit.
8. Richard A. Spears. Slang and Euphemism: A Dictionary of Oaths, Curses, Insults, Sexual Slang and Metaphor, Racial Slurs Drug Talk, Homosexual Lingo, and Related Matters. Signet, 1991. 511 p.
9. Rap Dictionary. URL: faqs.org/faqs/music/hiphop/dictionary/part1/ (дата обращения: 24.09.2017).
10. Richard A. Spears. Op. cit.
11. Rap Dictionary...
12. Spears R. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. Illinois: Lincolnwood, 1991. 528 p.
13. Richard A. Spears. Op. cit.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. Ibid.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. Ibid.
24. Rap Dictionary...
25. Ibid.
26. Online Hip Hop Search. URL: <http://www.hiphopsearch.com> (дата обращения: 24.09.2017).
27. Richard A. Spears. Op. cit.
28. Online Hip Hop Search...
29. Richard A. Spears. Op. cit.
30. Spears R. Op. cit.
31. Richard A. Spears. Op. cit.
32. Ibid.
33. Ibid.
34. Ibid.
35. Ibid.
36. Ibid.
37. Rap Dictionary...
38. Ibid.
39. Online Hip Hop Search...
40. Rap Dictionary...
41. Richard A. Spears. Op. cit.
42. Ibid.
43. Ibid.
44. Rap Dictionary...
45. Urban Dictionary. URL: urbandictionary.com (дата обращения: 02.11.2017).
46. Online Hip Hop Search...

Notes and References

1. YArceva V. N. *Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar'. YAzykozna-nie* [Big encyclopaedic dictionary. Linguistics]. M. Great Rus. Encyclopaedia. 1998. P. 214.
2. Gal'perin I. R. *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyk* [Essays on stylistics of the English language]. Available at: <http://helpforlinguist.narod.ru/GalperinIR/GalperinIR.pdf> (date accessed: 12. 10. 2017).
3. New Oxford Thesaurus of English. N. Y. : Oxford University Press Inc., 2000. P. 322.
4. Aleksandrova T. A. *Specifika vyrazheniya ocenochnyh znachenij v afro-amerikanskom social'no-ehnicheskom dialekte: na materiale substandartnoj leksiki : dis. ... kand. filol. nauk* [Specific of expression of estimates in African-American social and ethnic dialect: on the material of the substandard vocabulary: dis. cand. philol. sciences]. Saratov. 2007. P. 134.
5. Holder R. W. *How To Say What You Mean: A Dictionary of Euphe-misms*. Oxford University Press, 2002. 470 p.
6. Macmillan English dictionary for advanced learners. Oxford: Bloomsbury Publishing Pic., Macmillan Publishers Limited, 2002. 1872 p.
7. Holder R. W. Op. cit.
8. Richard A. Spears. *Slang and Euphemism: A Dictionary of Oaths, Curses, Insults, Sexual Slang and Metaphor, Racial Slurs Drug Talk, Homosexual Lingo, and Related Matters*. Signet, 1991. 511 p.
9. Rap Dictionary. Available at: faqs.org/faqs/music/hip_hop/dictionary/part1/ (дата обращения: 24.09.2017).
10. Richard A. Spears. Op. cit.
11. Rap Dictionary...
12. Spears R. *NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Ex-pressions*. Illinois: Lincolnwood, 1991. 528 p.
13. Richard A. Spears. Op. cit.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. Ibid.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. Ibid.
24. Rap Dictionary...
25. Ibid.
26. Online Hip Hop Search. Available at: <http://www.hiphopsearch.com> (date accessed: 24.09.2017).
27. Richard A. Spears. Op. cit.
28. Online Hip Hop Search...
29. Richard A. Spears. Op. cit.
30. Spears R. Op. cit.
31. Richard A. Spears. Op. cit.
32. Ibid.
33. Ibid.
34. Ibid.
35. Ibid.
36. Ibid.
37. Rap Dictionary...
38. Ibid.
39. Online Hip Hop Search...
40. Rap Dictionary...
41. Richard A. Spears. Op. cit.
42. Ibid.
43. Ibid.
44. Rap Dictionary...
45. Urban Dictionary. Available at: urbandictionary.com (date accessed: 02.11.2017).
46. Online Hip Hop Search...

УДК 811.11-112

Проблема изучения второго языка при разработке курса «Академический английский для магистров и аспирантов» (на примере обучения по естественным и техническим направлениям подготовки)

Нурутдинова А. Р.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологии, Университет управления «ТИСБИ», 420012 г. Казань, ул. Муштари, 13. E-mail: nurutdinova@my.com

Дмитриева Е. В.

доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51. E-mail: elenadmitrieva75@yandex.ru

Аннотация: В обзорной статье основное внимание уделяется проблеме изучения второго языка при работе с магистрами и аспирантами дневной формы обучения по естественнонаучным и техническим направлениям подготовки. Были выделены основные факторы, которые играют основную роль в разработке курса «Академический английский» для формирования навыков чтения научных и технических текстов, аннотации и обобщения изученной литературы, а также для развития устных навыков научной речи. Был исследован тип последовательных методов или практик для успешного обучения, для академической и профессионально направленной сферы. Приобретение знаний и понимания является ключом к успешному общению, которое зависит от того, насколько хорошо разработчики программы понимают межкультурную чувствительность и способ организации процесса обучения (усвоения иностранного языка).

Ключевые слова: овладение языком, специальный английский язык, академический английский, методология и стратегия, целенаправленная методология, сотрудничество на основном языке, аспиранты, лингвистическая структура, эффективная и последовательная оценка.

The problem of studying a second language in the development of the course “Academic English for graduate students” (for example, studying on natural and technical directions of training)

Nurutdinova A. R.

the candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Department of Philology, The University of management "TISBI". 13 Mushtari str., 420012, Kazan. E-mail: nurutdinova@my.com

Dmitrieva E. V.

associate professor, candidate of pedagogical sciences, associate professor of Department of foreign languages, Kazan State Energy University. 51Krasnoselskaya str., 420066, Kazan. E-mail: elenadmitrieva75@yandex.ru

Abstract: This review paper focused on the issue of second language acquisition while working with the full-time postgraduates in the natural and technical areas of training. Assets were made to find out the key factors that play a major role in the designing “Academic English” course to formation of skills in reading scientific and technical texts, annotating and summarizing the studied literature as well as to develop the oral scientific speech skills. The type of successive methods or practices for successful teaching, for the academic and professionally oriented sphere was studied. Acquiring knowledge and understanding is the key to successful communication, which depends on how well the program developers understand the intercultural sensitivity and way of organizing the learning process (learning a foreign language).

Keywords: language acquisition, English for special purpose, Academic English, methodology and strategy, focused methodology, collaboration in target language, research-based targets, postgraduate students, linguistic structure, effective and consistent assessment.

I. Введение

Изучение иностранного (английского) языка является важным в процессе интеграции и глобализации. Иностраный язык, в свою очередь, не перестает развиваться, постепенно усложняясь и совершенствуясь. Прогрессивность иностранного языка и его когнитивная функцио-

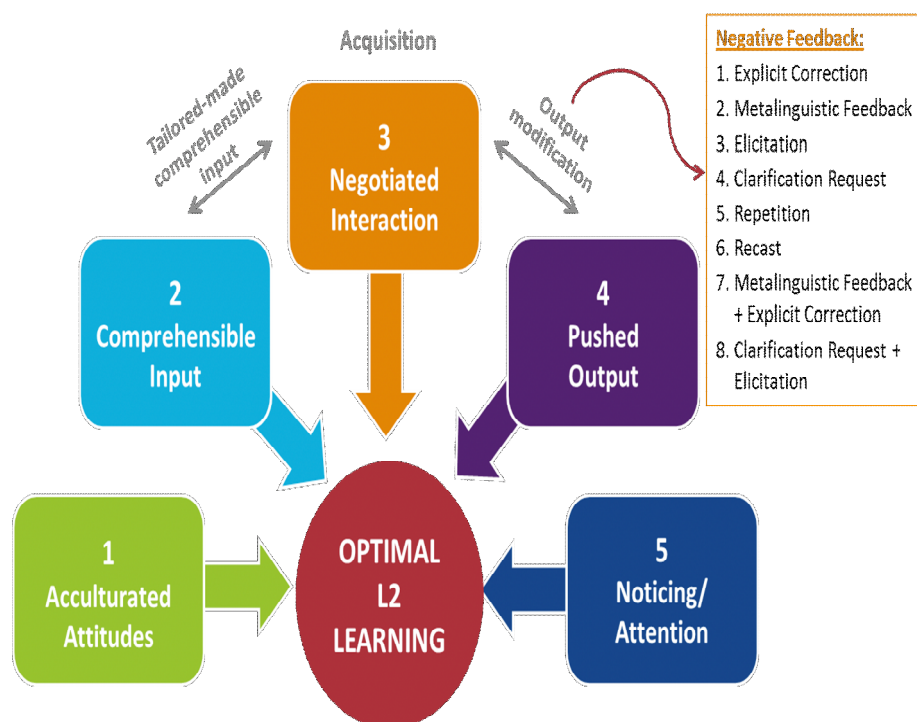
нальность невозможна без практики. В профессиональной сфере человека иностранный (английский) язык играет основное значение: межкультурная коммуникация, билингвизм, интернационализация общества. Возрастающий интерес к иностранному языку приобретает существенное значение в глобальном масштабе: английский язык как язык бизнеса, политики, туризма и т. д.

В России английский язык является вторым (иностраным) языком, который не всегда используется в устойчивой коммуникации, но постоянно – в мультикультурных взаимодействиях [1]. Иностраный (второй) язык является формальным или социальным ведущим языком, необходимым для образования, туризма, бизнеса, политики и т. д.

II. Основные гипотезы для разработки академического курса

Изучение усвоения второго языка показало, что магистрам и аспирантам необходимо сосредоточиться на целевом языке сфокусированным образом. «Взаимодействие через беседу является существенным, если не достаточным, условием для приобретения второго языка... то, что нужно студентам, – это возможность взаимодействовать при достижении взаимного понимания; а также умение вести “понятный” разговор... И когда общение затруднено, это возможность развития языка» [2].

Лурдес Ортега [3] в качестве пяти ключевых гипотез в усвоении второго языка выделил следующие (см. рисунок):

Пять ключевых гипотез для оптимизации обучения на втором языке
(адаптировано из Ортега, 2009)

1. *Культурологические взаимоотношения*: язык и общество, говорящее на иностранном (английском) языке, для которых этот язык является родным. Разнообразие культурологического взаимоотношения способствует не только положительному отношению, но и интересу к обучению и изучению языка.

2. *Понятность введения*: частое воздействие на иностранный язык. Важный элемент успешного изучения иностранного языка (английского) – это прямой контакт с материалами, представленными в виде текстов, аудио, видео, изображений на английском языке, – это и есть основа академического языка (научный английский язык). Использование наглядных материалов соответствует уровням подготовки: начинающие, средние или продвинутые.

«Использовать только градуированный материал – это как использовать исключительно детское питание, а затем задаваться вопросом, почему ребенок не может справиться с рационом для взрослых... Очень важно наличие практической (иногда и самостоятельной) работы над записанным материалом. Данный материал содержит фрагменты, выходящие за рамки того, что магистр может сам воспроизвести как устно, так и письменно, поэтому важно, чтобы они могли замечать эти фрагменты и использовать способы анализа/синтеза их смыслового контекста с последующим использованием в речи» [4].

Рассмотрим три соответствующих набора критериев, признающих, что упрощение языка не является ответом на успешность его изучения.

1. Соответствующий набор критериев от Компте [5] (1993).

<i>От простого....</i>	<i>....к сложному</i>
<i>Низкий уровень сложности в «чтении» видео</i>	<i>Высокий уровень сложности в «чтении» видео</i>
<i>Присутствие на экране обсуждаемой темы</i>	<i>Отсутствие изображения обсуждаемой темы</i>
<i>Диалоговые сцены</i>	<i>Прокомментированные сцены</i>
<i>Использование знакомого повествования и культурных стереотипов</i>	<i>Использование незнакомых и непредсказуемых описательных и культурных стереотипов</i>
<i>Использование универсальных стереотипов</i>	<i>Использование культурной специфической схемы</i>
<i>Умеренное использование местного социокультурного юмора</i>	<i>Чрезмерное использование конкретных социокультурных ссылок на целевом языке</i>

2. Соответствующий набор критериев по Лансин [6] (1993).

– *Избыточность между изображением и звуковой дорожкой* (звуковая дорожка повторяет визуальную информацию).

– *Дополнение* (звуковая дорожка добавляется к изображению или, наоборот, добавляется изображение в звуковую дорожку).

– *Доминирование* (доминирование аудиодорожки над изображением).

– *Автономия* (изображение и звуковые дорожки не имеют прямой связи).

– *Противоречие* (изображение не соответствует звуковой дорожке, или наоборот).

3. Соответствующий набор критериев по Филд [7].

<i>Сосредоточение внимания на навыках низкого уровня (декодирование)</i>	<i>Сосредоточение внимания на навыках высокого уровня (словообразовательный смысл)</i>
<i>Скорость речи: медленная, аккуратная, расслабленная.</i>	<i>Количество различных идей (от небольшого до чрезмерного количества).</i>
<i>Разнообразие речи: знакомый акцент на многие потенциально неизвестные акценты.</i>	<i>Уровень сложности идей от низкого до высокого.</i>
<i>Беглость речи: плавное, произносимое и спонтанное</i>	<i>Уровень знакомства с темой (от незнакомого до совершенно нового).</i>
	<i>Специфика задачи (т. е. от заметок до контрастной информации, услышанной от нескольких ораторов)</i>

3. *Согласованные взаимодействия*: когда магистры осуществляют постепенное использование фраз, изменяя и корректируя их: используя запросы на уточнение, проверки подтверждений и понимания.

Согласованность взаимодействий создает своевременность обучения, а именно, «частота обсуждений и дискуссий, способствуют большему пониманию иностранной речи; а возможность ведения и участия переговоров может привести к высокому уровню понимания» [8]. Данный подход позволяет осуществлять непосредственное коммуникативное взаимодействие по нескольким предполагаемым проектам, предлагаемым в каждом модуле курса.

4. *Содействие результату*: побуждение к развитию языка в важных профессиональных коммуникациях.

Прогресс во владении иностранным языком показывает: «Создание целевого (иностранного) языка может быть триггером, который обращает внимание на средства выражения, необходимые для успешной передачи предполагаемого значения» [9]. Именно наличие языкового барьера и его постепенное преодоление способствует осмысленному результату в использование иностранного языка: «...упрощение языковых форм не является основополагающим моментом, основным моментом является возможность взаимодействовать с другими участниками языкового процесса, работающими в команде (группе) для достижения взаимного понимания» [10].

Получая мгновенный ответ в ходе взаимодействия, магистры должны «объяснить смысл высказывания», что рассматривается как возможность развития коммуникативной направленности языка [11]. Курс «Академический английский» [12] представляет возможности для «индивидуальной работы, групповой направленности», что характеризуется активным обсуждением для написания индивидуальных исследовательских докладов.

5. *Внимание*: использование соответствующих лингвистических форм в устной/письменной форме.

Возможность полноценного взаимодействия необходима, но не всегда является достаточной для создания оптимальной коммуникативной среды для обучения на иностранном (английском) языке [13]. Магистрам необходимо активно участвовать в процессе выявления пробелов во взаимодействии с другими, используя обратную связь, полученную во время каждого непосредственного взаимодействия.

«Содержание практических занятий, где основное внимание уделяется общению, – это стандарты, учебная программа с ориентиром на стандарты, учитывает компетенции – <...> и привлекает внимание к “случайным” лингвистическим элементам в процессе практического занятия» [14].

Лингвистические структуры понятны преподавателям филологам, тогда как обучение грамматике основано на иных подходах [15]:

- неявно через бесчувственную инстинктивную абстракцию;
- явно через выборочное обучение;
- непосредственно через объяснения правил.

В курсе «Академическом английском» языковой материал изучается в процессе использования практических методов, технологий и кейсов [16]. Среди различных техник Вонг рекомендует: введение, выделение и кодирование. Основная учебная деятельность курса «Академический английский» позволяет магистрам развивать знания о структуре иностранного языка, постепенно повышая эффективность обучения и понимания.

«Общие результаты исследования свидетельствуют о том, что обучение, ориентированное на теоретические результаты и корректирующее обратную связь через коммуникативные и контентные программы иностранного языка, поможет улучшить знания и использовать конкретные навыки и знания в будущем» [17].

III. Инструктивная методология

Методология учебного курса «Академический английский» основана на четырех основных исследовательских методах обучения:

1. Контент-ориентированный подход и лингвистическая направленность.

Подход, основанный на контентном наполнении курса, является главным в изучении языков и способствует большему использованию иностранного (английского) языка, повышению мотивации к изучению языка и пониманию контента [18]. Введение информации лингвокультурологического характера согласуется с подходом, ориентированным на содержание. *«Эксперимент в изучении иностранного языка убежден в том, что контент-ориентированные подходы <...> могут повысить мотивацию студентов, ускорить приобретение студентом языка и сделать процесс изучения языка приятным и полноценным. Студенты с большей вероятностью станут самостоятельными учениками» [19].*

2. Метапознавательные стратегии.

Мотивация значительно возрастает, если можем понять повседневную речь на иностранном (английском) языке: реализация курса «Академический английский» согласуется с этими знаниями, но трудности непонимания неизбежны. Призыв к действиям по разработке стратегий достижения целей, выведение смысла из текстовых и подтекстовых подсказок даст необходимые инструменты для компенсации отсутствия продуктивных навыков. Стратегия обучения, связанная с метакогнитивной подготовкой, оказывает положительное влияние на изучение языка. Исследователи, в основном, используют отличные друг от друга термины к определению стратегий обучения (классификация и определения), но они описывают одинаковые/схожие процессы.

Ребека Оксфорд [20] проводит различия между стратегиями обучения иностранному языку.

Прямые стратегии	Косвенные стратегии
1. Память А. Создание умственных связей В. Использование изображений и звуков С. Изучение D. Применение	1. Метакогнитивные стратегии А. Акцент на обучение В. Организация/планирование обучения С. Оценка обучения
2. Когнитивная А. Практика В. Получение/обработка высказывания С. Анализ и обоснование D. Создание структуры ввода и вывода информации	2. Аффективные стратегии А. Снижение беспокойства В. Поощрение С. Личностный эмоциональный фактор
3. Стратегии компенсации А. Интеллектуальная догадка В. Преодоление ограничений в письме	3. Социальные стратегии А. Вопросы В. Сотрудничество С. Сопричастность

Например, Джон Филд [21], работающий над стратегиями прослушивания, объединяет их в четыре категории. Сочетание рефлексивных инструментов (как самодиагностики, контрольных списков самооценки, рубрик и других многочисленных видов деятельности) по всему академическому курсу способствует метакогнитивной подготовке.

Стратегия избегания	Стратегия возмещения
А. Отказ от сообщения В. Обобщение С. Уменьшение сообщения	А. Прямое обращение за помощью В. Косвенное обращение за помощью С. Запрос на повторение D. Просьба о разъяснении E. Запрос подтверждения F. Перефразирование
Стратегия успеха	Утверждающие стратегии
А. Формирование гипотезы В. Перевод С. Ключевые слова D. Надежность E. Приближение результата F. Аналогия язык 1 и язык 2 G. Подобные звуковые сочетания	А. Оценка задания В. Повтор С. Активация соответствующего формата D. Предвидение вероятных проблем E. Самооценка

IV. Направленность высказывания

В задании присутствует коммуникативная и практическая направленность как определенный вид дискурса, основанный на лингвистической подготовке [22]. Задания не должны быть сложными и должны соответствовать разным уровням подготовки. Например, простая задача, такая как «Определение разницы», может спровоцировать реальные типы взаимодействия [23]:

Функция проектирования задач	Описание задач
1. Цель	- Условия использования предлога места и действия
2. Введение	- Две картинки, отличающиеся расположением конкретных объектов
3. Условия	-Разделение информации
4. Процедура	- Время планирования
5. Прогнозируемые результаты:	- Парная (групповая) работа:
а. процесс	- описание местоположения объектов: вопросы и ответы;
б. результат	- письменный список различий в изображении

К определяющему критерию владения иностранным (английским) языком относят [24]: основной смысл высказывания; продуманный «пробел»; направленность работы; действительные процессы языковой практики; результат и оценку. В курсе «Академический Английский» большинство учебных материалов частично/полностью контекстуализированы в ситуации взаимодействия [25].

4. Культурно-воспитательное восприятие.

Устойчивая практика видеороликов и текстов подчеркивает неразрывность лингвистики и искусства, музыки и литературы. Академический английский способствует рассмотрению культуры, определяя различия, что позволяет проводить культурные исследования наряду с другими дисциплинами; контрасты между различными культурами и с собственными культурными практиками.

V. Оценка: усложненная методология

Основная цель оценки заключается в улучшении знаний магистров. Оценка – это процедура сбора количественной/качественной информации из ряда источников (заданий, презентаций, проектов, выступлений, тестов и т. д.), которая точно отражает, насколько хорошо магистр выполняет программу заданий по конкретному модулю.

В разработанном курсе «Академический Английский» используются следующие показатели эффективности и результативности работы:

- акцент на методику обучения;
- акцент на понимание и на способности, а также на достижения;
- акцент на разнообразие методов;
- акцент на перспективы обучения (краткосрочные и долгосрочные цели);
- акцент на усиление требований и навыков;
- акцент на объективность результатов с учетом временных рамок;
- акцент на совершенствование навыков и умений;

- акцент на самоанализ и критическое умение определять конкретные цели;
- акцент на входной и выходной контроль (доказательства степени усвоения);
- акцент на ясность высказывания на протяжении всего курса.

VI. Заключение

Исследование показало, что языковое образование, осуществляемое с помощью иностранных материалов, поможет подготовить выпускников к академическому английскому языку. Приобретение знаний является ключом к успешному общению, которое зависит от того, насколько хорошо разработчики программы понимают межкультурную чувствительность и способ организации процесса обучения (усвоения иностранного языка и владения им). Считается, что, когда обе стороны в системе образования готовы получать и принимать требуемые знания о разных культурах, задавать правильные вопросы, успех в международной среде неизбежен и легко поддерживается необходимыми программами.

Дальнейшие исследования: последующий анализ межкультурного образования, предоставляемого университетами с целью обобщения, выработки лучших суждений и рекомендаций.

Примечания и список литературы

1. *Aida R. Nurutdinova.* Awareness in acquisitive understanding of second language oral aspect: intercultural, socio cultural and cross cultural re-flections. *XLinguae (European Scientific Language Journal)*. Vol. 10. Issue 4. 2017. October. P. 69–83.
2. *Lightbown P. M., Spada N.* How Languages are Learned, 3rd Edition. Oxford : Oxford University Press, 2006.
3. *Ortega L.* Understanding Second Language Acquisition. Hodder Education, 2009.
4. *Compte C.* La vidéo en classe de langue. Collection F. Au-toformation. Paris : Hachette, 1993.
5. Ibid.
6. *Lancien T.* Le document video dans la classe de langue. Techniques de classe. Paris : Clé International, 1986.
7. *Field J.* Listening in the Language Classroom. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 271.
8. *Pica T., Young R., Doughty C.* The impact of interaction on comprehension. *TESOL Quarterly*, 21. 1987. P. 737–758; *Yano Y., Long M. H., Ross S.* The effects of simplified and elaborated texts on foreign language comprehension. *Language Learning*, 44, 1994. P. 189–219.
9. *Swain M.* Three functions of output in second language learning. In Cook, G. and Seidelhofer, B. (Eds.) Principle and Practice in Applied Linguistics: Studies in Honor of H. G. Widdowson. Oxford : Oxford University Press, 1995. P. 125–144; *Swain M.* Communicative competence: Some roles of com-prehensible input and comprehensible output in its development // Gass S. and Madden C. (Eds.), Input in Second Language Acquisition. N. Y. : Newbury House, 1985. P. 249.
10. *Lightbown P. M., Spada N.* How Languages are Learned, 3rd Edition, Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 43.
11. *Nurutdinova A. R.* Master's Degree: education and research: tutorial : in 2 parts. P. 1. The ministry of education and Science of the Russian federation, Kazan National Research Technological University. Kazan : KNRTU Press, 2017. 160 p.
12. Ibid.
13. *Schmidt R.* Implicit learning and the cognitive uncon-scious: Of artificial grammars and SLA // Ellis N. (Ed.), Implicit and explicit learning of languages. L. : Academic Press, 1994b. P. 165–209.
14. *Long M.* Focus on form: A design feature in language teach-ing methodology // Bot K. de, Coste D., Ginsberg R., Kramsch C. (Eds.). For-eign language research in cross cultural perspectives. Amsterdam : John Benjamins, 1991. P. 39–52.
15. *Ellis R.* The study of second language acquisition. Oxford, UK : Oxford University Press, 1994.
16. *Wong W.* Input enhancement: From theory and research to the classroom. McGraw Hill, 2003.
17. *Lightbown P. M., Spada N.* How Languages are Learned, 3rd Edition, Ox-ford : Oxford University Press, 2006. P. 175.
18. Lightbown P. M., Spada N. How Languages are Learned...
19. *Stryker S. B., Leaver B. L.* Content Based Instruction in Foreign Language Education: Models and Methods. Washington, DC : Georgetown University Press, 1997.
20. *Oxford R.* Language Learning Strategies: What Every Teach-er Should Know. N. Y. : Newbury House Publishers, 1990.
21. *Field J.* Op. cit.
22. *Ellis R.* "Introduction: Investigating Form Focused Instruc-tion" // *Language Learning*, 2001. Vol. 51. P. 1–46.
23. *Ellis R.* Task based Language Learning and Teaching. Oxford : Oxford University Press, 2003.
24. *Skehan P.* Task based instruction. *Annual Review of Ap-plied Linguistics*, 18. 1998a. P. 268–286; *Ellis R.* Task based research and language pedagogy // *Language Teaching Research*. 2000. 4. P. 93–220.
25. *Nurutdinova A. R., Romanova G. V.* English for special purposes. Lan-guage of Chemistry. Tutorial. The ministry of education and Science of the Russian federation, Kazan National Research Technological University. Ka-zan : KNRTU Press, 2017. 144 p.

Notes and references

1. *Aida R. Nurutdinova*. Awareness in acquisitive understanding of second language oral aspect: intercultural, socio cultural and cross cultural re-flections. *XLinguae* (European Scientific Language Journal). Vol. 10. Issue 4. 2017. October. Pp. 69–83.
2. *Lightbown P. M. Spada N.* How Languages are Learned, 3rd Edition. Oxford. Oxford University Press. 2006.
3. *Ortega L.* Understanding Second Language Acquisition. Hodder Education. 2009.
4. *Compte C.* La vidéo en classe de langue. Collection F. Au-toformation. Paris : Hachette. 1993.
5. Ibid.
6. *Lancien T.* Le document video dans la classe de langue. Techniques de classe. Paris. Clé International. 1986.
7. *Field J.* Listening in the Language Classroom. Cambridge. Cambridge University Press. 2008. P. 271.
8. *Pica T., Young R., Doughty C.* The impact of interaction on comprehension. *TESOL Quarterly*, 21. 1987. Pp. 737–758; *Yano Y., Long M. H., Ross S.* The effects of simplified and elaborated texts on foreign language comprehension. *Language Learning*, 44, 1994. Pp. 189–219.
9. *Swain M.* Three functions of output in second language learning. In Cook, G. and Seidelhofer, B. (Eds.) Principle and Practice in Applied Linguistics: Studies in Honor of H. G. Widdowson. Oxford. Oxford University Press. 1995. Pp. 125–144; *Swain M.* Communicative competence: Some roles of comprehensible input and comprehensible output in its development // Gass S. and Madden C. (Eds.), Input in Second Language Acquisition. N. Y. Newbury House. 1985. P. 249.
10. *Lightbown P. M. Spada N.* How Languages are Learned, 3rd Edition, Oxford. Oxford University Press. 2006. P. 43.
11. *Nurutdinova A. R.* Master's Degree: education and research: tutorial: in 2 parts. P. 1. The ministry of education and Science of the Russian federation, Kazan National Research Technological University. Kazan : KNRTU Press. 2017. 160 p.
12. Ibid.
13. *Schmidt R.* Implicit learning and the cognitive uncon-scious: Of artificial grammars and SLA // Ellis N. (Ed.), Implicit and explicit learning of languages. L. Academic Press. 1994. Pp. 165–209.
14. *Long M.* Focus on form: A design feature in language teach-ing methodology // Bot K. de, Coste D., Ginsberg R., Kramsch C. (Eds.). For-eign language research in cross cultural perspectives. Amsterdam : John Benjamins. 1991. Pp. 39–52.
15. *Ellis R.* The study of second language acquisition. Oxford, UK. Oxford University Press. 1994.
16. *Wong W.* Input enhancement: From theory and research to the classroom. McGraw Hill. 2003.
17. *Lightbown P. M. Spada N.* How Languages are Learned, 3rd Edition, Ox-ford. Oxford University Press. 2006. P. 175.
18. *Lightbown P. M. Spada N.* How Languages are Learned...
19. *Stryker S. B., Leaver B. L.* Content Based Instruction in Foreign Language Education: Models and Methods. Washington, DC. Georgetown University Press. 1997.
20. *Oxford R.* Language Learning Strategies: What Every Teach-er Should Know. N. Y. Newbury House Publishers. 1990.
21. *Field J.* Op. cit.
22. *Ellis R.* "Introduction: Investigating Form Focused Instruction" // *Language Learning*, 2001. Vol. 51. Pp. 1–46.
23. *Ellis R.* Task based Language Learning and Teaching. Oxford. Oxford University Press. 2003.
24. *Skehan P.* Task based instruction. *Annual Review of Applied Linguistics*, 18. 1998a. Pp. 268–286; *Ellis R.* Task based research and language pedagogy // *Language Teaching Research*. 2000. 4. Pp. 93–220.
25. *Nurutdinova A. R., Romanova G. V.* English for special purposes. Lan-guage of Chemistry. Tutorial. The ministry of education and Science of the Russian federation, Kazan National Research Technological University. Kazan. KNRTU Press. 2017. 144 p.

Особенности троллинга в интернет-комментариях к новостной статье (на материале французского языка)

Абдуллина Л. Р.

кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур,
Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: lilioven@mail.ru

Артамонова Е. В.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Казанский государственный энергетический университет.
420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51. E-mail: artamonova_ek@mail.ru

Аннотация: В настоящем исследовании обосновывается актуальность изучения троллинга как типа коммуникативного поведения в интернет-дискурсе. Рассматриваются различные подходы к интерпретации данного понятия. Троллинг определяется автором как целенаправленное и мотивированное коммуникативное поведение, ориентированное на дестабилизацию медиапространства. На материале франкоязычных комментариев к новостной статье демонстрируются две основные техники троллинга: субъектно-ориентированная и объектно-ориентированная. В рамках объектно-ориентированной техники анализируются тактики оффтопинга и элфинга. Субъектно-ориентированная техника основана на дискредитации личности: указание на некомпетентность собеседника, ироническое выражение несогласия с его точкой зрения, элфинг. Делается вывод о необходимости избирательного подхода к прочтению комментариев с целью не оказаться вовлеченным в коммуникативную игру троллей, которые выбирают речевую тактику в зависимости от степени интенсивности своих намерений.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, интернет-комментарий, речевое поведение, тактика, тролль, троллинг.

Peculiarities of trolling in Internet comments to the news article (on the material of French language)

Abdullina L. R.

candidate of philological sciences, associate professor, Department of European languages and cultures,
Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan. E mail: lilioven@mail.ru

Artamonova E. V.

the candidate of pedagogical sciences, associate professor of foreign languages
Kazan State Energy University. 51 Krasnoselskaya str., 420066, Kazan. E mail: artamonova_ek@mail.ru

Abstract: In this research, the relevance of studying trolling as a type of communicative behavior in the Internet discourse is justified. Various approaches to the interpretation of this notion are considered. Trolling is defined by the author as a purposeful and motivated communicative behavior, oriented to the destabilization of the media space. The material of the French-speaking commentaries to the news article demonstrates two basic techniques of trolling: subject-oriented and object-oriented. In the framework of the object-oriented technique, the tactics of offtopping and elfing are analyzed. The subject-oriented technique is based on the discrediting of the person: an indication of the incompetence of the interlocutor, an ironic expression of disagreement with his point of view, and elfing. It is concluded that there is a need for a selective approach to reading the comments, in order not to be involved in the communicative game of the trolls, who choose speech tactics depending on the intensity of their intentions.

Keywords: internet-linguistics, internet-commentary, speech behaviour, tactics, troll, trolling.

На современном этапе лингвистических исследований особенно актуальными становятся вопросы, посвященные интернет-коммуникации. Рассматриваются понятие интернет-дискурса и его жанровое разнообразие [1], языковые особенности виртуального общения [2], стратегии и тактики речевого поведения [3].

Вышесказанное определило выбор в качестве предмета исследования такого типа речевого поведения, как троллинг. Материалом исследования послужили франкоязычные комментарии к новостным статьям, выделяемые в качестве жанра интернет-дискурса [4]. Соответственно цель исследования состоит в выявлении специфики троллинга в интернет-комментариях к новостным статьям.

На начальном этапе представляется необходимым уточнить значение рассматриваемых понятий. Одни исследователи под троллингом подразумевают вид социальной агрессии с целью разжигания конфликтов [5]. К примеру, Т. А. Воронцова определяет «троллинг как речевую провокацию с целью эскалации коммуникативного конфликта» в интернет-общении [6]. Е. И. Булатова, в свою очередь, уточняет, что под троллингом следует понимать не только намеренную эскалацию агрессии, но также разновидность «языковой игры в духе трикстерианства», в ходе которой «тролли вскрывают более серьезные социальные проблемы, воспроизводят перверсивную логику той культурной среды, в которой сами обитают, разрушая ее, выполняя тем самым функцию обновления через отрицание» [7]. Другие исследователи предполагают под троллингом «заманивание участников коммуникации в бессмысленные и бесконечные дискуссии, лишаящие основные ветви форумов содержания, уводящие от существа проблемы» [8]. Англоязычный исследователь С. Херинг определяет троллинг как «вовлечение людей в бессмысленную и отнимающую много времени дискуссию» [9]. Неоднозначные подходы к определению понятия «троллинг» свидетельствуют об эволюции данного феномена, обоснованной в исследовании Н. М. Строителя и Н. А. Сабуровой [10]. На основе вышеизложенного мы будем придерживаться следующего определения: троллинг – целенаправленное и мотивированное коммуникативное поведение, ориентированное на дестабилизацию как эмоционального состояния комментаторов, так и медиапространства в целом.

Проанализируем речевые техники троллинга на материале франкоязычных комментариев (207 ед.) к статье, опубликованной на сайте французского издания *Le Monde* 26 сентября 2017 г. [11] В статье рассматриваются ключевые предложения президента Франции Эммануэля Макрона по реформированию Евросоюза (заголовок сообщения «*Les principales propositions d'Emmanuel Macron pour relancer le projet européen*»).

Мы выделяем две базовые техники троллинга: объектно-ориентированную и субъектно-ориентированную.

К объектно-ориентированной технике мы относим троллинг, направленный на информационное содержание статьи или комментария. В рамках данной техники мы выделяем следующие тактики:

1. Оффтопинг – тематически сдвиг, связанный с желанием увести адресата дальше от темы статьи. Приведем пример.

jea. vie: *Quoi qu'il en soit rien de tout cela n'est possible si l'Allemagne n'en veut pas. Elle tient le nerf de la guerre <...>. Sur qui Macron et notre pays encalminé dans sa dette pourra-t-il s'appuyer pour avancer?/ «В любом случае все это невозможно без участия Германии. Она регулирует денежную систему <...> На кого Макрон и наша погрязшая в долгах страна рассчитывает?»*

Очевидно, что тролль пытается перевести разговор с программы реформирования ЕС Макрона на лидирующее положение Германии, побудив тем самым к дальнейшей дискуссии и спорам, о чем свидетельствует провокационный вопрос в конце комментария. Наличие реакции со стороны других комментаторов (**Pierre-Marie Muraz:** *Sur l'Allemagne ... rien ne dit que l'Allemagne restera un "nain politique"...* / «Насчет Германии... не факт, что Германия останется в роли политического карлика»; **aloes:** *L'Allemagne est au top de sa puissance économique mais les perspectives de ce pays sont moins favorables sans l'Europe* / «Германия на вершине своего экономического могущества...») является тому подтверждением.

Отвлечение от темы, как правило, вызвано авторским недовольством, несогласием или порицанием предмета речи. В данном контексте тролли часто прибегают к иронии или сарказму, которые не остаются незамеченными собеседниками. Например,

Michel Marie : *Suite à ce discours des millions d'europeens sont descendus dans les rues pour manifester leur enthousiasme et exiger la tenue d'un sommet européen. Les Suisses ont décidé par référendum d'adhérer à l'UE. L'académie Nobel a décidé de se réunir en urgence pour décerner tous ses prix à Macon y compris les maths et la physique.* / «После этого выступления миллионы европейцев вышли на улицу, чтобы продемонстрировать свой энтузиазм. Швейцарцы путем референдума решили вступить в ЕС. Нобелевский комитет решил срочно собраться, чтобы присудить все свои премии, по математике и физике в том числе, Макрону».

Tambouille: *J'adore votre sens ironique de la moquerie* / «Обожаю ваш иронический стиль насмешки».

2. Эльфинг – тактика троллинга, в основе которой лежит намеренная преувеличенная похвала объекта комментируемой статьи с целью разжигания флейминга среди противников данной точки зрения. Цель притворного восхваления эльфа развлечься, спровоцировав негативную реакцию собеседников. Подтверждением сказанному служит следующий пример.

Pierre-Marie Muraz: *Certains disent "il se prend pour le roi soleil"... merci à ce Roi d'avoir apporter le soleil à la création de l'Etat Français!* / «Некоторые говорят, что он возомнил себя “королем-Солнцем”... Спасибо этому Королю за солнце в создании французского государства!».

gio53 @Pierre-Marie Muraz: *Mon dieu, mais c'est de l'idolatrie...* / «Боже, да это идолопоклонство...»

В ответ на ассоциации Макрона с королем (Roi) в адрес тролля **Pierre-Marie Muraz** посыпались обвинения, на которые тролль не замедлил отреагировать и, как следствие, разразился флейм.

Вторая техника является субъектно-ориентированной и связана непосредственно с переходом на личности (лат. *argumentum ad personem*), подразумевающим дискредитацию аргументации оппонента путем дискредитации его и/или его слов и провоцирующим соответственно некорректную ответную реакцию.

Негативное высказывание в адрес собеседника может касаться его личностных черт. Например,

Antoine Martin: *Bonjour Lattanzio <...> Quand je vous lis, je retrouve l'enthousiasme débordant des militants sarkozystes de l'époque. Mêmes éléments de langage, même absence de critique ou d'autocritique, et surtout, même agressivité normative. Et c'est harassant.* / «Здравствуйте, Lattanzio. <...> Читая Вас, я узнаю неудержимый энтузиазм борцов Саркози того времени. Те же речевые конструкции, то же отсутствие критики или самокритики и, в особенности, та же стандартная агрессивность. Это изнуряет».

Также тролль может указывать на некомпетентность оппонента в теме обсуждения или указание на лексико-грамматические ошибки. Например, в нижеследующем примере автор комментария подчеркивает то, что его собеседник недостаточно осведомлен, поскольку заявления Макрона являются противоположными.

Aloes: *Avant de se jeter sur votre tablette pour descendre Macron, que vous n'aimez pas, mieux vaut lire ou écouter, son propos était à l'inverse de vos affirmations!* / «Прежде чем ринуться к планшету, чтобы опустить нелюбимого вами Макрона, стоит лучше читать или слушать, его высказывание было противоположным вашим утверждениям».

В следующем примере автор указывает на наличие множества грамматических ошибок в речи собеседника.

Christelle Strub: *Veuillez à relire vos articles avant publication: les erreurs grammaticales piquent les yeux!* / «Будьте добры перечитывать свои статьи перед публикацией: грамматические ошибки режут глаза!»

В рамках субъектно-ориентированной техники также не исключены приемы иронии или сарказма, направленные в таком случае на самого адресанта-комментатора.

Bravo: *Emmanuel Macron a déjà fait plus de réformes en trois mois que ses prédécesseurs durant tout leur mandat ! On espère que cela clouera enfin le bec à tous les pisse-vinaigre qui souhaitent son échec et que surtout rien ne change !* Реплика-троллинг.

Tchoupi: *Vous n'utilisez jamais de vinaigre?*

Bravo надеется, что Макрон со своим реформаторским духом закроет рот (фр. разг. *Clouer le bec à qn*) всем занудам (фр. разг. *Pisse-vinaigre*), жаждущим его провала. Согласно этимологическому анализу слова *pisse-vinaigre*, оно образовано от двух слов – *pisse* и *vinaigre*, что позволило **Tchoupi** выразить свое несогласие посредством саркастического вопроса «Вы никогда не используете уксус?».

Встречается также элфинг, при котором один комментатор демонстрирует согласие с точкой зрения другого комментатора, подчеркивая его компетентность в данном вопросе, не дополняя при этом свой комментарий объективными сведениями по теме статьи.

Aloes: *+100 Merci pour votre commentaire qui témoigne que vous l'avez réellement écouté. Je partage votre analyse.* / «+100 Спасибо за ваш комментарий, подтверждающий, что вы действительно его слушали».

Таким образом, среди интернет-комментариев к новостной статье наряду с сообщениями пользователей, искренне желающих поделиться своей точкой зрения в сети, встречаются сообщения троллей, намеренно искажающих реальную картину событий и манипулирующих сознанием собеседников с целью вовлечения их в коммуникативную игру. Главное в данной игре не поддаваться психологической атаке тролля, не реагировать на его оскорбления и замечания, поскольку любая ответная реакция лишь подпитывает самолюбие тролля и ощущение своей значимости от процесса управления чужими эмоциями.

Примечания и список литературы

1. Агапова С. Г., Поляин А. В. Интернет-дискурс: основные жанры и особенности их исследования // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 4. С. 52–58; Ахренова Н. А. К вопросу о классификации видов дискурса: интернет-дискурс // Актуальные проблемы лингводидактики и теории языка: сб. науч. ст. препод. Коломна : Изд-во «МГОСГИ», 2012. С. 5–7.

2. Нелюбина Е. А., Амитрова М. В., Гусарова Ю. В. Языковые особенности интернет-дискурса // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4. С. 21–23.

3. Иванова Т. С. Речевое поведение интернет-общения // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 132–136.

4. Кошель П. В. Французский интернет-комментарий как речевой жанр // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2013. № 10 (670). С. 80–89; Абдуллина Л. Р. Эволюция жанра комментария: теоретический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 129–132.

5. Сальникова Т. С., Чекан Н. С. Троллинг как современный интернет-феномен // Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона: материалы Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, студентов. Тюмень : Изд-во «ТИУ», 2014. С. 220–221; Полонская С. Троллинг как вид кибер-агрессии // Молодежь и наука: реальность и будущее: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Невинномысск : Изд-во «НИЭУП», 2015. С. 513–515; Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2016. Т. 26. № 2. С. 109–116.

6. Там же. С. 112.

7. Булатова Е. И. Сетевые коммуникативные стратегии: троллинг // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 2 (31). С. 75.

8. Загидуллина М. В. Развитие интернет-троллинга и проблема «шума» в канале коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). С. 35.

9. Herring S., Job-Sluder K., Scheckler R., Barab S. Searching for safety online: managing «trolling» in a feminist forum // The information society. 2002. Vol. 18. P. 371–384.

10. Строителев Н. М., Сабурова Н. А. Происхождение и эволюция троллинга: от провокационного речевого поведения до субкультурного феномена // Ученые заметки ТОГУ. 2016. Т. 7. № 3–2. С. 105–108.

11. Les principales propositions d'Emmanuel Macron pour relancer le projet européen // Le Monde. URL : http://www.lemonde.fr/europe/article/2017/09/26/les-principales-propositions-d-emmanuel-macron-pour-relancer-le-projet-europeen_n_5191799_3214.html (дата обращения: 20.10.2017).

Notes and references

1. Agapova S. G., Poloyan A. V. *Internet-diskurs: osnovnye zhanry i osobennosti ih issledovaniya* [Internet discourse: genres and main features of their research] // *Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta* – News of Southern Federal University. Philological science. 2016, No. 4, pp. 52–58; Ahrenova N. A. *K voprosu o klassifikatsii vidov diskursa: internet-diskurs* [To the question on classification of types of discourse: discourse] // *Aktual'nye problemy lingvodidaktiki i teorii yazyka: sb. nauch. st. prepod.* – Actual problems of didactics and theory of language: coll. scient. art. of teacher. Kolomna. Publ. "MGOSGI". 2012. Pp. 5–7.

2. Nelyubina E. A., Amitrova M. V., Gusarova YU. V. *Yazykovye osobennosti internet#diskursa* [Linguistic peculiarities of the Internet discourse] // *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal* – Baltic journal of Humanities. 2014, No. 4, pp. 21–23.

3. Ivanova T. S. *Rechevoe povedenie internet-obshcheniya* [Verbal behaviour online communication] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie* – Herald of Adyghe State University. Ser. 2: Philology and history of art. 2011, No. 3, Pp. 132–136.

4. Koshel' P. V. *Francuzskij internet-kommentarij kak rechevoj zhanr* [French online review as a speech genre] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye nauki»* – Herald of Moscow State Linguistic University. Ser. "Humanities". 2013, № 10 (670), pp. 80–89; Abdullina L. R. *EHvolyuciya zhanra kommentariya: teoreticheskij aspekt* [Evolution of the comment genre: theoretical aspect] // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Chelyabinsk State University. 2014, No. 7 (336), pp. 129–132.

5. Sal'nikova T. S., CHekan N. S. *Trolling ka sovremennyy internet-fenomen* [Trolling as modern Internet phenomenon] // *CHelovecheskij i professional'nyj potencial molodezhi regiona: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. molodyh uchenyh, aspirantov, studentov* – Human and professional potential of the youth of the region: materials of all-Russia scientific pract. conf. of young scientists, postgraduates and students. Tyumen. Publishing house of the "TIU". 2014. Pp. 220–221; Polonskaya S. *Trolling kak vid kiber-agressii* [Trolling as a form of cyber aggression] // *Molodezh' i nauka: real'nost' i budushchee: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Youth and science: reality and future: materials of VIII Intern. scientific pract. conf. Nevinnomyssk. Publishing house "NEUP". 2015. Pp. 513–515; Voroncova T. A. *Trolling i flejming: rechevaya agressiya v internet-kommunikacii* [Trolling and flaming: verbal aggression in online communication] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. «Istoriya i filologiya»* – Herald of Udmurt University. Ser. "History and Philology". 2016, vol. 26, No. 2, pp. 109–116.

6. Ibid. P. 112.

7. Bulatova E. I. *Setevye kommunikativnye strategii: trolling* [Network communication strategy: trolling] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* – Herald of Saint Petersburg State University of Culture and Arts. 2017, No. 2 (31), p. 75.

8. Zagidullina M. V. *Razvitie internet-trollinga i problema «shuma» v kanale kommunikacii* [Development of Internet trolling and the problem of "noise" in the communication channel] // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Chelyabinsk State University. 2013, No. 31 (322), p. 35.

9. Herring S., Job-Sluder K., Scheckler R., Barab S. Searching for safety online: managing «trolling» in a feminist forum // The information society. 2002. Vol. 18. Pp. 371–384.

10. Stroitelev N. M., Saburova N. A. *Proiskhozhdenie i ehvolyuciya trollinga: ot provokacionnogo rechevogo povedeniya do subkul'turnogo fenomena* [Origin and evolution of trolling: provocative verbal behavior to sub-cultural phenomenon] // *Uchenye zametki TOGU* – Scientific notes of TOSU. 2016, vol. 7, No. 3–2, pp. 105–108.

11. Les principales propositions d'Emmanuel Macron pour relancer le projet européen // Le Monde. Available at: http://www.lemonde.fr/europe/article/2017/09/26/les-principales-propositions-d-emmanuel-macron-pour-relancer-le-projet-europeen_5191799_3214.html (date accessed: 20.10.2017).

Изучение семантики типичности: источники, методы, основные результаты

Трушков М. А.

аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: yoga-kirov@mail.ru

Аннотация: В статье представлен краткий обзор результатов, полученных автором в ходе изучения семантики типичности и средств её выражения в русском языке на материале словарей, Национального корпуса русского языка и языка Интернета и с опорой на лингвистические исследования по близкой проблематике. Семантика типичности рассматривается как модусная категория полевой структуры, центральным репрезентантом которой выступает лексема *типичный*. Сложность предмета исследования обуславливает применение целого комплекса как собственно лингвистических, так и экстралингвистических методов. Показывается, на каком этапе исследования и с помощью каких конкретных методов были получены те или иные результаты, какую роль они играют в достижении общей цели. Утверждается приоритетность системно-функционального подхода к анализу эмпирического материала.

Ключевые слова: семантика типичности, модусная категория, семантическое поле, методы лингвистических исследований, системно-функциональный подход, когнитивная интерпретация.

The study of the semantics of the typicality: sources, methods, results

Trushkov M. A.

graduate student, Department of Russian language, culture, language and methods of teaching, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: yogakirov@mail.ru

Abstract: The short review of the results received by the author during studying of semantics of typicalness and means of its expression in Russian on material of dictionaries, the National Case of Russian and language of the Internet and with a support on linguistic researches on a close perspective is presented in article. Semantics of typicalness is considered as modus category of field structure which central representantative is the lexeme *typical*. The complexity of an object of research causes application of the whole complex of actually linguistic and extralinguistic methods. It is shown at what investigation phase and by means of what methods have been received these or those results, what role they play in achievement of a common goal. The priority of systemic-functional approach to the analysis of empirical material is approved.

Keywords: semantics of typicalness, modus category, semantic field, methods of linguistic researches, systemic-functional approach, cognitive interpretation.

Предметом нашего исследования является семантика типичности и основные средства её выражения в русском языке. Семантика типичности является модусной (то есть в широком смысле оценочной, интерпретативной) категорией полевой структуры, в центре которой стоит концепт ТИПИЧНОЕ [1]. По словам Н. Н. Болдырева, «специфика формирования и организации модусных категорий заключается в том, что они объединяют определённые языковые средства на основе общности их концептуальной (интерпретирующей) функции» [2]. Это значит, что категория типичности имеет множество разнородных средств выражения, для изучения которых необходимо привлечь самый широкий круг источников и пользоваться соответствующими методами.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать основные источники языкового материала, методы, релевантные для изучения семантики типичности как модусной категории полевой структуры, и полученные в ходе применения этих методов результаты.

Нами изучен широкий круг научных работ, связанных с лингвистическим описанием семантических полей, концептов и категорий (работы Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюновой, Н. Н. Болдырева, А. В. Бондарко, Л. М. Васильева, В. И. Карасика, И. М. Кобозевой, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Е. В. Урысон, А. А. Уфимцевой, А. Д. Шмелёва, Д. Н. Шмелёва, Е. С. Яковлевой и др.). В результате анализа научной литературы мы пришли к тому убеждению, что для целей нашего исследования необходимо совмещение системно-функционального и лингвокогнитивного подходов с использованием отдельных методов психолингвистики и социолингвистики.

Суть системно-функционального подхода, как известно, состоит в описании единиц языка как элементов общей языковой системы, занимающих в этой системе иерархически закреплённое место (то есть относящихся к определённому уровню) и связанных с другими элементами системы парадигматическими и синтагматическими отношениями. В этих отношениях, а также в речевом употреблении анализируемых единиц выявляется их функциональное предназначение. Системно-функциональный анализ, основанный на осмыслении большого объёма эмпирического материала и сопровождающийся его статистической обработкой, представляет собой надёжную базу для лингвистически значимых выводов.

К методам, позволяющим реализовать системно-функциональный подход в рамках нашего исследования, относятся *дистрибутивный анализ*, то есть «классификация языковых единиц по их синтагматическим свойствам» [3]; *компонентный анализ*, задача которого – «определить семантическую структуру языковой единицы... а) выделить мельчайшие единицы её содержания и б) установить между ними закономерные связи и отношения» [4]; *оппозитивный анализ*, или «выявление путём сравнения языковых единиц их всевозможных... функционально значимых оппозиций в составе тех или иных парадигм» [5], *метод семантических полей*, основой которого являются «сравнение и идентификация языковых единиц (лексико-фразеологических и грамматических) по тем или иным компонентам их содержания» [6]; *метод контекстуального анализа*, позволяющий верифицировать смысл высказывания двумя путями: «первый путь – это путь контекстного уточнения значения элементов высказывания... второй – интерпретация смысла высказывания в зависимости от окружающего контекста» [7].

Дополнительную информацию о семантике изучаемых языковых единиц позволяет получить такой психолингвистический метод, как *метод ассоциативного эксперимента* (получение реакций испытуемых на предъявляемое слово-стимул), поскольку, как пишет Н. Ф. Алефиренко, «анализ ассоциативных связей слова позволяет обнаружить те глубинные схемы внутренних связей и отношений, которые складываются у человека через речь и мышление» [8].

Также для ряда случаев необходим анализ языкового материала в аспекте социолингвистики, а именно – выявление регионально-типических представлений о содержании той или иной единицы посредством методов *анкетирования, наблюдения, изучения документальных источников* [9].

Данные, полученные в ходе комплексного (лингвистического и междисциплинарного) описания, приобретут большую объяснительную силу, если применить к ним *метод когнитивной интерпретации*, то есть, по определению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков... с целью итогового моделирования содержания концепта» [10].

Далее покажем, каким образом и на каком этапе исследования данные методы могут быть (и во многом уже были) применены к нашему языковому материалу и какого рода значимая информация может быть получена в результате.

Поскольку центром семантической категории типичности является концепт ТИПИЧНОЕ, то изучение поля типичности необходимо начинать с анализа его ядерного репрезентанта – лексемы *типичный*.

Первым этапом такого анализа должно стать обращение к словарным толкованиям лексемы *типичный*, что позволит выявить её происхождение (этимологические словари, словари иностранных слов), словообразовательные связи (словообразовательные словари), значение и нормативную сочетаемость в современном русском языке (толковые словари), парадигматические отношения (словари синонимов и антонимов).

Данная работа была уже нами проделана. В результате мы установили, что относительное прилагательное *типичный* образовано от многозначного существительного *тип*, этимологически восходящего к греческому *typos* 'отпечаток, форма, образец'. Компонентный анализ значения лексемы и *типичный* и её синонимов (к которым, по данным соответствующих словарей, относятся лексические единицы *похожий, настоящий, нормальный, характерный, свойственный, классический, присущий, образцовый, сродный* и др.) выявил наличие таких сем, как 'характерность', 'общность', 'массовость', 'образцовость', 'стандартность', 'свойственность'. Оппозитивный анализ, проведённый с опорой на словари антонимов, показал, что значение лексемы *типичный* противоположно значению таких лексических единиц, как *необычный, своеобразный, нехарактерный, индивидуальный, нетипичный, уникальный, неординарный, экстраординарный, редкий, беспрецедентный, неожиданный* и др.

Однако изучение семантического поля не может быть построено только на кодифицированной информации, закреплённой в словарях. Обязательным является обращение к конкретному языково-

му материалу. Таким материалом для нас стали данные Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [11], включавшего на момент нашего обращения 2 121 документ, 2 743 вхождения по запросам *типичный, типичная, типичное*, а также данные Интернета – 350 примеров употребления лексемы *типичный*, извлечённых из социальной сети «ВКонтакте» [12]. Примеры реального употребления словоформ лексемы *типичный* были проанализированы с помощью дистрибутивного и контекстуального методов, что позволило нам получить ряд значимых результатов.

Так, были выявлены наиболее частотные объекты характеристики лексем *типичный, типичная, типичное*: *представитель* (87 употреблений), *случай* (47), *ситуация* (40), *картина* (29), *история* (28), *интеллигент* (21), *лицо* (20), *явление* (19), *семья* (17), *образчик* (11), *поведение* (11).

Также было установлено, что объекты характеристики специфичны для каждой из родовых форм прилагательного. Например, форма мужского рода чаще всего характеризует человека по профессии, роду деятельности и занятий; по качествам личности; по национальности и месту жительства (*типичный администратор, журналист, учитель; авантюрист, меланхолик, отличник; американец, горожанин, петербуржец* и т. д.). Форма женского рода обычно сочетается с названиями конкретных предметов или абстрактных процессов и понятий (*типичная деталь, конструкция, фигура; интерпретация, практика, реакция; логика, мораль, тактика* и т. д.). Форма среднего рода, как правило, сочетается с обозначениями отвлечённых действий и абстрактных понятий, в том числе качеств человека (*типичное браконьерство, выступление, подражание; начало, обстоятельство, отличие; дилетантство, пижонство, хамство* и т. д.).

Наряду со стандартной обнаружилась – прежде всего в языке Интернета – и нестандартная сочетаемость: с именами собственными (*Типичный Воронеж, Типичный Киров, Типичный МГУ, Типичный Стас, Типичный Есенин* и др.) и с номинациями, семантическими противоречащими представлениям о «типичности» (*Типичный творческий*). Анализ стандартной и нестандартной сочетаемости лексемы *типичный* см. в работах [13].

Выяснив особенности семантики и сочетаемости лексемы *типичный* по данным языка и речи, мы сочли необходимым дополнить характеристику результатами свободного ассоциативного эксперимента. Описание методики свободного ассоциативного эксперимента представлено, например, в статье Т. И. Зубковой «Психолингвистика» [14]. Целью эксперимента было выявить наиболее частые ассоциации на стимул «типичный». Испытуемым (в роли которых выступили студенты ВятГУ разных факультетов и курсов общим числом 103 человека) было предложено не раздумывая написать первые пришедшие на ум ассоциации на предъявленное слово-стимул *типичный*. Среди реакций есть повторяющиеся: *человек* (15), *обычный* (10), *обыкновенный* (5), *Киров* (4), *менеджер* (3), *мужчина* (3), *нетипичный* (3), *одинаковый* (3), *случай* (3), *студент* (3), *не отличающийся* (2), *обыденный* (2), *паблик* (2), *похожий* (2), *простой* (2), *скучный* (2), *я* (2). В целом среди реакций преобладают нарицательные обозначения лиц (ср. также *друг, интроверт, мальчик, мужчина, придурок, работник, учитель, ученик, хам, чиновник, школьник*). Также встречаются обозначения конкретных объектов (животных, предметов) и обобщённых ситуаций: *вариант, вид, кит, машина, ситуация, случай, ошибка, представитель, привет, пример, тип*. Реже всего среди существительных были названы отвлечённые и собирательные понятия (*брак, гопота, закутанность* (?), *мир, характер*). В целом существительные составили наибольшее количество реакций (31 лексема, 58 примеров). Также заметны среди реакций синонимы прилагательного *типичный* – кроме уже названных лексем *обычный, обыкновенный, одинаковый, не отличающийся, обыденный, похожий, простой*, к ним можно отнести слова *адекватный* (очевидно, в значении 'нормальный'), *аналогичный, вторичный, классический, общедоступный, однообразный, предсказуемый, скучный* и местоименную форму *такой же*. К прилагательным-антонимам отнесём лексемы *интересный* и *нетипичный*; также среди реакций отмечены два оценочных прилагательных – *плохой* и *ужасный*. Непонятно, в связи с чем было названо слово *уличный*. Всего среди реакций-прилагательных зафиксировано 17 лексем, 43 примера. Дважды встретилась реакция в виде местоимения *я*, что можно отнести к нестандартной сочетаемости изучаемого прилагательного. В целом данные ассоциативного эксперимента подтверждают сочетаемость прилагательного *типичный*, выявленную по данным НКРЯ.

Продолжением изучения лексемы *типичный* стал и ряд проведённых нами занятий со студентами-первокурсниками разных специальностей на тему «Хочу ли я быть типичным представителем своей профессии?». Мы ставили перед собой цель выяснить, какой оценочностью – положительной или отрицательной – обладает для носителей языка лексема *типичный*. Материалом исследования стали сочинения на указанную тему (62 работы), полученные от будущих журналистов, учителей русского языка и литературы, менеджеров. В целом выявлено неоднозначное отношение студентов к феноменам «типичного журналиста», «типичного учителя», «типичного менеджера»: мнения «за» и «против» «профессиональной типичности» разделились примерно в соотношении 50/50. Подробнее результаты этой части исследования освещаются в [15].

На определённом этапе работы мы также обратились к углублённому изучению понятий «типичный Кировский студент» и «Типичный Киров» (на материале речи жителей города Кирова и публичных страниц в социальной сети «ВКонтакте»). Используя применяемые в социолингвистике методы наблюдения над фактами речи, анкетирования, изучения документальных источников, мы пришли к выводу, что сочетания «типичный Кировский студент» и «Типичный Киров» обозначают явления, действительно имеющие определённую региональную специфику, – Кировские студенты несколько отличаются от студентов других вузов, как и сам город Киров отличается от других городов России. См. об этом подробнее в [16].

Изучение семантики типичности не может сводиться только к работе с её ядерным репрезентантом, поэтому с помощью методов компонентного, оппозитивного, дистрибутивного и контекстуального анализа мы на материале данных НКРЯ провели ряд изысканий сопоставительного характера, направленных на выявление сходств и отличий между лексемой *типичный* и её синонимами (*нормальный, образцовый*), ср. [17] и антонимами (*неуловимый* – мы считаем понятия «типичное» и «неуловимое» противопоставленными с точки зрения когнитивной категоризации), см. [18]. Ср. также [19] о соотношении значений слов *типичный* и *уникальный*.

На основе всех полученных данных и с помощью метода семантических полей мы попытались представить структуру семантического поля типичности в русском языке. Центр поля типичности занимает некий «типичный конкретный предмет», в роли которого, чаще всего, выступает человек (*типичный продавец, типичный кассир, типичный прагматик, типичный мошенник, типичный американец, типичный москвич* и др.). Затем следуют сочетания с абстрактными существительными (*типичная ангина, типичный капитализм, типичное вранье* и др.). На периферии располагаются сочетания с именами собственными (*типичный Стас, типичный Киров, типичный МГУ*), а также синонимы и антонимы лексемы *типичный* [20].

Работа по уточнению структуры поля типичности будет продолжена. Также нам ещё в основном предстоит когнитивная интерпретация полученных результатов. Пока можно говорить лишь о некоторых когнитивно значимых моментах. Так, несомненным является тот факт, что объект, называемый «типичным», признаётся за некий образцовый, прототипический образец при осуществлении категоризации, то есть мысленного распределения объектов по классам. Также можно утверждать, что объект характеризуется как типичный на основе чувственно (в первую очередь зрительно) воспринимаемых признаков. Главным «типичным объектом» восприятия выступает человек, что говорит о необходимости учитывать «типичные» признаки при лингвистическом описании образа человека или при рассмотрении человека как некоторого лингвокультурного типажа, ср. в связи с этим, напр. [21]. Нестандартная сочетаемость (*типичный + имя собственное*), развивающаяся прежде всего в языке Интернета, может быть связана не только с внутриязыковыми причинами (с чрезвычайно широкой сочетаемостью лексемы *типичный*, с процессами метонимического переноса), но и с особенностями самого Интернета как сферы коммуникации, с постоянной репликацией информации в Интернете и обесцениванием понятия уникальности, см. об этом [22].

Таким образом, исследование семантики типичности на основе массового эмпирического материала, извлечённого из источников разного рода, осуществляемое с помощью комбинации собственно лингвистических и экстралингвистических методов, позволяет получить результаты, значимые для антропоцентрически ориентированного изучения языка.

Примечания

1. Калинина Л. В., Трушков М. А. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 78–89.
2. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 15.
3. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. М. : Флинта : Наука, 2014. С. 361.
4. Там же. С. 375.
5. Васильев Л. М. Методы современной лингвистики. Уфа : Изд-во Башкир. ун-та, 1997. С. 41.
6. Там же. С. 49.
7. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. С. 29.
8. Алефиренко Н. Ф. Указ. соч. С. 170.
9. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. СПб. : ИЦ «Гуманит. акад.» : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2004. С. 91–92.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. С. 200.
11. Национальный корпус русского языка. URL : <http://www.ruscorpora.ru/>
12. ВКонтакте. URL : <https://vk.com/>

13. Калинина Л. В., Трушков М. А. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 78–89; Калинина Л. В., Трушков М. А. О причинах появления сочетаний «типичный + имя собственное» в современной речи // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : материалы XI Междунар. науч. конф. (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). Владимир : Транзит-ИКС, 2015. С. 179–183; Трушков М. А. Можно ли быть одновременно *типичным* и *творческим*? (к вопросу о сочетаемости лексемы *типичный*) // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. тр. Киров : Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2017. С. 83–89.

14. Зубкова Т. И. Психолингвистика // Прикладное языкознание. СПб. : Изд-во Санкт.-Петерб. ун-та, 1996. С. 245–267.

15. Трушков М. А. Языковой образ «типичного учителя» в оценке студентов-филологов // Весна-2015 : XIX студ. межвуз. науч. конф. Доклады и сообщения : в IV т. Т. I. Киров : Изд-во Киров. филиала МГЭИ, 2015. С. 87–91; Трушков М. А. Языковой образ «типичного менеджера» в оценке студентов факультета экономики и менеджмента // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии : сб. материалов XIII Всерос. науч. конф. молодых ученых 21–22 апреля 2016 года. Н. Новгород : Нижегород. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина, 2016. С. 333–337.

16. Трушков М. А. «Типичный студент» г. Кирова (по данным Интернета и социальных сетей) // Собираемый образ вятского студенчества. Ч. I / [науч. ред С. В. Чернова]. Киров : Изд-во ООО «Радуга-Пресс», 2015. С. 150–160; Трушков М. А. Лингвистический анализ содержания страницы «Типичный Киров» в социальной сети «ВКонтакте» // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. тр. Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2016. С. 183–190.

17. Трушков М. А. *Типичный и образцовый*: сходства и различия в семантике и функционировании лексем // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук : сб. материалов XVI Межрегион. науч.-практ. конф. 26 февраля 2016 г. Киров : Изд-во ООО «Веси», 2016. С. 68–79; Трушков М. А. *Типичный и нормальный*: опыт сопоставительного семантического анализа // Общество, наука, инновации : Всерос. ежегод. науч.-практ. конф. 18–29 апреля 2016 г. : сб. ст. Киров : Изд-во ВятГУ, 2016. С. 4865–4869.

18. Калинина Л. В., Трушков М. А. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 78–89.

19. Калинина Л. В. Средний класс и уникальная типичность // Калинина Л. В. Образ человека рубежа XX–XXI веков в зеркале языковых и социальных процессов. Киров : Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 52–59.

20. Трушков М. А. К вопросу об описании поля типичности в современном русском языке // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. тр. Киров : Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. С. 50–54.

21. Чернова С. В., Калинина Л. В. Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2(2). С. 8–14; Карасик В. И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. Г. Н. Маенако. Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2007. Вып. 5. С. 86–89.

22. Калинина Л. В. Вербальная конкуренция в пространстве Интернета: реклама, рерайт, репост // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 3. С. 80–88.

Notes and References

1. Kalinina L. V., Trushkov M. A. «*Tipichnoe*» i «*neulovimoe*» kak *modusnye kategorii yazyka* ["Typical" and "elusive" as a modus of language] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* – Questions of cognitive linguistics. 2017, No. 2, pp. 78–89.

2. Boldyrev N. N. *Yazykovye kategorii kak format znaniya* [Language categories as the format of knowledge] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* – Questions of cognitive linguistics. 2006, No. 2, pp. 15.

3. Alefirenko N. F. *Sovremennye problemy nauki o yazyke* [Modern problems of science about language]. M. Flinta: Nauka. 2014. P. 361.

4. Ibid. P. 375.

5. Vasil'ev L. M. *Metody sovremennoj lingvistiki* [Methods of modern linguistics]. Ufa. Publishing house of Bashkir University. 1997. P. 41.

6. Ibid. P. 49.

7. Kolshanskij G. V. *Kontekstnaya semantika* [Contextual semantics]. M. Publ. LKI. 2007. P. 29.

8. Alefirenko N. F. Op. cit. P. 170.

9. Vahtin N. B., Golovko E. V. *Sociolingvistika i sociologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. SPb. Publ. Center "Humanit. Acad.": Publ. of European University in Saint Petersburg. 2004. Pp. 91–92.

10. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. M. AST: Vostok – Zapad. 2007. P. 200.

11. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* – National corpus of the Russian language. Available at : <http://www.ruscorpora.ru/>

12. VKontakte. Available at : <https://vk.com/>

13. Kalinina L. V., Trushkov M. A. «*Tipichnoe*» i «*neulovimoe*» kak *modusnye kategorii yazyka* ["Typical" and "elusive" as a modus of language] // *oprosov kognitivnoj lingvistiki* – Questions of cognitive linguistics. 2017, No. 2, pp. 78–89; Kalinina L. V., Trushkov M. A. *O prichinah poyavleniya sochetanij "tipichnyj + imya sobstvennoe" v sovremennoj rechi* [On the causes of the appearance of combinations of "typical + proper name" in modern speech] // *Yazykovye kategorii i edinicy: sintagmaticheskij aspekt : materialy XI Mezhdunar. nauch. konf. (Vladimir, 29 sentyabrya – 1 oktyabrya 2015 goda)* – Language category and units: syntagmatic aspect: materials of the XI Intern. scientific Conf. (Vladimir, 29 September – 1 October 2015). Vladimir. TransitIKS. 2015. Pp. 179–183;

Trushkov M. A. *Mozhno li byt' odnovermenno tipichnym i tvorcheskim? (k voprosu o sochetaemosti leksemy tipichnyj)* [Is it possible to be both typical and creative? (the question of the compatibility of lexemes typical) // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst : mezhvuz. sb. nauch. tr.* – Semantics. Functioning. The text: interuniversity collection of scientific works]. Kirov. Publ. "RadugaPRESS" LTD. 2017. Pp. 83–89.

14. Zubkova T. I. *Psicholingvistika* [Psycholinguistics] // *Prikladnoe yazykoznanie – Applied linguistics*. SPb. Publ. of Saint. Peter. Univ. 1996. Pp. 245–267.

15. Trushkov M. A. *Yazykovej obraz «tipichnogo uchitelya» v ocenke studentov#filologov* [Linguistic image of the "typical teacher" in the evaluation of students philologists] // *Vesna#2015 : XIX stud. mezhvuz. nauch. konf. Doklady i soobshcheniya : v IV t.* – Spring2015: XIX stud. interuniversity scientific conf. Reports and presentations: in IV vol. Vol. I. Kirov. Publishing house of Kirov branch of MSEI. 2015. Pp. 87–91; Trushkov M. A. *Yazykovej obraz «tipichnogo menedzhera» v ocenke studentov fakul'teta ehkonomiki i menedzhmenta* [Linguistic image of the "typical Manager" in the assessment of students of the faculty of economics and management] // *Problemy yazykovej kartiny mira v sinhronii i diahronii : sb. materialov XIII Vseros. nauch. konf. molodyh uchenyh 21–22 aprelya 2016 goda – Problems of linguistic picture of the world in the synchrony and diachrony : proceedings of XIII all_Russia scientific conf. of young scientists, 21–22 April 2016*. N. Novgorod. Nizhny Novgorod State P. Univ. n.a. Kozma Minin. 2016. Pp. 333–337.

16. Trushkov M. A. *«Tipichnyj student» g. Kirova (po dannym Interneta i social'nyh setej)* ["Typical student" of Kirov (according to the Internet and social networks)] // *Sobiratel'nyj obraz vyatskogo studenchestva – Collective image of the Vyatka students. Part I / [scient. ed S. V. Chernov]*. Kirov. Publ. "RadugaPress" LTD. 2015. Pp. 150–160; Trushkov M. A. *Lingvisticheskij analiz sodержaniya stranicy «Tipichnyj Kirov» v social'noj seti «VKontakte»* [Linguistic analysis of the content of the page "Typical Kirov" in the social network "VKontakte"] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr.* – Semantics. Functioning. The text: interuniversity collection of scientific works. Kirov. Publ. "RadugaPress" LTD. 2016. Pp. 183–190.

17. Trushkov M. A. *Tipichnyj i obrazcovyj: skhodstva i razlichiya v semantike i funkcionirovanii leksem* [Typical and exemplary: the similarities and differences in the semantics and functioning of the lexemes] // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i ehkonomicheskikh nauk : sb. materialov XVI Mezhhregion. nauch.-prakt. konf. 26 fevralya 2016 g.* – Actual problems of humanitarian and economic sciences: proceedings of the XVI Interregion. scientific-pract. conf. February 26, 2016. Kirov. Publ. "Vesi" LTD. 2016. Pp. 68–79; Trushkov M. A. *Tipichnyj i normal'nyj: opyt sopostavitel'nogo semanticheskogo analiza* [Typical and normal: the experience of comparative analysis] // *Obshchestvo, nauka, innovacii : Vseros. ezhegod. nauch.-prakt. konf. 18–29 aprelya 2016 g. : sb. st.* – Society, science, innovation: all_Russia annual scientific pract. conf. 18–29, 2016: collection of articles. Kirov. Publishing house of Vyatgu. 2016. Pp. 4865–4869.

18. Kalinina L. V., Trushkov M. A. *«Tipichnoe» i «neulovimoe» kak modusnye kategorii yazyka* ["Typical" and "elusive" as a modus of language] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki – Questions of cognitive linguistics*. 2017, No. 2, pp. 78–89.

19. Kalinina L. V. *Srednij klass i unikal'naya tipichnost'* [Middle class and the unique typicality] // Kalinina L. V. *Obraz cheloveka rubezha XX–XXI vekov v zerkale yazykovyh i social'nyh processov* [Image of man at the turn of XX–XXI centuries in the mirror of language and social processes]. Kirov. Publ. "RadugaPress" LTD. 2013. Pp. 52–59.

20. Trushkov M. A. *K voprosu ob opisani polya tipichnosti v sovremennom russskom yazyke* [To the question about the description of the field of typicality in the modern Russian language] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst : mezhvuz. sb. nauch. tr.* – Semantics. Functioning. The text: interuniversity collection of scientific works. Kirov. Publ. "RadugaPress" LTD. 2015. Pp. 50–54.

21. Chernova S. V., Kalinina L. V. *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema* [Interpretation of the image of man as a linguistic problem] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State Humanities University*. 2010, No. 2(2), pp. 8–14; Karasik V. I. *Lingvokul'turnyj tipazh* [Linguo-cultural type] // *Yazyk. Tekst. Diskurs : nauch. al'namah Stavropol'skogo otd. RALC* – Language. Text. Discourse: scientific allamah of Stavropol dep. of RALC, ed. by G. N. Manaenko. Stavropol. Publishing house of Pyatigorsk State Linguistic University. 2007. Issue 5. Pp. 86–89.

22. Kalinina L. V. *Verbal'naya konkurenciya v prostranstve Interneta: reklama, rerajt, repost* [Verbal competition in the Internet space: advertising, rewrite, repost] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State Humanities University*. 2014, No. 3, pp. 80–88.

Корреляция иноязычных основ (на материале композитов с заимствованными основами *авиа-* и *аэро-*)

Дубкова Ю. С.

старший преподаватель кафедры методики обучения и иностранных языков,
Севастопольский государственный университет. 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: yulechka.dubkova@inbox.ru

Аннотация: В славянской дериватологии интенсивно изучается словообразовательная активность иноязычных элементов, восходящих к латинскому и древнегреческому источникам. Заимствованные основы *аэро-* и *авиа-* этимологически связаны и вносят в сложные слова, согласно лексикографическим источникам, однотипные значения. Близость семантики морфем *авиа-* и *аэро-* приводит к образованию тождественных по значению и употреблению композитов с общими постпозитивными основами. Однако в исследовании выявлено расширение сферы действия заимствованных основ *аэро-* и *авиа-*, которые находятся в состоянии сосуществования и конкурирования. Производные слова могут различаться частотностью употребления, при этом один из композитов может относиться к пассивному запасу языка. Сложения характеризуются семантико-прагматической дифференциацией, проявляющейся в виде сужения или расширения объема лексического значения, в несовпадающем семном наборе лексических значений при существовании интегральных сем, в закреплённости за разными сферами употребления.

Ключевые слова: заимствованные основы *авиа-* и *аэро-*, корреляция иноязычных основ композитов, семантико-прагматическая дифференциация композитов с заимствованными основами.

Correlation of foreign language foundations (on the material of the composites with borrowed basics *Avia* and *Aero*)

Dubkova Yu. S.

senior lecturer of the Department of methods of teaching foreign languages, Sevastopol State University.
33 Universitetskaya str., 299053 Sevastopol. E-mail: yulechka.dubkova@inbox.ru

Abstract: In Slavic derivatology the word forming activity of foreign language elements dates back to the Latin and Greek sources is under intensive studying. Borrowed fundamentals *aero-* and *avia-* are etymologically connected and bring to the compound words the same meaning, according to the lexicographical sources. The closeness of the semantics of the morphemes of *aero-* and *avia-* leads to the formation of identity in a meaning and uselessness of the composites with the common postpositive bases. However, the study revealed an expansion of the scope of the borrowed *aero-* and *avia-* bases, which are in a state of coexistence and competition. Derived words can differ in the frequency of the usage, while one of the composites can refer to the passive stock of the language. Additions characterized by a semantic pragmatic differentiation that manifests itself in the form of narrowing or widening of the lexical value. In a non-coinciding semantic set of lexical meanings, with the existence of integral semen, in the fixation behind different spheres of usage.

Keywords: borrowed *aero-* and *avia-* bases, correlation of the foreign composites, semantic pragmatic differentiation of the composites with borrowed basics.

Постановка проблемы. В результате заимствования постоянно пополняется международный лексический фонд. Однако, как отмечает Л. П. Крысин, для нашего времени характерно и формирование международного фонда словообразовательных морфем [1]. Словообразовательные ресурсы русского языка «демонстрируют не только пополнение, но и расширение сферы действия уже освоенных заимствованных основ и формантов, их дальнейшую семантико-прагматическую и функционально-стилистическую дифференциацию». Подавляющее большинство таких морфем восходит к латинскому и древнегреческому источникам.

В русистике и в украинистике интенсивно изучается словообразовательная активность иноязычных элементов, в частности основ (см. работы Е. К. Беспояско, Е. Г. Городенской, В. П. Григорьевой, Е. А. Карпиловской, Л. П. Кислюк, Н. Ф. Клименко, Е. И. Коряковцевой, Л. П. Крысина, Л. В. Рацибурской, Ю. В. Романюк, А. В. Чернецкой и др.). Отдельные иноязычные основы

были предметом специальных исследований: *-дром* (Е. В. Красильникова, А. В. Петров), *-рама* (В. В. Лопатин, И. С. Улукханов), *-бус*, *-визор*, *-мобиль*, *-тека*, *-трон* (Е. А. Земская), *-ман*, *-мания* (И. Б. Дягилева), *-томія* (А. Г. Плахонина). На материале украинского языка существует монографическое исследование о международных компонентах в составе термина (И. Н. Кочан). Как отмечает Л. Н. Засорина, «рост употребительности интернациональных компонентов сложных слов усиливает их самостоятельность, их деривационную силу. Одновременно создаются условия для объединения корневых морфем в сложных и простых словах, укрупняются деривационные гнезда, восходящие к одному истоку» [2].

Заемствование основ *аэро-* и *авиа-* из латинского и греческого языков произошло давно. Эти две основы этимологически связаны и вносят в сложные слова, согласно лексикографическим источникам, однотипные значения. Морфема *авиа-* (от лат. *avis* – птица) – первая составная часть сложных слов, по значению соответствующая 1) слову «авиационный», напр.: *авиабаза*, *авиадесант*; 2) слову «воздушный», напр.: *авиадесант*, *авиаразведка* [3]. Морфема *аэро-* (от греч. *αἴρος*, *аэрос*, воздух) – общепринятый корень в терминах, связанных с воздухом, воздухоплаванием. Первая составная часть сложных слов, по значению соответствующая: 1) слову «воздушный», напр.: *аэрогенный*, *аэрография*; 2) слову «авиационный», напр.: *аэродром*, *аэрофотосъемка* [4].

Исследователи отмечали сходство иноязычных знаменательных морфем с русскими корневыми морфемами или основами: «Так, можно говорить о синонимии морфем и основ *гидро-* и *водо-*; *фоно-* и *звуко-*; *библио-* и *книго-*; *авто-* и *само-*; *едино-*; *поли-* и *много-*; *псевдо-* и *лже-* и т. д.» [5] В то же время недостаточно констатировать синонимичность отношений между морфемами и основами, как исконными, так и заимствованными. Необходимо изучить функциональную нагрузку каждого словообразовательного ресурса, определить конкурентоспособность синонимичных морфем и основ. В настоящее время лингвисты только приступают к исследованию вопросов, направленных на изучение функционального соответствия между заимствованными морфемами и основами, а также семантико-стилистической дифференциации исконных и заимствованных словообразовательных средств. В этом направлении исследованы основы *-метр / -мер* (Н. В. Новикова), *-люб / -фил*, *-люб / -ман* (А. В. Петров), *-логия / -ведение* (А. В. Петров).

Так, Е. А. Карпиловская отмечала, что украинский и заимствованный ресурсы могут находиться в состоянии: 1) конкурирования; 2) мирного сосуществования в одном поле с разным семантико-прагматическим статусом в нем и 3) параллельного существования в языке благодаря распределению их по разным сферам функционирования [6]. На наш взгляд, Е. А. Карпиловская предложила универсальную матрицу, раскрывающую взаимодействие исконных и заимствованных словообразовательных ресурсов, которая также может отражать состояние синонимичных исконных и заимствованных морфем в отдельности.

В настоящем исследовании в качестве объекта были взяты композиты с заимствованными основами *авиа-* и *аэро-*, близкими по значению. Композиты, различаясь препозитивными компонентами, имеют тождественные постпозитивные основы и находятся в коррелятивных отношениях. Отдельной темой исследования является составление списка производных, не имеющих коррелятивных пар с тем или иным компонентом (например, в языке зафиксирован композит *аэрометотряд*, но отсутствует образование с *авиа-*).

Цель статьи – выявить семантико-прагматическую дифференциацию композитов с заимствованными основами *аэро-* и *авиа-* в русском языке.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие задачи:

1. Установить общее и различия в лексических значениях композитов, составляющих коррелятивные пары.
2. Определить сферу употребления производных.

Исследование проводится на основе «Нового словаря иностранных слов» Л. П. Крысина, словарных материалов «Новое в русской лексике», словарных материалов «Новые слова и значения 70-х», «Новые слова и значения 80-х», а также на базе интернет-источников.

А. Бурыкин писал, что «история слова *авиация* и иных слов с элементом *авиа-* в русском языке весьма тесно связана с историей терминов воздухоплавания и терминов естественных наук, содержащих словообразовательный элемент *аэро-*» [7]. Соотношение исконной основы *novitro-* и заимствованной основы *аэро-* в украинском языке исследовала Н. Ф. Клименко [8].

По мнению А. Бурыкина, исследовавшего терминологию воздухоплавания и авиации, относящуюся к периоду последней четверти XIX – первых пятнадцати лет XX в., «среди слов с элементом *авиа-* преобладают неологизмы, а среди слов с элементом *аэро-* – своего рода научные историзмы, относящиеся к предшествующим парадигмам естественных наук и превратившиеся в термины истории науки» [9].

Близость семантики морфем *авиа-* и *аэро-* приводит к образованию тождественных по значению и употреблению производных. Ср.: *авиабаза* – *аэробаза*, *авиашоу* – *аэрошоу*, *авиамадель* – *аэромодель*, *авиапассажир* – *аэропассажир*, *авиаэкспресс* – *аэроэкспресс*, *авиавыставка* – *аэровыставка*, *авиаучет* «подсчет численности птиц, животных, производимый с самолетов или вертолетов» – *аэроучет* и др.

Так, пары *авиабилет* – *аэробилет*, *авиадесант* – *аэродесант*, *авиалиния* – *аэролиния* являются синонимами: противочлены с компонентом *аэро-* используются в иноязычных источниках, в которых первая часть переводится с английского языка (*air* – эйр ‘воздух’).

В парах *авиаперелет* – *аэроперелет*, *авиарейс* – *аэрорейс*, *авиазавод* – *аэрозавод*, *авиабомба* – *аэробомба* корреляты с компонентом *аэро-* являются устаревшими. Однако противочлен *аэробомба* в последнее время развил новое значение – ‘салют или фейерверк’.

Интерес для исследования представляют коррелятивные пары, для которых характерна семантико-прагматическая дифференциация лексических значений.

Авиаразведка – аэроаразведка

Авиаразведка предусматривает обязательное участие людей в разведывательной операции, а *аэроаразведка* – это разведка с использованием также беспилотных самолетов (например, *экологическая аэроаразведка*). В производном с компонентом *аэро-* наблюдается расширение лексического значения.

Авиакомплекс – аэрокомплекс

Авиакомплексом является ‘группа предприятий, которая выпускает изделия авиационной техники’, *аэрокомплекс* определяется в лексикографических источниках как ‘совокупность аэродромных сооружений, служб и аэродрома’. Общее в паре – ‘связь с авиационной техникой, самолетами’.

Авиаопрыскивание – аэроопрыскивание

Авиаопрыскивание – авиационное опрыскивание, опрыскивание с самолета; *аэроопрыскивание* – опрыскивание с воздуха вертолетом.

Общее в паре – ‘опрыскивание с воздуха’, различаются производные видами использования техники в этом процессе.

Авиасалон – аэросалон

Авиасалон – ‘международная выставка новейших образцов авиационной техники (самолетов, вертолетов и др.)’; *аэросалон* – ‘выставка, на которой экспонируются самолеты’.

Общее в паре – ‘выставка авиационной техники’, различие состоит в том, что производное с *аэро-* относятся только к самолетам и к несовременным видам перемещения по воздуху, а производное с *авиа-* обозначает международную выставку новейших видов авиационной техники.

Авиасмесь – аэросмесь

Авиасмесь состоит в основном из газа, спирта и эфира, *аэросмесь* – это ‘однородная смесь топлива с воздухом’. Общими в лексических значениях композитов являются семы ‘топливо’, ‘для авиации’, дифференцируются производные по признаку ‘состав смеси’.

Авиаперевозки – аэроперевозки

Авиаперевозки – ‘способ транспортировки грузов и перевозки пассажиров при помощи воздушных судов’, а *аэроперевозки* определяются как ‘быстрый способ доставки грузов по воздуху’, т. е. в производном с компонентом *аэро-* наблюдается сужение лексического значения.

Авиапарк – аэропарк

Авиапарк – ‘авиационный парк, парк летательных аппаратов’. Лексема *авиапарк* используется в качестве названия крупнейшего в Европе торгового центра «ТЦ Авиапарк», и это значение является наиболее употребительным. *Аэропарк* – ‘клуб авиаторов-любителей’.

Авиалиния – аэролиния

Авиалиния – ‘воздушное пространство над поверхностью земли или воды в виде коридора установленной ширины, в пределах которого выполняются полеты самолетов и вертолетов по утвержденному маршруту’. Производное *аэролиния* употребляется только на иноязычных сайтах или в материалах о заграничных авиалиниях (например, Чешские аэролинии). Это связано с тем, что с английского *airlines* звучит как «ейрлайнз».

Авиаметод – аэрометод

В словаре-справочнике «Новые слова и значения 70-х» *аэрометод* толкуется как ‘метод исследования поверхности Земли и ее атмосферы с летательных аппаратов’; *авиаметод*, согласно контекстам, – это ‘метод, связанный с использованием авиации в сельском хозяйстве и в промысловых целях’: «При внесении удобрений, особенно *авиаметодом*, возможны их потери за счет сноса за пределы удобряемой площади». URL: http://udobrenia-szr.com.ua/index/mineralnye_udobrenija (дата обращения: 15.03.17).

Авиамагистраль – аэромагистраль

Производное *аэромагистраль* функционирует в фантастической литературе (например, в произведении А. Бербека «Крылья не для нас»), обозначает ‘специальную трассу для автомобилей’. Индекс частотности составляет пять контекстов. *Авиамагистраль* – это ‘авиалиния, играющая важную роль в осуществлении воздушных транспортных перевозок’. Таким образом, лексические единицы различаются семантикой ‘вид транспорта’ и ‘среда передвижения’ (по земле / по воздуху).

Авиатуризм – аэротуризм

Авиатуризм – ‘вид туризма, в основе которого лежат полеты на СЛА – сверхлегких летательных аппаратах – дельталетах, микросамолетах, паралетах, дельтапланах, парапланах, мотодельтапланах, мотопарапланах и др. (<http://komanda-k.ru>); *аэротуризм* – ‘является опасным и экстремальным видом активного отдыха, поскольку предполагает прыжки с парашютом или полеты на различных видах воздушного транспорта’. (<http://www.activerelex.ru/aeroturizm/>).

Композиты объединяются по признакам ‘вид туризма’, ‘полеты на различных видах воздушного транспорта’ и различаются семантическим наращением ‘прыжки с парашютом’.

Различаются сферой употребления следующие пары: *аэропорт* – *авиапорт* (употребляется чаще по отношению к военной авиации), *аэроэкспресс* (‘общее название скоростных маршрутов электропоездов, связывающих крупные города с аэропортами’) – *авиаэкспресс* (‘название фирм, компаний’); *авиакасса* (‘место приобретения и заказа билетов’) – *аэрокасса* (‘название фирмы, оказывающей услуги по Интернету’); *авиаудар* (‘нанесение удара с воздуха, сбрасывание бомб’) – *аэроудар* (используется в объяснениях к компьютерным играм, на сайтах игр и форумах), *авиафракт* (‘способ транспортировки тяжелых и негабаритных грузов, спецтехники с помощью воздушных судов’) – компания «*Аэрофракт*», осуществляющая перевозки грузов и пассажиров.

Компоненты *авиа-* и *аэро-* широко употребляются в названиях фирм, компаний, агентств и других заведений, а также в названиях различной продукции. Например: страховая компания «*Авиа*», авиакомпания «*Регион-Авиа*», турфирма «*Мик-Авиа*», «*Томск Авиа*», авиаперевозки «*Груз-Аэро*», компания «*Базэл Аэро*», компания «*Универсал-Аэро*» и др. В этих примерах *авиа-* и *аэро-* соответствуют прилагательному «воздушный» в значении ‘среда перемещения’.

В номинациях автозаправка «*Аэро*», природная питьевая вода «*Аэро*» (т. е. вода, насыщенная воздухом) *аэро* соответствуют прилагательному «воздушный» в значении ‘относящийся к газообразному веществу’.

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам. Композиты с заимствованными компонентами *авиа-* и *аэро-* могут существовать в языке параллельно с разным индексом частотности; один из композитов устаревает и относится к пассивному запасу языка; производные характеризуются семантико-прагматической дифференциацией, проявляющейся в виде сужения или расширения объема лексического значения, в несовпадающем семном наборе лексических значений при существовании интегральных сем, в закреплённости производных за разными сферами употребления.

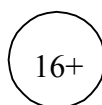
Примечания и список литературы

1. Крысин Л. П. Об интернационализации фонда словообразовательных морфем // Современное русское языкознание и лингводидактика : сб. науч. тр., посвящ. 85-летию со дня рождения академика РАН Н. М. Шанского. Вып. 2. М., 2007. С. 69.
2. Засорина Л. Н. Об активизации в русском словообразовании производных некоторых интернационализмов // Новые слова и словари новых слов. Л. : Наука, 1978. С. 126–135.
3. Плахоніна О. В. Ускладнення основ слів іншомовного походження в сучасній українській мові / О. В. Плахоніна // Слов'янський вісник. Вип. 5. Рівне, 2004. С. 191–195.
4. Там же.
5. Лопатин В. В., Улукханов И. С. О некоторых принципах морфемного анализа слов (К определению понятия сложного слова в современном русском языке) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXII. Вып. 3. М., 1963. С. 190–203.
6. Карпіловська Є. А. Семантико-прагматична диференціація словотворчих ресурсів мови: своє і засвоєне // Новые явления в славянском словообразовании : Система и функционирование. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 228–244.
7. Крысин Л. П. Указ. соч. С. 70.
8. Клименко Н. Ф. Аглютинативність в українському словотворенні // Українське мовознавство. Вип. 17. Київ, 1990. С. 96–104.
9. Крысин Л. П. Указ. соч. С. 72.

Notes and References

1. Krysin L. P. *Ob internacionalizacii fonda slovoobrazovatel'nyh morfem* [About the internationalization of fund of the derivational morphemes] // *Sovremennoe russkoe yazykoznanie i lingvodidaktika : sb. nauch. tr., posvyashch. 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAO N. M. Shanskogo* – Modern Russian linguistics and linguodidactics: collection of scientific works, dedicated to the 85th anniversary from the birthday of academician N. M. Shanskiy. Issue 2. M. 2007. P. 69.
2. Zazorina L. N. *Ob aktivizacii v russkom slovoobrazovanii proizvodnyh nekotoryh internacionalizmov* [On activation of derivatives of some internationalisms in Russian word formation] // *Novye slova i slovari novyh slov* – New words and the dictionaries of new words. Leningrad. Nauka. 1978. Pp. 126–135.
3. Plahonina O. V. Ускладнення основ слів іншомовного походження в сучасній українській мові / O. B. Плахоніна // *Слов'янський вісник*. Issue 5. Рівне. 2004. Pp. 191–195.
4. Ibid.
5. Lopatin V. V., Uluhanov I. S. *O nekotoryh principah morfemnogo analiza slov (Kopredeleniyu ponyatiya slozhnogo slova v sovremennom russkom yazyke)* [On some principles of morphemic analysis of words (To the definition of complex words in modern Russian)] // *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* – News of AS SSSR. The Department of literature and language. Vol. XXII. Issue 3. M. 1963. Pp. 190–203.
6. Karpilovs'ka E. A. Семантико-прагматична диференціація словотворчих ресурсів мови: своє і засвоєне // *Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii : Sistema i funkcionirovanie* – New phenomena in the Slavic word formation: System and functioning. M. Publ. of Mosk. University. 2010. Pp. 228–244.
7. Krysin L. P. Op. cit. P. 70.
8. Klimenko N. F. Аглютинативність в українському словотворенні // *Українське мовознавство*. Issue 17. Kiev. 1990. Pp. 96–104.
9. Krysin L. P. Op. cit. P. 72.

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 11 (2017)

Подписано в печать 30. 11.2017 г.
Дата выхода в свет 22.12.2017 г.
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 25. Тираж 200. Заказ № 4989.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36